ФОНД
поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности
«УНИВЕРСИТЕТ»

АССОЦИАЦИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

МОЛОДЕЖНАЯ АССОЦИАЦИЯ “ФИЛОСОФИИ ПРАВА”

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 40503

Журнал аккредитован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс по каталогу Агентства «Роспечать» – 71079

Электронная копия издания размещена в фондах Президентской библиотеки

Юридическая наука: история и современность

2016, № 8

Санкт-Петербург
2016

FOUNDATION
FOR SUPPORT OF SCIENCE AND EDUCATION IN THE AREA OF LAW
ENFORCEMENT ACTIVITIES
“UNIVERSITY”

ASSOCIATION OF THE PHILOSOPHY OF LAW SAINT-PETERSBURG

YOUTH ASSOCIATION PHILOSOPHY OF LAW

Journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere
of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).
Print publication registration certificate No. ФС 77 – 40503

Journal is accredited in the Russian Science Citation Index (RSCI)

Subscription index according to the catalog of Rospechat Agency – 71079

An electronic copy of publications available in the holdings of the Presidential Library

Legal science: history and the presence

2016, № 8

Saint-Petersburg
2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сальников В.П., главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Антонов И.А., начальник кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор (г. Краснодар, Россия)

Арзамаскин Н.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (г. Ульяновск, Россия)

Бекки Колер да Круз, доцент кафедры уголовного правосудия, координатор программы магистратуры в области уголовного правосудия, координатор программы «Закон & Общество». Армстронг Атлантик Университет Штата доктор права, доктор философии (США)

Боер В.М., декан юридического факультета Государственного университета аэрокосмического приборостроения, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации

Варыгин А.Н., профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Егоршин В.М., профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Захарцев С.И., профессор кафедры теории и истории государства и права Московского государственного университета технологии управления им. К.Г. Разумовского, доктор юридических наук (г. Москва, Россия)

Лукьянов В.В., начальник Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Санкт-Петербургу, заведующий кафедрой уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Майдар Батаев, доктор философии в юриспруденции «PhD», профессор Университета МВД Монголии (г. Улан-Батор, Монголия)

Рахимов М.З., директор Национального центра по законодательству при Президенте Республики Таджикистан, доктор юридических наук, профессор (г. Душанбе, Республика Таджикистан)

Стивен Хугланд, доктор, доцент уголовного правосудия Байнбридж колледж, Джорджия (США)

Томас Джурканин, доктор, доцент департамента уголовного правосудия, Университет штата Среднего Теннесси (США)

Хейонг Лим, доктор, доцент департамента уголовного правосудия, Университет штата Алабама в Бирмингеме (США)

Шутак И.Д., профессор кафедры теории и истории государства и права Ивано-Франковского университета права имени короля Данилы Галицкого (Украина), руководитель лаборатории академических исследований правового регулирования и юридической техники, доктор юридических наук, профессор (г. Ивано-Франковск, Украина)

Щендригин Е.Н., заведующий кафедрой конституционного и избирательного права Орловского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Орел, Россия)

Адрес редакции: 198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б.

Ответственность за достоверность сведений в опубликованных статьях несут авторы. Полная или частичная перепечатка материалов и использование их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

© Юридическая наука: история и современность, 2016
© Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2016

EDITORIAL TEAM

Sal'nikov V.P., Editor-in-Chief of the journal "Legal science: history and the present", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Antonov I.A., Chief of the Criminal Procedure Department of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor (Krasnodar, Russia)

Arzamaskin N.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Ulyanovsk State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Ulyanovsk, Russia)

Becky Kohler da Cruz, Associate Professor of Criminal Justice Department, Program Coordinator, Master of Science in Criminal Justice, Program Coordinator «Law & Society». Armstrong Atlantic State University, Doctor of Law, PhD (USA)

Boer V.M., Dean of the Department of Law of Saint-Petersburg State University of aerospace instrumentations, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation

Varygin A.N., Professor of the Department of Criminal and Criminal Executive Law of Saratov State Academy of Law, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saratov, Russia)

Egorshin V.M., Professor of the Department of operational-investigative activity of internal affairs of the St. Petersburg University of the Ministry of Interior of Russia, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Zakhartsev S. I., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the K.G. Razumovsky Moscow State University of Technology management, Doctor of Legal Sciences (Moskow, Russia)

Lukyanov V. V., Chief of Saint Petersburg Head Office of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Head of the Criminal Law Department of St. Petersburg State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Saint Petersburg, Russia)

Maidar Batayev, PhD in Law, Professor of the University of the Ministry of Internal Affairs of Mongolia (Ulan Bator, Mongolia)

Rakhimov M. Z., Director of the National Legislation Centre under the President of the Republic of Tajikistan, Doctor of Legal Sciences, Professor (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Steven Hougland, Doctor, Assistant Professor of Criminal Justice of Bainbridge College, Georgia (USA)

Thomas Jurkanin, Doctor, Assistant Professor of Criminal Justice Department, Middle Tennessee State University (USA)

Hyeyoung Lim, Doctor, Assistant Professor of the Department of Justice Sciences, University of Alabama at Birmingham (USA)

Shutak I. D., Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Ivano-Frankivsk University of Law named after the King Daniel of Galicia (Ukraine), Head of the Laboratory of academic researches in the area of legal regulation and legal technique, Doctor of Legal Sciences, Professor (Ivano-Frankivsk, Ukraine)

Schendrigin E. N., Head of the Department of Constitutional and Electoral Law of Orel State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Orel, Russia)

Editorial office address: 114, bldg. 1, Letter Б, Veteranov Ave., 198261, Saint Petersburg.

The authors are responsible for accuracy and reliability of the information in the published articles. Full or partial reprinting of materials and use of them in any form, including electronic media, is allowed only with the written permission of the editorial office of the journal.

© Legal science: history and the presence, 2016
© Foundation for support of science and education in the area of law enforcement activities «University», 2016

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сальников В.П., председатель редакционного совета журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Александров А.И., первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству; член бюро Президиума Ассоциации юристов России; заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (Москва, Россия)

Алекс-дель-Кармен, доктор, заведующий кафедрой и профессор департамента криминологии и уголовного правосудия, Университет Техаса в Арлингтоне (США)

Баранов В.М., помощник начальника Нижегородской академии МВД России по инновационному развитию научной деятельности; главный редактор ВАКовского журнала “Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России»; председатель докторского диссертационного совета Д-203.009.01 по специальностям 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09 по присуждению ученой степени доктора юридических наук, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Нижний Новгород, Россия)

Бондарь Н.С., Судья Конституционного Суда Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Василевич Г.А., заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета; председатель Конституционного суда Республики Беларусь (1997-2008 гг.); Генеральный прокурор Республики Беларусь (2008-2011 гг.); доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист республики Беларусь (Минск, Республика Беларусь)

Исмагилов Р.Ф., доктор юридических наук, профессор

Карташов В.Н., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Ярославль, Россия)

Козюбра Н.И., заведующий кафедрой общетеоретических и государственно-правовых наук Национального университета «Киево-Могилянская Академия»; судья Конституционного Суда Украины (1996-2003 г.г.), доктор юридических наук, профессор, академик, Заслуженный юрист Украины (г. Киев, Украина)

Майкл Болтон, доктор, профессор уголовного правосудия, Мэримаунт университет, Арлингтон, Вирджиния (США)

Молдабаев С.С., начальник Академии финансовой полиции Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор (г. Астана, Республика Казахстан)

Романовская В.Б., заведующая кафедрой теории и истории государства и права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор

Рональд Свон, доктор философии в юриспруденции «PhD», член редколлегии журнала «Западное уголовное правосудие»; член редколлегии журнала «Форум руководящих работников правоохранения» (США)

Степашин С.В., сопредседатель Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России»; председатель наблюдательного совета государственной корпорации – Фонда содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства; народный депутат РСФСР, Председатель Комитета Верховного Совета Российской Федерации по вопросам обороны и безопасности (1990 – 1993 гг.); первый заместитель Министра безопасности, Директор Федеральной службы контрразведки, Директор Федеральной службы безопасности, Министр юстиции, Министр внутренних дел России (1993 – 1998 гг.); Первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации – Министр внутренних дел, Председатель Правительства Российской Федерации (1999 год); депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, председатель Комиссии по борьбе с коррупцией (1999 г.); Председатель Счетной палаты Российской Федерации (2000-2013 гг.), доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, Почетный доктор Дипломатической Академии МИД (Москва, Россия)

Хабибулин А.Г., заведующий кафедрой финансовых и экономических расследований, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)

Экимов А.И., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, профессор кафедры теории и истории государства и права РУДН (Российский университет дружбы народов), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (Москва, Россия)

EDITORIAL BOARD

Sal'nikov V.P., Chairman of the editorial team of the journal "Legal science: history and the present", Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Aleksandrov A.I., Deputy Chairman of the Committee of The Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation for constitutional legislation, legal and judicial issues, development of civil society, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of St. Petersburg State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Alex del Carmen, Doctor, Head of a chair an Professor of the Department of Criminology and Criminal Justice, The University of Texas at Arlington (USA)

Baranov V.M., Assistant Chief of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for innovative development of research activities; Editor-in-Chief of the journal of the State Commission for Academic Degrees and Titles «Legal science and practice. Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation»; Chairman of Doctoral Dissertation Council Д-203.009.01 for disciplines 12.00.01, 12.00.08, 12.00.09 on award of the degree of Doctor of Legal Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Bondar' N.S., Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Jurist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russia)

Vasilevich G.A., Head of the Constitutional Law Department of the Belarusian State University; Chairman of the Constitutional Court of the Republic of Belarus (1997-2008); Prosecutor General of the Republic of Belarus (2008-2011); Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Republic of Belarus (Minsk, Republic of Belarus)

Ismagilov R.F., Doctor of Legal sciences, Professor

Kartashov V.N., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Yaroslavl Demidov State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Yaroslavl, Russia)

Kozyubra N.I., Head of the Department of General-Theoretical and State-Legal sciences of the National University of «Kyiv Mohyla Academy»; judge of the Constitutional Court of Ukraine (1996-2003), Doctor of Legal Sciences, Professor, Academician, Honored Jurist of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Michael Bolton, Doctor, Professor of Criminal Justice, Marymount University, Arlington, Virginia (USA)

Moldabayev S.S., Chief of the Academy of Financial Police of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Legal Sciences, Professor (Astana, Republic of Kazakhstan)

Romanovskaya V.B., Head of chair of the theory and history of state and law of N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Doctor of Legal sciences, Professor

Ronald Swan, PhD in Law, member of the editorial team of the journal «Western criminal justice»; member of the editorial team of the journal «Law Enforcement Executive Forum» (USA)

Stepashin S.V., Co-Chairman of the All-Russian public organization «Association of Lawyers of Russia»; Chairman of the supervisory board of the state-owned corporation – Support Fund for the Reform of the Housing and Utilities Sector; People's Deputy of the RSFSR, Chairman of the Committee of the Supreme Soviet of the Russian Federation for the Issues of Defence and Security (1990 – 1993); First Deputy Minister of Security, Director of Federal Counterintelligence Service, Director of Federal Security Service, Minister of Justice, Minister of Internal Affairs of Russia (1993 – 1998); First Deputy Chairman of the Government of the Russian Federation – Minister of Internal Affairs, Chairman of the Government of the Russian Federation (1999); Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Chairman of Anti-Corruption Commission (1999); Chairman of the Accounts Chamber of the Russian Federation (2000-2013), Doctor of Legal Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Honorary Doctor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Khabibulin A.G., Head of the Department of Financial and Economic Investigations, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Ekimov A.I., Head of the Department of Theory and History of State and Law of Plekhanov Russian University of Economics, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Будников Н.А., Сальников П.П., Силагин В.А., Горбачева Л.А. Нашему однокашнику, доктору юридических наук, профессору Виктору Петровичу Сальникову – юбилей 11

Агафонов Ю.А., Баранов П.П., Горожанин А.В., Гук А.И., Мухаметшин Ф.Б., Попов В.Л., Радько Т.Н., Румянцев Н.В., Синюков В.Н., Смагоринский Б.П., Тарасов М.М., Толкачев К.Б., Хабибулин А.Г., Харитонов А.Н., Чернов А.В., Числов А.И., Щендригин Е.Н. Педагогу, наставнику, коллеге, другу! К 70-летию Виктора Петровича Сальникова 13

Теория и история права и государства. История учений о праве и государстве

Шафиров В.М. Право: природа, генезис, эволюция 19

Ананских И.А., Романовская Л.Р., Кухнина Л.Ю. Новые подходы к классификации источников права 26

Конституционное и муниципальное право. Конституционный судебный процесс. Административное право и административная деятельность.

Бородин В.В., Васильева О.И. Проблемы совершенствования института «права граждан на самозащиту от посягательства на неприкосновенность жилища» в Российской Федерации 33

Абезгильдин Р.Р. Политические сети, институты гражданского общества и некоторые вопросы эффективности борьбы с коррупцией и экстремизмом 39

Гражданское и семейное право. Предпринимательское и международное частное право. Гражданский и арбитражный процесс

Дашин А.В., Сальников С.П. Современная отечественная юридическая наука и «обычное право» 49

Курбонзода Ш.Ш. Общая характеристика гражданско-правового регулирования медицинских услуг по трансплантации органов и тканей человека 60

Трудовое право и право социального обеспечения. Земельное, природоресурсное и аграрное право. Экологическое право и охрана окружающей среды. Корпоративное и энергетическое право. Информационное право. Законодательная деятельность и правоприменительный процесс

Присяжнюк Ю.П. О текстовых индикаторах правового анализа музыкального произведения 65

Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право. Уголовный процесс. Криминалистика, судебно-экспертная деятельность и оперативно-розыскная деятельность

Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-превентивная политика как элемент уголовной политики современной России 70

Кондрат И.Н. Система уголовной политики современной России и ее элементный состав 98

Марченко А.В. Уголовно-правовые и процессуальные аспекты выдачи (экстрадиции) 105

Филиппов А.Р. Некоторые вопросы, связанные с уровневым подходом к исследованию преступности несовершеннолетних 111

Иванищев А.В., Бакин А.А. Анализ способов и обстановки совершения преступлений, связанных с организацией либо содержанием притонов или систематическим предоставлением помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (СТ. 232 УК РФ) 119

Финансовое и бюджетное право. Банковское и валютное право. Налоговое право

Расулов Ф.М. Зарождение советского законодательства о финансовом контроле на территории Северного Таджикистана в период до национально-государственного размежевания (1917-1924 гг.) 128

Судебная и прокурорская деятельность. Правозащитная и правоохранительная деятельность. Адвокатура и нотариат

Сальников В.П., Кондрат Е.Н., Борисов О.С. Правовая основа и принципы деятельности войск национальной гвардии 136

Международные отношения и внешняя политика. Международное и европейское право. Иностранное право

Рахимзода Р.Х. Современный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» в республике Таджикистан как воплощение оперативно-розыскной политики по обеспечению законности, прав и свобод человека и гражданина 150

Косимов Ф.М. Постсоветский Таджикистан и особенности оперативно-розыскной деятельности 159

Философия права. Правовая культура и правосознание. Социология права и юридическая психология

Исмагилов Р.Ф. Сальников В.П. Право и справедливость: актуальность теоретико-правовой концепции 168

Колядин А.М. Политическая система как интегрированное выражение политики и власти 173

Раянов Ф.М. Фундаментальные основы современной философии права 184

Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Жизнь и смерть в аксиологическом восприятии 189

Информация для авторов 199

CONTENTS

Budnikov N.A. Our classmate, Doctor of Law, Professor Viktor Sal'nikov – anniversary 11
Sal'nikov P.P.
Silagin V.A. Gorbacheva L.A.

Agafonov Yu.A, Teacher, mentor, colleague, friend!
Baranov P.P., On the 70th anniversary of Viktor Petrovich Sal'nikov 14
Gorozhanin A.V.,
Guk A.I.. Muhametshin F.B., Popov V.L., Rad'ko T.N.,
Rumyantsev N.V., Sinyukov V.N., Smagorinsky B.P.,
Tarasov M.M., Tolkachev K.B., Khabibulin A.G.,
Kharitonov A.N., Chernov A.V., Chislov A.I., Schendrigin E.N.

Theory and history of law and state. History of law and state doctrines

Shafirov V.M. Law: nature, genesis, evolution 19

Ananskikh I.A. New approaches to the classification of sources of law 26
Romanovskaya L.R.
Kukhnina L.Yu.

Constitutional and municipal law. Constitutional litigation. Administrative law and administrative activities

Borodin V.V., Problems of perfection of institute «The right of citizens
Vasileva O.I. to defend themselves from attack on the inviolability
of the home "in the Russian Federation..... 33

Abezgildin R.R. Political network of civil society institutions and some questions of the effectiveness
of the fight against corruption and extremism 39

Civil and family law. Business and private international law. Civil and arbitration proceedings

Dashin A.V. Modern domestic jurisprudence and «common law» 49
Sal'nikov S.P.

Kurbonzoda Sh. Sh. General description of the civil law regulation of medical services
on transplant human organs and tissues..... 60

Labour relations law and law of social security. Land, natural resources and agrarian law. Environmental law and environment protection. Corporate and energy law. Information law. Legislation and enforcement process

Prisyazhnyuk Yu. P. About texts indicators of legal analysis of a musical work..... 65

Criminal law and criminology. Criminal executive law. Criminal procedure. Criminalistics, judicial expert and operational investigative activities

Sal'nikov V.P., Criminal-preventive policy as an element of the criminal policy of modern Russia..... 71
Zakhartzev S.I.,
Sal'nikov M.V.

Kondrat I.N. The system of criminal policy of modern Russia and its elemental composition..... 98

Marchenko A.V. Criminally-legal and procedural aspects of extradition 105

Filippov A.R. Some of the issues associated with level approach to the study of juvenile delinquency 111

Ivanishev A.V., Bakin A.A. The analysis of the methods and circumstances of commission of crimes related to the organization or maintenance of dens or systematic provision of premises for consumption of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues (art. 232 of the Criminal code) 119

Finance and budget law. Banking and monetary law. Tax law

Rasulov F.M. Origin of Soviet legislation on financial control in Northern Tajikistan in the period before the national-state demarcation (1917-1924) 128

Judicial and procuracy activities. Human rights and law-enforcement activities. Advocacy and notary system

Sal'nikov V.P., Kondrat E.N., Borisov O.S. Legal basis and principles of activity of National Guard troops 136

International relations and foreign policy. International and European law. Foreign law

Rakhimzoda R.Kh. Modern Law "On operative-investigative activities" in the Republic of Tajikistan as the embodiment of operatively-search policy to ensure the rule of law, human rights and freedoms 150

Kosimov F.M. Post-Soviet Tajikistan and features of operatively-search activity 159

Legal philosophy. Legal culture and legal consciousness. Sociology of law and legal psychology

Ismagilov R.F., Sal'ikov V.P. Law and Justice: relevance theoretical and legal concept 168

Kolyadin A.M. The political system as an integrated expression of politics and power 173

Rayanov F.M. The fundamentals of modern philosophy of law 184

Babadzhanov I.Kh., Sal'nikov M.V. Life and death in the axiological perception 189

Information for the authors 199

БУДНИКОВ Николай Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор
(г. Саратов, Россия)

САЛЬНИКОВ Павел Петрович,
доктор юридических наук, профессор,
генерал-лейтенант (г. Саратов, Россия)

СИЛАГИН Владимир Александрович,
доктор технических наук, профессор
(г. Саратов, Россия)

ГОРБАЧЕВА Людмила Александровна,
кандидат экономических наук, профессор
(г. Саратов, Россия)

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

НАШЕМУ ОДНОКАШНИКУ, ДОКТОРУ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРУ ВИКТОРУ ПЕТРОВИЧУ САЛЬНИКОВУ – ЮБИЛЕЙ

Аннотация. *Посвящается выдающемуся государственному и общественному деятелю, сыну и столпу Великой России, талантливому организатору и практическому исполнителю одного из важнейших направлений высшей школы – высшего профессионального юридического образования системы МВД страны, генералу-лейтенанту милиции, государственному советнику юстиции первого класса, профессору, доктору юридических наук, академику, Заслуженному деятелю науки РФ, Почетному работнику МВД, победителю международного конкурса «Человек года» в номинации «Юрист года 2001», вошедшему в международное издание Кембриджского университета «Выдающиеся люди XX века».*

Ключевые слова: *В.П. Сальников.*

BUDNIKOV N.A.
SAL'NIKOV P.P.
SILAGIN V.A.
GORBACHEVA L.A.

OUR CLASSMATE, DOCTOR OF LAW, PROFESSOR VIKTOR SAL'NIKOV – ANNIVERSARY

The summary. *Dedicated to the outstanding state and public figure, the son and the pillar of the Great Russian, a talented organizer and practical executor of one of the most important areas of high school – higher professional legal education system of the Interior Ministry, General-Lieutenant, State Counselor of Justice of the first class, Professor, Doctor of Law, Academician, Honored Scientist of Russia, honorary worker of the Ministry of Interior, the winner of the international contest "Man of the year" in the category "Lawyer of the year 2001" included in the international edition of the Cambridge University "Outstanding people of the XX century".*

Key words: *V.P. Sal'nikov.*

Глубоко и многоуважаемый, почтенный наш родной, дорогой и близкий коренной земляк, Колоярец, Виктор Петрович!

Все жители любимого Вами села Колояр – колоярской вольной житницы, жемчужины матери природы Вашей Родины – России, тихий и благословенной земли уголок, все поколения выпускников колоярской средней школы, где Вы учились познаниям мира и законам бытия, собравшихся на 140-летний юбилей школы со всех концов нашей необъятной Родины – Великой России.

Горячо и сердечно от всей души поздравляем Вас, Виктор Петрович, с прекрасным праздником – бриллиантовым 70-летним Юбилеем со дня рождения.

Все годы Вашей жизни были связаны со службой в органах внутренних дел. Вы зарекомендовали себя в высшей степени трудолюбивым и работоспособным сотрудником и руководителем – человеком совести, долга и чести. Возглавляемые Вами различные коллективы всегда успешно решали поставленные задачи, показывая высокий профессионализм, результативность, сплоченность и качество служебной деятельности.

В своей жизни и различной деятельности Вы всегда опирались на простых людей. Вас отличает порядочность, уважительное, доверительное, справедливое отношение к человеку в решении любых вопросов. Доброта, открытость души и сердца, верность долгу, высоким морально-нравственным принципам и договорным обязательствам – основное кредо всей жизни. Вы всегда со своими соратниками в авангарде совершенствования организации служебной, научной и преподавательской деятельности. Первым в системе МВД организовал и создавал в Санкт-Петербурге Университет с филиалами на северо-западе, юге и других частях России с численностью более 40 тысяч человек, в учебном заведении также были созданы структуры по обучению иностранных сотрудников правоохранительных органов. Наряду с подготовкой профессиональных кадров высокого уровня, в равной степени удалось воспитание у переменного состава высоких патриотических, морально-нравственных и этических качеств: любовь и верность к Родине – России, верность служебному долгу, уважительное и бережное отношение к истории и ее героям – историческим личностям, уважение к закону и правам человека. Большое внимание уделялось также воспитанию таких качеств проявления доброты – человеколюбия, справедливого и равного отношения к каждому гражданину независимо от социального и служебного положения.

Дорогой наш односельчанин, Виктор Петрович! Ваше беззаветное полувековое служение Родине – России в министерстве внутренних дел, в министерстве юстиции, в науке и в целом - жизни России снискало к Вам глубокое всестороннее признание и уважение. Вы дослужились до звания генерала-лейтенанта милиции, государственного советника юстиции первого класса, профессора, доктора юридических наук, академика, Заслуженного деятеля науки РФ, Вам присвоено звание Почетный работник МВД России, Вы более 10 лет входили в экспертный совет ВАКа, избирались вице-президентом Российского союза юристов, являетесь победителем международного конкурса «Человек года» в номинации «Юрист года 2001», Ваше имя включено в международное издание Кембриджского университета «Выдающиеся люди XX века».

Вы автор и редактор более 1000 научных и научно-методических работ, Ваши многие научные работы переведены на английский, немецкий, французский и другие иностранные языки. Под Вашим научным консультированием подготовлено более 20 докторов и более 200 кандидатов наук. У Вас сотни тысяч учеников, соратников и последователей, друзей и не только в ближнем, но и в дальнем зарубежье.

Дорогой наш Колоярец, родной и любимый коренной земляк, односельчанин, Виктор Петрович, наряду с праздничными юбилейными поздравлениями от чистого сердца, от всей души желаем Вам на многие, многие лета крепкого здоровья, доброго и постоянного личного счастья в детях, внуках, домашнего тепла и уюта, благополучия, уверенности в завтрашнем дне, успехов во всех делах и любимой науке, новых свершений на благо и процветание любимой нашей Родины – Великой России.

70 – не мало, 70 – не много,
В 70 открыта к мудрости дорога,
Не беда, что мелькают года,
И волосы от времени седеют,
Была бы молодой душа,
А души молодые не стареют.

С глубоким уважением, от всей души и сердца по поручению слета (в связи с 140-летним юбилеем школы) выпускников Колоярской средней школы и односельчан села Колояр.

ПЕДАГОГУ, НАСТАВНИКУ, КОЛЛЕГЕ, ДРУГУ!
К 70-ЛЕТИЮ ВИКТОРА ПЕТРОВИЧА САЛЬНИКОВА

АГАФОНОВ Юрий Александрович,
начальник Краснодарского университета МВД России (1994-2013), доктор философских наук, профессор, генерал-лейтенант полиции (г. Краснодар, Россия)

БАРАНОВ Павел Петрович,
начальник Ростовского юридического института МВД России (1996-2008), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный сотрудник МВД России, генерал-майор внутренней службы (г. Ростов-на-Дону, Россия)

ГОРОЖАНИН Александр Владимирович,
начальник Самарского юридического института ФСИН России (1994-2009), доктор юридических наук, профессор, генерал-майор внутренней службы (г. Самара, Россия)

ГУК Александр Иванович,
начальник Уральского юридического института МВД России (2004-настоящее время), кандидат философских наук, доцент, генерал-майор полиции (г. Екатеринбург, Россия)

МУХАМЕТШИН Фаим Баязитович
начальник Уфимского юридического института МВД России (2003-настоящее время), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Республики Башкортостан, генерал-майор полиции (г. Уфа, Россия)

ПОПОВ Владимир Леонидович,
начальник Калининградского юридического института МВД России (1993-2005), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, Заслуженный работник МВД СССР, генерал-майор милиции (г. Калининград, Россия)

РАДЬКО ТИМОФЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,
начальник Управления учебных заведений и научно-исследовательских учреждений МВД СССР и МВД России (1985-1993), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, генерал-майор внутренней службы (г. Москва, Россия)

РУМЯНЦЕВ Николай Викторович,
начальник Московского университета МВД России (2005-2014), доктор юридических наук, Почетный сотрудник МВД России, лауреат премии Правительства РФ в области образования, генерал-лейтенант полиции (г. Москва, Россия)

СИНЮКОВ Владимир Николаевич,
начальник Саратовского юридического института МВД России (2001-2008), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный сотрудник МВД России, генерал-майор милиции (г. Саратов, Россия)

СМАГОРИНСКИЙ Борис Павлович,
начальник Волгоградской академии МВД России (1997-2007). доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации,. Заслуженный юрист РФ, генерал-майор милиции (г. Волгоград, Россия)

ТАРАСОВ Михаил Михайлович,
начальник Санкт-Петербургского военного института внутренних войск МВД России (1996-2008 гг.), доктор педагогических наук, профессор, Почетный гражданин Красносельского района г. Санкт-Петербурга, генерал-майор (г. Санкт-Петербург, Россия)

ТОЛКАЧЕВ Константин Борисович,
начальник Уфимского юридического института МВД России (1996-2003), доктор юридических наук, профессор, Почетный сотрудник МВД России, Заслуженный юрист Российской Федерации и Республики Башкортостан, генерал-майор внутренней службы (г. Уфа, Россия)

ХАБИБУЛИН Алик Галимзянович,
начальник Академии экономической безопасности МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, генерал-лейтенант полиции (г. Москва, Россия)

ХАРИТОНОВ Александр Николаевич,
начальник Омской академии МВД России (1987-2003), доктор юридических наук, профессор, генерал-лейтенант милиции (г. Омск, Россия)

ЧЕРНОВ Анатолий Викторович,
начальник Восточно-Сибирского института МВД России (1993-2011), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, генерал-майор милиции (г. Иркутск, Россия)

ЧИСЛОВ Александр Иванович,
начальник Тюменского юридического института МВД России (1998-2011), доктор юридических наук, профессор, генерал-майор милиции (г. Тюмень, Россия)

ЩЕНДРИГИН Евгений Николаевич,
начальник Орловского юридического института МВД России (1992-2008), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, генерал-майор милиции (г. Орел, Россия)

Аннотация. *Юбилей доктора юридических наук, профессора, академика, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Почетного сотрудника органов внутренних дел, многолетнего члена экспертного совета ВАК, основателя и начальника Санкт-Петербургского университета МВД России генерал-лейтенанта милиции Виктора Петровича Сальникова.*

Ключевые слова: *Сальников В.П.; философия; юриспруденция; юридические науки; диссертационные советы.*

AGAFONOV Yu.A
BARANOV P.P.
GOROZHANIN A.V.
GUK A.I.
MUHAMETSHIN F.B.
POPOV V.L.
RAD'KO T.N.
RUMYANTSEV N.V.
SINYUKOV V.N.
SMAGORINSKY B.P.
TARASOV M.M.
TOLKACHEV K.B.
KHABIBULIN A.G.
KHARITONOV A.N.
CHERNOV A.V.
CHISLOV A.I.
SCHENDRIGIN E.N.

TEACHER, MENTOR, COLLEAGUE, FRIEND! ON THE 70th ANNIVERSARY OF VIKTOR PETROVICH SAL'NIKOV

The summary. *This article is dedicated to the 70th anniversary of Victor Petrovich Salnikov, doctor of law, professor, academician, distinguished scholar, honorary law enforcement officer, long serving member of the Supreme Attestation Committee's expert board, former head of IAM University in Saint Petersburg, retired police lieutenant-general.*

Key words: *Salnikov V.P.; philosophy; law; legal science.*

Министерство внутренних дел – не только правоохранительная структура. Как это на первый взгляд ни кажется парадоксальным, МВД – это крупнейшее в России образовательное и научное министерство. Оно объединяет в себе десятки различных учебных заведений, дающих высшее и среднее образование и даже присуждающих ученые степени.

Мы – авторы этого поздравления – длительное время работали и руководили (а некоторые и до сих пор руководят) вузами в системе МВД. Нас многое объединяет: служба Отечеству в одном министерстве, жизненный и педагогический опыт, любовь к науке и образованию.

Но нас объединяет и еще одно. Почти все мы защитили диссертации в Санкт-Петербургском университете МВД России, причем в то время, когда указанным вузом руководил Виктор

Петрович Сальников, некоторые из нас получили здесь и образование.

14 сентября 2016 года Виктору Петровичу исполняется 70 лет.

В.П. Сальников родился 14 сентября 1946 года в селе Колояр Вольского района Саратовской области. В 1973 году окончил Высшее политическое училище МВД СССР и в том же году – Всесоюзный юридический заочный институт. В 1968-1969 годах проходил службу в должности оперуполномоченного отдела БХСС г. Куйбышева. С 1969 по 1992 год служил в Высшем политическом училище МВД СССР, пройдя путь от слушателя до начальника кафедры уголовного и гражданского права. В 1992-1997 годах – заместитель начальника Санкт-Петербургского юридического института по научной работе. В 1997-1998 годах – заместитель начальника Санкт-Петербургской академии МВД России.

В 1998 году Правительством Российской Федерации было принято решение объединить несколько вузов МВД Северо-Западного региона в один – Санкт-Петербургский университет МВД России. Так было создано уникальное высшее учебное заведение, осуществлявшее подготовку научно-педагогических кадров, руководителей горрайорганов внутренних дел, сотрудников для следственных и оперативных подразделений, воспитательных аппаратов и подразделений психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел, финансово-экономических и контрольно-ревизионных подразделений МВД России, государственной противопожарной службы, других министерств и ведомств России. Здесь же готовились офицерские кадры для внутренних войск МВД России. Санкт-Петербургский университет МВД России стал самым крупным вузом в системе МВД.

Возглавить этот вновь созданный университет поручили одному из самых известных и авторитетных ученых в системе МВД и в целом России – Виктору Петровичу Сальникову.

За время руководства Санкт-Петербургским университетом МВД России В.П. Сальников превратил его в вуз, известный во всем мире. Санкт-Петербургский университет МВД России многие российские и зарубежные специалисты называли Центом российской правовой науки. И это соответствовало действительности. По подготовке и достижениям этот совсем молодой и причем ведомственный университет успешно конкурировал с юридическими факультетами МГУ и СПбГУ.

На базе университета В.П. Сальниковым было создано несколько диссертационных советов на соискание ученой степени доктора наук. Защищаться в этих советах было очень престижно и почетно. В.П. Сальников руководил несколькими диссертационными советами. Под его научным консультированием и руководством подготовлено около 500 докторских и кандидатских диссертаций. Среди них не только российские граждане, но и иностранные ученые, в том числе из США, Финляндии, Афганистана, Монголии, Йемена и других стран.

В.П. Сальников прославился своими научными достижениями. Он автор и редактор более тысячи научных и учебно-методических работ. Его книги были переведены на английский, немецкий, французский, другие языки, получили признание за рубежом. В настоящее время в мире едва ли найдется библиотека, в которой нет хотя бы одной книги В.П. Сальникова! Они представлены в библиотеках престижнейших университетов США, Великобритании, Франции, Германии, Израиля, Китая, Монголии, всех государств СНГ, они имеются даже на Кубе и Кипре. Их изучают, по ним учатся, их используют в работе миллионы человек! Академики В.Н. Кудрявцев и В.А. Туманов назвали его отцом правовой культуры. Именно он впервые в Советском Союзе поднял на уровень диссертационных исследований проблемы теории и методологии правовой культуры, обосновал правовую культурологию [38; 39]. Отцом российской правовой культуры сейчас называют В.П. Сальникова почти все.

В настоящее время В.П. Сальников по рейтингам и индексу Хирша занимает первое место по цитируемости его научных трудов среди всех юристов России (на сегодняшний момент в системе РИНЦ зарегистрировано 27830 ученых-юристов)! Имеет уникальный индекс цитируемости трудов – 60!

Авторитет ученого всегда непроизвольно оформляется его официальным признанием. В.П. Сальников является доктором юридических наук, профессором, вице-президентом Российского союза юристов, вице-президентом Российской академии юридических наук, вице-президентом Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка, академиком

Российской академии естественных наук, академиком Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, академиком Международной академии акмеологических наук, академиком Национальной академии ювенологии, академиком Санкт-Петербургской инженерной академии, член-корреспондентом Российской академии ракетных и артиллерийских наук. В.П. Сальников – победитель международного конкурса «Человек года» в номинации «Юрист года- 2001». Включен в международное издание Кембриджского университета «Выдающиеся люди XX века».

В.П. Сальников, кроме того, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник МВД России, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, генерал-лейтенант милиции, награжден государственными наградами.

Таким же ярким Виктор Петрович является не только в науке, но и в жизни. Он очень добрый, отзывчивый человек, искренне любящий людей. Уметь не злиться на людей, относиться к ним с пониманием и любовью – это основа доброты. И именно доброту Виктора Петровича сумели ощутить на себе все его друзья, знакомые, сослуживцы, подчиненные. Даже будучи всемирно известным ученым и начальником университета, доступ в его приемную был открыт всем.

В 2015 году о В.П. Сальникове вышла объемная книга, которую так и назвали «Формула доброты» [32]. Делать людям добро – главное кредо жизни Виктора Петровича.

Юбиляр, помимо того, отличный друг. Он умеет дружить по-настоящему: искренне, открыто, без камня за пазухой. Все близкие люди знают, насколько он является надежным человеком, что в настоящее время, увы, не часто бывает.

Виктор Петрович также является прекрасным семьянином, отцом известного ученого, доктора юридических наук, профессора М.В. Сальникова, и воспитателем пятерых внуков.

Свои 70 лет юбиляр встречает на пике своей научной активности. Он совместно с С.И. Захарцевым создал и разрабатывает компрехендную теорию права – новую теорию права [2; 5; 7; 19; 23; 24; 25], получившую широкую известность в России и за рубежом [31; 33; 34; 35; 44]. Помимо этого, за крайние пять лет В.П. Сальников и С.И. Захарцев сформулировали критерии правового прогресса [11; 16; 17; 42]; определили новые типы проявлений профессиональной деформации в отдельных профессиях (в том числе у юристов, преподавателей, оперативных сотрудников спецслужб) [20]; показали проявления бессмысленности и глупости в праве [12; 14; 15]; установили особенности правовой ментальности и правового нигилизма россиян [18]; исследовали теорию конвергенции государственно-правовых систем [8; 10; 26] и оперативно-розыскную политику [1; 3; 4; 6; 9; 13; 27; 28; 29; 30; 41]. Для философии – сформулировали и продолжают разрабатывать проблему становления личности ученого и его научных позиций [21; 40], а также гипотезу катаклизмов и круговорота жизни на Земле [22]. Указанные и другие абсолютно новые вопросы для науки и философии тоже не остались без внимания широкой научной общественности [36; 37; 43].

Как ученому, мы желаем Виктору Петровичу новых научных достижений, а как человеку – долгих лет жизни, здоровья и большой удачи в делах!

Список литературы

1. Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (Правовой анализ) / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб., 2005. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
2. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – М., 2014.
3. Захарцев С.И., Сальников В.П. Вненаучное знание в оперативно-розыскной деятельности // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 193-199.
4. Захарцев С.И., Сальников В.П. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовному делу: перспективы законодательной регламентации // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С 90-93.. – в сб. 243 с.

5. Захарцев С.И., Сальников В.П. Как познать право? Мы предлагаем компрехендный подход // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 17-30.
6. Захарцев С.И., Сальников В.П. Когда ученому есть что сказать.(Рецензия на книгу «Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскная наука в Российской Федерации: Моногр. / А.Ю. Шумилов. В 3 Т. М.: ИД ШУМИЛОВОЙ И.И.., 2013. Т. 1.: Оперативно-розыскная деятельность и формирование науки о ней. – 455 с. (Теория и практика профессионального сыска)») // Оперативник (сыщик). – 2015. – № 1(42). – С 67-69.
7. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория познания права // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 11-26.
8. Захарцев С.И., Сальников В.П. Конвергенция в праве, русская ментальность и психология нищенства: философская и философско-правовая проблема // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 166-179.
9. Захарцев С.И., Сальников В.П. Конституционные права человека в России и допустимость их ограничения в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий на каналах связи // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С 84-89. – в сб. 243 с.
10. Захарцев С.И., Сальников В.П. О конвергенции уголовно-процессуального права России и зарубежных государств // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 2(19). – С. 29-33.
11. Захарцев С.И., Сальников В.П. О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С 113-121.
12. Захарцев С.И., Сальников В.П. О разумности и бессмысленности права // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2016. – № 4(94).
13. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная экономика и оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 11-15.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право без смысла // Защита и безопасность. – 2016. – № 3. – С. 24-25.
15. Захарцев С.И., Сальников В.П. Право: разумность и бессмысленность // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 17-22.
16. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс и ценности права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 17-31.
17. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 13-30.
18. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 11-29.
19. Захарцев С.И., Сальников В.П. Предлагаем Вашему вниманию компрехендную теорию познания права // Мир политики и социологии. – 2016. – № 3. – С. 170-183.
20. Захарцев С.И., Сальников В.П. Профессиональная деформация правосознания ученых-юристов: некоторые размышления по итогам исследования // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 11. – С. 172-180.
21. Захарцев С.И., Сальников В.П. Становление личности ученого и его научные позиции: взаимосвязь и взаимозависимость // Мир политики и социологии. – 2016. – № 2. – С. 11-17.
22. Захарцев С.И., Сальников В.П. Тезисно о философских проблемах познания Вселенной и Земли // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 10. – С. 171-180.
23. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с.
24. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что есть компрехендная теория права? // Юридическая наука. – 2016. – № 3. – С. 5-9.
25. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 2(40). – С. 14-22.
26. Захарцев С.И., Сальников В.П. Этические проблемы в юридической науке и конвергенция // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 5(22). – С. 9-15.
27. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М., 2015. – 400 с.
28. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография. – СПб., 2006. – Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности» / МВД России, С.-Петерб. ун-т.
29. Захарцев С.И., Кирюшкина Н.О., Сальников В.П. История взаимодействия криминалистических и оперативно-розыскных знаний // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 11. – С. 186-194.
30. Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Снятие информации с технических каналов связи: правовые вопросы / Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности

жизнедеятельности; под общей редакцией В.П. Сальникова. – СПб., 2004. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
31. Керимов Д.А. В развитие дискуссии о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 68-75.
32. Лапина Н.В., Моргунов В.Я. Формула доброты: Документально-художественная книга. – М.; СПб.: Фонд «Университет», 2015. – 468 с. + 64 илл.
33. Масленников Д.В., Степашин С.В. Философия права и компрехендная теория права. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» М.: Юрлитинформ, 2015. 264 с. // Юридическая наука. – 2016. – № 5.
34. Покровский И.Ф., Гук А.И. Когда философия и право снова вместе. Рецензия на монографию С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / Под ред. В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с. // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 184-190.
35. Покровский И.Ф., Исмагилов Р.Ф., Гук А.И. Действительно, философия и право снова вместе в исследовании современных научных мыслителей. Некоторые идеи по поводу рецензии Д.А. Керимова и монографии С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука». – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с. // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 196-200.
36. Рохлин В.И. Фундаментальный труд по ОРД. Рецензия на монографию Захарцева С.И., Игнащенкова Ю.Ю. и Сальникова В.П. «Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке» // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 151-156.
37. Рохлин В.И. Фундаментальная книга о настоящем и будущем оперативно-розыскной деятельности. Рецензия на монографию С.И. Захарцева, Ю.Ю. Игнащенкова и В.П. Сальникова «Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке» (М.: Норма, 2015. – 400 с.) // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 4 (21). – С. 373-377.
38. Сальников В.П. Правовая культура и поведение советских граждан: Дис. … канд. юрид. наук. – Л., 1980.
39. Сальников В.П. Правовая культура: теоретико-методологический аспект: Дис. … докт. юрид. наук. – Л., 1990.
40. Захарцев С.И., Сальников В.П. Роль биографии ученого в формировании его жизненной позиции, мировоззрения и методологии // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2016. – № 2. – С. 144-149.
41. Сальников В.П., Захарцев С.И. Тезисно об актуальных проблемах науки оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). – 2015. – № 1(42). – С. 35-37.
42. Сальников В.П., Романовская В.Б., Фомичев М.Н. Право и научно-технический прогресс: вместе или отдельно // Мир политики и социологии. – 2016. – № 2. – С. 175-193.
43. Степашин С.В., Егоршин В.М. Книга, опередившая время. Рецензия на монографию Захарцева С.И., Игнащенкова Ю.Ю. и Сальникова В.П. «Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке» (М.: Норма, 2015. – 400 с.) // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 119-125.
44. Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р. Рецензия на книгу С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / Под ред. В.П. Сальникова. – М.: Норма, 2014. – 208 с. // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 203-209.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА. ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

ШАФИРОВ Владимир Моисеевич,
главный научный сотрудник отдела теории и истории права и судебной власти, профессор кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (г. Москва, Россия)
E-mail: ashafirov@gmail.com

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ПРАВО: ПРИРОДА, ГЕНЕЗИС, ЭВОЛЮЦИЯ

Аннотация. *Обосновывается бинарный (двойной) характер природы права, раскрываются особенности его возникновения и развития. Следуя логике человеческого измерения, автор выделяет и исследует три ступени в эволюции права: естественное право, позитивное право, естественно-позитивное право. Современное право является естественно-позитивным.*

Ключевые слова: *антропология права; бинарность природы права; права человека; естественное право; позитивное право; естественно-позитивное право.*

SHAFIROV V.M.

LAW: NATURE, GENESIS, EVOLUTION

The summary. *In this article binary of legal nature is substantiated, peculiarities of its origin and development are shown. Conforming to the logic of human measuring, the author distinguishes and investigates three stages in the evolution of law: natural law, positive law, natural – positive law. Contemporary law is considered to be natural-positive one.*

Key words: *anthropology of law; binary of legal nature; peoples` rights; natural law; positive law; natural-positive law.*

Право есть сложное социальное явление, многие проблемы которого до сих пор остаются недостаточно разработанными. Возникла необходимость сменить приоритеты в раскрытии целого ряда вопросов, и прежде всего: о природе, генезисе, эволюции права. И здесь невозможно обойтись без достижений в области антропологии права. Юридическая антропология – система научных знаний, раскрывающих взаимосвязь человека и права, особенности правовой жизни отдельного индивидуума и общества в целом. Другими словами, человек в правовой системе – главный объект изучения юридической антропологии. Важно и то, что данная наука исследует правое положение человека на разных этапах общественной истории – от древности до наших дней.

Распространено мнение, что право имеет

политическую природу. Оно всегда формируется при непременном участии государства, устанавливается либо санкционируется государством. Государство выступает единственным источником права. Представляется – это односторонний подход. Он вытекает из теории позитивного права, ее важнейшего направления – нормативной школы правопонимания. В данной теории личности отводится малозаметная, приниженная роль. Это исказило природу, сущность права, затенило положительные стороны самой нормативной теории.

С позиции теории естественно-позитивного права [7] изначально право не имеет политической (государственной) природы. Сущность права обусловлена природой человека, его потребностью к свободе, самоопределению. Это объясняется следующим.

Возникновение права – закономерный, естественно-исторический процесс, связанный с переходом человечества от первобытного (родового) общества на новую более высокую ступень социального развития. Родовой строй – самая первая, низшая, наиболее примитивная форма организации общежития людей. Его жизнеспособность в силу известных причин поддерживалась коллективным трудом, совместной собственностью, уравнительным распределением. Человек был вне общины – ничто. Он не только не помышлял о выделении из общества, но и не осознавал самого себя его членом, своё «я», свою личность. Не было и не могло быть у него и обособленных от коллектива социальных потребностей и интересов. В своем сознании и своей деятельности человек отождествлял себя с родом, и всё сделанное им воспринималось как сделанное родом. Поглощение личного, общественным предопределяет важнейшую особенность нормативного регулирования при первобытности. Нормы поведения того времени, зарождающиеся и существующие прежде всего как запреты, были направлены на обеспечение господства «целого», его приоритета над личным (да так, чтобы человек, как автономная личность, по существу не выделялся, не обособлялся от целого) [1, стр. 34].

Отношения, построенные на подчинении человека коллективу, характерны в целом для всего первобытного общества. Однако, нельзя не видеть различие между, например, раннеродовой и позднеродовой общинами. «Если в начале жизнь и деятельность отдельных лиц, – писал выдающийся русский философ В.С. Соловьев, – вполне определялась историческим бытом народа как целого и представляла в своем корне лишь произведение тех условий, которые органически выработались народной историей, то с дальнейшим развитием, наоборот, сама история всё более и более определяется свободной деятельностью отдельных лиц и весь народный быт становится все более и более лишь осуществлением этой личной деятельности... Стремление личности к самоутверждению и к полнейшему высвобождению из первобытного единства родовой жизни остается фактом всеобщим и несомненным» [5, стр. 91-92].

Нарождающаяся в позднеродовой период личность с её устремлением к свободе и независимости уже не вписывается в модель «род-человек», имеющую для первобытного общественного сознания свой, довольно однозначный коллективистский вид. Отсюда родоплеменной строй прекращает свое существование там и тогда, где и когда становится объективно и субъективно возможной самостоятельная, обособленная от общины жизнь людей, преследующих свои личные (частные) интересы, коренным образом отличающиеся от всеобщих коллективистских. Родовая организация общества, сыграв свою необходимую роль в становлении человечества, уходит с исторической арены. На смену ей приходит эра, получившая название «цивилизация» (от латинского civis – гражданин), где ведущее положение занимает свободная, реализующая и свои собственные интересы личность.

Превращение человека из просто члена родоплеменного коллектива в активного преобразователя, сознательного творца своего и общественного бытия, существенно трансформирует содержание нормативного регулирования. Появляются социальные нормы, которые «...основываются в первую очередь на представлении гарантированных обществом мер возможной деятельности, свободы пользования соответствующими социальными благами, на установлении определенного круга прав личности...» [8, стр. 13]. Так рождается право. Именно как право: оно не запрещает и ограничивает, а предоставляет права, свободу выбора и деятельности, благодаря чему процесс обретения человеком качеств автономной личности становится необратимым.

Итак, возникновение права обусловлено

природой человека, его потребностью к свободе, самоопределению. Свобода, в свою очередь, выражается в правах и свободах. Поэтому основное, глубинное в праве – права и свободы человека. Свободная человеческая личность также невозможна без прав и свобод, как без сердца, нервной системы, легких и т.п. Вот почему право (права и свободы) не навязано и не могло быть навязано никем извне. Формирование правовых свойств индивида – объективный, необходимый достаточно сложный и длительный процесс. При познании, овладении правом изменяется многовековой привычный жизненный коллективистский уклад, где «Я» и «Мы» – нераздельны. Правовые способности личности, напротив, появляются вместе с утверждением частного интереса, частной собственности, разграничением индивидуального и коллективного. Поступать по праву – означает в первую очередь поступать по своему желанию, в личных интересах, по своему усмотрению. Сказанное позволяет утверждать, что процесс возникновения права происходил не только под воздействием экономических, нравственных законов, но законов самого права.

Объективный характер законов самого права предопределен следующими обстоятельствами:

- обусловленностью права природой человека; каждый человек – правовая личность;
- основой жизнедеятельности человека являются потребности быть самим собой, в свободе выбора и деятельности, в справедливых взаимоотношениях с себе подобными.

Таким образом, первая ступень (догосударственная) становления права как свободы – *естественное право* или естественные и неотчуждаемые права человека. Их открытие, выявление, обусловленное самым ходом развития общества, происходило в процессе осознания человеком себя личностью, своего места среди других людей, потребности в индивидуальной свободе, частной собственности, личной выгоде и т.п. Осознание нужды в правах опиралось на практический опыт, показавший наиболее зрелым, подготовленным и активным людям преимущества построенного на свободе усмотрения, независимого автономного поведения, при сохранении баланса интересов с себе подобными индивидами.

Проверенные опытом в догосударственную эпоху представления об естественных правах и сложившиеся на их основе правила во многом возникали стихийно, носили интуитивный характер, не имели формального закрепления, чёткого размежевания с обязанностями, надёжного обеспечения и защиты даже для ограниченного круга лиц. Не приходится говорить о какой-то системе естественных прав. Главным образом делалась попытка вычленить из должного, необходимого отдельные возможности в сфере быта, труда, распределения. Именно с таких простейших, слабо взаимодействующих, имеющих нравственные, религиозные, а не юридические корни естественных прав человека начинается отсчёт жизни современного права*.

Необратимость процесса обособления отдельного человека от «целого» и выделение правовых качеств личности не означают, что на заре цивилизации сложились все необходимые условия для признания свободным и равным каждого индивидуума или, как выражался И. Кант, его способность быть господином себе самому.

Не был преодолен в сознании и поведении многих людей тысячелетний опыт аморфной, без собственного «я» жизни. Невозможно было и принудительное осчастливливание, и принудительное совершенствование, освобождение людей. Поэтому формирование личности было сопряжено с выделением из рода прежде всего наиболее зрелых, способных и деятельных индивидов, преследующих свои частные интересы и объединяющихся для их утверждения в социальные группы, классы. Более того, развитие человечества (а значит, и движение его по пути прогресса, свободы, права), писал К. Маркс, «вначале совершается за счет большинства человеческих индивидов и даже целых человеческих классов...что, стало быть, более высокое развитие индивидуальности покупается только ценой такого исторического процесса, в ходе которого индивиды приносятся в жертву» [3, стр. 123].

Следовательно, право как «царство осуществленной свободы» (Гегель) входит и утверждается в жизни в ущерб равенству. Но иначе, ни свободная личность, ни право возникнуть и существовать не могли. Естественное право, закономерно должно было «потесниться» и уступить на довольно длительное время лидирующие позиции праву позитивному. Поэтому вторая ступень в развитии права как свободы, следующая за естественным правом и из него

происходящая, вытекающая – позитивное право. Позитивное право – спутник государственно-организованного общества. В начале человеческой цивилизации государство своей силой гарантирует и защищает права и свободы, выступая важнейшим фактором реальности действия права. Государство привносит в право неизвестные прежде признаки, свойства, благодаря которым оно становится специфическим юридическим феноменом. Позитивное право появилось в ходе проектно-нормативной деятельности специальных субъектов – законодателей, судей. Через позитивное право познавшая преимущества личной свободы определённая общность людей официально формулирует и закрепляет свои права в нормативных актах и других юридических источниках. Благодаря государственно-властному оформлению слабые, ещё неокрепшие ростки естественного права (правовые возможности) получили необходимую среду обитания, а также новую, дополнительную энергию для своего выживания, сохранения и развития. Другими словами, в процессе исторического рождения позитивного права произошло не размежевание и отделение естественного от волеустановленного права, а их противоречивое, конфликтное взаимопроникновение, взаимодополнение.

Сказанное позволяет прийти к выводу, что право *бинарное социальное явление* или имеющее двойную природу. Природа права представляет собой сложное, но необходимое переплетение двух компонентов: естественного начала (природа личности) и позитивного начала (политическая природа). Только юридическое закрепление (официальное объективирование) с помощью института «гражданство» прав человека позволило:

а) признать личность внешне свободной, подтвердить её автономность и несводимость к коллективу;
б) зафиксировать исходный комплекс прав (их объём, перечень), а также средства их защиты.

Первым юридическим бытием прав человека принято считать неотъемлемые права гражданина античного полиса. Так, в законах Афин, Рима проводится размежевание индивидуального «я» и коллективного «мы». Человек как гражданин обретает правовой статус, позволяющий ему проявлять свою волю, желания, склонности, несовпадающие с волей, желанием, склонностями других людей. Это становится возможным благодаря наделению гражданина правами: на свободу, собственность, наследование, участие в государственном управлении, правосудии.

Другой вопрос, что позитивное право лишь только ступень (и далеко не совершенная, не развитая) в эволюции права в целом. На довольно значительное время позитивный фактор затмил собой истинный источник права – природу человека, выдвинув на первый план внешнее, властно-волевое, обязательно-принудительное начало, сделав центром правовой «вселенной» государство, а не человека. И это закономерно. Пока сохранялись полная или частичная несвобода людей (рабство, крепостничество), формальное неравенство, право, права личности и не могли рассматриваться иначе как через призму государства. Это было право привилегий. Наделение тем или иным объёмом прав происходило в зависимости от имущественного, социального положения, принадлежности к определённому классу, сословию. Одинаковой свободы и равенства для всех не признавало ни древнее, ни затем и средневековое государство.

Ограничен был перечень официально закрепляемых прав, сложно говорить о какой-то их системе, скорее всего, это была их некая совокупность, – до целенаправленного построения системы юридических прав общество ещё не созрело.

Однако и в этих условиях утверждение гражданина как носителя определённых прав было крупным шагом в развитии права в целом, стало мощным катализатором в борьбе всех ущемленных, ограниченных в правах людей за всеобщую свободу и справедливость. Это в конечном итоге и позволило изменить соотношение естественных и позитивных начал в праве в пользу первых.

Многие столетия в государственно-организованном обществе ушли на преодоление (с перерывами, поворотами назад, зигзагами) ограниченности, неразвитости права, на преобразование каждого человека в правовую, т.е. в полном смысле этого слова свободную и равную личность. Это был путь, полный драматизма, классовых столкновений, но именно он вел к заветной цели. Обратимся к истории.

Специфика правовой социализации была описана знаменитым римским юристом Гаем (II

в.) так: «Главное разделение в праве состоит в том, что все люди – или свободные, или рабы» [6, стр. 54]. Но не только в этом заключалось отличие положения раба от положения первобытного человека. Как подчеркивается в научной литературе, будучи социально-экономически противопоставлен свободной части членов общества, раб стал носителем особых интересов и в этом смысле получил большую степень общественного признания и свободы, нежели первобытный человек.

В уже упоминавшихся «Институциях» Гая в книге 1 гл. 53 записано: «...в настоящее время никому из подданных римского народа не дозволяется чрезмерно жестоко поступать со своими рабами без законной причины. По постановлению императора Антония тот, кто без причины убьет своего раба, подвергается не меньшей ответственности, чем тот, кто убил чужого раба» [4, стр. 102-103].

Безусловно, более значимо то, что уже тогда раба могли перевести в сословие свободных людей. Доказательством этому служит институт вольноотпущенных. «По праву народов, – писал видный римский юрист Ульпиан, – возникает три вида людей: свободные и противоположные – рабы и третий вид – отпущенники, то есть те, кто перестал быть рабами» [6, стр. 54-55]. И хотя свобода давалась с разрешения, по милости хозяина, и до настоящего равенства было ещё далеко, процедура отпущения была регламентирована законом, а переставший быть рабом человек получал правовую гарантию своей свободы.

В феодальном обществе, в сравнении с рабовладельческим, все члены рода «человек» – субъекты права, в том числе и крепостные крестьяне. Так, в XI-XII столетиях было сформулировано правовое понятие серважа («прикреплённый к земле»). «…С тех пор зависимость сервов получила юридическое определение, а это значило, что серваж стал предметом прав и обязанностей...

Более того, серв получил возможность выкупаться из зависимости, он мог стать свободным, получив вольную… Это был юридический процесс, который обычно происходил в форме символической церемонии – получения письменной грамоты, даваемой на условиях немедленной уплаты некой суммы денег или принятия переходящего на наследников серва постоянного обязательства вносить определенную плату или исполнять определенные службы. Это не значит, что серв перестал быть бедным и угнетённым. Это означало только, что он приобрёл права в определённой правовой системе. Отныне он был личностью...» [2, стр. 311].

Обретение статуса личности позволяло активным индивидам, находящимся на низших ступенях сословной лестницы, передвигаться на более высокие ступени, а значит, увеличивать объем прав, свободу выбора и деятельности. «Индивид, – подчеркивает Г.Д. Берман, говоря о городском праве XII столетия, – не существовал в правовом отношении иначе как член одного или более субсообществ в рамках целого, и его индивидуальная свобода состояла главным образом в его мобильности, то есть способности передвигаться из одного сообщества в другое или обращаться к одному сообществу за защитой от другого» [2, стр. 369].

Со временем позитивные ресурсы феодализма в человеческом плане начинают иссякать. Сословные привилегии, сохраняющаяся личная зависимость людей становится анахронизмом. И не случайно там, где на смену феодализму приходит капитализм, происходит юридическое признание свободы и равных прав за всеми без исключения, независимо от социального происхождения, сословной принадлежности, вероисповедания и т.п. Другими словами, человечество созревает не только до сознания того, что по природе всякий человек рождается свободным (о чем говорили ещё и римские юристы, и французские короли в средние века) но и до реализации гуманистической идеи: «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех»**.

Практическое претворение в жизнь данной гуманистической идеи началось после принятия таких высокозначимые для мировой цивилизации юридических документов, как Декларация прав Виргинии 1776 г., Декларация независимости Соединённых Штатов Америки 1776 г., Билль о правах 1789-1791 гг. (первые десять поправок к Конституции США), французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г. Принятие, введение в действие этих документов стало государственным признанием не только гражданина (подданного), а любого человека правовой (правосубъектной) личностью. Было также официально установлено, что общество

не может быть свободным, не освободив каждого отдельного человека. Человеческое измерение позитивного права повлекло снятие классовых, сословных привилегий, преимуществ, утверждение правового равенства всех людей перед законом.

В идеале уже тогда, в раннем капитализме, свобода и равенство виделись в неразрывном единстве, хотя реально их соединение будет сложнейшей задачей и труднейшим испытанием для мирового сообщества и на это уйдёт не одно столетие. Однако, важно то, что были созданы предпосылки для перехода на третью ступень развития права – естественно-позитивное право. Конечно, в полной мере правовая логика, присущая содержанию естественно-позитивного права, начинает раскрываться лишь на современной стадии развития цивилизации, но то, что его первые «кирпичики» заложены в названных выше документах, – факт исторически подтверждённый, как и попытка сформулировать и закрепить более или менее возможный тогда перечень естественных прав человека.

В процесс обогащения содержания права неоценимый вклад внесло мировое сообщество. Организация Объединённых Наций, осмысливая трагический опыт Второй мировой войны, переносит проблему прав человека из сферы исключительно национального, внутригосударственного права в сферу международного права. В результате международного правотворчества выходят в свет Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. – юридические документы, заложившие фундамент современной системы прав личности, составившие общий правовой статус человека и гражданина. На европейском континенте таким структурообразующим документом стала Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и последующие дополняющие её протоколы.

По мере углубления демократии в обществе происходят кардинальные изменения, а именно – роль ведущего все активнее начинает играть право, а ведомого – государство. Теоретическим обоснованием новых взаимоотношений права и государства является концепция правового государства. Побуждающая энергия позитивного права теперь в меньшей степени нуждается в «подзарядке» государственным принуждением, поскольку свобода состоит в возможности делать всё, что не наносит вреда другим людям.

Рассмотренный правовой круговорот, начав своё беспрерывное движение с прирождённых прав (естественное право), сменив их на довольно продолжительное время на права гражданина (позитивное право), вновь возвращается, но уже на более качественно и количественно высоком уровне развития к признанию определяющим элементом содержания объективного права – права свободы обязанности человека и гражданина (естественно-позитивное право)***. Поэтому закономерно, что Конституция России закрепляет бинарную природу права: естественное начало (природа личности) и позитивное начало (политическая природа). Это сформулировано следующим образом: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ст.18); «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2). Закрепление и гарантирование прав свобод и обязанностей человека и гражданина становится главной миссией, предназначением, преимуществом права (перед другими социальными регуляторами) в обществе, государстве.

Итак, современное право не может быть естественным или позитивным. Обладая бинарной (двойной) природой, право может быть только естественно-позитивным. Эта особенность права отражена и в соответствующем структурном понятийном ряду: правовое государство, правовой закон, правозаконность, правопорядок, правовое сознание, правовая культура и т.д.

Примечания

* Более того, можно утверждать, что в догосударственную эпоху зародились два равных по значению мегарегулятора: мораль и право. Их объединяет то, что оба они имеют человеческую природу, а человек по своей сущности является моральной и правовой личностью. Другое дело, что с моралью и правом связаны два

самостоятельных вектора в социальном регулировании, у каждого из них появились в последующем развитии свои бо-лее близкие спутники жизни, соответственно, общество и государство и длительное время по объективным и субъективным причинам они противопоставлялись друг другу.

** Такой путь развития права, формирование личности связывается с западной традицией. «В традиции народов Азии…общество управляется в первую очередь не путем распределения прав и обязанностей…, а путем поддержания правильных отношений между членами семьи, между семьями…в границах определенной местности и под главенством императора. Общественная гармония гораздо важнее, чем дать каждому по заслугам». Да и «каждый» и не мыслится отдельно от его общества или от вселенной, «каждый» – это не-отъемлемая часть системы общественных отношений, подчиненной Принципу Неба. По-этому в древних цивилизациях Азии подчеркивались традиционные, коллективные, интуитивные стороны жизни, а стороны интеллектуальные, аналитические, правовые были с ними слиты и им подчинены (Берман Г.Д. Западная традиция права. С. 87).

*** Из этого закономерного процесса выпадает история тоталитарных государств (например, фашистских). В них нет дилеммы – право или произвол. Выбор однозначно де-лается в пользу произвола, правда, с применением юридической формы. Но формальное использование нормативного способа регулирования, судопроизводства, юстиции, процессуальных институтов и т.п. юридических средств, думается, не дает оснований для отнесения всего перечисленного к разряду правовых явлений, как и нет основания, относить «фашистское право» к разряду неразвитых, то есть рассматривать в одном ряду с рабовладельческим, феодальным правом. Во-первых, древнее, средневековое право – это не право отдельно взятой страны и даже не право нескольких государств, а совокупность имеющих общие черты признаки правовых систем, занявших целые самостоятельные эпохи земной цивилизации. Во-вторых, неразвитость рабовладельческого либо феодального права была естественной, исторически неизбежной. Это находило отражение в теоретических представлениях (правосознании) и юридической практике соответствующего общества. Однако важно то, что, сочетая позитивные и негативные тенденции, древние и средневековые системы права (каждая в свое время) неуклонно продвигались вверх по ступеням цивилизации, закладывая собственные, незаменимые «кирпичики» в фундамент права, правового государства в современном понимании. Их вклад в мировую культуру бесценен. Иное дело юридические системы фашистских государств XX в. Так, основным правам и обязанностям немецких граждан по Веймарской конституции были противопоставлены не конституционные права и обязанности, а соответствующие положения бесчеловечной программы национал-социалистов. В результате чего вместе с растоптанным человеческим достоинством в нацистском государстве уничтожается и право как явление цивилизации.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Теория права. – М.: БЕК, 1994.
2. Берман Г.Д. Западная традиция права: эпоха формирования. – М.: МГУ, 1994.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. II.
4. Перетерский И.С. Дигесты Юстиниана. – М., 1956.
5. Соловьев В.С. Предварительные замечания о праве вообще // Власть и право: Из истории русской правовой мысли. – Л., 1990.
6. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / Под ред. З.М. Черниловского.- М.: Юридическая литература, 1984.
7. Шафиров В.М. Естественно-позитивное право. Введение в теорию: Монография. – Красноярск: КрасГУ, 2004.
8. Явич Л.С. Право и социализм. – М.: Юридическая литература, 1982.

АНАНСКИХ Игорь Александрович,
депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (г. Москва, Россия)
E-mail: stateduma@duma.gov.ru

РОМАНОВСКАЯ Любава Ростиславовна,
доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета), кандидат юридических наук, доцент (г. Нижний Новгород, Россия)
E-mail: elza_r@mail.ru

КУХНИНА Людмила Юрьевна,
аспирант Нижегородского государственного университета имени Н.И.Лобачевского (Национального исследовательского университета), координатор базы данных межрегиональной общественной организации «Комитет против пыток» (г. Нижний Новгород, Россия)
E-mail: lyudmila.kuhnina@mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА

Аннотация. *Рассмотрены различные трактовки дефиниций «нетрадиционные источники права» и «нетипичные источники права» в российской правовой науке. Предлагается выделять две самостоятельные типологии источников права. Первая предполагает подразделение источников на традиционные и нетрадиционные относительно конкретной правовой системы. В рамках второй типологии источников права предлагается подразделять источники, существующие во всех правовых системах мира (в праве в целом), на типичные и нетипичные. Предложены критерии классификаций и рассмотрено их соотношение между собой.*

Ключевые слова: *источник права; нетипичный источник права; нетрадиционный источник права; классификация источников права.*

ANANSKIKH I.A.
ROMANOVSKAYA L.R.
KUKHNINA L.YU.

NEW APPROACHES TO THE CLASSIFICATION OF SOURCES OF LAW

The summary. *The article discusses various interpretations of definitions of «non-traditional sources of law» and «non-typical sources of law» in the Russian legal science. The author proposes to allocate two separate typologies of sources of law. The first typology involves a division of sources in traditional and nontraditional regarding particular legal system. In the second typology of sources of law it is proposed to divide the sources that exist in all legal systems of the world (to the right as a whole) in the typical and atypical. A classification criteria and examined their relationship with each other.*

Key words: *source of law; non-typical sources of law; non-traditional sources of law; classification of sources of law.*

Научная дискуссия относительно понятия «источники права», его различных трактовок, «смыслов», а также классификации источников права ведется не одно десятилетие. В рамках настоящей статьи авторы исходят из понимания источников в формально-юридическом смысле, отражающем способ внешнего выражения и закрепления норм права. Что касается классификации источников права, то как правило в учебной литературе она не проводится, авторы ограничиваются перечислением различных видов источников права (правовой обычай, нормативный правовой акт, судебный прецедент и др.) и их характеристикой. Однако в научном дискурсе присутствует и проблема их классификации, деления на некоторые группы, например, на «традиционные» и «нетрадиционные» источники, на «типичные» и «нетипичные» источники.

Соотношение дефиниций «нетрадиционные источники права» и «нетипичные источники права» трактуется учеными по-разному.

Достаточно устойчивым подходом является понимание «нетрадиционных источников права» как «нетипичных» (то есть эти термины используются правоведами как синонимы), под ними понимается «система нормативных предписаний, нетипичных для конкретной правовой системы, носящих субсидиарный характер применения, а также ненормативных предписаний, необходимых для обеспечения единообразного регулирования общественных отношений и учитываемых правоприменительными органами при разрешении споров» [21].

Так, коллектив авторов – Петров К.В., Сапун В.А. и Смирнова М.Г., в своей статье «Нетипичные источники российского права», отталкиваясь от основных признаков источников определённой национально-правовой системы, которые в своём «единстве придают юридическим источникам права свойство типичности», при характеристике нетипичных проявлений новых источников российского права относят к таким проявлениям: нехарактерность для нашей национально-правовой системы, субсидиарный характер применения, отсутствие чётких правотворческих процедур их формирования, неофициальность выраженных в них юридических норм, наличие в них индивидуальных норм [8].

К примеру, в соответствии с этими признаками, вышеуказанными авторами в качестве нетипичных источников права называются общепризнанные принципы и нормы международного права, выраженные в официальных международно-правовых документах; правовые позиции Конституционного Суда РФ, которыми приостанавливается действие норм, противоречащих Конституции, либо закон, другой правовой акт признаются соответствующими конституционным правовым положениям; правоположения юридической, и прежде всего судебной практики; правовые акты муниципальных и негосударственных образований; правовая доктрина в период смены социальной парадигмы; индивидуальный договор как нетипичный источник частного права; правовой обычай.

О распространённости данного подхода в науке теории государства и права может свидетельствовать и тот факт, что в отдельных отраслях российского права правоведы, как правило, даже не обращаются к анализу содержания определения «нетипичный источник права», а сразу выделяют группы таких источников применительно к своей области исследования: так, А.Я. Ряженков и О.А. Яковлева, говоря о «нетипичных» источниках гражданского права, выделяют судебный прецедент, правовой обычай и правовую доктрину [11].

Однако стоит обратить внимание на расхождения мнений правоведов относительно термина, применимого к данным правовым явлениям. Так, некоторые правоведы, упоминая о том, что «в специальной литературе последних лет появилось представление о нетрадиционных источниках права, полагают, что понятие нетипичности лучше отражает существо обсуждаемой проблемы формирования новых источников <…> права» [8]. В данном случае исследователи, как правило, отталкиваются от понятия

«типичность», которое «определяется обычно как нормальное, образцовое, наиболее вероятное для данной системы объектов» [8] и «предполагает наличие в явлениях, которые оно характеризует, определенных признаков, делающих данное явление похожим на аналогичные. То есть типичное явление – это явление, имеющее аналогии в ряду себе подобных» [1]. В этом контексте, «типичными будут источники, характерные для российской правовой системы, например, нормативно-правовой акт <…>» [2]. В правовой литературе, посвящённой исследованию нетипичных элементов формах государственного устройства, можно встретить позиции, когда под «нетипичностью» понимают отклонение от классических моделей [9]. Соответственно, нетипичным явлением будет явление, выпадающее из ряда аналогичных.

С другой стороны, Н.Н. Вопленко, А.П. Рожнов, А.В. Малько, Д.В. Храмов напротив используют в своих научных исследованиях преимущественно термин «нетрадиционные источники права», рассматривая данные явления через призму тех случаев, когда тип порождается традицией. При этом правоведы используют в качестве основания деления источников права на традиционные и нетрадиционные всё тот же критерий «характерности, «принятости» той или иной формы права для конкретной правовой семьи» [10], то есть опять же ведут речь с позиции типичности и нетипичности. Однако, учёные раскрывают и первопричины, обусловившие такое деление: классификация базируется на том, что в основе деления источников права на традиционные и нетрадиционные лежит «производность источников права от исторически сложившейся правокультурной традиции общества» [21].

Что касается политико-правовых традиций, то они достаточно тщательно исследованы применительно к различным историческим периодам развития цивилизации [4; 5; 15; 16; 17; 18; 19], да и продолжают исследоваться в современной философско-правовой науке [12; 13; 14]. Это создает методологическую основу для изучения и классификации источников права.

Необходимо признать, что классификация источников права на традиционные и нетрадиционные является недостаточно исследованной в науке, а сложность и проблемность этой классификации детерминирована недостаточной ясностью самого понимания категории «правовая традиция». Например, Н.Н. Вопленко подчёркивает, что «значение понятия нетрадиционных источников права состоит в том, что оно удачно оттеняет, акцентирует внимание на нетипичности для данной правовой системы отдельных форм права» [3].

На наш взгляд, подход, обосновывающий использование при данном подразделении источников права категорий «традиционные» и «нетрадиционные», является наиболее логичным и научно аргументированным. Он раскрывает глубинные причины, по которым тот или иной источник права будет считаться нетипичным, то есть выбивающимся из ряда похожих между собой явлений в рамках национальной правовой системы. По сути речь идёт о типичности или нетипичности в определённой системе координат, коей является та или иная национальная правовая система.

Этот подход, в свою очередь, наглядно иллюстрирует, и то, что «в разных государствах традиционными (типичными) признаются различные источники права» [7], это будет справедливо и для источников нетрадиционных: набор нетипичных источников для каждой системы координат – национальной правовой системы – будет уникальным, неприменимым в рамках другой системы. Однако, несмотря на обозначенные выше нюансы и предпочтения учёных, очевидным остаётся факт, что в данном значении обе дефиниции – «нетипичные источники права» и «нетрадиционные источники права» – по сути употребляются отечественными правоведами в качестве синонимичных, поскольку используются ими для характеристики одной и той же группы правовых явлений, в юридической литературе также можно встретить случаи, когда правоведы указывают сразу оба термина, используя скобки.

При этом необходимо отметить, что хотя данный подход к явлению нетипичности (нетрадиционности) источников права и является господствующим, но в отечественной науке можно встретить и иные позиции, в рамках которых деление источников права на типичные и нетипичные и на традиционные и нетрадиционные рассматривается в качестве двух различных классификаций.

Так, доктор юридических наук Н.В. Сильченко полагает, что при делении источников права на традиционные и нетрадиционные в качестве

критерия используется распространенность источников в исторических и существующих правовых семьях. При этом «традиционные источники встречаются без исключения во всех исторических и ныне существующих правовых семьях <…> и набор традиционных источников права остается неизменным, в их состав входят: правовой обычай, правовой прецедент, договор нормативного содержания, доктрина (наука), священное писание и нормативный правовой акт. К нетрадиционным источникам права можно отнести все остальные источники права, которые официально признаны в качестве хранилища, резервуара действующих источников позитивного права, но по большинству существенных признаков не соответствуют традиционным источникам права» [20]. По мнению Н.В. Сильченко, разделение источников права на типичные и нетипичные конкретизирует предварительную классификацию источников права на традиционные и нетрадиционные: «к нетипичным источникам права относятся те источники права, которые не только по форме или содержанию – а главное, по месту в системе источников права – нельзя отнести к определенному типу и виду правовых систем. Нетипичными источниками права будут те, которые не вписываются в структуру источников права, которая характерна для типа и вида правовой системы» [20]. В качестве примера правоведом приводятся совместные Постановления ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР, которые не упоминались в Конституции СССР и статутных законах, но имели очень важное значение и обычно принимались для решения ключевых вопросов политического и правового развития страны.

Данный подход до настоящего времени не получил широкого распространения: как уже было отмечено, термины «нетипичные источники права» и «нетрадиционные источники права» чаще всего в науке употребляются в качестве синонимов, обозначающих одно и то же правовое явление, а нетипичными источниками права признаются источники, не свойственные той или иной правовой системе, но из перечня известных науке. Особенностью подхода Н.В. Сильченко является также и то, что к нетипичным источникам права правоведом относятся те, которые являются уникальными, – имеют не только особую форму выражения, но и играют особую, ключевую роль в той или иной правовой системе.

Говоря о господствующем в российской правовой науке подходе, можно обозначить несколько критериев, по которым следует проводить оценку типичности, характерности тех или иных источников права для правовой традиции той или иной правовой системы или правовой семьи (которые будут выступать в качестве области применения выделяемых критериев). Результатом этой оценки будет отнесение источников права к традиционным или нетрадиционным (или типичным и нетипичным). Процесс такой классификации можно представить в виде следующей схемы 1.

Учитывая то, что согласно господствующему подходу, термины «нетипичные источники права»/«типичные источники права» и «нетрадиционные источники права»/«традиционные источники права» используются для обозначения одних и тех же групп правовых явлений (а иногда правоведами указываются сразу оба этих термина), исходя из отсутствия единого подхода к пониманию «типичности»/«нетипичности» и «традиционности»/«нетрадиционности» предлагаем выделить две самостоятельные типологии источников права.

Первая типология предполагает подразделение источников на традиционные и нетрадиционные *относительно конкретной правовой системы*. Данная типология источников укладывается в рамки господствующего в российской правовой науке подхода к пониманию традиционных (типичных) и нетрадиционных (нетипичных) источников права. Процесс подразделения источников на традиционные и нетрадиционные отображён на Схеме 1.

Так, следуя данной логике, мы можем классифицировать источники права в романо-германской правовой системе современного типа на:

а) традиционные – правовой обычай, нормативно-правовой акт, договор нормативного содержания;
б) нетрадиционные – правовые принципы, правовой прецедент, правовая доктрина, правосознание, религиозные тексты.

Для современной англосаксонской правовой системы традиционными будут являться правовой прецедент, правовой обычай, нормативно-правовой акт, договор нормативного содержания, правовые принципы, а нетрадиционными

Схема 1. Господствующий подход к делению источников права на традиционные и нетрадиционные (типичные и нетипичные) в российской правовой науке

– правовая доктрина, правосознание, религиозные тексты. Для современных религиозных правовых систем традиционными будут являться религиозные тексты, правовая доктрина, правовой обычай, нормативно-правовой акт, договор нормативного содержания, а нетрадиционными – правовой прецедент, правовые принципы.

В рамках второй типологии источников права предлагаем подразделять источники, существующие во всех правовых системах мира (в праве в целом) на типичные и нетипичные. При этом предлагаем исходить из типологий правовых систем современности: неслучайно, классификация типов правовых систем и семей, предложенная К. Цвайгертом, являющаяся, наряду к типологией Р. Давида, одной из наиболее известных в правовой науке, предполагает использование в качестве критерия классификации такую категорию, как «правовой стиль», а одним из факторов, определяющих правовой стиль выступают источники права и методы их толкования [22].

Нами предлагаются следующие основания признания источников права в качестве типичных – их использование в качестве критерия выделения соответствующего типа правовой системы, распространённость применения данных источников права, признание данных источников правоведами (Схема 2).

Учёт обозначенных критериев, видов классифицируемых источников, а также области применения классификаций позволит разграничивать типологии источников права на традиционные и нетрадиционные и на типичные и нетипичные не только между собой, но и отделять их от ряда других классификаций источников права, в основу которых положены схожие критерии.

Схема 2. Типология источников права на типичные и нетипичные

Список литературы

1. Бухалов А.В. Договор как источник частного права: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2011. – 24 с.
2. Бухалов А.В. Договор как нетипичный источник частного права (к постановке проблемы) // Ленинградский юридический журнал. – 2007. – № 2. – С. 182-190.
3. Вопленко Н.Н. Источники и формы права: Учебное пособие. – Волгоград: ВолГу, 2004.
4. Дашин А.В., Сальников М.В., Клименко О.А. Обычное право в правовой системе традиционного общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 12. – С. 42-58.
5. Ерофеев К.Б., Сальников М.В. Древняя Русь и правовые идеалы славянских язычников // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 52-66.
6. Малько А.В., Саломатин А.Ю. Сравнительное правоведение. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2010.
7. Малько А.В., Храмов Д.В. Система нетрадиционных источников российского частного права // Ленинградский юридический журнал. – 2010. – № 1 – С. 36-39.
8. Петров К.В., Сапун В.А., Смирнова М.Г. Нетипичные источники российского права // Российский юридический журнал. – 2009. – № 1(64). – С. 7 -16.
9. Пушкарёв С.В. Нетипичные элементы формы государственного правления: Автореф. дис. … канд. юрид. наук.. – Казань, 2016. – 26 с.
10. Рожнов, А.П. Правоприменительная практика как нетрадиционный источник российского права: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2003. – 31 с.
11. Ряженков А.Я., Яковлева О.А. «Нетипичные источники» гражданского права // Бизнес в законе.

Экономико-юридический журнал. – 2012. – № 1. – С. 36-38.
12. Сальников В.П., Сальников М.В. Национально-этнические ценности в правовой культуре и политико-правовых традициях // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – № 3. – Том 19. – С. 1096-1099.
13. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.
14. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и правовая традиция в их категориальном соотношении и понимании // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3(37). – С. 13-19.
15. Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2005. – 53 с.
16. Сальников М.В. Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 47-66.
17. Сальников М.В. Политико-правовая традиция как фактор, детерминирующий специфику национальной правовой системы // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 174-192.
18. Сальников М.В. Политико-правовая традиция: социальный феномен и категория теоретического правоведения // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 151-166.
19. Сальников М.В., Курзенин Э.Б. Интеллектуальная гуманистическая политико-правовая традиция в Европе XV-XVII вв. // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 117-124.
20. Сильченко Н.В. Классификации источников права.// Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества: Сб. науч. тр. Вып. 12 / Отв. ред. проф. В.Н. Карташов. – Ярославль: ЯрГУ, 2013. – С. 49-59.
21. Храмов Д. В. Нетрадиционные источники российского частного права: общетеоретический аспект: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2010. – 26 с.
22. Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2-х тт. Том I. Основы: Пер. с нем. – М.: Междунар. отношения, 2000.

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО. КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

БОРОДИН Виктор Васильевич,
профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: borodinvv@mail.ru

ВАСИЛЬЕВА Оксана Ивановна,
доцент кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук (Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: ksuns@yandex.ru

Специальность 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА «ПРАВА ГРАЖДАН НА САМОЗАЩИТУ ОТ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЖИЛИЩА» В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Рассматриваются вопросы совершенствования государственной защиты неприкосновенности жилища. Раскрывается зарубежный опыт реформирования института самозащиты «права граждан от посягательства не неприкосновенность жилища».*

Ключевые слова: *неприкосновенность жилища; реформирование института «права граждан на самозащиту от посягательства на неприкосновенность жилища».*

BORODIN V.V.
VASILEVA O.I.

PROBLEMS OF PERFECTION OF INSTITUTE "THE RIGHT OF CITIZENS TO DEFEND THEMSELVES FROM ATTACK ON THE INVIOLABILITY OF THE HOME "IN THE RUSSIAN FEDERATION

The summary. *The article considers the problems of improvement of the state to protect the privacy of home. Expands international experience of reforming the institution of self-defense, "the right of citizens of the assault is not the inviolability of the home."*

Key words: *inviolability of the home; reform of the institution of "the right of citizens to defend themselves from the attacks on the sanctity of the home."*

Статья 25 Конституции гласит «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения» [1]. Принцип неприкосновенности жилища провозглашен в большинстве международно-правовых актов, ратифицированных РФ, например, в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, где в п.1 ст.8 говорится: «Каждый человек имеет право на уважения... его жилища» [5].

Этот принцип обеспечивает право на неприкосновенность частной жизни, уважение личной и семейной тайны, уважение чести и достоинства личности в уголовном судопроизводстве, поскольку именно эти права ограничиваются в наибольшей степени в случае производства процессуальных действий, связанных с проникновением в жилище.

Наряду с обеспечением государственной защиты, Конституция РФ в ч.2 ст. 45 предоставляет гражданину возможность самостоятельно защищать неприкосновенность своего жилища. При этом способы, избираемые гражданином для защиты, не должны быть запрещены законом, иначе вопрос о привлечении к уголовной ответственности будет поставлен уже в отношении самого обороняющегося гражданина.

Учитывая, что нарушение неприкосновенности жилища зачастую сопровождается совершением тяжких насильственных преступлений, представляется необходимым выяснить, насколько широки возможности граждан по самозащите своего жилища в условиях действующего законодательства и практики его применения.

В соответствии со ст. 37 Уголовного кодекса РФ, действия гражданина по защите своего жилища от неправомерного посягательства, в результате которых посягающему лицу был причинен вред, не являются уголовно наказуемыми только в том случае, если посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Если же посягательство на неприкосновенность жилища не было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, самозащита гражданина признается правомерной только в том случае, если не было допущено превышения пределов необходимой обороны, т.е. умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства. При этом ч.2.1. ст. 37 Уголовного кодекса РФ исключает преступный характер действий обороняющегося лица, если оно не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения вследствие неожиданности посягательства (например, если проникновение в жилище было совершено в ночное время) [2]. Кроме того, на адекватность восприятия опасности обороняющимся оказывает влияние и его эмоциональное состояние (страх, испуг), что также должно учитываться при рассмотрении дела [4; 7].

Дискуссия о проблемах совершенствования законодательного регулирования института необходимой обороны ведется на протяжении многих лет. В частности, подвергается критике положение уголовного закона, которое поставило потенциального субъекта необходимой обороны в ситуацию, при которой он должен не только дожидаться посягательства, но также определить его направленность (жизнь или другие блага) и выяснить характер применяемого насилия [14, стр. 104; 8] с таким расчетом, чтобы его действия не были квалифицированы судом как превышение пределов необходимой обороны.

Необходимость совершенствования действующего законодательства активно поддерживается российскими гражданами, о чем, например, свидетельствует тот факт, что инициатива № 77 Ф1016 «Мой дом – моя крепость», опубликованная на сайте «Российская общественная инициатива», набрала в установленный Правилами срок необходимые 100 тысяч голосов в свою пользу. Своим названием данная инициатива обязана известному выражению средневекового английского юриста Эдуарда Кока – «My house is my castle», смысл которого заключается в том, что «мой дом – это то место на земле, где я могу и должен чувствовать себя в полной безопасности» [3; 17]. Отсюда вытекает предложение автора инициативы (С.А. Белова) внести поправки в федеральное законодательство с тем, чтобы любые действия, совершенные в собственном доме для защиты жизни, здоровья (собственного и своих близких), а также имущества, считались совершенными в состоянии необходимой обороны и не выходящими

за ее пределы [18; 16]. Инициатива «Мой дом – моя крепость» в соответствии с установленными Правилами была рассмотрена экспертной рабочей группой федерального уровня и получила ее положительное заключение [23; 8; 9].

Несмотря на принятое экспертной рабочей группой решение – рекомендовать Правительству РФ принять соответствующие меры по реализации общественной инициативы, положительный исход представляется маловероятным. Такой вывод можно сделать, проанализировав практику рассмотрения Государственной Думой законодательных предложений, направленных на реформирование института необходимой обороны. Так, за последние годы в Государственную Думу были внесены несколько законопроектов, предусматривающих расширение возможностей граждан по самозащите своего жилища. Например, законопроект № 265537-6 [20; 9] (внесенный депутатами Государственной Думы И.В. Лебедевым и Я.Е. Ниловым) предлагает рассматривать как правомерные и не выходящие за пределы необходимой обороны, любые действия лица, направленные на защиту себя и своей семьи от насилия или угрозы применения насилия либо на защиту своего имущества против лица, незаконно проникшего в его жилище. Законопроект внесен в Государственную Думу 23 апреля 2013 г., но к настоящему времени так и не рассмотрен. При этом отзывы Правительства РФ и Верховного Суда РФ, а также заключение ответственного комитета Государственной Думы носят отрицательный характер.

Законопроект № 490551-6 [21; 9] (внесенный Псковским областным Собранием депутатов), также предлагает исключить из уголовного закона положение об ограничение пределами необходимой обороны действий гражданина при защите своего жилища от незаконного проникновения. Согласно законопроекту право на самозащиту в предложенном контексте имеет не только законно проживающий в жилище гражданин, но также и временно пребывающий в нем (на законных основаниях). При этом законопроект предлагает распространить свое действие не только на отношения, связанные с незаконным проникновением в жилище, но также и на отношения, связанные с незаконным проникновением в автомобиль или иное транспортное средство. Законопроект внесен в Государственную Думу 5 апреля 2014 г. и к настоящему времени возвращен субъекту законодательной инициативы в связи с несоблюдением требований Регламента Государственной Думы (не представлены отзывы Правительства РФ и Верховного Суда РФ).

Законопроект № 484589-6 [22; 9] внесенный членами Совета Федерации Е.Г. Тарло, Н.В. Косаревым, Е.В. Петелиным, Ю.В. Шамковым, депутатом Государственной Думы С.В. Калашниковым) в рамках совершенствования законодательства о необходимой обороне предлагает дополнить действующий уголовный закон статьей, которая исключает преступность деяния в случае причинения вреда лицу, совершающему преступление против собственности или неприкосновенности жилища, в результате действия технических устройств или механизмов, направленных на защиту собственности или жилища от преступных посягательств, в том числе устройств или механизмов, опасных для жизни и здоровья лица, совершающего указанное преступление (в том числе не знающего о наличии таких устройств или механизмов), установленных собственником. Законопроект внесен в Государственную Думу 29 марта 2014 г. и к настоящему времени так и не рассмотрен. При этом отзывы Правительства РФ и Верховного Суда носят отрицательный характер.

Таким образом, напрашивается вывод о неготовности органов государственной власти в настоящее время обеспечить дополнительные гарантии прав граждан, активно защищающих свое жилище от общественно опасных посягательств. Такая позиция органов государственной власти дает повод для критики. Очевидно, для того, чтобы максимально обезопасить граждан от преступных посягательств, одних лишь усилий правоохранительных органов явно недостаточно [10; 11; 12; 13; 15]. Именно поэтому в Конституции РФ предусмотрено право каждого гражданина защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. При этом действия граждан по самозащите своих прав (в том числе, права на неприкосновенность жилища) законодательно ограничены рядом условий. Анализ же правоприменительной практики, касающейся самообороны свидетельствует о том, что на сегодняшний день имеет место перекос в сторону обвинения граждан, защищавшихся от преступных посягательств, а

количество оправдательных приговоров в таких делах невелико [19; 7].

В целях поиска оптимальных вариантов реформирования института самозащиты прав граждан целесообразно обратиться к практике зарубежных государств. В частности, большой опыт в этой сфере накоплен в США.

В основе уголовного законодательства США о необходимой обороне жилища лежат две основные концепции «Castle doctrine» и «Stand your ground». Так, согласно отчету Управления законодательных исследований штата Коннектикут [26], «castle doctrine» («доктрина крепости») представляет собой ряд правил и принципов, которые в той или иной форме закреплены в законодательстве сорока шести штатов. Закон, основу которого составляет «доктрина крепости», позволяет владельцу жилища (а также другому лицу, которое имеет законные основания находится в жилище) предпринимать любые действия, направленные на защиту своего жилища от преступного посягательства, включая причинение смерти посягающему («deadly force»). Причем владелец жилища не обязан уклоняться от применения силы, даже если такая возможность существует. Соответственно, суды штата не признают преступным поведение человека, сопротивляющегося незаконному проникновению в дом. Однако за пределами своего жилища индивид, прежде чем использовать разумную силу, обязан уклониться от обороны (отступить), если он в состоянии это сделать.

Закон, в основе которого лежит концепция ««stand your ground» («стой на своем») расширяет пределы самозащиты. Он не содержит требования уклониться от самообороны за пределами своей «крепости» (жилища), разрешая использовать силу, если у индивида есть разумное убеждение в наличии опасности. Однако применение «deadly force» (т.е. возможность причинения смерти нападающему) в рамках данной концепции является обоснованным только при определенных обстоятельствах, таких как неизбежность причинения нападающим тяжкого вреда здоровью или смерти. Законы штатов, основанные на концепции ««stand your ground», содержат два условия правомерности самообороны:

1) индивид имеет законное право находиться в конкретном месте (дом, работа, парк, улица);
2) индивид не занимается при этом незаконной деятельностью.

Такое законодательство применяется в двадцати штатах.

По мнению профессора Джона Р. Лотта, преступность в штатах с подобным законодательством снижается, поскольку преступника отпугивает риск получить действенный отпор жертвы, способной защитить себя [25].

Следует отметить, что подобного мнения придерживаются не все американцы. Так, в работе «Способствует ли усиление самообороны сдерживанию преступности или эскалации насилия?» ее авторы отмечают, что в ходе исследования данной темы они не обнаружили доказательств сдерживания преступности, но, напротив, обратили внимание на увеличение числа убийств, рассматривая их как следствие усиления самообороны [27; 7].

Вопросы реформирования института необходимой обороны имеют большое общественное значение и, безусловно, требуют к себе повышенного внимания со стороны органов государственной власти, как законодательных (прежде всего Государственной Думы), так и исполнительных (Правительства РФ), и судебных (прежде всего Верховного Суда РФ).

Развернувшаяся дискуссия подтверждает обоснованность и актуальность предложений, направленных на совершенствование института самозащиты прав граждан, обеспечение их большей защищенности. Однако подобные предложения требуют тщательной проработки, особенно в части изучения зарубежного опыта в рассматриваемой сфере, критического осмысления возможных положительных и отрицательных последствий реформирования.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2016.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 2016.
3. Правила рассмотрения общественных инициатив, направленных гражданами РФ с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» (утверждены Указом Президента РФ № 183 от 04.03.2013 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 10. – Ст. 1019.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». П. 4 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 11.
5. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
6. Бородин В. В. Конституционный процесс: теория и практика: Монография. – СПб.: СПбГУАП, 1999. – 248 с.
7. Бородин В.В. Ограничение конституционных прав и свобод человека в Российской Федерации: конституционно-правовой аспект: Монография. – СПб., 2008. – 156 с.
8. Бородин В.В., Крусс В.И. Некоторые философско-правовые аспекты проблемы злоупотребления правами и свободами человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2002. – № 6 – С. 34-57.
9. Васильева О.И .Законотворчество в Государственной Думе Федерального собрания РФ: проблемы и перспективы совершенствования // Сб.: Человек. Культура. Общество. Право (к 20-летию со дня принятия Конституции РФ) – СПб., 2013 . – С 33-38.
10. Криминология – XX век / Шестаков Д.А., Гилинский Я.И., Кристи Н., Ростов К.Т., Сальников В.П., Милюков С.Ф., Бурлаков В.Н., Ривман Д.В., Вандышев В.В., Колесников В.В., Степашин С.В., Волженкин Б.В., Ларичев В.Д., Осипкин В.Н., Степанова И.Б., Явчуновская Т.М., Лисовский В.Т. Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Ассоциация Юридический центр, Санкт-Петербургский государственный университет МВД РФ, Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2000. – 554 с.
11. Криминология и профилактика преступлений: Курс лекций (для слушателей факультета заочного обучения) / Бурлаков В.Н., Волгарева И.В., Вандышев В.В., Шестаков Д.А,, Сальников В.П., Спиридонов Л.И., Ривман Д.В., Милюков С.Ф., Ростов К.Т., Соболь И.А. Касторский Г.Л., Майоров А.А., Мясков В.Н., Пряхина Н.И., Устинов В.С., Кикоть В.Я., Павлов В.Г.; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – 315 с.
12. Криминология: Словарь / В.Н. Бурлаков, Г.Н. Горшенков, В.М. Егоршин, Р.Ф. Исмагилов, О.В. Лукичев, Д.А. Шестаков, Ф.Ю. Сафин; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Лань, 1999. – 256 с.
13. Криминология: Учебник для юридических вузов / Под ред. проф. В.Н. Бурлакова, проф., академика В.П. Сальникова, проф., академика С.В. Степашина; Акутаев Р.М., Бурлаков В.Н., Вандышев В.В., Волгарева И.В., Волженкин Б.В., Городинец Ф.М., Егоршин В.М., Зазулин Г.В., Исмагилов Р.Ф., Касторский Г.Л., Кикоть В.Я., Колесников В.В., Лукичев О.В., Малинин В.Б., Милюков С.Ф., Орехов В.В., Павлов В.Г., Пряхина Н.И., Ривман Б.В., Сальников В.П. и др. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России; Лань, 1999. – 608 с.
14. Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
15. Политический режим и преступность: проблемы политической криминологии / Шестаков Д.А., Кристи Н., Гилинский Я.И., Бурлаков В.Н., Милюков С.Ф., Горшенков Г.Н., Сальников В.П., Касторский Г.Л., Кабанов П.А., Волженкин Б.В., Бараева Н.Б., Вандышев В.В.; Под ред. В.Н. Бурлакова, Ю.П. Волкова, В.П. Сальникова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 365 с.
16. Сальников В.П. Правовая культура: теоретико-методологический аспект: Автореф. дис. …докт.юрид .наук – Л., 1990. – 24 с.
17. Сальников В.П., Ромашов Р.А. Гарантии прав и свобод человека и гражданина в процессе реализации уголовно-правовой ответственности (нормативное закрепление, юридические гарантии) // История государства и права – 1998. – № 1. – С. 19-24.
18. Академик [сайт] URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/1524/%D0%9C%D0%BE%D0%B9 (дата обращения 20.04.2015).
19. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 616468-6, внесенного в Государственную Думу депутатом Государственной Думы А.А. Журавлевым // Государственная Дума [сайт] URL: http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=616468-6&02 (дата обращения 10.03.2015).
20. Государственная Дума [сайт] URL: http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=265537-6&02 (дата обращения 25.03.2015).

21. Государственная Дума [сайт] URL: http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=490551-6&02 (дата обращения 25.03.2015).
22. Государственная Дума [сайт] URL: http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=484589-6&02 (дата обращения 25.03.2015).
23. Российская общественная инициатива [сайт] URL: https://www.roi.ru/1016/ (дата обращения 20.04.2015).
24. Российская общественная инициатива [сайт] URL: https://www.roi.ru/upload/1016_002323457.pdf (дата обращения 20.04.2015).
25. An interview with John R. Lott, Jr., author of More Guns, Less Crime: Understanding Crime and Gun Control Laws [сайт] URL: http://www.press.uchicago.edu/Misc/Chicago/493636.html (дата обращения 20.03.2015);
26. Connecticut General Assembly [сайт] URL: http://cga.ct.gov/2012/rpt/2012-R-0172.htm (дата обращения 10.03.2015).
27. Does Strengthening Self-Defense Law Deter Crime or Escalate Violence? [сайт] URL: http://faculty.uml.edu/jbyrne/44.624/documents/castle_doctrine.pdf (дата обращения 20.03 2015).

АБЕЗГИЛЬДИН Руслан Ринатович,
аспирант кафедры политологии Северо-Западного института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: arr1989@yandex.ru

Специальность 23.00.02 – Политические институты, политические процессы и технологии

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЕТИ, ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ И ЭКСТРЕМИЗМОМ

Аннотация. *Рассматриваются вопросы участия политических сетевых структур в борьбе с коррупцией и экстремизмом. Отмечается важность деятельности средств массовой информации в части опубликования информации о фактах коррупционной преступности; однако успех в противодействии коррупции не может быть достигнут исключительно за счет активного внедрения информационных технологий. Кроме этого, практика показывает возможность успешного противодействия в сфере информационных технологий распространению преступлений экстремистской направленности.*

Ключевые слова: *политические сети; коррупция; экстремизм; информационные технологии; гражданское общество.*

ABEZGILDIN R.R.

POLITICAL NETWORK OF CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS AND SOME QUESTIONS OF THE EFFECTIVENESS OF THE FIGHT AGAINST CORRUPTION AND EXTREMISM

The summary. *Questions of participation of political network structures in struggle against corruption and extremism are considered. Importance of activity of mass media regarding publication of the information on the facts of corruption criminality is marked; however the success in corruption counteraction cannot be reached exclusively at the expense of active introduction of information technologies. Besides, practice shows possibility of successful counteraction in sphere of information technologies to distribution of crimes of an extremist orientation.*

Key words: *political networks; corruption; extremism; information technologies; a civil society.*

После принятия закона «О противодействии коррупции» [1] государственные институты более четко сфокусировались на следующих вопросах:

а) на совершенствовании законодательства, обеспечивающего не только свободу информации в сфере борьбы с коррупцией и организованной преступностью, но и защиту государственной информации от злоупотребления иных средств массовых коммуникаций;
б) на повышении эффективности собственной коммуникационной антикоррупционной деятельности государства, учреждении и развитии новых, высокотехнологичных СМИ;
г) на дальнейшем развитии информационной

государственной инфраструктуры (пресс-центров, служб «паблик рилейшнз» и т.п.) с привлечением широкой общественности, представители которой занимают активную жизненную позицию неприятия коррупционных явлений;

д) на конструктивном диалоге между участниками социально-политических сетей, который должен стать инструментом участия граждан в вопросах государственного и муниципального управления [28; 48; 49; 56].

Заслуживает внимания и появление многочисленных сайтов общественных организаций, правоохранительных органов по выявлению и пресечению коррупционных нарушений. В частности, сообщение о противоправных действиях должностных лиц любой гражданин может оставить на сайте ПАСМИ www.pasmi.ru в специальном разделе «Сообщить о коррупции».

Еще со времен «перестройки» средства массовой информации предпринимали и предпринимают собственные расследования, публикуя их результаты, рекомендации наблюдательных и пропагандистских групп; при необходимости материалы поступают в прокуратуру, Следственный комитет, ФСБ. В настоящее время независимые СМИ определяют «коррупционную уязвимость» различных групп населения; стремятся содействовать углубленному пониманию обществом факта существования коррупционной преступности и создаваемых ею угроз, способствуют расследованию деятельности коррумпированных лиц, отставки, импичменту или уголовному преследованию должностных лиц в отношении которых существуют весомые доказательства об их связях с организованной преступностью. Такая деятельность СМИ усиливает политический плюрализм, способствует развитию принципов взаимозависимостей и взаимоограничений в рамках существующей политической системы; повышает ответственность государственных учреждений путем обнародования и вынесения на суд общественности результатов их деятельности.

В тоже время, С.П. Кушниренко, В.Д. Пристансков с сожалением констатируют, что «обстановка в самих СМИ, в том числе и случаи подкупа журналистов, небескорыстное использование прессы и телевидения в политических баталиях заставляет нас усомниться в возможности существования абсолютно объективных и принципиальных СМИ. Они всегда будут являться проводником идей определенного круга лиц. Кроме того, страны со свободными СМИ, как принято считать, так же не свободны от проявления коррупции» [30, стр. 152-153].

В сфере антикоррупционного законодательства следует выделить Указ Президента Российской Федерации от 15.07.2015 г. № 364 «О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции» [3]. С принятием данного указа известные политики уже отметили системный подход в реализуемой государством антикоррупционной политике. Член Комитета Государственной Думы по безопасности и противодействию коррупции А.Выборный отметил исключительную важность принятых государством мер, способных стать реальным заслоном на пути «продвижения» коррупции: «Фактически данным указом установлены общероссийские стандарты организации деятельности в области противодействия коррупции, что, безусловно, является очередным шагом в развитии национального антикоррупционного законодательства» [41].

Также отметим, что Указ Президента направлен на организацию в каждом субъекте федерации высокоэффективной, мобильной и т.д. системы, которая оказывала бы комплексное противодействие коррупции. Первостепенная роль в этой системе отводится: 1) работе комиссии по противодействию коррупции (это специальный орган, нацеленный на профилактику коррупционных преступлений и правонарушений), 2) подразделениям по профилактике коррупционных и иных правонарушений в федеральных государственных органах.

Специальные комиссии под председательством губернаторов уже начали определять основные направления антикоррупционной политики регионов и предпринимать конкретные меры по противодействию коррупции. Прописаны механизмы непосредственного взаимодействия данных комиссий с Управлением президента по вопросам противодействия коррупции; комиссии также займутся подготовкой нормативных правовых актов в данной сфере.

Важнейшей особенностью антикоррупционной политики на современном этапе является ее системность, комплексное и всестороннее противодействие коррупции, что позволит

заметным образом повлиять на причины и условия, способствующие возникновению и распространению данного явления.

Отдельно в типовых положениях о создании антикоррупционных структур прописана необходимость взаимодействия с гражданским обществом и открытость деятельности. В частности, средства массовой информации будут ежеквартально принимать участие в заседании комиссии по борьбе с коррупцией, регулярные отчеты о работе комиссии будут публиковаться на сайте главы региона и в СМИ. Как положительный факт следует отметить, что большинство чиновников, занимающихся противодействием коррупции имеют свою страницу в социальной сети facebook.com и общаются со всеми заинтересованными пользователя.

В обыденном сознании коррупция отражается именно на ограничении прав рядовых граждан (имеется в виду бытовой или низовой уровень коррупции). Исключительно благодаря знанию местных проблем, гражданское общество имеет возможность выявлять и пресекать любые начальные проявления коррупции уже в системе местного самоуправления [9; 10; 33; 34; 35; 38; 43; 44; 51; 52; 53]. С этой целью инициативные группы граждан, общественные объединения, негосударственные фонды могут и должны осуществлять проверку выполнения депутатами своих предвыборных обещаний (программ), создавать и широко использовать «горячие линии» в которых можно было бы обменяться информацией с компетентными органами, губернаторами (или их доверенными лицами), внедрить общественный контроль за деятельностью госслужащих [8; 17]. С нашей точки зрения, целесообразно было бы рассмотреть в политических сетях вопрос об избрании на местах уполномоченных по расследованию жалоб на некомпетентных и коррумпированных чиновников, на «самоустранение» исполнительных органов государства и органов местного самоуправления от решения жизненно важных вопросах в социальной, экономической и т. д. сферах [27; 48].

По мнению И.В. Бурковского: «Устранение пространственной дистанции дает повод говорить о формировании общего политического пространства. Благодаря преодолению пространственных ограничений человек оказался реально включенным в мировое сообщество, но вместе с тем наметилась тенденция обособления различных «сетевых сообществ» [11].

Необходимость реализации качественно новых антикоррупционных принципов государственного управления предполагает масштабное расширение сетевого сотрудничества с использованием новых средств массовых коммуникаций, отличающихся такими характеристиками как мультимедийность, интерактивность, многоканальность. Существенным достоинством «новых медиа» (СМК) является их способность к непрерывному обновлению информации и доведение ее до пользователя в режиме реального времени. Это в полной мере может относиться к сайтам, блогам, социально-политическим сетям. Информационные технологии стремительно меняют порядок жизни общества, способствуют «открытости» государственных структур, прозрачности принятия управленческих решений.

Однако, следует помнить, что успех в противодействии коррупции не может быть достигнут исключительно за счет активного внедрения в сферу деятельности органов государственной власти и институтов гражданского общества информационных технологий, так как технические системы не способны заменить человеческий фактор, раскрыть моральные установки коррупционера, понять его мотивацию и т.д. [16]

Кризисное общество органически связано с ростом коррупции, а также с распространением различных антисоциальных явлений, которые способны не только дестабилизировать работу публичного аппарата власти и управления, но и вызвать обострение отношений на расовой, национальной, религиозной или социальной почве среди различных групп населения, что неминуемо приводит к насилию или призывам к насилию [25]. Выделенные нами признаки характеризуют такое явление как экстремизм. В контексте данного исследования рассмотрим политико-правовую природу экстремизма, особенности зарождения и распространения экстремистских сетей в информационном пространстве, а также некоторые вопросы противодействия распространению радикальных идей и «учений» при помощи современных технологий.

По мнению многих специалистов, экстремизм в России в настоящее время можно рассматривать как реальную угрозу национальной безопасности государства [5; 13; 15]. Для нашей страны, которая традиционно является многонациональным и многоконфессиональным

государством, проблема обеспечения равноправия больших и малых народов, приверженцев той или иной религии является крайне актуальной. В тоже время приходится констатировать, что расслоение общества, обострение экономических проблем приводит к обострению конфликтов на межнациональной, межрелигиозной почве, к увеличению числа преступлений экстремистского характера [4; 29, стр. 159-160; 50].

Современный экстремизм (впрочем, как и одно из его проявлений – терроризм) имеет под собой вполне реальную экономическую основу, то есть его многочисленные структуры, организации действуют как хорошо отлаженный бизнес. В рамках экстремистских сообществ бесперебойно функционируют и стремительно расширяются: наркорынок, незаконный оборот оружия, торговля людьми; в сфере интересов криминальных структур – кредитно-финансовая и внешнеэкономическая политика государства, рынок ценных бумаг. Растет количество противоправных сделок по вывозу сырьевых, энергетических и других ресурсов за рубеж [37].

Экстремизм как крайнее проявление взглядов и убеждений, в том числе политических, религиозных, опасен для общества по ряду причин: во-первых, выражаясь в форме запрещенных законом деяний, он развивается в условиях конспирации; во-вторых, последнее обстоятельство ограничивает возможности специально-криминологического воздействия на очаги развития экстремизма; в-третьих, высокая латентность запрещенной деятельности экстремистских организаций не позволяет обществу и государству адекватно реагировать на нее, оценив надвигающуюся угрозу – широко распространяющиеся акты терроризма как способы реализации экстремистских настроений [12; 26, стр. 69].

Некоторые российские политологи и общественные деятели предлагают вместо термина «экстремизм» использовать понятие «радикальный национализм», которое, по их мнению, более отчетливо и ясно свидетельствует о наличии в некой идеологической программе или в пропагандируемых действиях признаков «разжигания розни», дискриминации, унижения достоинства личности на основе расовой, этнической, национальной, религиозной и прочих видов принадлежности [14, стр. 4].

В п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» [2] дается следующая законодательная дефиниция экстремистской деятельности (экстремизма): «насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность; возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения; воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения; совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации; пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций; публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения; публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением; организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению; финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем

предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг» [2].

Анализ Федерального закона от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» свидетельствует о его недостаточной доктринальной проработанности, неопределенности его статуса в процессе дальнейшего совершенствования законодательства.

К сожалению, закон так и не дал единого определения экстремизма. Кроме того, вызывает недоумение, с какой целью понадобилось создание такого документа, если вся его сфере применения так или иначе уже регулируется статьями действующего УК.

Кроме того, закон игнорирует сетевые механизмы организации экстремистской деятельности.

По нашему мнению, именно концепция «политических сетей» позволяет подойти более основательно к анализу феномена экстремизма. «Сетевой характер» экстремизма (как в России, так и в зарубежных странах) сводится к использованию незаконных практик влияния на все ветви власти с целью продвижения интересов, противоречащих основам конституции и подрывающим безопасность страны. Развитие экстремистских технологий приводит к деструктивным процессам в обществе и государстве, к значительной имплементации организованной преступности в сферах государственного управления, экономики и т.д.

В демократическом обществе политические сети положительно влияют на развитие социальных сил, институтов, социально-политических практик, они резко повышают интенсивность и эффективность коммуникаций, дают новые возможности социально-политического анализа, политического маркетинга, PR. На глобальном уровне именно политические сети координируют действия в защиту прав личности. В тоже время события последних лет показывают, что современные информационно-коммуникационные технологии (прежде всего Интернет и мобильная связь) могут использоваться экстремистами (при помощи, так называемых, девиантных сетей, которые структурно «напоминают» демократические сети, но направлены на решение совсем иных задач).

Девиантные сети, в деятельности которых участвуют экстремисты на разных фазах своего существования могут включать в себя религиозных лидеров, фанатично настроенных националистов, маргинальных политиков, представителей властных структур («местной элиты»), разделяющих радикальные воззрения единомышленников, студентов, аспирантов, преподавателей высших учебных заведений, представителей среднего класса.

На международном уровне экстремистским организациям удалось сформировать специфическую информационно-коммуникационную среду с высоким уровнем распространения мобильных телефонов, персональных компьютеров и т.д. По заявлениям представителей спецслужб, экстремистские организации постоянно пытаются наращивать свое участие в сетевой форме политических коммуникаций [42].

Практика показывает возможность успешного противодействия экстремистам как раз в сфере информационных технологий. К примеру, в последние годы экстремистам стало сложнее использовать спутниковые телефоны и тому подобное оборудование. В результате связь с центральным аппаратом нарушается, и глобальный джихад может вернуться к заговорам по организации местных операций без особой поддержки из «центра». Важную роль в осуждении экстремистов, например, на судебных процессах, играют документы, найденные в конфискованных компьютерах.

Анализируя условия, способствующие развитию экстремизма в рамках властных отношений, следует обратить внимание и на состояние (уровень) суверенитета государственной власти. Его ослабление является фактором, обладающим не только большим криминогенным потенциалом, но и активизирующим насилие в рамках соответствующего политического сообщества. Наиболее серьезным проявлением этого является неспособность властвующих обеспечить стабильность и экономический прогресс общества и утрата государством монополии на легитимное насилие. Эти явления тесно между собой связаны. Государственная власть, не имеющая монополии на насилие, чаще всего не способна эффективно выполнять стоящие перед ней задачи и обеспечивать правовой прогресс [21; 22; 23; 24; 47]. В обществе возникают различные центры власти, использующие в борьбе друг с другом насильственные средства. Органы государственной власти не в состоянии обеспечить

политическую стабильность, интеграцию общества. В результате нормальный политический процесс нарушается различными формами политического насилия. Ослабление государственной власти многие исследователи справедливо связывают со сменой формы властных отношений. При смене политического режима уменьшается потенциал центральной власти. Властные структуры лишены традиционного политического авторитета. Ухудшение управляемости государства из единого центра приводит к обострению столкновений противоборствующих элит [39]. Об этом свидетельствует исторический, да и современный международный опыт, который показывает, что ослабление власти имперского центра или федерального государства, тем более многонациональных империй ведет к оживлению или выходу на поверхность доселе дремавших межнациональных, конфессиональных, территориальных конфликтов [31, стр. 173; 32].

Т.В. Мордовцева выражает обеспокоенность по поводу еще одного явления, наметившегося в политическом процессе. Так, она сообщает, что ряд правозащитников и представителей политической оппозиции прямо заявляют: «В современной России не просматривается угроза демократическому строю и основам конституционного порядка в стране со стороны политических и общественных объединений, именуемых в соответствии с действующим законодательством экстремистскими организациями». Поэтому «репрессивную» программу противодействий органов власти, считают оппозиционеры и некоторые национальные лидеры, следует ограничить, при этом, что любопытно, речь не идет о снижении меры ответственности государства за последствия экстремизма. В итоге, по мнению автора, возникает довольно противоречивая ситуация: закон предполагает ужесточение мер противодействия и профилактики экстремизма, а радикально настроенная общественность желает их смягчения, видя в этих мерах угрозу своим демократическим правам и свободам, при этом настаивая на эффективности деятельности институтов власти, обеспечивающих безопасность жизни и здоровья граждан [36, стр. 327].

С нашей точки зрения, приемлемого решения проблемы можно достичь благодаря политическим сетям, в которых государственные институты, рядовые граждане, политические, религиозные деятели, представители «умеренного крыла экстремизма», лидеры радикальных организаций, настроенные на конструктивный диалог с властью, взаимодействуют между собой и пытаются достичь согласия, выработать взаимоприемлемые, компромиссные решения, то есть проблема должна решаться в рамках и с помощью институтов гражданского общества и политических сетей [18; 45].

Проблема организации профилактики распространения преступлений экстремистской направленности в России приобретает особенную актуальность; она отнесена к числу наиболее важных приоритетных задач, стоящих перед государством и гражданским обществом. Выполнение этой задачи является чрезвычайно сложным делом, так как требует изучения накопленного мирового опыта борьбы с экстремизмом и терроризмом, поиска новых современных подходов в преодолении этих негативных явлений, объединения усилий науки и практики, согласованности действий всех государственных органов, учреждений, общественных формирований, различных организаций, фондов, широких слоев населения. В числе приоритетных задач наиболее трудная заключается в том, что необходимо добиться координации и слаженности работы государственных органов и общественных организаций в процессе проведения профилактических мероприятий, обеспечения правоохранительной деятельности [6; 19; 46; 54; 55], а также в установлении диалога между всеми заинтересованными сторонами, стремящихся к выработке конструктивного решения по вполне конкретным вопросам.

В заключение данной статьи представляется возможным сделать ряд выводов.

1. Коррупцию в современной России следует рассматривать как политическую сеть, представляющую собой высокую общественную опасность (прежде всего, для управленческой сферы) и состоящую из взаимозависимых акторов, участвующих в коррупционных процессах в основе которых лежит незаконный ресурсный обмен (как правило, властный ресурс обменивается на материальный, информационный и т.д.).

2. Во избежание терминологической путаницы представляется целесообразным назвать сети, использующие современные информационные технологии, для подрыва демократических устоев общества, национального суверенитета, распада правового поля, создание политической

нестабильности и т.д. – девиантными сетями. Девиантные политические сети «охватывают» широкий спектр общественно опасных деяний против государственной власти: коррупцию, экстремизм, терроризм, наркобизнес и т.д. Они связаны с девиантностью и социальным контролем, как таковым, в России [20].

3. При девиантном сетевом взаимодействии коррумпированная бюрократия искажает экономическую политику и стратегию развития страны. Ее интерес чисто корыстный, основанный на незаконной поддержке и финансировании политических структур в обмен на благоприятные условия для развития олигархического бизнеса, всевозможных кланов, а также предполагающий «внедрение» коррумпированных чиновников во властные структуры.

4. Осознание населением Российской Федерации необходимости противостояния процессам социальной деградации (коррупции) порождает системные связи между различными общественными организациями, рядовыми гражданами, формирует определенные виды социальной деятельности, способствует возникновению сетевых структурных узлов политической активности.

5. Сетевая политическая активность играет наиболее значимую роль в обсуждении и совершенствовании антикоррупционного законодательства, в организации и проведении конкретных мероприятий, направленных на «оздоровление» государственных институтов, в создании действенных механизмов общественного контроля за бюрократией (при активном использовании современных медиакоммуникаций), в публичных оценках руководителей государства, партийных лидеров, а также в анализе принимаемых ими решений, в том числе и с позиций антикоррупционной экспертизы [7; 40].

6. Поскольку в отечественном законодательстве отсутствует единое определение экстремизма, то с нашей точки зрения под данным феноменом следует понимать приверженность к крайним взглядам и мерам; экстремизм свидетельствует о пренебрежении нормам общественного поведения, о готовности использовать насильственные меры для удовлетворения своих интересов и потребностей. Несмотря на значительное многообразие этого явления, следует выделять три основные его формы: политический, национальный и религиозный экстремизм. В зависимости от того, какие теоретико-методологические позиции разделяет исследователь и какие формы экстремизма находятся в поле его зрения, он предлагает ту или иную его интерпретацию.

7. В политической сфере постоянно появляются новые возможности для воздействия на общественное сознание, ценностные установки и ориентации различных групп. Средства массовых коммуникаций (СМК) как основной поставщик информации является важнейшим ресурсом власти за который идет борьба между различными политическими силами. Однако современные информационно-коммуникационные технологии могут наносить серьезный вред государству, особенно, если это касается информационных ресурсов, используемых экстремистами. Так называемые, девиантные политические сети обладают высокой устойчивостью, приспособляемостью к любым, даже самым неблагоприятным для них условиям.

8. В сфере противодействия экстремизму особая роль должна отводится созданию сетевых проектов организаторами и инициаторами которых целесообразно выступать представителям органов власти. Участие государства в сетевой форме политической коммуникации может проявиться в запуске унифицированных информационных систем антиэкстремистской направленности, предназначенных для публичного обсуждения наиболее злободневных и острых проблем в социальной сфере и в сфере государственного управления.

9. Современные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) выполняют ряд важнейших позитивных функций в политических процессах. Так, благодаря им могут создаваться сети, повышающие антикоррупционный потенциал государственных институтов и общества в целом, раскрываться широкие возможности для социально-политического анализа негативных явлений, возникающих в структуре управления публичными делами, и т.д.

Список литературы

1. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (часть I). – Ст. 6228.
2. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.
3. Указ Президента Российской Федерации от 15.07.2015 г. № 364 «О мерах по совершенствованию организации деятельности в области противодействия коррупции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 29 (часть II). – Ст. 4477.
4. Абдулганеев Р.Р. Религиозный экстремизм как один из дестабилизирующих факторов современного общества // Закон и право. – 2011. – № 2. – С. 74-76.
5. Александров А.И., Ковалевский С.С., Коровников А.В., Сурков К.В. Проблемы законодательного обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. – М., 2003.
6. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Международная правоохранительная деятельность и полицейские традиции России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 130-150.
7. Ананских И.А., Труфанов А.Ю. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и антикоррупционном мониторинге в сфере физической культуры и спорта // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 123-130;
8. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
9. Бондарь Н.С. Права человека и местное самоуправление в Российской Федерации. – Ростов-на-Дону: РостГУ, 1998. – 382 с.
10. Булатов Р.Б. Муниципальная власть: основные черты и особенности // Мир юридической науки. – 2013. – № 1-2.
11. Бурковский И.В. Информационные ресурсы политической власти: содержание и современные технологии применения: Автореф. дис. … канд. полит. наук. – М., 2011.
12. Вайле С.П. Экстремизм в современной России: Тенденции и перспективы // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2015. – № 1(19). – С. 59-62
13. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Национальная безопасность России: конституционное обеспечение: Научное издание – СПб.: Фонд «Университет», 1999. – 192 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
14. Верховский А.М. Государство против радикального национализма. Что делать и чего не делать? – М., 2002.
15. Возженников А.В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия. – М., 2000.
16. Горбатов С.А. Проблемы нравственности и этики у государственных служащих // Политика, государство и право. – 2015. – № 10.
17. Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации / Науч. ред. И.И. Кальной, А.В. Горбань. – Симферополь; Севастополь: АРЕАЛ, 2011. – 648 с.
18. Гражданское общество: истоки и современность / Науч. ред. И.И. Кальной, И.Н. Лопушанский. – 3-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2006. – 492 с.
19. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2000. – 320 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
20. Девиантность и социальный контроль в России (XIX – XX вв.): тенденции и социологическое осмысление: Научное издание / В. Афанасьев, Н. Бараева, А. Васильев, Я. Гилинский, И. Графчикова, И. Гурвич, Я. Костюковский, Э. Кочетков, И. Кукушкина, Г. Румянцева, М. Русакова, В. Сальников, С. Степашин; отв. ред. Я.И. Гилинский. – СПб.: Алетейя, 2000. – 384 с.
21. Захарцев С.И., Сальников В.П. О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С 113-121.
22. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс – новая философско-правовая дефиниция // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 171-188.
23. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс и ценности права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 17-31.
24. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 13-30.
25. Исмагилов Р.Ф., Карагодов В.А, Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003.

26. Касторский Г.Л. Религиозная мотивация экстремизма и терроризма // Криминология: вчера, сегодня, завтра: Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. – 2001. – № 1.
27. Кещян Н.А. Кадровая проблема государственной службы и её решение // Политика, государство и право. – 2014. – № 8.
28. Кимлацкий О.А., Мачульская И.Г. Коррупция стала составной частью политики, экономики и общественной жизни // Следователь. – 2014. – № 1(189). – С. 32-36.
29. Коршунова О.Н. Преступления экстремистского характера: теория и практика противодействия. – СПб., 2006.
30. Кушниренко С.П., Пристансков В.Д. Коррупция и ее преступные проявления: особенности уголовного преследования. – СПб., 2004.
31. Лукичев О.В., Шарая О.С. Международный терроризм (историко-правовой и криминологический анализ); Монография. – СПб., 2006.
32. Манойло А.В. Информационный фактор цветных революций и современных технологии? демонтажа политических режимов // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 6. – С. 61-66.
33. Медведев С.М., Числов А.И., Местное самоуправление в России и человек как главная социальная ценность: актуальность проблемы и результаты исследования // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 43-52.
34. Медведев С.М., Числов А.И. Органы местного самоуправления и их должностные лица: некоторые вопросы юридической ответственности // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 33-46.
35. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы, законные интересы граждан и органы местного самоуправления: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2013. – 232 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
36. Мордовцева Т.В. Профилактика экстремизма в российском политико-правовом пространстве: соотношение законности и целесообразности // Научные труды Российской академии юридических наук. Вып. 8. В 3-х томах. Т. 3. – М., 2008.
37. Петрянин А.В. Экономический экстремизм как новая разновидность экстремизма // Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей: Сборник научных трудов. Вып. 17. – Н. Новгород., 2011. – С. 58-66.
38. Покровский И.Ф., Булатов Р.Б. Некоторые вопросы становления муниципальной власти в России // Государственная власть и местное самоуправление. – 2013. – № 4. – С. 40-44.
39. Политический режим и преступность: проблема политической криминологии / Шестаков Д.А., Кристи Н., Гилинский Я.И., Бурлаков В.Н., Милюков С.Ф., Горшенков Г.Н., Сальников В.П., Касторский Г.Л., Кабанов П.А., Волженкин Б.В., Бараева Н.Б., Вандышев В.В.; Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 365 с.
40. Правовые акты: антикоррупционный анализ: Научно-практическое пособие / Отв. ред. В.Н. Найденко, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева. – М.: КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2010. – 176 с.
41. Президент усилил противодействие коррупции в регионах. Источник: http://gulagu.net (дата обращения 20 июля 2015).
42. Проблема внедрения экстремистской идеологии в России постоянно в поле зрения спецслужб и других ведомств. Источник: http://www.ng.ru (дата обращения 12 февраля 2013 г.).
43. Роженцев С.В., Числов А.И. Органы местного самоуправления и интересы малого и среднего бизнеса: проблемы юридической ответственности // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 104-119.
44. Роженцев С.В., Числов А.И. Юридическая ответственность органов местного самоуправления и их должностных лиц: понятие и классификация // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 72-85.
45. Ромашов Р.А. Гражданское общество и правовое государство: проблемы взаимоотношения // Правоохранительная деятельность и правовое государство: сб. трудов адъюнктов и соискателей. Вып. 3 / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб, 1994.
46. Ромашов Р.А. Проблемы правоохранительной деятельности современной России: Учебное пособие – СПб.: Астерион, Фонд «Университет», 2008. – 138 с.
47. Сальников В.П., Романовская В.Б., Фомичев М.Н. Право и научно-технический прогресс: вместе или отдельно // Мир политики и социологии. – 2016. – № 2. – С. 175-193.
48. Сидоренко Э.Л. Реформирование российского антикоррупционного законодательства // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 3. – С. 188-193.
49. Стебенева Е.В. Основные меры противодействия коррупции на общесоциальном уровне профилактики // Преступность, девиантность и социальный контроль в эпоху постмодерна: Материалы международной научно-практической конференции. 2014. – С. 289-292.
50. Федин А.И. К вопросу о предпосылках экстремистской деятельности подростков и молодежи в современной России // Политика, государство и право. – 2015. – № 5.

51. Хабриева Т.Я. Муниципальная реформа в Российской Федерации // Экономика региона. – 2008. – № 2. – С. 26-35.
52. Хабриева Т.Я. Современная Конституция и местное самоуправление // Журнал российского права. – 2005. – № 4(100). – С. 10-18.
53. Хабриева Т.Я., Васильев В.И. Местное самоуправление как уровень публичной власти // Муниципальная реформа в Российской Федерации: правовое и экономическое исследование: Монография. Сер. «Юридическая библиотека России» / Андриченко Л.В. и др.; под общ. ред. Т.Я. Хабриевой; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – 2010. – С 370-384.
54. Числов А.И. Правоохранительная деятельность: Сущность и реализация. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1999. – 288 с.
55. Числов А.И., Орлов Б.М. Правоохранительные органы и правоохранительная деятельность. – М.: Информационно-методический центр Главного управления кадров МВД России, 2004. – 95 с.
56. Шалагин А.Е., Кабиров Д.Э. Приоритетные направления предупреждения коррупционной преступности на современном этапе // Вестник Казанского института МВД России. – 2015. – № 1(19). – С. 63-67.

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

ДАШИН Алексей Викторович,
профессор кафедры теории и истории государства и права Самарского юридического института ФСИН России, доктор юридических наук, профессор (г. Самара, Россия)
E-mail: avdashin@mail.ru

САЛЬНИКОВ Сергей Павлович,
доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)
E-mail: sp.salnikov@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И «ОБЫЧНОЕ ПРАВО»

Аннотация. *Анализируется место и роль обычного права в современной теоретико-правовой науке. Высказывается мнение, что в нынешнем российском обществе правовой обычай среди прочих социальных регуляторов занимает более значительное место, чем в государствах современной Европы, и его роль в ряде сфер правового регулирования постоянно возрастает.*

Ключевые слова: *обычай; обычное право; социальные регуляторы; понимание права; синкретизм правовой культуры; гражданское общество.*

DASHIN A.V.
SAL'NIKOV S.P.

MODERN DOMESTIC JURISPRUDENCE AND "COMMON LAW"

The summary. *The place and common law role in a modern theoretical-legal science is analyzed. The opinion is expressed, that in a present Russian society the legal custom among other social regulators takes more considerable place, than in the states of modern Europe, and its role of customs in a number of spheres of legal regulation constantly increases.*

Key words: *custom; a common law; social regulators; understanding of the law; syncretism of legal culture; a civil society.*

Современная российская наука еще сохраняет приверженность прежней теоретической конструкции, устанавливающей принципы существования обычая как формы права. Отдельные авторы единодушны во мнении, что обычай может стать формой права (то есть правовым обычаем) только при наличии санкции государства. Возможность применения несанкционированных государством норм общественного происхождения сводится к признанию «обыкновений», или приравненных к ним «обычаев делового оборота», средством, восполняющим волю сторон, если это «обыкновение» не противоречит закону, договору, принципам права, охраняемым правам, интересам и т. д. Значительное количество ограничений низводит ценность обыкновения до роли некого информатора судьи, который вынужден прибегать к нему для объяснения мотивации сторон в тех случаях, когда имеющаяся нормативная база исчерпана.

В то же время, все более активную поддержку получают позиции ученых, в рамках которых утверждается относительная автономность обычного права. Существенно обогатили научные представления и взгляды на обычное право теоретико-правовые исследования И.Б. Ломакиной, Г.В. Мальцева, Д.Ю. Шапсугова, в работах которых обычай и обычное право рассматривается с теоретической точки зрения, а изучению институциональной основы обычного права (структуре обычаев, их функциональной природе, объективации и легитимации) придается особое значение [19; 21; 35; 39; 40; 41; 42; 43; 44; 46; 73].

В современной теоретико-правовой науке формируется новый раздел в теоретическом правоведении – теория обычного права. Многие проблемы, связанные с обычным правом, требуют переосмысления. Однако до сих пор в теоретической юриспруденции остаются не изученными в достаточной степени вопросы о том, что следует понимать под обычным правом, как соотносятся между собой обычное право и юридические обычаи, какие механизмы лежат в основе формирования обычного права, как связано обычное право с правовой системой и обществом в целом, каков характер этих связей, каковы механизмы трансформации обычного права.

Исторически право предстает в нескольких разновидностях своей внешней фиксации (источники права) или областей регулирования (отрасли права). Источник права можно понимать и как способ возникновения (формообразования) права, и как совокупность требований правового характера, обнаруживаемых в текстах законов или в правилах и процедурах, отвечающих требованиям давней общепризнанной традиции.

В контексте осуществленного в науке ретроспективного анализа можно акцентировать внимание на том, что источники права – это способы возникновения и фиксации правил и требований правового назначения. Самыми распространенными и типичными среди них на протяжении всего периода существования государственной организации общества были и остаются правовые обычаи и законы, принятые от имени государства и поддерживаемые при помощи государственного принуждения.

Обычай как результат и способ внешнего выражения и закрепления правил юридически значимого поведения определяет специфику роли обычного права в национальной правовой системе, особенности места обычного права среди источников права.

В процессе эволюции обычного права можно проследить несколько основных этапов:

- первый этап – генезис обычного права, его существование в архаическом обществе. Обычное право существует вне государства и выступает как протоправо, предправо (в контексте современного понимания права);
- второй этап связан с появлением права как системы общезначимых правил поведения, принимаемых от имени государства, распространяющих свое регулятивно-охранительное воздействие на всех членов общества, обеспечиваемых системой государственных гарантий и санкций, признаками которого являются общезначимость, публичность, формальная определенность, обеспеченность системой государственных гарантий, санкционированность.

Обычное право становится социальным регулятором второго плана – «обычным правом», приобретает характер корпоративного права.

«Обычное право» в классовых обществах имеет специфическую процедурную сторону. Первоначально в нем сильны древние формы (этнически окрашены ритуалы судопроизводства и их конкретная символика; сценарии судопроизводства

не освобождены от религиозных, нравственных начал и фольклора). Со временем «обычное право», особенно в государствах, управляемых правителями с неограниченной властью, приобретает прецедентный характер. При этом правовой прецедент, как правило, достаточно полно учитывает местную конкретику, классовые и этнокультурные особенности населения, содержание значимых обычаев;

- третий этап связан с современными жизненными реалиями и формированием «обычного права», отличающегося характером, способом, временем и сферой формирования и функционирования. «Обычное право» современности действует в динамичных социальных группах, а также в сфере международных отношений. Данный этап эволюции обусловлен усиливающимся динамизмом современной общественной жизни, мощным развитием средств коммуникации, всеобщей информатизацией и другими позитивными факторами, влияющими на характер и способы общения, которые в совокупности имеют своим последствием значительное ускорение формирования и распространения обычных норм.

В современном мире в различных национальных правовых системах обычай занимает различное место в числе социальных регуляторов:

- как основа правовой системы,
- как элемент биюридической системы,
- как самостоятельный источник права.

Существенное влияние на определение места и роли обычного права в системе социальных регуляторов оказывает сегодня позиция Фарита Хатиповича Галиева, предложившего юридической науке свое исследование в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук «Синкретизм правовой культуры в современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование», которое выступает в качестве самостоятельного глубокого изыскания, позволяющее познать современное право.

В крайние годы появилось очень много интересных правовых идей познания права, позволяющих отойти от традиционного понимания права в нормативистской его интерпретации как совокупности правил поведения, установленных или санкционированных государством. Профессор В.М. Шафиров, например, предлагает познавать право через Конституцию [74]. Ю.П. Боруленков в познании права видит использование возможностей герменевтики [12; 13; 14; 15; 16; 17]. О герменевтике все больше и больше стали говорить и писать юристы [8; 9]. Есть и вообще очень оригинальные подходы к пониманию права, предложенные профессорами В.П. Сальниковым и С.И. Захарцевым, например – комплексная теория познания. Авторы полагают, что время открытий единой концепции о праве, видимо, еще не пришло. В то же время они соглашаются с профессором В.Д. Графским об односторонности и опасной ущербности господствующей в настоящее время ориентации в юридической науке по этому вопросу, и ратуют за сближение вариантов понимания права [29, стр. 154-155].

Нам представляется, что именно на сближение вариантов понимания права и работает концепция синкретизма современной правовой культуры, обоснованная Ф.Х. Галиевым [20; 22; 23; 24; 26]. По его мнению, «ни одна из социальных норм в современном обществе не функционирует изолированно от других». В этом заключается сущность синкретизма правовой культуры: «правовая культура формируется и функционирует, будучи составляющим элементом процесса воздействия права на общественные отношения в единстве с другими социальными регуляторами…, синкретизм правовой культуры, как взаимосвязанность и единство функционирующих в обществе различным систем социальных норм, сформировался на протяжении всей истории существования человечества. Специфические моменты, связанные с формированием синкретизма правовой культуры, совпадают с теми историческими периодами, которые выделяются в развитии государства и права. Относительно России, – *замечает Ф.Х. Галиев,* – это прежде всего, VIII–IX вв., когда начинают появляться государственные структуры, формируются конкретные запреты, дозволения и обязывания. Они, с одной стороны, присущи правовой норме, ибо нормы права и запрещают, и разрешают, и обязывают. С другой стороны, эти же моменты мы обнаруживаем и в содержании норм других социально-регулятивных систем: морали, религии, этики, традиций, обычаев и т.д.

Во-вторых, – *пишет он,* – это X-XIII вв., когда государствообразующие структуры начинают обеспечивать определенную часть социальных норм принудительной силой государства, превращая их в норму права. При этом никто не отменяет нормы других регулятивных систем. С появлением государства появляется закон, регулирующий наиболее важные общественные отношения, менее важные отношения оптимизируются другими социальными нормами. Правовую норму начинает поддерживать принудительная сила государства, а все остальные нормы продолжает контролировать общественное мнение. В-третьих, это XIV-XVIII вв., когда государство начинает создавать свои правовые нормы и нормативно-правовые акты. При этом часть общественных отношений, например, семейно-брачные отношения, регулируется нормами религиозного права. Общинно-вечевой способ управления государством поддерживался самоуправлением и самодеятельностью народа и сопровождался нормами обычного права и государственно-политических обычаев. В-четвертых, это XIX-XX вв., когда в государстве формируется собственная правовая система, которая тоже не игнорирует воздействия на общественные отношения требований других социальных норм. В истории нашего государства это появление Полного собрания законов и Свода законов Российской Империи в XIX в., создание новой правовой системы после 1917 г. В-пятых, это 1990-е годы, когда государство на основе Конституции 1993 года начинает превращаться в правовое государство с присущим ему гражданским обществом, в котором наряду с правовым решением социальных вопросов большое внимание уделяется правам и свободам граждан, а также духовно-нравственной стороне во взаимоотношениях людей. В современных условиях правовая норма не дистанцируется от других социальных норм» [25, стр. 23-24].

Ф.Х. Галиев в диссертационной работе выявил и обосновал положение о том, что «огромный спектр социокультурных своеобразий, моральные, религиозные, этические нормы, традиции и обычаи, обрядовая и ритуальная культура будут оказывать прямое или косвенное влияние на правовую культуру, и в обозримом будущем, способствуя усилению и активизации юридической составляющей в правовой культуре. Поэтому проблема синкретизма правовой культуры надолго остается объектом внимания исследователей, оказывает влияние как на правотворческую и правоприменительную практику, так и на развитие и совершенствование правовой культуры российского общества, на повышение роли права в жизни людей» [25, стр. 16-17].

Исследователь определяет тот важный факт, что синкретизм современной правовой культуры есть «естественный результат государственно-правового и духовно-нравственного развития общества, которое формируется на протяжении длительного отрезка времени в информационном пространстве и правовом поле государства и зависит от цивилизованного развития общества. Трансформируясь в соответствии со спецификой развития общества, обусловленной политическими, экономическими, социальными условиями, синкретизм правовой культуры изменяется, и эти изменения связаны с потребностями очередного этапа в исторической динамике общества».

В диссертации Ф.Х. Галиева установлена «функциональная зависимость правовой культуры от общего состояния других компонентов культуры, что объясняется спецификой синкретизма правовой культуры. Правовая культура может успешно функционировать только в обществе, в котором признаются и воплощаются в жизнь права и свободы человека, нормы морали, религии, этики, традиции и обычаи, способствующие гармоничному осуществлению субъективных прав и юридических обязанностей» [25, стр. 13].

То есть речь по существу идет о гражданском обществе. Как известно, гражданское общество, по мнению В.А. Бачинина и В.П. Сальникова, «представляет собой сложную, многомерную социальную целостность, которая, будучи открытой, самоорганизующейся системой естественно складывающихся социальных отношений между индивидами как частными лицами, активно обменивается веществом, энергией и информацией со своим главным контрагентом – государством. В гражданском обществе каждый человек предстает не как подданный государства, но как самоценный индивидуум, имеющий свои личные, частные жизненные цели, которые могут либо совпадать с интересами государства, либо противоречить им».

Если посмотреть на гражданское общество с позиций формально-структурного аспекта, то

оно «представляет собой совокупность существующих, нарождающихся и активно функционирующих общностей – добровольных объединений, союзов, организаций. Одна из ведущих задач всех этих общностей состоит в том, чтобы дать индивидам возможность общаться на почве сходных практически духовных интересов. Они не позволяют гражданам уподобиться некоей россыпи автономных атомов, предлагая множество разнообразных форм социальной кооперации. Через них гражданское общество как социальный макроинститут, поощряет различные проявления человеческой солидарности» [11, стр. 133].

Что особенно значимо, именно в условиях гражданского общества «стихийно возникающие корпорации граждан, – *по мнению В.А. Бачинина и В.П. Сальникова,* – способны не только удовлетворять их разнообразные потребности, но и защищать их интересы и естественные права от чрезмерного диктата государства. По большому счету гражданское общество для того и существует, чтобы защищать естественное право каждого гражданина на частную жизнь, куда входит сфера семейных отношений, досуга, домашнего хозяйства, дружеских и интимных связей, а также область внутренней духовной жизни личности», то есть те общественные отношения, которые традиционно входят в сферу «обычного права»

В отношении государства и человека взаимодействующие социальные величины очень неравнозначны. И несмотря на то, что в статье 2 Конституции Российской Федерации закрепляется человек, его права и свободы как высшая ценность, а государству отводится роль признания, соблюдения и зашиты прав и свобод человека и гражданина, как его обязанности [1], тем не менее разномасштабность сопоставляемых величин позволяет государству уверенно присваивать себе главенствующую роль. «В его глазах интересы отдельной личности и его собственные интересы в принципе не могут быть равнозначны». Об этом довольно часто пишут и в научной литературе. «Но если государство с удовлетворением воспринимает такое положение дел, тог индивид далеко не всегда готов его принять. И здесь ему на помощь приходит гражданское общество в качестве идеи и социальной реалии. Именно оно, стоящее на страже естественных прав «маленького человека», способно постоянно защищать их от посягательств грозного «Левиафана». Оно готово ставить интересы обеих сторон в один аксиологический ряд, искать и разрабатывать реальные практические средства для их действительно социально-правового уравновешивания» [11, стр. 133-134].

Именно в условиях гражданского общества можно увидеть единение правового обычая с другими социальными регуляторами, в том числе и с правом. «Гражданское общество представляет собой довольно позднее историческое образование и выступает как специфический феномен западной правовой цивилизации нового времени. Его возникновение предполагало два главных условия – переход традиционного, феодального общества в индустриальную фазу развития и возникновение масштабных генераций эмансипированных граждан, создающих неотъемлемость своих естественных прав» [11, стр. 134].

Эмансипорованные граждане все активнее борятся за свои естественные права, и в этих целях стремятся использовать всю совокупность имеющихся в их распоряжении социальных регуляторов, в чем и проявляется синкретизм современной правовой культуры. Ибо это естественным образом формируемая в ходе жизнедеятельности людей, по мнению Ф.Х. Галиева, «объективная взаимообусловленность, взаимосвязь, взаимозависимость и взаимодействие различных социальных норм, в комплексе воздействующих на сознание и поведение людей» и способствующих «оптимизации общественных отношений в соответствии с представлениями о добре и справедливости».

В современном мире, в условиях гражданского общества, «сложно найти юридическую норму, которая бы противоречила требованиям иных нормативных регуляторов общественных отношений, функционирующих в обществе в виде норм морали, религии, этики и т.д. Это объективно связано с синкретизмом правовой культуры, который означает взаимозависимость требований всего комплекса действующих в современном обществе социальных норм в процессе их воздействия на сознание и поведение людей» [25, стр. 12].

В нынешнем российском обществе «правовой обычай занимает, пожалуй, более значительное место, чем в государствах современной Европы. Связано это с тем, что мы стремимся не расставаться с традиционными российскому народу

нашими отечественными ценностями, например, такими как традиционная семья [3; 4; 6; 7; 27; 34; 36; 37; 45; 48; 71]. И стремимся отторгать чуждые нам западные ценности, навязываемые США и Западной Европой [5; 18; 28; 32; 33; 47; 50; 51; 53; 54; 55; 56; 57; 58; 62; 69; 72]. Правда, справедливости ради необходимо отметить, что такое противопоставление, скажем, обычного права и национальных отечественных политико-правовых традиций [59; 60; 61; 63; 64; 65; 66; 67; 68], навязываемым западным ценностям не всегда удается реализовать в пользу отечественных правил. И здесь очень большая роль принадлежит политическим сетям [2], которые, к сожалению, не всегда играют конструктивную роль. Правовая реальность свидетельствует о том, что политические сети не всегда работают на правовой прогресс [10; 30; 70], а порой создают реальную опасность для человека и его здоровья [49].

Правовые обычаи играют значимую роль во многих странах мира. В Англии в рамках англосаксонского права обычаи стали одним из наиболее активных регуляторов общественных отношений. Выступая в качестве самостоятельного источника права обычай органически сочетает в себе моральные требования, предъявляемые обществом и государством к поведению отдельных лиц и их объединений, с правовыми. Правовые обычаи имеют те же характерные черты и особенности, что и неправовые обычаи, только первые, будучи санкционированы государством, приобретают юридическую силу и обеспечиваются в случае их нарушения государственным принуждением, а вторые – не обладая юридической силой и не будучи источниками права, обеспечиваются лишь общественным мнением. В этом также проявляется синкретизм современной правовой культуры.

В судебном разбирательстве сторона, ссылающаяся на древний обычай, должна представить доказательства, что он является именно таковым. Но поскольку это сделать далеко не всегда просто и легко, то суд, по свидетельству наблюдателей, относится к этому с пониманием. Практически он не настаивает на предоставлении ему абсолютных доказательств того, что обычай уходит своими корнями вплоть до 1189 г.

Зачастую суд удовлетворяется тем, особенно при рассмотрении дел, «привязанных» к той или иной местности, что устанавливает факт существования искомого обычая на протяжении всей жизни старейшего жителя данной местности. Исходя из этого, судом презюмируется, что используемый обычай восходит к 1189 г., то есть существует с «незапамятных времен», и уже в силу этого должен рассматриваться как источник права, как правовой обычай.

На обычай как на источник англосаксонского права нельзя ссылаться, если имеют место «отклонения» их и от других установившихся в рамках общего права довольно жестких к ним требований – канонов. Требования к обычаю предполагают, чтобы обычай: в процессе своего постоянного или периодического использования ни разу «не прерывался в законном порядке»; применялся только «мирно, открыто и правильно»; был вполне определенным по своей сути и содержанию; органически «вписывался» или хотя бы согласовывался (не противоречил) с другими обычаями; являлся ограниченным определенной сферой деятельности и территорией, а также предметом своего регулятивного воздействия; органически сочетался с существующими нормами права и «не находился в конфликте (не противоречил) ни со статутным, ни с общим правом»; признавался, уважался и соблюдался населением той территории, на которой он действует как правовой обычай.

О юридической силе обычая как источника англосаксонского права свидетельствуют многие судебные дела, где приоритет неизменно оставался на стороне обычая. Речь идет также о юридической силе выделяемых в отдельную группу торговых обычаев, которые исторически складывались сначала в Англии, а затем в других странах общего права в результате развития торговых связей как внутри каждой страны, так и на международной арене.

Правовые обычаи в процессе регулирования общественных отношений весьма тесно взаимодействуют с правовыми традициями, обыкновениями, а также с политическими установлениями, которые нередко именуют конституционными установлениями, обыкновениями или конвенциями.

В странах романо-германской правовой системы европейское право до XIII в. представляло систему «обычного права». С VI в. большинство германских племен уже имело свои «варварские» законы. Они не всегда фиксировались письменно. Впервые попытки сделать

это были в Италии (Эдикт Теодориха, 500 г.) и Испании (Фуэро Июзго, 654-694 г.). Причиной отсутствия высокой значимости писаного права в это время было «кулачное право», когда все споры разрешались по произволу вождя и «закону сильнейшего».

Неоднозначность оценки обычаев, существующих в странах романо-германского права, и их роли среди других источников права проявляется, прежде всего, из-за «унификации» их значимости в пределах рассматриваемой правовой семьи, хотя в конкретных национальных правовых системах их роль и значение далеко не одинаковы.

Серьезное влияние на процесс исторической девальвации обычаев в системе романо-германского права оказали проводившаяся в XV-XVII вв. во Франции и в других европейских странах компиляция обычаев и последовавшая за ней кодификация.

Практика правоприменительной деятельности в странах континентального права свидетельствует, что обычай в данной правовой семье продолжает по-прежнему существовать и действовать как один из значительных источников права, который на современном этапе его развития в романо-германском праве наиболее активно себя проявляет в системе других источников права.

В странах традиционной правовой семьи обычаи многочисленны и являются основным источником права. В странах Черной Африки (к Югу от Сахары) и в ряде стран Юго-Восточной Азии население веками живет по нормам обычая, подчинени которому является добровольным. Его исполнение обеспечивается силой привычки (люди считают себя обязанными жить, как жили предки), боязнью сверхъестественного или общественным воздействием.

Становление отечественной правовой системы относится к эпохе Киевской Руси. Основное место среди источников права принадлежало обычаю. Господство обычая в иерархии источников права сохранялось вплоть до эпохи Петра I, когда нормативные акты, принятые верховной властью, стали основой формирующейся европеизированной национальной правовой системы и обычаи были вытеснены из жизни правящего слоя и части горожан. Позитивное право не оставило значимых следов в мен-тальности населения. Многие нормативные акты носили волюнтаристский характер и часто лишь вносили хаос в систему управления и в судопроизводство. Формирование единого централизованного государства наталкивалось на местные сепаратистские тенденции, в борьбе с которыми верховная власть использовала не столько правовые, сколько военно-полицейские средства. Единое правовое пространство в России не сложилось и при Петре I: «обычное право» продолжало действовать в среде сельского населения и городских низов до 1917 г. В то же время петровские правовые реформы, безусловно, повлияли на развитие обычного права, ибо они касались самых разнообразных сторон жизни общества, начиная от государственной службы [31; 38] и кончая правовой регламентацией медицинской деятельности [52].

После установления Советской власти судьбы обычаев в России были предопределены: создание «нового мира» означало разрушение привычного уклада жизни. До начала коллективизации «обычное право» в сфере землепользования и наследования имущества в крестьянской среде не подвергалось прямому ограничению или запрету. В процессе уничтожения крестьянства как социального слоя, подлежало ликвидации и «обычное право».

В российском обществе сегодня роль обычаев постепенно возрастает в ряде сфер правового регулирования. Современное российское государство, контролируя многие процессы и институты в правовой сфере, занимает в ней ведущее место, при этом продолжают сохраняться отдельные альтернативные государству процедуры и нормы, регулирующие общественные отношения вне контроля государству. Возникновение и существование обычая имеет в своей основе длящееся, регулярное повторение действий и убеждение в его необходимости. Особенность правового обычая в том, что он не исходит от государства, он формируется и развивается вне государственного пространства.

Роль и место обычаев в системе социальных регуляторов в различных регионах Российской Федерации неодинаково. Для народов Северо-Кавказского региона «обычное право» продолжает играть ведущую роль наряду с правилами поведения, санкционированными государством.

Исследовав проблему обычного права как структурно-функциональный элемент национальной системы права, необходимо отметить, что восприятие права как системы

общезначимых правил поведения, обеспечиваемых средствами публичного принуждения, позволяет рассматривать обычное право и как собственно право и как квазиправовую (по сути – корпоративную) систему социального регулирования. В собственно правовом смысле обычное право выступает в периоды догосударственного и раннегосударственного развития социума. В эти периоды обычаи являются практически единственными средствами регулятивно-охранительного воздействия и действительно носят публичный, обеспечиваемый общественным (позднее – государственным) принуждением характер. Появление законодательства обусловливает утрату обычным правом значения права в собственном смысле, поскольку в формально-юридическом смысле общезначимость правила начинает определяться его законодательным закреплением.

В современных условиях правовые нормы, получившие законодательное закрепление, и нормы правовых обычаев должны сосуществовать и взаимодополнять друг друга как компоненты единого целого – системы национального права. При этом представляется недопустимой абсолютизация данных компонентов и их противопоставление. В современных условиях нормы обычного права подлежат применению в сферах диспозитивного (общедозволительного) правового регулирования и являются действенным средством восполнения пробелов законодательства и разрешения юридических коллизий.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2016.
2. Абезгильдин Р.Р. Политические сети и профилактика экстремизма в современной России // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11. – С. 146-153.
3. Алборова А.Г. Крестьянская семья в имперской России (общая историко-правовая характеристика) // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 106-109.
4. Алборова А.Г., Сальников М.В., Семенова М.В. Отношение к институту брака в российской крестьянской среде XIX века // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 130-134.
5. Ананских И.А., Михеев А.А., Кирюшина Н.Ю. Современное российское государство и духовно-нравственное состояние общества // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 86-91.
6. Ананских И.А., Полугрудова Т.А., Семенова М.В. К вопросу об изменении и прекращении брачного договора по российскому законодательству // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48) – С. 86-92.
7. Ананских И.А., Алборова А.Г., Кавшбая Л.Л., Романовская В.Б. Заключение брака по русским и абхазским обычаям XIX века (сравнительно-правовое исследование) // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 81-95.
8. Атарщикова Е.Н. Герменевтика в праве: историко-правовой анализ: Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 1999.
9. Атарщикова Е.Н. Герменевтика в праве: история и современность. – СПб., 1998.
10. Барсуков А.Ю. Правовой прогресс как юридическая категория: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2004.
11. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
12. Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: лингвистический подход // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 206-216.
13. Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: психологический подход // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 201-210.
14. Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: социологический подход // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 200-209.
15. Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: философский подход // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 192-204.
16. Боруленков Ю.П. Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты): Монография / Под науч. ред. проф. В.Н. Карташова. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 392 с.

17. Боруленков Ю.П. Юридическое познание: кризис методологии // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 205-211.
18. Вершинина Д. Б. Проблема прав сексуальных меньшинств в контексте президентских выборов 2008 г. в США // Вестник Пермского государственного университета. Серия: Политология. – 2010. – № 1. – С. 31-35.
19. Вороненков Д.Н. Политика и право: вопрос соотношения в идеях Г.В. Мальцева // Политика. Власть. Право: Материалы I Международной теоретической конференции, посвященной памяти и 79-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, член-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Мальцева Геннадия Васильевича (Москва-Белгород, 26 апреля 2014 г.). Вып. 2. / Под ред. С.А. Комарова. – М. – Белгород: ГиК, 2014. – С. 7-10.
20. Галиев Ф.Х. Воздействие права на общественные отношения и синкретизм правовой культуры // Вестник Башкирского ун-та. – 2013. – Том 18. – № 4. – С. 1352-1356.
21. Галиев Ф.Х. Г.В. Мальцев о соционормативном регулировании // Политика. Власть. Право: Материалы I Международной теоретической конференции, посвященной памяти и 79-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, член-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Мальцева Геннадия Васильевича (Москва-Белгород, 26 апреля 2014 г.). Вып. 2. / Под ред. С.А. Комарова. – М. – Белгород: ГиК, 2014. – С. 28-35.
22. Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 4(34). – С 36-73.
23. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры и оптимизация общественных отношений // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – Том 19. – № 1. – С. 336-341.
24. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 517 с.
25. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 55 с.
26. Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.
27. Епископ Филипп (М. Филипченко). Православная семья: духовность, быт, здоровье. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 283[2] с. – (Золотой фонд).
28. Жданов П.С., Сальников С.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. От гуманизма к имморализму, от прав естественных к правам противоестественным: смена ценностных оснований западного права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 90-98.
29. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под ред. В.П. Сальникова. – М., 2014.
30. Зигель Ф.Ф. Право и прогресс. – Варшава: тип. Варш. учеб. округа, 1913. – 7 с.
31. Иконникова И.С. Табель о рангах Петра I и современное развитие идей императора // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 20-24.
32. Исаева Е.А. Однополые пары и дети: аспекты британского и американского законодательства // Социально-юридическая тетрадь. – 2012. – № 2. – С. 138-147.
33. Исаева Е.А., Соколов А.В. Легализация однополых браков: реализация политики равенства или разрушение института семьи? // Ярославский педагогический вестник. Том I (Гуманитарные науки). – 2013. – № 3. – С.109-112.
34. Каймакова Е.В. Понятие и сущность принципов правового регулирования семейных отношений // Российское правосудие. – 2009. – № 5. – С. 42-50.
35. Капустина М.А. Основные теоретико-методологические проблемы теории права и государства в трудах Г.В. Мальцева // Политика. Власть. Право: Материалы I Международной теоретической конференции, посвященной памяти и 79-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, член-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Мальцева Геннадия Васильевича (Москва-Белгород, 26 апреля 2014 г.). Вып. 2. / Под ред. С.А. Комарова. – М. – Белгород: ГиК, 2014. – С. 18-28.
36. Квачадзе О.Б., Романовская Л.Р., Семенова М.В. Статус свободной женщины и детей в европейском средневековом городском праве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 140-146.
37. Кириллова Т.К., Биктасов О.В., Сальников С.П. Юридический статус русских граждан в области семейно-брачных отношений (XVI-XVIII вв.) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 4. – С. 32-37.
38. Кириллова Т.К., Мартынов В.Ф., Тищенко А.Г, Сальников С.П., Щербаковский Г.З. Значение петровских реформ для государственно-правового развития России // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 3. – С. 84-93.
39. Комаров С.А. Г.В. Мальцев о понимании права как части соционормативной культуры общества // Политика.

Власть. Право: Материалы I Международной теоретической конференции, посвященной памяти и 79-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, член-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора Мальцева Геннадия Васильевича (Москва-Белгород, 26 апреля 2014 г.). Вып. 2. / Под ред. С.А. Комарова. – М. – Белгород: ГиК, 2014. – С. 10-17.
40. Ломакина И.Б., Старин Б.С. Обычное право: Учебное пособие / Под общ. ред. Э.В. Кузнецова. – СПб.: ГУАП, 2012. – 284 с.
41. Мальцев Г.В. Культурные традиции права: Монография. – М.: Норма: Инфра-М, 2013. – 508 с.
42. Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве: Монография. – М.: Норма: Инфра-М, 2014. – 736 с.
43. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. Изд. 2-е. – М.: СГУ, 2009.
44. Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, 2007.
45. Никонов С.П. Семейное право в решениях волостного суда // Журнал М-ва Юстиции. – 1902. – № 10. – С.79-104.
46. Обычное право, мусульманское право и акты Российского государства на Северном Кавказе (вторая половина XVIII – первая треть XX веков). Хрестоматия / Исмаилов М.А., Свечникова Л.Г., Шапсугов Д.Ю. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2008. – 496 с.
47. Романовская В.Б., Сальников В.П. Поиск национальной идеи в многополярном мире // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 44-50.
48. Романовская В.Б., Петикян С.Г., Семенова М.В. Заключение и расторжение брака по Судебнику астраханских армян XVIII века (страницы истории права) // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 104-110.
49. Сальников В.П. Незримое вторжение. Негативное воздействие информации на сознание человека // Защита и безопасность. – 1999. – № 1. – С. 26-27.
50. Сальников В.П., Груздева М.Л. Преодоление Европы: философско-правовое эссе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 11-22.
51. Сальников В.П., Романовская В.Б. «Orient» или «oxident»: в какую сторону смотрит российский орел? // Мир политики и социологии. – 2014. – № 11.
52. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Законодательная регламентация медицинской деятельности в России во время правления Петра I // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2001. – № 4. – С 219-230.
53. Сальников В.П., Романовская В.Б., Цыганов В.И. Западная цивилизация и угроза голубого интернационала: политико-правовая агрессия периода постмодерна // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 193-202.
54. Сальников В.П., Жданов П.С., Сальников М.В., Романовская В.Б. Русская религиозная философия права как защита национальных ценностей от инокультурной экспансии // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 11-18.
55. Сальников В.П., Романовская В.Б. Сальников М.В., Романовская Л.Р. Почему на Восток: поворот России в современном политико-правовом пространстве // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 58-68.
56. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 173-179.
57. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Романовская Л.Р. «Русский поворот» в политико-правовом дискурсе // Ученые записки юридического факультета. – 2015 – № 38(48). – С. 192-198.
58. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 3(41). – С. 16-22.
59. Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2005. – 53 с.
60. Сальников М.В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2005.
61. Сальников М.В. Геополитические, экономические и социо-культурные факторы в контексте становления и динамики развития национальной политико-правовой традиции в России // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 47-66.
62. Сальников М.В. Западная традиция права: политико-правовые ценности и идеалы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 170-191.
63. Сальников М.В. Национальное и универсальное начала в политико-правовой традиции (теоретико-правовой и аксиологический анализ) // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 11-32.
64. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: геополитические, экономические и социально-культурные детерминанты // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2004. – № 3 (23).

– С. 20-22.
65. Сальников М.В. Отечественная политико-правовая традиция: факторы, определяющие самобытность // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 10. – С. 27-44.
66. Сальников М.В. Политико-правовая интеграция: национальные правовые традиции // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 183-199.
67. Сальников М.В. Политико-правовая традиция как фактор, детерминирующий специфику национальной правовой системы // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 174-192.
68. Сальников М.В. Эволюция отечественной политико-правовой традиции: некоторые проблемы соотношения статического и динамического начал // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 62-81.
69. Сальников М.В., Вележев С.И., Тищенко А.Г. Отечественная и западная политико-правовые традиции: сравнительно-правовой аксиологический анализ // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2004. – № 4(24). – С. 29-31.
70. Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. (Проблемы теории и методологии): Дис. ... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 1996. – 288 с.
71. Сэруа В.С., Семенова М.В. Юридические научные общества и их роль в становлении буржуазного семейного права в дореволюционной России // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 111-116.
72. Чернова О.Ю. «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 81-85.
73. Шапсугов Д. Ю., Небратенко Г. Г. Конкретно-историческая реконструкция как метод познания обычного права (на материалах донского казачества) // Северо-Кавказский юридический вестник. - 2009. - № 4.
74. Шафиров В.М. Конституция, отраслевое право, правоприменение // Российская юстиция. – 2016. – № 3. – С. 2-5.

КУРБОНЗОДА Шохин Шараф,
соискатель кафедры гражданского права юридического факультета Таджикского национального университета (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: kurbonov_shohin@mail.ru

Специальность 12.00.03 – Гражданское право; жилищное право; семейное право; международное частное право

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ ПО ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. *Рассмотрены общая характеристика трансплантации как вид медицинских услуг, общие принципы правового регулирования трансплантации, условия правомерности трансплантации, характеристика договора трансплантации и стороны договора трансплантации и донорства, а также объект правоотношений медицинских услуг при трансплантации.*

Ключевые слова: *трансплантация; медицинские услуги; договор трансплантации и донорства; органы и ткани человека.*

KURBONZODA Sh. Sh.

GENERAL DESCRIPTION OF THE CIVIL LAW REGULATION OF MEDICAL SERVICES ON TRANSPLANT HUMAN ORGANS AND TISSUES

The summary. *In the article considered the general characteristics of transplantation as a form of health care, the general principles of legal regulation of transplantation, the legality of the conditions of transplantation, transplantation characteristics of the contract and hand transplant and donation contract, and object legal relationships of the medical service in transplantation.*

Key words: *transplantation; medical services; the contract transplantation and donation; human organs and tissues.*

Актуальность темы исследования. Из всех богатств, которыми дано владеть человеку, самыми ценными являются жизнь и здоровье, и они должны быть надежно защищены [9].

Охрана здоровья граждан Таджикистана имеет первостепенное значение в условиях правового государства, так как она является одной из важнейших гарантий, сопровождающих человека от рождения и до смерти, о чём свидетельствует её закрепление в ст. 38 Конституции Республики Таджикистан.

Жизнедеятельность человека зависит от состояния его здоровья. Нередко оно оказывается единственным основанием и основным компонентом для сохранения и продолжения жизни. В связи с этим в целях сохранения жизни человека трансплантация органов имеет огромное значение, поэтому к проблеме пересадки органов и тканей приковано внимание ученых самых разных направлений [3, стр. 113].

Трансплантация органов и тканей, является одной из наиболее перспективных и бурно развивающихся областей медицинской помощи, которая сделала возможным лечение целого ряда

тяжелых заболеваний [20; 23; 24; 25].

Трансплантация органов и тканей, как средство реальной помощи нуждающимся больным людям, содержит целый ряд характерных при¬знаков, отличающих этот метод от других врачебных воздействий. Связа¬но это с наличием донора — человека, в большинстве случаев не требую¬щего медицинской помощи, а также с проблемами морально-этического и общеправового содержания. Данные обстоятельства обосновывают важ¬ность и необходимость регулирования общественных отношений в сфере трансплантологии [22, стр. 34].

На заре развития трансплантология поставила перед обществом целый ряд правовых, медицинских и этических проблем, большое количе¬ство из которых полностью не решены и в настоящее время. Актуальность избранной темы настоящей статьи подтверждается прежде всего существовани¬ем в настоящее время целого ряда факторов, затрудняющих правильное юридическое толкование трансплантации органов и тканей.

Анализ законодательства Республики Таджикистан о здравоохранении в сфере трансплантации органов и тканей человека позволяет утверждать, что правовая база данного вопроса имеет целый ряд пробелов. Так, не решены вопросы информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство, отсутствует однозначность в нормативном определении круга доноров, не решены проблемы гражданско-правового регулирования договора по оказанию трансплантационных медицинских услуг, нет четкой правовой классификации дефектов медицинских услуг по трансплантации органов и тканей человека и т.п.

Всё вышеизложенное свидетельствует о необходимости исследования гражданско-правовых аспектов проблемы оказания медицинских услуг по трансплантации органов и тканей человека. Мы пытаемся проанализировать недостатки действующего нормативно-правового регулирования в области трансплантологии, с которыми при проведении операции вынуждены сталкиваться и врачи, и пациенты при проведении операции, а также возможные будущие осложнения и способы их разрешения.

Данная проблема была предметом исследования как советских, так и нынешних российских и отечественных ученых.

Сегодня в отечественной гражданско-правовой доктрине существует довольно много работ, посвященных различным аспектам оказания медицинских услуг [10; 11; 12; 13] и трансплантологии как медицинской отрасли.

Некоторые юридические аспекты трансплантологии освещены в публикациях М.И. Авдеева, Н.М. Амосова, Л.А. Бокерия, Л.Г. Богомолова, Г.Р. Галеевой, Д.С. Донцова, Т.В. Ермошиной, Е.К. Баклушиной, Д.Н. Иванова, Г.Н. Красновского, А.Б. Лисаченко, А.В. Майфата, М.Н. Малеиной, М.Б. Мирского, Б.В. Петровского, В.П. Сальникова, С.Г. Стеценко, О.Э. Старовойтовой и других ученых.

В Республики Таджикистан исследование вопросов, связанных с институтом оказание медицинских услуг по трансплантации органов и тканей человека провел И.Х. Бабаджанов [3; 4; 5; 6].

Вместе с тем можно утверждать, что проблемы оказания медицинских услуг по трансплантации органов и тканей человека, недостаточно изучены в науке гражданского права. Вместе с тем в условиях интенсивного совершенствования законодательства в сфере охраны здоровья граждан а также личных неимущественных прав в гражданском законодательстве возникает объективная необходимость дальнейших теоретических разработок рассматриваемой области.

Каковы же основные понятия в трансплантологии? Виды трансплантации?

Трансплантация (от лат. transplantare – «пересаживать») - замещение поврежденных или отсутствующих тканей или органов собственными тканями либо тканями и органами, взятыми из другого организма [7]. Согласно большой медицинской энциклопедии под трансплантологией необходимо понимать отрасль биологии и медицины, изучающую проблемы трансплантации и разрабатывающую методы консервирования органов и тканей, возможность создания и применения искусственных органов.

Под трансплантацией необходимо понимать замещение поврежденных или отсутствующих тканей и органов собственными, либо взятыми из другого организма. Понятие трансплантации включает в себя комплекс действий медицинского учреждения, включающий в себя два этапа: изъятие органов у донора и внедрение их в организм реципиента. Донором (от латинского «donare» дарить), в отношениях

по трансплантации выступает лицо, добровольно дающее свою кровь или другие ткани для лечения больных. С развитием трансплантации органов понятие «донор» стало шире и применяется в отношении лиц, дающих на пересадку свои органы. Реципиент (от латинского «recipiens» получающий, принимающий) лицо, которому пересаживают орган, ткань или клетки другого организма. По мнению В.И. Алисиевича, получение органа или ткани от донора будет правомерно при двух обязательных условиях: «оказание помощи реципиенту невозможно другими сред¬ствами, кроме трансплантации; донору при этом причиняется менее значительный вред, чем предотвращенный реципиенту» [2]. Также можно полагать, что пересадку выполняют с лечебной целью либо для экспериментального изучения функций органов и клеток, иногда и в косметических целях.

Выделяют несколько видов трансплантации в зависимости от оснований:

1) По типу доноров:
- трансплантация exvivo - трансплантат изымается из живого донора;
- трансплантация exmortuo - трансплантат изымается из умершего лица.

2) По типу трансплантатов:
- трансплантация органов (либо комплексов органов: сердце-легкое);
- трансплантация тканей и клеточных культур.

3) По типу объектов:
- трансплантация регенеративных объектов (кровь, костный мозг, репродуктивные ткани)
- трансплантация нерегенеративных объектов (парные - легкие, почки; одиночные - печень, сердце)

Также выделяют виды трансплантации в соответствии с классификацией видов различных трансплантатов, предложенной в начале 60-х годов 20 века рядом исследователей:

Аутотрансплантация (аутологичная трансплантация)- донором и реципиентом выступает одно и то же лицо (например, при сильных ожогах пациенту пересаживают собственную кожу с неповрежденных участков на пострадавшие). Эффективность этого метода связана со снижением риска отторжения трансплантата. В настоящее время широко обсуждается возможность клонирования человека и человеческих органов том числе. В перспективе возможность пересадки специально выращенных собственных органов была бы решением ряда проблем в трансплантологии: нехватки донорских органов, ликвидации нелегального рынка трансплантантов и соответственно снижения уровня преступлений в этой области, огромных очередей в «листе ожидания», увеличению эффективности операции, в связи со снижением риска отторжения. С юридической точки зрения такой способ является наиболее перспективным и безопасным для спасения больных. Однако на сегодняшний день сложность и высокая стоимость данной технологии не позволяет широко применять ее.

Изотрансплантация - пересаживается орган или ткань, взятые от организмов, генетически полностью (монозиготные близнецы) или в большей степени идентичных (кровные родственники). Это единственный возможный способ пересадки exvivo (исключение - костный мозг, его можно пересаживать и при отсутствии генетической связи от живого донора).

Аллотрансплантация (гомотрансплантация) - донором и реципиентом являются организмы одного вида. В медицинской практике означает пересадку органов от человека к человеку.

Впервые в мире аллотрансплантации производил в 70-х годах XIX века С.С. Шкляровский, врач Петербургской медико-хирургической академии, который пересаживал пациентам свою кожу или взятую у других людей. В соответствии с Законом «О трансплантации органов и (или) тканей человека» [1] (далее - Закон о трансплантации) аллотрансплантация возможна только при трансплантации exmortuo, исключение составляет пересадка костного мозга, которая может проводиться от живого донора, не находящегося в генетической связи с реципиентом.

Ксенотрансплантация (гетеротрансплантация) - пересадка органов от донора другого вида, например трансплантация органов и тканей животных людям. Первые эксперименты по гетеротрансплантации проводил Н.И. Пирогов в Дерптском университете: он пересаживал желчные и плавательные пузыри рыб в брюшную полость подопытных животных, а в 1883 году А.И. Шмидт осуществил первую пересадку кости от животного к человеку.

На сегодняшний день потребность в получении человеческих донорских органов удовлетворена только на 10-15%, в связи с этим бурное

развитие получают ранее неизвестные и неиспользуемые биотехнологии. Однако их использование порождает ряд новых проблем, в том числе и правового характера [8; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 21; 26]. Ксенотрансплантация лишь отчасти способствует разрешению проблемы нехватки донорских органов. Успешнее всего трансплантация органов от животных, наиболее эволюционно близких человеку - обезьян. Весьма перспективным оказалось использование свиней в качестве доноров, так как именно они имеют наиболее схожую с человеком генную структуру. В практике известны случаи пересадки от этих животных таких органов как печень и сердце. Однако при рассмотрении самых положительных перспектив, практическое применение ксенотрансплантации предполагает решение серьезных проблем в области медицины, этики и в том числе права.

В первую очередь возникает риск заражения реципиентов вирусными и микробными инфекциями, которые свойственны животным.

Также на лицо вопрос этического характера об «очеловечивания» животных, ведь для возможности трансплантации им вводят человеческие гены. Активисты различных организаций типа «Гринпис» выступают против «издевательств» над животными, особенно экспериментов подобного рода.

С развитием биотехнологий и совершенствованием трансплантологии можно говорить о правовых проблемах пересадки головы. Эта гипотетическая на сегодняшний день операция благодаря упорным экспериментам постепенно становится реальностью. Еще в 30-х годах XX века С. Брюханенко и С. Чечулин демонстрировал собаку с пересаженной головой. В 1954 году профессор В.П. Демихов, экспериментировав в этой области, создал около 20 двухголовых собак. А в 1973 году американский профессор Р.Уайт произвел трансплантацию головы обезьяны, которая прожила 2 дня в изолированном состоянии. Спустя некоторое время, этот же ученый пересадил головы крыс и обезьян другим животным, продолжительность жизни которых ставила 3-4 дня. Возможно, в будущем данная операция будет проводиться и с людьми и станет обычным делом, однако уже сейчас обсуждается регулирование медицинских и правовых аспектов такой трансплантации. Перед нами встает сложный вопрос - в случае проведения успешной операции кто является носителем исходной правосубъектности, обладатель головы или тела? Исходя из термина «трансплантация головы», можно сделать вывод, что голова является объектом трансплантации (трансплантатом), а туловище другого человека - реципиентом. Но так как целью трансплантация головы выступает перенос головного мозга и, если исходить из его главенствующей роли в теле человека, логичнее было бы признать реципиентом, и, соответственно носителем исходной правосубъектности того, кому принадлежала голова. При этом исход данной операции неизвестен и, если в последствие произойдут кардинальные изменения личности, возникнет совершенно новое существо, правоспособность которого следует считать возникшей с момента окончания операции.

Множество трудностей возникнет и с решением иных правовых вопросов. Один из них - определение случаев применения операции, ведь наука и медицина развиваются во благо обществу и для спасения человеческих жизней. Соответственно данная операция применима при онкологических заболеваниях, травм тела, несовместимых с жизнью, врожденных дефектах и других случаях, но появляется вопрос о возможности пересадки головы от лица одного пола к телу лица противоположного пола, что может вызвать злоупотребление данной операцией со стороны транссексуалов. Необходимо выделение специальных условий установления момента смерти (ведь нельзя дать погибнуть мозгу, а по действующему законодательству большинства стран именно смерть мозга является моментом наступления смерти и только тогда возможно начало операции по трансплантации органа). Также мы можем допустить появление человека с двумя головами, если не ввести запрет на гетеротопные трансплантации, представляющие собой пересадку реципиенту другого органа в дополнение к его собственному.

Таким образом, развитие новых биотехнологий порождает новые правовые проблемы, решать которые необходимо уже сейчас, до внедрения новых методов лечения в практику.

Список литературы

1. Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-I «О трансплантации органов и (или) тканей человека» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. - 1993. - № 2. - Ст. 62.
2. Актуальные вопросы судебной медицины: Сб. науч. трудов / Под ред. В.И. Алисиевича. – М..: УДН, 1990.
3. Бабаджанов И.Х. Гносеология правовой танатологии (теоретико-правовые аспекты учения о смерти): Монография. – Душанбе 2009.
4. Бабаджанов И.Х. Жизнь и смерть человека в аксиологическом и проприетарном измерении (теоретико-правовой анализ). Монография. – Душанбе, 2012.
5. Бабаджанов И.Х. Права и обязанности пациентов в области здравоохранения. – Душанбе, 2015.
6. Бабаджанов И.Х. Право на жизнь как юридическая квинтэссенция витальных возможностей человека. – Душанбе, 2010.
7. Большая медицинская энциклопедия: В 30 т. Т. 25 / Гл. ред. Б.В. Петровский. – 3-е изд. – М.: АМН СССР: Советская энциклопедия, 1985 г.
8. Захарцев С.И., Сальников В.П. Человек и клон. Есть ли пределы биомедицинских экспериментов над человеческим существом? // Мир политики и социологии. - 2013. - № 11. - С. 163-170.
9. Ломакина И.Г. Гражданско-правовое регулирование отношений по оказанию медицинских услуг в Российской Федерации: Автореф. дис…. канд. юрид. наук. - М., 2006.
10. Пронин И.А. Гражданско-правовая ответственность сторон по договору на оказание косметологических услуг // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 106-113.
11. Пронин И.А. Значение договора в сфере эстетической медицины // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 1. – С. 110-116.
12. Пронин И.А. Основы правового регулирования в сфере эстетической медицины // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 2. – С. 51-56.
13. Пронин И.А. Эстетическая медицина: актуальность гражданско-правового регулирования // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 9. – С. 103-110.
14. Сальников В.П., Бабаджанов И.Х. Клонирование человека: есть ли сегодня такое право на земле? // Мир политики и социологии. – 2013. - № 10. – С. 192-204.
15. Сальников В.П., Старовойтова О.Э. Клонирование человека как правовая категория // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 1. – С. 31-36.
16. Сальников В.П., Старовойтова О.Э., Никитина А.Е., Кузнецов Э.В. Биомедицинские технологии и право в третьем тысячелетии: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003. – 256 с. – (Серия: «Право и медицина»).
17. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Правовая танатология как составная часть биоюриспруденции // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 32-38.
18. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Правовая перинатология как составная часть биоюриспруденции: к постановке вопроса // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 12. – С. 196-205.
19. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Биоюриспруденция: проблема отграничения от схожих правовых конструкций // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 190-197.
20. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Правовая соматология как составная часть биоюриспруденции // Юридическая наука: история и современность. – 2014. – № 10. – С. 141-148.
21. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Правовая танатология: место и роль в современной биоюриспруденции // Юридическая наука: история и современность. - 2016. - № 5. - С. 69-77.
22. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Трансплантация органов и тканей человека: проблемы правового регулирования. – СПб. 2000.
23. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Общие принципы правового регулирования трансплантации органов и тканей человека // Юрист. – 2000. – № 6. – С. 38-40.
24. Старовойтова О.Э. Основы правовой соматологии: Монография / Под общ. ред. и со вступ. ст. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 416 с. – (Серия: «Право и медицина»).
25. Старовойтова О.Э. Юридический механизм реализации и защиты соматических прав человека и гражданина в Российской Федерации: историко-правовой и теоретический анализ: Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2006.
26. Старовойтова О.Э., Сальников В.П. Биомедицинский эксперимент и закон // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2006. – № 2. – С. 25-32.

ТРУДОВОЕ ПРАВО И ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ. ЗЕМЕЛЬНОЕ, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ И АГРАРНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО И ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ. КОРПОРАТИВНОЕ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО.ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

ПРИСЯЖНЮК Юлия Павловна,
доцент кафедры гражданского права и процесса Нихегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета), кандидат юридических наук, доцент (г. Нижний Новгород, Россия)
E-mail: g.i.za@yandex.ru

Специальность 12.00.03 – Гражданское право; жилищное право; семейное право; международное частное право

О ТЕКСТОВЫХ ИНДИКАТОРАХ ПРАВОВОГО АНАЛИЗА МУЗЫКАЛЬНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Аннотация. *Рассматривается проблема анализа музыкального текста с целью установления факта его авторства, закрепленного за конкретным субъектом. В ней заявляется оригинальная версия взаимодействия терминов и методик в области правоведения и искусствознания. Для анализа используется исторически приобретенные качества музыкально-риторической символики. Проблема затрагивается в теоретическом ключе. Адаптирование музыкальных категорий к юридическим осуществляется на фоне искусствоведческого контекста.*

Ключевые слова: *музыкальное произведение как объект права; установление права авторства; риторический знак; формульность; эмблематичность типовых структур.*

PRISYAZHNYUK Yu. P.

ABOUT TEXTS INDICATORS OF LEGAL ANALYSIS OF A MUSICAL WORK

The summary. *The article focuses on analysis of musical text with a view to establishing a right of authorship for the particular subject. It claims the original version of cooperation of terms and methodology in the jurisprudence and in the art studies. To analyse the author uses the historically acquired qualities of musical-rethorical symbolism. The problem is adressed in theory. The adoptation of music categories to legal categories is carried out against the background of art context.*

Key words: *musical work as the object of law; establishing a right of authorship; rhetorical mark; formulaicity; symbolism of standart structures.*

Вызовы, с которыми сталкивается сегодня отечественная правовая система, весьма многообразны. Это касается как базовых вопросов, связанных с общими проблемами теории права, так и правоприменительной практики. Настоящая статья касается практической проблематики, будучи посвященной одному из узко специализированных вопросов из области права интеллектуальной собственности [5; 7; 8; 10; 11; 12; 13; 14; 17; 18; 21; 22; 23; 26; 27; 30]. При этом, поскольку предлагаемая ниже аналитическая методология до сих пор не обсуждалась в научном сообществе, далее мы сделаем попытку лишь заявить проблему, поставить ее, обозначив основные точки будущего исследования и, отчасти, адаптировать терминологический аппарат.

Речь пойдет далее о способах организации доказательной базы в случаях, связанных с возможным нарушением авторского права в музыке. Оставляя в стороне весь иной спектр характеристик подобных нарушений, мы сосредоточимся далее на художественном (музыкальном) тексте как непосредственном объекте правового спора, являющегося порой единственным источником, в опоре на который доказывается, либо исключается сам факт заимствования.

Известно, что музыкальное произведение, рассматриваясь с точки зрения авторского права [1; 9; 16; 19; 20; 25], обладает целым рядом специфических характеристик. Связано это со спецификой собственно музыки как вида искусств. Мы имеем в виду ее непредметность, внепонятийность, непереводимость на языки иных искусств. Сказанное в полной мере касается и вербальной составляющей. Несмотря на постоянно возникающие попытки словесного «перевода» музыкального произведения, предпринимаемые, увы, как в музыковедческих кругах, так и в правоведении, мы еще раз указываем на тщетность этих попыток, на абсолютную их бесперспективность применительно к любой из названных сфер деятельности. В частности, с правовой точки зрения такой подход выглядит тупиковым, поскольку не дает исследователю объективных аналитических критериев правовой оценки.

Фактор плагиата, почти всегда сложно доказуемый в музыкальном искусстве, не может быть выявлен путем осуществления вышеозначенного «перевода», каковой никогда не будет семантически идентичным, а, значит, аналитически корректным. Данное обстоятельство должно стимулировать исследовательскую мысль к поиску и обретению иных форм и способов соотнесения внешне похожих музыкальных текстов.

Как правило, при возникновении такой проблемы эксперты обращаются к явлениям максимально объективным (насколько это возможно в художественном произведении). Применительно к праву это означает, что разговор должен вестись о самых формализованных, структурно определенных и наглядно соотносимых элементах музыкального текста. Наиболее ярко в качестве таковых выступают цитаты – сознательные заимствования части чужого текста с целью реализации собственного художественного эффекта. Весьма часто за цитатной техникой сокрыты случаи явного, либо скрытого плагиата. Тому виной – обтекаемая формулировка в законе, гласящая о допустимости привлечения чужого текста в новое произведения в объемах, «необходимых для достижения цели цитирования».

Нет сомнений, что данной формулировкой законодатель оставляет художникам максимально широко поле для творческой реализации, происходящей в русле постмодернистских тенденций времени, в которых принцип цитирования (либо узнаваемой аллюзии) определяется в качестве одного из основных. Но при этом надо учитывать, что известная размытость подобной формулировки в условиях современного художественного контекста позволяет обходиться с ней весьма вольно, исходно квалифицируя как цитату практически любой объем привлекаемого текста, оправдывая это пресловутой «целью цитирования».

Из сказанного следует, что цитатный фактор не может в полном объеме гарантировать аналитически доказанный факт незаконного заимствования. Скорее, этот фактор служит для маневра на уровне ответчика, защищающего плагиат под эгидой применения цитатной техники. С этой точки зрения выявление в художественном тексте иных формализованных элементов, сохраняющих аналитически подтверждаемую структуру, и, при этом, несущие определенную «неформальную», но фиксированную художественную информацию, должны всячески приветствоваться и поощряться. К таковым элементам текста относятся музыкальные риторические фигуры.

Любая эпоха в искусстве имеет свой «глоссарий», свой звуковой лексикон, включающий

в себя как обновляющиеся, так и стабилизированные структуры. Последние, многократно повторяясь в искусстве конкретного времени, стабилизируют свою семантику и форму настолько, что готовы выступить в качестве репрезентантов этого времени, его «визитной карточки». Среди таковых первое место, несомненно, принадлежит риторическим фигурам и приемам. Такова правовая реальность [4; 15; 24; 28; 29].

Восходя по принципу построения к искусству поэтического красноречия, данные фигуры, веками проецируясь на область музыкального искусства, структурируются особым образом. Поскольку смысл возникновения подобных фигур заключался в максимально точной передаче художественной информации, невозможной в русле «чистой музыки» в силу названных выше специфических причин, особенности их структурирования весьма схожи и подробно описаны в исследовательской литературе, начиная с многочисленных немецких трактатов XVIII века, объединенных говорящим заголовком «Musica poetica». Одной из основных особенностей структурирования музыкальных риторических фигур является неизменная формульность, фиксированная конструктивная основа. Согласуясь с принципами риторической реализации художественного знака, такая структура основывается на идее узнаваемости конкретного художественного элемента, его четкого вычленения из цельного текстового блока.

Конечно, в определенной мере и здесь задействован «цитатный принцип». Скажем к слову, что цитата как таковая является частным случаем применения риторической техники. В данном случае, нам интересно иное. Фиксированность риторической текстовой лексемы настолько очевидна, что на уровне конструкции не подлежит сомнению. Кроме того, риторическая формула гораздо компактнее цитаты, предполагающей в большинстве случаев куда более значительный объем привлекаемого музыкального материала.

Итак, лапидарность риторической формулы – первая важная особенность данного текстового элемента. Вторая, впрочем, уже названная выше базовая характеристика риторики – формульность, структурная неизменность звуковых конструкций. Возвращаясь к этому, мы намеренно акцентируем данное качество риторической фигуры, поскольку сколь-нибудь значительное отклонение от упомянутой формульности сразу же нарушает риторическую логику в слушательском восприятии. Иначе говоря, разрушение формальзованной структуры художественного текста фатальным образом сказывается на считываемой семантике данной структуры, ведет к ее потере, растворении в формах общего движения Именно наличие строгой обусловленности фиксированности структурного построения с порождаемой этим построением смысловой составляющей становится третьей важнейшей характеристикой музыкальных риторических фигур.

Описанное качество музыкальной риторики позволят отчетливо выделить риторические элементы внутри структуры музыкального произведения, по принципу семантической «носкости» отделяя их от иных, неспецифических конструкций художественного целого, не подлежащих смысловой расшифровке. Иначе говоря, применение фигур риторической логики особым образом специфизирует художественный текст, насыщая его особыми, если угодно – «авторизованными», индикаторами смысла, привносимого композитором в индивидуальное художественное пространство конкретного произведения. Если же добавить к сказанному изрядное количество риторических оборотов и приемов, собранное стараниями деятелей предшествующих эпох, то поле для адресного выявления элементов авторской конструкции, неотделимых от художественного целого, серьезно возрастает.

Впрочем, задача адаптирования риторических приемов к правовой аналитике художественных текстов на предмет заимствования, вовсе не так очевидна. Ее нельзя рассматривать саму по себе, без учета иных привходящих факторов, главным из каковых является следующий. Практика постоянного применения типовых риторических оборотов ведет к появлению все большего количества сочинений, в которых такие обороты реализуются. Это, в свою очередь, ведет к трансформированию трактовки такого оборота, из индикатора авторской индивидуальности превращающегося в расхожий «общепринятый» элемент музыкальной лексики. Данное обстоятельство, кстати, с успехом применяется в музыке на уровне звуковой продукции, щедро поставляемой так называемой «массовой культурой», опирающейся, несомненно, на выхолощенные, примитивизированные, но все же

работающие риторические механизмы. Речь идет о том, что найденные стараниями мастеров прошлого коммуникативные принципы функционируют в рамках любых систем, будучи универсальными способами передачи художественной информации.

Однако, именно здесь актуализируются защитные механизмы риторики. Дело в том, что сегодня, в упомянутых выше условиях постмодернистской эстетики, определяющую роль начинает играть еще одна составляющая применения риторического оборота. Мы говорим о художественном контексте целого. Именно он сегодня способен наглядно продемонстрировать, как известная фигура индивидуализируется в данном конкретном произведении искусства. Механизмы контекстуальной реализации музыкальной риторики ныне активно разрабатываются в современном отечественном музыкознании. А это означает, что, при условии привлечения квалифицированного эксперта, контекстуальный анализ риторических элементов художественного текста есть вполне определенное, конкретизированное, формализованное структурное поле для сравнительных аналитических исследований, основанных на сравнительном соотношении составляющих музыкальных текстов с высокой степенью определенности уровня их автономности и самостоятельности. Реализация этой работы, при известном согласовании и адаптировании терминологического аппарата – задача будущего. Она предполагает использование в полном объеме и юридической герменевтики [2; 3; 6; 31].

Список литературы

1. Всемирная Конвенция об авторском праве, пересмотренная в Париже 24 июля 1971 г. (заключена в г. Париже 24.07.1971), Конвенция и Дополнительный протокол № 1 к ней вступили в силу с 10 июля 1774 г., Дополнительный протокол № 2 вступил в силу 20 июля 1974 г. Для Российской Федерации данный документ вступил в силу 9 марта 1995 г. // Бюллетень международных договоров. – 2014. – № 1.
2. Атарщикова Е.Н. Герменевтика в праве: историко-правовой анализ: Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 1999.
3. Атарщикова Е.Н. Герменевтика в праве: история и современность. – СПб., 1998.
4. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
5. Белая книга: история и проблемы кодификации законодательства об интеллектуальной собственности. Сборник документов, материалов и научных статей / Под ред. В.Н. Лопатина. – М.: Издание Совета Федерации; РНИИИС, 2007. – 280 с.
6. Боруленков Ю.П. Методологический статус герменевтики в юридическом познании // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 7. – С. 189-199.
7. Городов О. К теории интеллектуальных прав и ее применению в законодательстве РФ об интеллектуальной собственности // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2009. – № 10. – С 31-39.
8. Дозорцев В.А. Новая эра в охране исключительных прав. Система права и система законодательства // Право и экономика. – 1995. – № 15-16.
9. Доцик Н.Н. Авторское право в России (XVIII – начало XX вв.): Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2008
10. Еременко В.И. Некоторые проблемы кодификации законодательства об интеллектуальной собственности // Законодательство и экономика. – 2014. – № 2. – С. 37-48.
11. Иншакова А.О., Рыженков А.Я. Правовое регулирование трансграничного хозяйственного оборота высокотехнологичных материалов и интеллектуальных прав на них // Вестник РУДН. – 2014. – № 3. – С. 102-111.
12. Исмагилов Р.Ф. Курзенин Э.Б., Числов А.И. Интеллектуальная собственность. Авторское право: произведения науки, литературы и искусства, Программное обеспечение // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 11. – С. 70-77.
13. Копылкова И.М. Способы распоряжения интеллектуальным правом // Культура: управление, экономика, право. – 2014. – № 2. – С. 7-11.
14. Лопатин В.Н. Особенности кодификации законодательства об интеллектуальной собственности в Российской Федерации // Белая книга: история и проблемы кодификации законодательства об интеллектуальной собственности. Сборник документов, материалов и научных статей / Под ред. В.Н. Лопатина. – М.: Издание Совета

Федерации; РНИИИС, 2007. – С. 234-241. – в кн. 280 с.
15. Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. – Харьков: Право, 2002. – 328 с.
16. Матвиенко Д.В. Защита авторских прав иностранных граждан в Российской Федерации и в странах Европейского Союза: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – Саратов, 2013. – 26 с.
17. Мингалева Ж.А. Выбор форм охраны интеллектуальной собственности в процессе инновационной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – № 3. – С 131-137.
18. Мирских И.Ю. Охрана интеллектуальной собственности в условиях глобализации // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – № 3. – С. 138-144.
19. Моргунова Е.А., Рузакова О.А. Основы авторского права. Издание третье. – М.: ИНИЦ Патент, 2008.
20. Петухова С.В. Авторское право и легальный контент: взгляд со стороны пользователя. Исследование ФОМ. – М., 2011.
21. Право интеллектуальной собственности: актуальные проблемы: Монография / С.М. Михайлов, Е.А. Моргунова, А.А. Рябов и др.; под общ. ред. Е.А. Моргуновой. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2014. – 176
22. Проблемы интеллектуальной собственности в Гражданском кодексе России: Матер. междунар. науч-теор. конф. / Труды по интеллектуальной собственности. Т. 1. – М.: Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву и другим отраслям права интеллектуальной собственности при ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 1999.
23. Пронина И. Соотношение понятий «интеллектуальный капитал», «интеллектуальная собственность», «нематериальные активы» в российском и международном законодательстве // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2008. – № 9. – С. 44-51.
24. Рожкова А.К. Правовая реальность и правовой идеал: точки соприкосновения // Известия ИГЭА. – 2010. – № 6. – С. 164-168.
25. Рузакова О.А. Правовое регулирование отношений соавторства в авторских договорах // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2003. – № 7.
26. Сергеев А.П. К истории новейшей кодификации законодательства об интеллектуальной собственности в Российской Федерации (1995 – 2006 годы) // Белая книга: история и проблемы кодификации законодательства об интеллектуальной собственности. Сборник документов, материалов и научных статей / Под ред. В.Н. Лопатина. – М.: Издание Совета Федерации; РНИИИС, 2007. – С. 228-239. – в кн. 280 с.
27. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: Учебник. – М.: Проспект, 1999.
28. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность России: философско-правовой анализ // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 1(2). – С. 79-85.
29. Слабоднюк С.Л. Правовая реальность и кризис правосознания. – Saarbrucken, Deutschland: LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 360 с.
30. Фоков А.Н. Международно-правовые меры охраны интеллектуальной собственности в практике Суда Европейского Союза и Европейской Комиссии // Российская юстиция. – 2014. – № 4. – С. 8-11.
31. Юридическая герменевтика в XXI веке: Монография / Под общ. ред. Е.Н. Тонкова, Ю.Ю. Ветютнева. – СПб.: Алетейя, 2016. – 440 с. – (Толкования источников права).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: Fonduniver@bk.ru

ЗАХАРЦЕВ Сергей Иванович,
профессор кафедры теории и истории государства и права Московского государственного университета технологии управления им. К.Г. Разумовского, доктор юридических наук (г. Москва, Россия)
E-mail: Sergeyivz@yandex.ru

САЛЬНИКОВ Михаил Викторович,
Президент Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

УГОЛОВНО-ПРЕВЕНТИВНАЯ ПОЛИТИКА КАК ЭЛЕМЕНТ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. *Рассматривается уголовно-превентивная политика как составная часть уголовной политики современной России. Отмечается важность использования не только законодательных механизмов профилактики и предупреждения преступности, но и учета всех возможных неформальных механизмов воздействия на криминогенную ситуацию. Особую роль при этом должно играть формирование высокого уровня правовой культуры населения и общества в целом.*

Ключевые слова: *уголовно-превентивная политика; уголовная политика; профилактика преступности; правовая культура; правовой нигилизм; синкретизм правовой культуры; естественное право.*

SAL'NIKOV V.P.
ZAKHARTZEV S.I.
SAL'NIKOV M.V.

CRIMINAL-PREVENTIVE POLICY AS AN ELEMENT OF THE CRIMINAL POLICY OF MODERN RUSSIA

The summary. *The criminal-preventive policy as a component of a criminal policy of modern Russia is considered. Importance of use not only legislative mechanisms of preventive maintenance and the criminality prevention, but also the account of all possible informal mechanisms of influence on the crime situation is marked. A special role formation of high level of legal culture of the population and a society as a whole thus should play.*

Key words: *the criminal-preventive policy; the criminal policy; criminality preventive maintenance; legal culture; legal nihilism; syncretism legal culture; the natural law.*

Уголовно-превентивная политика представляет собой отношение власти к профилактике преступлений. Она отвечает на вопрос: как государственная власть действует (или бездействует) в отношении преступных проявлений? Когда законодатель определил общественную опасность, противоправность, виновность и наказуемость деяния, то есть то, что является преступлением, власть должна подумать о том, как их не допустить, профилактировать, предупредить, исключить возможность их совершения [40; 129; 131; 132; 133; 147; 173].

Превенция занимает главенствующую роль в уголовной политике, значение ее невозможно переоценить. Она предполагает не только с выявление и устранение мер, связанных совершением конкретных преступлений, т.е. незамедлительное реагирование на каждый факт противоправного деяния, но и разработку стратегии данной деятельности.

Такая оценка роли и предназначения государства связана с нашим пониманием его значимости в обеспечении правовой реальности [27; 28; 150; 194; 245; 246]. Именно государство является важнейшей действенной причиной коренных трансформаций в структуре правовой реальности. «Как субстанциональный носитель властных функций, оно обладает в условиях цивилизационного общения разветвленной системой средств ненасильственного и насильственного принуждения. Оно требует от индивидов подчинения своей воле, соблюдения всех своих предписаний, поскольку видит в этом важный залог стабильности социального порядка.

Государство, как социогенная властная макроструктура, пронизывающая весь общественный организм и осуществляющая функции управления, поддержания социального порядка, законотворчества, самозащиты от угрозы внутренних и внешних деструкций, имеет трансгрессивную природу. Оно практически всегда обнаруживает склонность к самовозрастанию собственных властных прерогатив, демонстрирует стремление к неуклонному расширению своих управленческих полномочий» [26, стр. 125].

При такой тенденции государства к расширению властных стремлений важно, чтобы эти попытки были направлены в нужную сторону, например, для решения задач уголовно-превентивной политики. Сделать это можно благодаря институтам гражданского общества. Именно они являются важнейшими средствами сдерживания этатистской трансгрессии государства, формируют правозащитную систему общества, которая и оберегает права и свободы граждан от административного произвола государственного бюрократического аппарата. «Формальные и неформальные институты гражданского общества заставляют государство укрощать свои кратические амбиции, корректировать свои властные действия, вводить их в рамки правовых норм и законов, сдерживать содержащуюся в его действиях тенденцию к чрезмерной централизации и бюрократизации социальной жизни» [26, стр. 125-126], направлять их на решение социально значимых проблем, в том числе и на профилактику антиобщественного поведения, предотвращение преступных проявлений.

Право в государстве и обществе выступает в качестве нормативного медиатора среди всех иных социальных норм. В современном обществе

право уже не способно выполнять свою роль изолированно от морали. традиций, обычаев, корпоративных правил, религиозных догм, иных социальных регуляторов. Доктор юридических наук Ф.Х. Галиев называет эту ситуацию синкретизмом современной правовой культуры [44; 51; 53]. По его мнению, сегодня ни одно социальное правило не функционирует в современном обществе без взаимодействия с другими [52, стр. 12-13]. Мы об этом еще будем говорить несколько позже, здесь же хотим подчеркнуть лишь теснейшую связь позитивного права с иными социальными регуляторами в контексте нормативного медиатора.

Вместе с тем именно право как посредник между субъектом и объектом властных отношений дает возможность адаптировать властные требования государственной системы к антропологическим особенностям конкретных субъектов.

На данное обстоятельство мы обращали внимание в аализе уголовно-процессуальной политики [231]. Сейчас же мы это обстоятельство подчеркиваем, ведя речь об уголовно-превентивной политике. Думается, что указанное явление присуще всем элементам уголовной политики, в том числе и: уголовно-правовой политике, оперативно-розыскной политике, уголовно-исполнительной политике, уголовно-организационной политике, а следовательно, и уголовной политике в целом.

Вместе с тем, важно иметь в виду, что субъекты уголовной политики нуждаются не только в порядке, но и в свободе. Они знают о своих естественных правах, мечтают о них, жаждут ими пользоваться, требуют уважения к своему личному достоинству. Человеку свойственна готовность подчиняться и служить государственной власти, если ее сущность и требования воздействуют на него не с грубой механической жесткостью, посредством различных буферных механизмов гражданского общества.

Государство осуществляет значимое организационно-управленческое воздействие на граждан. Это позволяет поддерживать социальную атмосферу в равновесно-динамическом состоянии, сглаживать остроту противоположных интересов, пресекать разрушительные раздоры, тушить опасные очаги социальных конфликтов [60; 107; 118; 176; 204]. «Для того, чтобы все эти усилия действительно способствовали развитию и укреплению принципов цивилизованного общежития, они должны опираться на твердые морально-правовые основания. Это означает, что власть должна быть легитимной и поддерживаться большинством граждан, что позволит ей успешно добиваться повиновения и исполнения своих требований. Легитимная верховная власть способна эффективно играть роль деятельного причинного механизма, по воле которого в обществе совершаются необходимые социальные процессы, отвечающие его жизненным интересам» [26, стр. 126]. И она обязана формировать, организовывать, проводить уголовно-превентивную политику и руководить ее претворением в жизнь.

Здесь мы опять сталкиваемся с синкретизмом современной правовой культуры, с единением всех социальных регуляторов, и в первую очередь права и традиционной морали.

Кроме того, легитимность государственной власти предполагает необходимость соответствия ее проявлений критериям общественного блага и справедливости. «Несправедливые требования, идущие вразрез с интересами абсолютного большинства граждан. Даже если они исходят от легитимной власти, не станут поддерживаться и исполняться с безоговорочным рвением. Напротив, они будут повсеместно встречать скрытое и явное сопротивление» [26, стр. 126].

Интересную позицию по этому поводу сформулировал Председатель Конституционного суда Российской Федерации В.Д. Зорькин, выступая с лекцией на V Международном юридическом форуме в Санкт-Петербурге в 2015 году. «Эпохи перемен, – *отмечает он,* – всегда «испытывают на прочность» большинство социально-государственных конструкций. Именно в «эпохи перемен» резко расширяется – и в пределах государств, и в сфере межгосударственных отношений – то пространство конфликтов и коллизий, которое должно быть введено в берега силой права. Причем эти перемены – даже эволюционные, а тем более революционные, – никогда не бывают в полной мере «опережающим образом» освоены средствами правового регулирования.

В этих условиях, – *продолжает В.Д. Зорькин.* – решающим фактором обеспечения социально-государственной устойчивости является широкая общественная поддержка власти и государства. Без такой поддержки никакой народ и никакое государство «тест на перемены» успешно пройти не могут. И главную роль в этой поддержке

играют укоренившиеся в обществе массовые представления о должном, благом и справедливом» [100, стр. 19].

Чуть позже профессор В.Д. Зорькин обратил внимание на то, что «любые юридические новеллы, способные ввести новизну «эпохи перемен» в правовые берега, обязаны соотноситься с моральными нормами социального большинства». И сославшись на крупнейшего французского социолога Пьера Бурдье, сделал вывод о том. что «право и правоприменение может быть эффективным лишь в том случае, если закон и норма его юридического толкования созвучны общественным представлениям о справедливости».

И далее Председатель Конституционного Суда продолжил: «То есть, массовые морально-этические представления, укорененные в религиозной традиции конкретного народа, в его исторической культуре и опыте, в его специфическом менталитете, – это не мелочи, на которые правоустановитель вправе не обращать внимание. Это – сфера таких социальных ценностей, которые не могут быть «отменены» правовыми актами или быстро подвергнуты волюнтаристской «перековке». И, главное, именно в «эпохи перемен», когда неизбежно слабеет система правового регулирования со стороны писаного закона, эта сфера социальных ценностей нередко оказывается ключевым регулятором, спасающим общество и государство от погружения в неправовой хаос «войны всех против всех»» [100, стр. 19, 20].

Невозможно переоценить значимость синкретизма современной правовой культуры в реализации уголовно-превентивной политики. Но все же нельзя и не подчеркнуть в тендеме всех социальных регуляторов назначение массовой социальной морали, освященной религией, культурой и традицией.

В философско-правовой литературе обращается внимание на то обстоятельство, что властное воздействие государства на человека и гражданина в контексте нравственно-правовых (этических) критериев общественного блага и справедливости, предполагает три основных направления, которые соответствуют, естественно, и трем ведущим этическим формам жизни социума – нравственной, моральной и имморальной [26, стр. 126-128; 25].

Одному из авторов настоящих строк уже пришлось достаточно подробно анализировать приведенные направления. Здесь обозначим их лишь кратко.

Вначале важно подчеркнуть, что все эти три обозначенные направления существенно, очень сильно разнятся друг от друга степенью антагонизированности отношений между субъектами властных взаимодействий, в нашем случае – субъектами уголовно-превентивной политики. Эти различия могут просто быть невидимыми, не ощущаться и не восприниматься, в частности, в первом случае, и наоборот – быть антагонистическими, исключающими какое-либо доверие между властью и обществом, с очень разными представлениями о моральном и справедливом, в третьем случае.

Можно ли в современном мире или в истории общественного развития видеть все эти три модели взаимоотношений господства и подчинения в полностью сформулированном их проявлении? Ответить на этот вопрос непросто.

Нравственные критерии общественного блага и справедливости предполагает такой характер отношений между власть и теми, кто обязан ей подчиняться, когда субъекты правоотношений выступают как равные, равновеликие, равноценностные, преследующие общие интересы и одинаково стремящиеся к их достижению. Основную роль везде играют интересы. Здесь интересы настолько переплетаются, что возникает на первый взгляд парадоксальная ситуация: субъекты общественных отношений как бы меняются своими интересами и возникает логика взаимной преданности, самоотверженности и любви: для государства на первое место выдвигаются интересы человека и гражданина, а для населения – интересы государства. Идеальная модель. Она даже зафиксирована в российской Конституции.

Что касается современной России, то предлагаемая модель отношений между властью и теми, кто обязан соблюдать ее предписания, можно отнести лишь к сфере должного, но, к сожалению, не сущего. А есть ли общество в современном мире, где теоретически анализируемая модель реализована на практике в полном объеме? Рискнем ответить, что такого общества пока нет. А возможно ли оно в принципе? Наверное, все-таки возможно. О нем, наверное, необходимо мечтать и можно надеяться. Это тот перспективный ориентир, к которому необходимо стремиться, на достижение которого и

должны быть направлены усилия и государства, и общества.

Что же касается морального характера отношений властвования и подчинения, то в их содержании определяющим является обоюдное стремление к паритетно-договорным взаимодействиям. И одна, и другая сторона заинтересованы в режиме динамично-равновесных отношений, который выгоден и для властвующих, и для подчиняющихся власти. Речь идет о характере отношений, складывающихся в истинно правовом государстве [31; 36; 188; 189; 190; 234; 236; 281] и развитом гражданском обществе [58; 59; 187; 203; 240; 257]. Властные полномочия государством осуществляются здесь не столько за счет возможности применения и принуждения, сколько благодаря имеющемуся у него морального авторитета и уверенности граждан в компетенции его аппарата (бюрократии). Государству в данном случае, не требуются материальные средства обеспечения властного принуждения, грубого давления на гражданское общество. Здесь важнее логика цивилизованной лояльности и культура взаимопонимания. Именно эта логика и обеспечивает отношения уважительного партнерства, которые, в конечном счете, и работают на конечный результат – обеспечение взаимного доверия общества и государства.

В данной ситуации властные отношения приобретают иной характер, они как бы поднимаются на более высокий уровень взаимоотношений человека и государства, общества в целом и государственного механизма. Одни субъекты властных отношений подчиняются другим, руководствуясь не страхом наказания за невыполнение властных требований, а благодаря пониманию необходимости и даже целесообразности, практической оправданности соподчинения. В социуме возникает взаимное доверие: доверие между людьми, между социальными группами, между обществом и властью. «Особенно важно то доверие общества к власти, – отмечает В.Д. Зорькин, – на котором базируется легитимность власти, и то доверие власти по отношению к обществу, на котором только и может основываться эффективная государственная политика. Ведь очевидно, что доверие может быть только взаимным» [145, стр. 27].

Для властвующего субъекта (государства) это возможно тогда, когда государство видит главное назначение своей деятельности в дальнейшей гуманизации своего правового регулирования, повышении цивилизованности государственной деятельности, наращивании продуктивности социально-правовых отношении. Объемы властных полномочий не ослабевают, но и не наращиваются, они приобретают иной, более гуманный и цивилизованный характер. Наряду с правом, в нормативную систему включаются и иные социальные регуляторы. Все они в конечном счете работают на сохранение и развитие социума, ибо эта нормативная система именно данного социума, и она включает в себя всю совокупность социальных регуляторов. В этом и проявляется синкретизм современной правовой культуры [20; 46; 50].

Здесь важно понимать, что «истинным приоритетом демократизации является не ослабление регулятивной государственной роли, а улучшение правового регулирования во всех сферах социально-государственной жизни. Такое регулирование должно быть умным, осторожным, соотносимым с состоянием, целями и ценностями общества» [100, стр. 24].

Именно такой подход и позволяет демократизировать и совершенствовать как государство, так и существующие в нем властные отношения. Вся нормативная система в данном случае выступает уже как «буфер», который смягчает властные притязания государственной бюрократии, укрепляет доверие между обществом и государством, между человеком и обществом. Доверие, которое держится исключительно на «институте общей морали, освященной культурой и традицией и массово воспроизводящейся в ходе социализации. Здесь взаимное доверие определяется критерием убежденности в соблюдении моральных» и других социальных норм и представлений о справедливости [22; 23; 34; 43; 57; 152; 164; 271; 272; 273; 282; 283; 284]. Как известно, «в России традиционная мораль, с ее представлением о справедливом, всегда играла в смысле доверия главную роль» [145, стр. 36, 38].

Что же следует понимать под имморальным направлением властного воздействия государства на человека?

Данное направление базируется на силе физического и психического влияния. Оно предполагает постоянное наращивание власти над населением до тех пор, пока эта власть не станет безраздельной и абсолютной. Это та власть, которая не знает ни правовых, ни этических ограничений.

Господствовать беспредельность, которая предполагает насильственное изъятие у человека и гражданина его естественных прав и свобод. Вот почему правовые ограничения государственной власти всегда должны быть в поле зрения юридической корпорации, ученых-юристов и практиков, институтов гражданского общества [13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 64; 178; 191; 228]. Каждая попытка оградить власть от контроля и ограничения должна вызывать очень острую критику. Это касается государственной политики в целом и особенно уголовной политики.

Правовые ограничения государственной власти необходимы, но они не выступают исчерпывающими. Они должны дополняться нравственными терзаниями держателей власти. Властедержащие субъекты должны реагировать на этические проблемы и понимать их истинную роль и предназначение, их сущность. В них обязательно должна наличествовать та форма воображения с нормальной впечатлительности, что выступает совестью. Именно совесть встает той преградой, которая не позволяет им с легкостью отбрасывать существующие моральные препоны и противопоставлять свою позицию системе универсальных нравственных и естественно-правовых принципов. Совесть, выступая нравственным ограничением, дополняет ограничения правовые, и порой трудно определить, какие из этих ограничений важнее, играют большую роль в обеспечении такого поведения властвующих субъектов, которой работает на взаимное доверие общества и государства.

Весь исторический опыт мировой цивилизации говорит о том, что государственные институты играют позитивную роль как в общественном прогрессе в целом, так и в правовом прогрессе [24; 77; 79; 81; 91; 233]. Они существуют главным образом не для того, чтобы кого-то угнетать и подавлять, а насилие не является их определяющим признаком. Государственный механизм обладает к тому же еще и так называемым позитивным правом. Иногда его называют объективным правом, например, в трактовке профессора И.С. Явича [286]. Такая система позитивного права существует в каждом цивилизованном обществе. Это законодательство. И чем точнее, органичнее система позитивного права (законодательство) связана с принципами естественного права, чем развитее, цивилизационнее потенциал государства и его механизмов.

Классификация права как естественного и позитивного – важнейшее достижение цивилизационной юридической мысли. Одна из многочисленных концепций правопонимания, полностью вписывающейся в разработанную нами компрехендную теорию права [73; 75; 76; 78; 83; 85; 86; 87].

Признанной является позиция, в соответствии с которой действующая российская Конституция базируется на доктрине естественного права. На это обращают внимание и разработчики Конституции, и государственные деятели, и исследователи. Например, С.М. Шахрай в лекции, прочитанной 16 апреля 2013 года в Государственной Думе, посвященной 20-летию Конституции, прямо об этом заявил. Он сказал: «Возьмем, к примеру, главу «Права и свободы человека и гражданина». В основу этого раздела положена доктрина естественного происхождения прав и свобод человека, не дарования государством, а в силу рождения: право на жизнь, на свободу, на собственность и так далее. Из этого следует, что в отличие от прежних времен, государство не может лишить прав своих граждан, в том числе не может лишить гражданства. Как вы помните, раньше такая практика была сплошь и рядом [146, стр. 160].

Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин в своей монографии «Конституционно-правовое развитие России» пишет: «Отличительной чертой российской Конституции является то обстоятельство, что в ней достаточно четко сформулированы ее концептуальные основы, базирующиеся на естественно-правовом подходе к пониманию» [99, стр. 53].

Профессор В.М. Шафиров подчеркивает: Конституция закрепляет бинарную природу права: естественное начало (природа личности) и позитивное начало (политическая природа). Это сформулировано следующим образом: «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ст. 17); «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2) [276, стр. 2].

Этот перечень можно было бы продолжать и далее, но в нем нет необходимости. Абсолютное большинство авторитетных российской конституционалистов (С.А. Авакьян, Н.А. Боброва, Н.С. Бондарь, Р.Б. Булатов, П.П. Глущенко,

А.А. Ливеровский, В.В. Лазарев, Б.С. Эбзеев и др.) с этим соглашаются, то есть налицо разделение права на естественное и позитивное. Конечно, эта классификация условна, но она проливает свет на проблему этической природы государственной власти.

В то же время понятно, что деление права на естественное и позитивное не исчерпывает всей проблемы государственной власти. Оно еще больше ее усугубляет.

В философско-правовой литературе выделяется значительное количество обстоятельств, свидетельствующих о серьезности и глубине противоречий между правом естественным и позитивным. Например, один из авторов этих строк совместно с профессором В.А. Бачининым, называет как минимум десять таких противоречий:

1. Если естественное право считается производным от естественного порядка вещей, то есть от строя, мироздания и природы человека, являющегося неотъемлемой частью миропорядка, то позитивное право – сугубо искусственное создание, сотворенное людьми, служащими интересам столь же искусственного социального образования, каковым является государство. Нормы позитивного права могут не только соответствовать принципам естественного миропорядка, но и противоречить им.

2. Если через нормы и принципы естественного права индивидуальное правосознание связывает свое бытие с универсальными первоначалами бытия, то через позитивное право оно связывает свое существование прежде всего с конкретным государством и его институтами.

3. Если естественное право возникает вместе с первыми ростками человеческой цивилизации и культуры (в форме обычного права), то позитивное право возникает значительно позже, одновременно с формированием государственности.

4. Если естественно-правовые нормы имеют вид неписаных обычаев и традиций, присутствуют в содержании религиозных и этических требований, и лишь в последнюю очередь облечены в текстуальные формы политико-правовых документов, то позитивно-правовые нормы предполагают прежде всего письменную фиксацию в виде формализованных нормативных актов юридического характера.

5. Если в соответствии с естественно-правовыми принципами права человека на жизнь, свободу, собственность, личное достояние считаются принадлежащими ему изначально и безусловно, и никто не вправе посягать на них, то, согласно позитивно-правовой логике, социальные свободы и права человек получает из рук государства, которое отмеривает их в той степени, в какой считает нужным, и которое может не только дать права, но и отнять их.

6. Если естественное право не тождественно действующему законодательству и предполагает религиозно-метафизические и нравственно-этическое основания, связывающие его со многими ценностями мировой культуры, расширяющими и углубляющими его юридическое содержание, то позитивное право отождествляет себя только с действующим законодательством.

7. Если нормы и принципы естественного права предполагают религиозные и этические оправдания, то позитивное право демонстративно отказывается от них, опираясь на волю государства и считая такое основание для себя необходимым и достаточным.

8. Если для естественного права нормативно-ценностным пределом его устремлений служит высшая справедливость, понимаемая как универсальный идеал, соответствующий коренным устоям миропорядка, то для позитивного права таким пределом являются интересы государства.

9. Если естественное право неотрывно от всего нормативно-ценностного континуума мировой культуры, то позитивное право воспринимает себя как самодостаточную часть, способную существовать автономно от этой целостности

10. Если естественно-правовое мышление опирается на познавательные возможности философского разума и метафизической интуиции, то позитивно-правовое мышление – на аналитические способности теоретического рассудка, привязанного к мыслительным стереотипам юридического позитивизма [26, стр. 128-129].

Указанные концепции правопонимания родились и оформились в условиях европейской цивилизации, хотя зачатки, истоки их, во всяком случае естественно-правовой модели можно встретить в античности [39; 153; 165; 201; 253] и средневековье [111; 148; 154; 241]. Формирование же как концепции приходится на эпоху Просвещения и Нового времени в Западной Европе [38; 141; 142; 143; 144; 183; 212; 232; 237; 239; 262]. В Российской Империи распространение естественно-правовой

концепции связывается с именем профессора Императорского Царскосельского лицея и Санкт-Петербургского университета Александра Петровича Куницына. Он подготовил и издал двухтомное сочинение «Право естественное» [139; 140], пропагандировал его студентам и лицеистам, что, в конечном счете, привело к отстранению его от государственной службы и педагогической деятельности на длительное время. На государственную службу он вернулся много лет спустя, а запрет на преподавание в университетах России с него так и не был снят до смерти [202; 227].

Дальнейшая судьба концепции связана с немецкой классической философией [56; 113; 114; 180; 263] и постклассической философией [102; 115; 120; 163; 168; 169; 181; 182; 217; 238]. В распространение естественно-правовой модели существенный вклад внесли представители русской религиозно-нравственной философии [10; 11; 69; 70; 71; 126; 127; 138; 195; 196; 197; 198; 199; 200; 209; 210; 211; 265] и возрожденной школы естественного права [134; 137; 192; 213; 214; 215; 216]. Наибольший расцвет она приобрела в конце XX – начале XXI века, и не только в Европе, но и на постсоветском пространстве [21; 92; 93; 94; 95; 96; 97; 98; 162]. Российская Конституция и конституции государств – участников СНГ базируются именно на этой концепции [1; 123; 170].

Что же касается юридического позитивизма, то данное направление сложилось в европейском правоведении и философии права лишь в XIX веке. Один из авторов данных строк совместно с профессором В.А. Бачининым уже обращал внимание исследователей на то обстоятельство, что процесс становления и обретения методологической самостоятельности юридическим позитивизмом осуществлялся практически одновременно с развитием общефилософского позитивизма и распространением идей Огюста Конта [124; 125] и Герберта Спенсера [248; 249; 250; 251].

Позитивизм в понимании Конта – это система «положительных знаний», которая опирается в первую очередь на факты и представляет главенствующую роль методам наблюдения и описания. По его мнению, объективный характер способны получить гуманитарные науки и философия, если они вооружатся методами, пользующимися естествоиспытателями, то есть направят свое внимание и поставят перед собою цель – описание явлений, а не поиск невидимых сущностей.

Именно в этом контексте и происходило окончательное оформление юридического позитивизма в самостоятельное научное направление.

Родоначальником юридического позитивизма является английский юрист Джон Остин (1790-1859), профессор Лондонского университета, руководивший кафедрой юриспруденции [288; 289]. Он подходил к праву в традиционном для англичан эмпирическо-фактографическом, утилитарно-практическом ключе, не обременяя себя какими-либо философскими допущениями метафизического характера.

Английский правовед считал, что право необходимо видеть и понимать в том качестве, в котором оно проявляется в реальной общественной жизни. По его мнению, следует точно и строго определять конктерные границы правовых феноменов и избегать каких-либо оценочных суждений, не подходить к праву с позиций критериев добра и зла, справедливости и несправедливости, истины и лжи. Последнее лишь затемняет суть права.

Джон Остин обосновал вывод о том, что право представляет собой совокупность нормативных предписаний, которые исходят от лиц или учреждений, обладающих властью, и предназначены для лиц, находящихся в подчиненном положении и руководствующихся привычкой к подчинению. Источником позитивного права по Остину выступает суверенная власть, которая имеет реальную силу и способна принудительно обеспечить выполнение своих властных требований. В составе властных требований имеются санкции, которые предполагают возможность наказания за неповиновение и нарушение права. Они (санкции) вместе с материальными средствами обеспечения государственной власти при дают праву принудительный характер.

По Остину, право выступает в качестве совокупности правил, которую установили одни разумные существа для других разумных существ. Это правила и только правила. В состав права не входят нормативные требования, установленные общественными субъектами, не имеющими статус суверенов. Не содержит право и требований общественного мнения, норм международных договоров, правил общения между людьми и принципов защиты чести. Джон Остин

все эти выходящие за пределы права требования объединял в понятие «позитивной морали» и твердо был уверен в том, что позитивное право должно быть совершенно свободно от воздействий позитивной морали и тех представлений и должном, которые издавна пропагандирует естественно-правовая доктрина. Он не допускал возможность влияния естественно-правовых представлений на функционирование механизма правового регулирования. Остин «изолировал» право от всех иных социальных регуляторов, даже религиозных догм, и пытался дискредитировать традиционные институты нравственного и религиозного воспитания. Он не отрицал их существование, но доказывал, что в практически функционирующей юриспруденции им места нет.

Из приведенного анализа видно, что позитивистский подход к праву выражается в предельном зауживании предмета юридического анализа. Право изолируется от других социальных норм и иных феноменов: религии, метафизики, нравственности, этики, антропологии, корпоративных норм, традиций, обычаев, психологии и др. Берется лишь чистое право само по себе [119; 192; 193]. Для юридического позитивизма нет ни абсолютных первопринципов бытия, ни вечных сущностей, ни чистых эйдосов. Трансцендентная и трансцендентальная реальности его не интересуют. Право при юридическом позитивизме выступает в качестве официально узаконенных юридических требований, практически функционирующих законов, производных от государства [27, стр. 35-37].

Юридический позитивизм получил широкое распространение как в Европе, так и в России. Методология его продолжает господствовать и в умах современных исследователей.

Так, в свое время Р. Иеринг предложил следующую дефиницию права: право есть совокупность действующих в государстве принудительных норм [103; 104; 105]. А известный представитель русской философии права Г.Ф. Шершеневич, критикуя естественно-правовую теорию, пытался доказать, что она (концепция естественного права) оторвана от реальности и не способна оказывать на повседневность положительное воздействие, в отличие от юридического позитивизма.

В творчестве Г.Ф. Шершеневича можно увидеть еще одну характерную особенность юридического позитивизма. Он воспринимает свою социальную роль как службу, а не служение. Юридический позитивизм служит не человеку и не человечеству, не идеям гуманизма, гуманности и всеобщего блага, не культуре и духовности, а государству [278; 279; 280]. Его не беспокоит тип государства, политический режим, правовое оно или неправовое, какова в этом государстве власть: справедливая или деспотическая. «Он избегает оценочных суждений с позиций морально должного, старается пребывать вне сферы действия критериев добра и зла. Это позволяет апологетам юридического позитивизма со спокойной совестью служить любому режиму и, при необходимости, с легкостью переходить на позиции крайнего имморализма и «легистского позитивизма». Жесткий прагматизм и голая рассудочность делают их недосягаемыми для этических увещеваний с чьей-либо стороны. Их не волнуют явные разрывы в едином нормативно-ценностном поле, вопиющие противоречия между универсальными религиозно-нравственными императивами и многими законами позитивного права. А между тем эти же самые противоречия внушают серьезные опасения сторонникам традиционного философско-гуманистического подхода к праву» [27, стр. 37].

Такова в общих чертах характеристика юридического позитивизма как концепции. В этом ее отличие от доктрины естественного права.

Вместе с тем рождение и формирование обоих концепций – естественно-правовой и позитивно-правовой – приходится все-таки на европейскую цивилизацию, и именно в условиях этой цивилизации, с ее отпечатками, эти концепции прибрели характер ярко выраженной антитезы. И это не случайно, именно конкретные социально-исторические, культурные и психоментальные реалии западного мира и определили различие и разграничение проанализированных выше двух моделей, показали, насколько это различия глубоко и серьезно.

Это очень важно с методологической точки зрения при характеристике содержания уголовно-превентивной политики и ее организации. С методологических позиции вряд ли будет правильным строить всю уголовно-превентивную политику только лишь исходя из понимания права, предлагаемого представителями позитивно-правовой концепции.

Вряд ли достаточно для успешной уголовно-превентивной политики понимать право: как

волю государства, возведенную в закон, или как возведенную в закон волю господствующего класса; или как совокупность юридических норм, действующих в государстве; или как совокупность правил, обеспечиваемых принудительной силой государственного механизма. Методологическую ошибочность лишь только такого подхода к пониманию права определил в свое время известный русский представитель философии права Е.Н. Трубецкой [258, стр. 12]. Эта методологическая порочность позволяет представителям данной концепции проталкивать идею непосредственной зависимости правовых норм от государства, концентрировать вывод об обязательном и беспрекословном подчинении всей жизни общества интересам государства, его воле. По существу здесь даже игнорируется принцип разделения властей, а судебная власть подменяется властью исполнительной. И понятно – совершенно игнорируется естественно-правовая доктрина. Господствует уже не сила права, а право силы [100; 101], обосновываются экстраординарные качества государства, позволяющие ему стоять над правом. Правовая же реальность выступает в данном случае не как мир «человеческого, слишком человеческого», а «государственного, слишком государственного» [26, стр. 130].

Цивилизованное общество жаждет все-таки мира «человеческого, слишком человеческого», а не «государственного, слишком государственного». В самом глобальном и методологическом понимании все-таки право и государство для человека, а не наоборот. Понятно, что без права и его цивилизации, без государства человек не может получить все то человеческое, что ему необходимо. Но мы говорим о методологии вопроса. Все-таки в Конституции записали: «Человек, его права и свободы является высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2). Право и государство должны служить человеку, действовать и функционировать в его интересах, этому должен служить и закон.

Анализируя уголовную политику в целом, различные ее элементы, в том числе и уголовно-превентивную политику, мы всегда подчеркивали, что она предполагает не только правореализаторскую деятельность, но и правотворчество [230; 231]. Правотворческая деятельность в сфере превенции имеет очень важное значение. Ибо именно важнейшим средством правосозидательной деятельности является как раз принятие государством законов. Закон, воплощая в себе общественное и индивидуальное правосознание, в качестве универсального нормативного предписания и целерациональной идеи, способен обеспечить социальный порядок. Он проецируется на социальную почву несубъектных отношений и проявляет себя как дисциплинарная, стремящаяся к порядку сила, которая разрешает или гасит самый различные (юридические, межнациональные и другие) социально-правовые конфликты [26, стр. 131; 107; 117; 135; 136; 206; 285].

В обыденном сознании бытует мнение, что человек сталкивается с законом, когда его нарушает, до противоправного поведения жизнь его течет как бы за пределами действия закона, за рамками его (человека) практически духовной жизни. «Законам свойственно постоянно, явно и незримо ограждать цивилизованную жизнь людей от различных превратностей. И эта охранительная деятельность совершается непрерывно. Подобно тому, как река на всем своем протяжении ощущает наличие берегов, так и цивилизованная жизнь течет по руслу, зная о существовании нормативных «берегов», за пределы которых ей не следует выходить. О повсеместном присутствии законов можно не помнить, но от ощущения их незримого соседства в социальном пространстве цивилизованный человек не в состоянии избавиться. На каждом шагу, в любой из моментов закон может заявить о себе. Он, подобно, бессменному часовому, несет караульную службу днем и ночью, позволяя гражданам нормально и полноценно жить, любить, воспитывать детей, строить дома сеять хлеб, писать стихи и т.д. И хотя апостол Павел и сказал, что закон нужен не праведным, а нечестным грешникам, способным творить беззаконие, правильнее было бы сказать, что в равной степени закон необходим и тем, и другим, чтобы защищать первых и предостерегать и карать вторых» [26, стр. 131]. В этом и проявляется превентивное назначение закона. Данное обстоятельство должна учитывать и включать в себя уголовно-превентивная политика. Сам закон выступает основой, базой, фундаментом всей уголовно-превентивной политики. Он создает для нее объективную опору и позволяет

вести практическую деятельность в направлении профилактики, предупреждения и пресечения преступных проявлений.

Эта деятельность самая разнообразная, и в первую очередь идеологического содержания [4; 5; 108; 109; 175; 218; 219; 235; 266; 267; 268; 270].

Речь идет о целенаправленной кропотливой идеологической работе по формированию уважения к праву [224]. Уголовно-превентивная политика, безусловно, теснейшим образом связана с правовой культурой как общества, так и личности [47; 48; 204; 207; 208; 220; 221; 222; 229], и в значительной степени – с правовой культурой юристов [6, стр. 273; 29; 30; 74; 82; 84; 226].

Для России уголовно-превентивная политика играет особенно значимую роль. Это связано с тем, что на протяжении длительного исторического периода, в том числе и в имперской России, как-то само собой разумеющее у населения и у власть имущих формировался правовой нигилизм [41; 65; 112; 149; 155; 156; 157; 158; 174; 208; 242; 243; 247; 256; 259; 260; 261]. Постепенно он стал как бы визитной карточкой русского человека.

Некоторым авторам данной статьи удалось достаточно детально и тщательно проанализировать понимание правового нигилизма в творчестве отечественных мыслителей конца XIX – начала XX века, в том числе тех, которые оказались на чужбине после революции 1917 года (Н.Н. Алексеев, Н.Д. Беляев, В.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, С.А. Котляревский, С.Л. Франк и др.) и сформулировать общий подход к пониманию данного явления: «правовой нигилизм заключается в осознанном несоблюдении требований закона». Вместе с тем, он не влечет за собой противоправные деяния, а предполагает уклонение от них. «Правовой нигилизм, как правило, – пишут авторы, – связывается или с недоверием к праву, отрицанием возможности с его помощью добиться справедливости, или со стойкой установкой на реализацию собственных интересов и желаний вне зависимости от требований норм права» [82, стр. 12].

В статье мы приводим понимание правового нигилизма С.Л. Франком, созвучное нашему: ««Под нигилизмом я разумею, – *писал известный русский философ,* – отрицание и непризнание абсолютных «объективных» ценностей. Человеческая деятельность руководится, вообще говоря, или стремлением к каким-либо объективным ценностям (каковыми могут служить, например, теоретическая научная истина, или художественная красота, или объект религиозной веры, или государственное могущество, или национальное достоинство и т.д.), или же – мотивами субъективного порядка, т.е. влечением удовлетворить личные потребности, свои и чужие» [264, стр. 154].

После чего замечаем, что Семен Франк, размышляя о морали, практическом мировоззрении, сознании, религии и культуре подходит к проблеме нигилистического утилитаризма. Приводим подходы философа к вопросам нигилизма, имморализма, нигилистического утилитаризма. По его мнению: «Нигилистический унитаризм…, отрицает все абсолютные ценности и единственную нравственную цель усматривает в служении субъективным, материальным интересам…» [264, стр. 159-160], а нигилистический морализм не признает абсолютных ценностей и испытывает отвращение к основанной на них идее культуры [264, стр. 172].

Далее в анализируемой публикации мы подчеркиваем, что непризнание «абсолютных и действительно общеобязательных ценностей, культ материальной пользы обосновывают примат силы над правом, что недопустимо в цивилизованном обществе» [82, стр. 13-14].

Можно, конечно, пойти вслед за авторами цитируемой статьи и посмотреть на творчество С.Л. Франка глазами Д.Н. Вороненкова, который о правовом нигилизме написал большую книгу. По его мнению, для С. Франка проблема нигилизма – одна из главных. Он назвал моральный и правовой нигилизм основной сущностью «болезни русского духа» [42, стр. 25].

Проанализировав творчество русских мыслителей прошлых веков, невольно приходишь к выводу, который сформулирован нами следующим образом: «Пренебрежительное отношение к закону и праву, это по существу, уходящее в глубину веков российская национальная традиция» [82, стр. 14].

Данный вывод подтверждают позиции В.О. Ключевского, Н.А. Бердяева, Б.А. Кистяковского, С.А. Котляревского. Например, В.О. Ключевский отмечал: «Не я виноват, что в русской истории мало обращают внимание на право: меня принудила к тому русская жизнь, не

признававшая никакого права» [122, стр. 424].

Н.А. Бердяев писал, что русский народ склонен «к разгулу и анархии при потери дисциплины», а русское искание правды жизни постоянно имеет нигилистическую окраску. По его мнению – это глубоко национальная русская черта [33, стр. 47].

Так, Б.А Кистяковский видел, что русская элита «никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности; из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем загоне» [121, стр. 237].

Нигилистическая оценка отношения к праву в России прослеживается и в творчестве С.А. Котляревского [128].

«В России, – *подчеркивается в статье,* – очень часто во взаимоотношениях между государством и обществом объективно не находилось место праву, которое предполагает равенство власти и гражданина, их взаимную ответственность, данное обстоятельство накладывало отпечаток на русского человека, его душу и сознание» [82, стр. 14]. В таких условиях человек признает, по мнению П.Я. Чаадаева, «лишь право дарованное и отметает всякую мысль о праве естественном», понимаемое для других «идея законности, идея права для русского народа бессмысленно» [269, стр. 205].

В этом плане интересной позиции придерживается профессор В.Б. Романовская. Она специально изучила соотношение феноменов «духовность» и «правосознание», и пришла к заключению, что вся русская правовая история в большинстве своем указывает на глубокий правовой нигилизм в России. «Слабое понимание значимости права для социального бытия, – *подчеркивает она,* – характеризовало почти всю русскую общественную мысль, вплоть до середины 19 века. Пренебрежительное отношение к праву, к государственному закону, отраженное в старых русских поговорках «закон, что дышло, куда повернул, туда и вышло», «что мне закон, если судья знаком», уходят корнями в глубокое средневековье, в русскую православную традицию. Народ крепился не правом, а верой, которая всегда стояла выше всяких правовых предписаний» [195, стр. 166]. Православие, как известно, всегда играло очень важную роль в жизни русского человека. Оно внушало человеку идею обязанности, а не право. «Обязанности не исполнялись по греховности, – *подмечал Н. Бердяев,* – а право же не считали добродетелью» [32, стр. 50].

Именно православие, а не право исторически у русского человека вызывало уважение, понимание, преклонение, желание подчинения и смирения, что по мнению профессора В.Б. Романовской находит четкое отражение в образцах национального народного творчества: «Перед Богом с правдой, перед судьей с деньгами», «За правду Бог и добрые люди», «В суд пойдешь – правды не найдешь», «Кто повинен – того судит Бог», «К своему идеалу, – *продолжает В.Б. Романовская,* – Русь шла не путем рационального сознания, а через религиозно-положительный опыт. Правосознанием народа ощущалось, что для справедливого государства (Святая Русь) второстепенное значение имел вопрос о юридическом значении, а первостепенное – вопрос о преемственности благодати от Бога». Такое преобладание религиозного, духовного начал мирским, материальным проходит красной нитью по всем древнерусским и средневековым источникам: Посланиям, Повестям, Поучениям, Житиям, Трактатам и т.д. Законы, право, правопорядок и прочее и из этого ряда не имели сверхценности для русского мужика, который стремился скорее к «справедливости», чем «законности», к «правде», чем к «праву». Отражением этой системы ценностей являются известные поговорки: «Бог видит, кто кого обидит», «Не бойся никого, кроме Бога одного», «Бог долго ждет, да больно бьет» или «Кто добро творит, того Бог благотворит». Напрашивается вывод о том, что правосознание русского человека было неразвитым, слабым [195, стр. 167].

Предлагая свое видение проблемы, профессор В.Б. Романовская приходит к выводу: «Не понимал народ, зачем нужны законы, не уважал их и не считал важными для своей повседневной жизни: «Где закон, там и неправда» и лишь один закон – Закон Божий – признавал за высший авторитет, хотя и его по слабости своей каждодневно нарушал. Однако знал, наверняка, «что такое хорошо и что такое плохо», имел четкое представление о справедливости, о правде, о рассуде. «Суд не на осуд, а на рассуд, – и это только одна из особенностей русского правосознания» [195, стр. 167].

С предложенным выводом приходится соглашаться. Он отражает очень четкую и справедливую характеристику отношения русского

человека к праву и закону [65, стр. 195].

Научный анализ источников российского права говорит о прочном нигилистическом отношении русских людей к праву и закону, всем правовым ценностям. О «проявлении правового нигилизма в российской среде писали многие русские мыслители: Н.Н. Алексеев, И.В. Беляев, Г.В. Вернадский, Б.Н. Вышеславцев, И.А. Ильин, П.И. Новгородцев, П.В. Тарановский, Г.Ф. Шершеневич.

Все они в той или иной степени обосновывали мысли о том, что правовой нигилизм в России – это проявление национальной черты русского человека» [82, стр. 15].

И вот этот правовой нигилизм, национальную черту русского человека пытались изжить в условиях строительства сначала социализма, потом коммунизма, в стремлении ликвидировать преступность и причины, ее порождающие, после революции 1917 года и до начала 90-х годов XX века. Как известно, это не получилось. Ни одну из этих проблем решить до конца не удалось. Сейчас мы уже понимаем, что преступность свойственна любому обществу, это его спутница, и скорее надо стремиться не к ее полной ликвидации, вероятнее всего это возможно лишь с ликвидацией самого общества, а к контролю над ней [3; 8; 9; 171].

Интересно, как обстоят дела с правовым нигилизмом сегодня? Где он находит свое выражение? В современных условиях правовой нигилизм проявляется и на уровне обыденного правового сознания (единение правовой неграмотности со стойкими предубеждениями и стереотипами), и в профессиональном и научном правосознании. Особенно показательно он проявляется в обществе, где господствуют неразвитые демократические правовые институты, нет традиционного уважения к праву и закону, веры в их социальную справедливость, отсутствует доверие общества к власти, а власти – к населению, явно прослеживается низкий уровень правового сознания и чувствуется нехватка должной правовой культуры как личности так и общества.

Правовой нигилизм проявляет себя по-разному. Интенсивность его широка. Это может быть абсолютное, полное отрицание права как социальной ценности (анархизм). В то же время нигилизм может носить завуалированный, скрытый характер, когда право просто недооценивается, значимость права воспринимается как второстепенная, а его роль сводится к запретам (маргинальность). Когда игнорируется роль цивилизации права в развитии общества, государства и самого человека, в выживании человечества, сохранении и обеспечении будущего человеческой цивилизации.

Интересную и очень тревожную мысль высказывает по этому поводу Председатель Конституционного Суда Российской Федерации, известный теоретик и философ права профессор В.Д. Зорькин: «есть серьезные основания полагать, – *делает он вывод,* – что в самой ближайшей перспективе выживание человечества будет определяться тем, накопило ли оно резерв разумности, достаточной для того, чтобы грядущий технологический прорыв не был использован для обрушения цивилизации права, а вместе с этим и человечества» [101, стр. 315-316].

Стабильность общества и человечества, их безопасность и даже судьба связаны с отношением к праву. Распространенность правового нигилизма – это мерило, критерий самочувствия общества, состояния болезни государства, где он наблюдается. Абсолютное неверие в возможности права, игнорирование его потенциала в решении общественных проблем с позиций социальной справедливости – наивысшая степень проявления правового нигилизма, свидетельствующая о несогласии большинства граждан с властью. В этом случае возникает вопрос о легитимности власти [65, стр. 196].

Легитимность выступает общечеловеческой ценностью. Она выдает такой уровень взаимоотношений в обществе, когда их участники демонстрируют способность и готовность добровольно и осознанно следовать установившимся социальным предписаниям и взятым на себя обязательствам, когда государственная власть принимается членами общества, на которых она рассчитана. Общество доверяет власти, а власть опирается на общество. Существует взаимное доверие власти и общества, общества и власти.

Легитимность имеет ценностную окраску. Она всегда социальная ценность для общества, государства и человека. Интересную и вполне справедливую характеристику легитимности предложил в свое время Карл Дейч. Он писал, что легитимность обеспечивает: «во-первых, совместимость политических действий и господствующей в данном обществе системы ценностей и,

во-вторых, совместимость общих целей и практики с частными целями и особенностями индивидов» [63, стр. 18]. То есть, другими словами: ценности общества, государства и человека совместимы, они едины. Поэтому абсолютное большинство граждан добровольно соблюдают законы и предписания власти. Оцениваются правовые предписания населением как справедливые, морально оправданные и приемлемые.

Общество, его члены признают право государственной власти на руководящую роль и добровольно соблюдают ее предписания. Они понимают необходимость существования государственной власти для их же собственного блага. Власть стремится постоянно демонстрировать свою необходимость и значимость. Она заинтересована в том, чтобы властные предписания исполнялись и соблюдались членами общества инициативно, или по крайней мере с пониманием, с верой в нравственную правоту существующих нормативно-правовых актов. В этой связи мы солидарны с выдающимся современным западным мыслителей Пьером Бурдье, согласно которому легитимная власть «есть власть, которую тот, кто ей подчиняется, дает тому, кто ее осуществляет… эта власть, которая существует лишь потому, что тот, кто ей подчиняется, верит, что она существует» [37, стр. 208-209]. «Верит не только в то, – *по нашему мнению,* – что власть существует, но и в то, что она справедлива, полезна и необходима для него. Без этой власти он не сможет решить свои повседневные жизненно необходимые вопросы. Без нее он не сможет жить, работать, иметь семью, растить и воспитывать своих детей, давать им образование, иметь достойное медицинское обслуживание, победить коррупцию, да и просто чувствовать себя комфортно. И данное обстоятельство власть должна постоянно помнить, чтобы не утратить своей легитимности [228, стр. 78].

Легитимность предполагает ситуацию, когда общество нуждается именно в данной власти, она (власть) ему (обществу) необходима. Общество заинтересовано именно в этой власти, она соответствует интересам общества. Именно интересы играют огромную, основную роль в нашей жизни. Обеспечение этих интересов властью и гарантирует взаимное доверие общества и государственной власти.

В этом доверии нуждается и проводимая в государстве уголовная политика. Доверие играет в общественной жизни такую роль, переоценить которую невозможно. Как и невозможно общество, когда роль доверия к нему сведена к нулю. Это уже не человеческое общество.

«Доверие в человеческом обществе, – *по мнению профессора В.Д. Зорькина,* – обеспечивается формальными и неформальными механизмами» [145, стр. 35].

Неформальные механизмы разнообразны и многогранны. Особенно активно они заявляют о себе и действуют в традиционных обществах, менее значимы – в индустриальных. Они основаны скорее на внутренней духовности и сердечности человека, чем на боязни реализации юридических санкций. «Такие неформальные механизмы, – *по мнению В.Д. Зорькина,* – создаются и воспроизводятся культурой и традицией. И определяют те представления о должном и не-должном, благом и злом, допустимом и недопустимом, и, в конечном итоге, справедливом и несправедливом, которые являются своего рода «каркасом» распространенной в обществе морали.

В религиозной среде мораль адресуется к божественным заповедям (есть такое важное и совсем не пустое понятие «страх божий»). В атеистической среде массовая мораль обычно воспроизводится без таких адресаций и назиданий, но постоянно передается через культуру. Но именно общая мораль, в любом случае, оказывается своего рода «базисом» для социализации человека с самого детства – в семье, школе, уличных группах, коллективах, объединенных дружбой или совместной деятельностью.

Неформальное доверие, – *замечает профессор,* – держится только и исключительно на указанном институте общей морали, освященной культурой и традицией и массово воспроизводящейся в ходе социализации. Здесь взаимное доверие определяется критерием убежденности в совпадении моральных норм и представлений о справедливости [145, стр. 36].

И вот этот неформальный механизм формирования доверия в обществе очень важен для превентивной составляющей уголовной политики. С нашей точки зрения он вплетен в синкретизм современной правовой культуры [20; 45; 46; 50; 53].

Синкретизм современной правовой культуры как самостоятельное научное направление разработал доктор юридических наук Ф.Х. Галиев.

Он доказал, что «ни одна из социальных норм в современном обществе не функционирует изолированно от других… Сущность синкретизма правовой культуры заключается в том, что правовая культура формируется и функционирует, будучи составляющим элементом процесса воздействия права на общественные отношения в единстве с другими социальными регуляторами…, синкретизм правовой культуры, как взаимосвязанность и единство функционирующих в обществе различным систем социальных норм, сформировался на протяжении всей истории существования человечества» [52, стр. 23], определило понятие данного явления как естественным образом формируемую в ходе жизнедеятельности общества «взаимообусловленность, взаимосвязь, взаимозависимость и взаимодействие различных социальных норм, в комплексе воздействующих на сознание и поведение людей» и способствующих «оптимизации общественных отношений в соответствии с представлениями о добре и справедливости» [52, стр. 12].

По мнению Ф.Х. Галиева, и с ним приходится соглашаться, в современном мире трудно обнаружить норму, которая бы противоречила, не соответствовала других нормативных регуляторов, регламентирующих общественные отношения и функционирующих в виде норм морали, религии, этики, традиций, корпоративных правил и т.д. «Это объективно связано с синкретизмом правовой культуры, который означает взаимозависимость требований всего комплекса действующих в современном обществе социальных норм в процессе их воздействия на сознание и поведение людей» [52, стр. 12].

Формируется такое свойство социальных правил в результате исторической динамики общества и взаимодействия с функционирующими в современными обществе социокультурными регуляторами. Это приобретает особую актуальность в контексте уголовно-превентивной политики. Она должна ориентироваться не только на формальные механизмы формирования доверия общества к власти, но и учитывать механизмы неформальные.

Что касается формальных механизмов, то они обеспечивают доверие исключительно через систему права и правоприменения, то есть комплекс законодательных органов, кодифицированных норм законов, судебной системы и и системы исполнения судебных решений.

К сожалению, и неформальные, и формальные социальные механизмы доверия в современном нашем Отечестве, в России очень сильно ослаблены. Кроме того, они еще в чем-то оказались слишком глубоко рассогласованы между собой в массовом общественном сознании. Жизненно важной является необходимость точного и аккуратного выстраивания механизмов формальных правовых регуляторов в осознанном сопряжении с неформальными социальными, в первую очередь моральными механизмами. И формальные, и неформальные механизма должны быть настроены на традиционную мораль с ее представлениями о социальной справедливости [145, стр. 36-38].

Уголовно-превентивная политика предполагает и конкретную идеологическую работу институтов гражданского общества и государственных структур по правовому просвещению граждан, оказанию им юридической помощи, в том числе и бесплатной, по формированию у них необходимого уровня правосознания и должной правовой культуры.

Что касается правового просвещения населения страны, то в нем большая роль отводится юридическим клиникам, которые созданы и функционируют при большинстве юридических вузов. В их работе участвуют наряду с преподавателями и студенты старших курсов. Все желающие вправе прийти в эти клиники и получить интересующую их консультацию по юридическим вопросам, какую-либо правовую информацию. Этой информации, как правило, тоже не хватает, даже по элементарным юридическим вопросам, которую можно получить из того или иного кодекса законов [35; 54; 55]. Данный пробел в юридических знаниях можно устранить и с помощью студентов.

Нельзя игнорировать возможности адвокатуры в правовом просвещении граждан, оказания им юридической помощи. Эта помощь должна быть доступной, в том числе и для тех, кто имеет небольшие доходы и, конечно, качественной.

Интересам правового просвещения посвящен и закон «О бесплатной юридической помощи в России» [2]. В соответствии с этим законом оказывается бесплатная юридическая помощь по гражданским делам. По уголовным же делам такая бесплатная юридическая помощь предусмотрена законом давно. Теперь, с 2012 года, по гражданским делам для определенных лиц,

по определенным категориям дел и в определенных ситуациях государство взяло на себя обязательство оказывать юридическую помощь своим гражданам. В данном случае исключается возможность перерастания гражданско-правового конфликта в уголовно-правовой деликт, что, безусловно вписывается в уголовно-превентивную политику.

Вместе с тем необходимо отметить, что превенцию всех правонарушений и преступлений, в частности, необходимо начинать с самого раннего детского возраста, и конечно, серьезно на плановую основу эту работу поставить уже в школе. Совершенно прав профессор А.И. Александров, предлагая школе ввести преподавание с 5 по 11 классы предмета «Правоведение», и поставить его обучение на уровень русского языка и литературы, алгебры и геометрии, а возможно и еще выше. Данный курс необходимо положить в основу нравственно-патриотического воспитания и вместе с российской правовой идеей формировать у учащихся нравственно-правовую базу, жизненные начала цивилизации права, уважение к нему, изучать конституционные ценности как правило жизни нашего общества, без которых невозможно доверие между обществом и государственной властью, учет интересов каждого. Соблюдение данных правил каждым человеком и всем населением – дело жизненно необходимое, полезное, выгодное и доброе, обеспечивающее социальную справедливость на Земле [6, стр. 273-274].

Сквозное семилетнее преподавание в каждом классе средней общеобразовательной школы предмета «Правоведение» важно рассматривать как составную часть нашей российской правовой политики, и в частности – уголовно-превентивной политики. Содержательная наполняемость данного курса – вопрос отдельный и решаемый. Необходима политическая воля руководителя государства и его решение. Неужели в XXI веке мы еще не осознаем того, что без должной правовой культуры личности и общества справедливой и достойной жизни не построить. Начало же этой большой, ответственной и очень серьезной работы приходится на школу. Вести ее должны профессионалы, педагоги-юристы, специально для этого подготовленные. Опыт подготовки таких преподавателей в России имеется. Взять хотя бы Санкт-Петербургский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, где вот уже несколько лет готовят такие кадры. Преподаватели, специально подготовленные как школьные педагоги, и имеющие юридическое образование, способны заложить прочную основу, фундамент правовой культуры личности, которая в последующем постоянно будет подпитываться новыми юридическими знаниями на всем протяжении жизни людей. Для этого необходима четко выстроенная система правового воспитания в стране с учетом возможностей и потребностей институтов гражданского общества и механизма государства. Процесс этот должен быть перманентным, непрекращающимся, продолжающимся на протяжении всего жизненного пути человека. Тогда мы добьемся значительной превенции преступлений.

Кроме идеологической и воспитательной работы в учебных заведениях (школа. гимназия, колледж, вуз и т.д.), направленной на формирование должного уровня правосознания и правовой культуры населения, важна и другая аналогичная деятельность и творческих и рабочих коллективах, общественных формированиях, средствах массовой информации и т.д. в этом направлении. Это должна быть соответствующая политика, охватывающая все стороны жизни и деятельности человека. И главное, у людей должна быть потребность, жизненный интерес в необходимости получения правовых знаний, в которых должен нуждаться каждый в личностной правовой культуре.

Вместе с тем для эффективной уголовно-превентивной политики одной лишь правовой культуры личности недостаточно. Она очень важна, значима, необходима, но не достаточна. Нужна еще должная правовая культура общества.

Вопросам правовой культуры общества посвящены значительные научные труды [49; 106; 167; 172; 223; 244]. Мы не будем в данной статье подробно вести о ней речь, обратим лишь внимание на некоторые структурные компоненты этой культуры, которые особенно важны с позиций уголовно-превентивной политики.

К уголовно-превентивным мерам, считает профессор А.И. Александров, и мы с ним полностью согласны, относится криминологическая экспертиза законопроектов, в том числе и на антикоррупционность [12; 166; 177]. Сюда же необходимо отнести осуществляемую правоохранительными органами специальную общую

и индивидуальную криминологическую профилактику [6, стр. 274; 61; 130].

Профессор А.И. Александров связывает уголовно-превентивную политику с необходимостью резкого, многократного усиления ответственности за административные правонарушения, обеспечив неотвратимость наказания за их совершение. По его мнению, зачастую совершению преступлений предшествуют административные проступки, а реакция правоохранительных органов на них не всегда адекватна. Очень часто они оказываются безнаказанными, что, в свою очередь, формирует у правонарушителя стойкие социальные установки, а нередко и привычку нарушать закон. С позиций уголовно-превентивной политики реакция государства должна быть эффективной не только на завершенные преступления, но и на различные иные правонарушения [6, стр. 274].

Вероятнее всего, существует много других аспектов проявления уголовно-превентивной политики, их может быть великое множество. По мере развития права, государства, расширения правового прогресса [80; 91] и цивилизации права, распространения достижение научно-технического прогресса [225; 233], будут расширяться и возможности уголовно-превентивной политики. Главное в ней то, что все усилия государства и гражданского общества направлены, в первую очередь, не на ужесточение уголовной ответственности, а на обеспечение мер, связанных с пресечением, предотвращением, профилактикой преступных проявлений. Важнее не наказать человека за то, что он совершил какое-то противоправное деяние, а не допустить совершения преступления. Это важно понять и государству в целом, и правоохранительным органам [7; 159; 179; 205; 254; 274; 275], и институтам гражданского общества.

Не надо провоцировать преступление (к сожалению, это бывает довольно часто в процессе проведения такого оперативно-розыскного мероприятия, как оперативный эксперимент [66; 88; 89; 90; 252; 277]), нельзя ждать окончания преступления, спокойно наблюдая, как оно начинается, с целью взятия с поличным, чтобы наверняка посадить преступника, как очень часто у нас бывает, например, при борьбе с экономическими преступлениями и т.д. [67; 68; 184; 185; 186]. Цель должна быть иная – не наказать во что бы то ни стало человека, у которого только еще зарождается умысел на преступную деятельность, а склонить его на добровольный отказ от противоправного поведения. С этой точки зрения, наверное, и медиационная деятельность может рассматриваться как проявление уголовно-превентивной политики [62; 72; 110; 116; 136; 151; 160; 161; 255; 287].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2016.
2. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6725
3. Аврутин Ю.Е., Гуляев А.П., Егоршин В.М., Сальников В.П., Шапиев С.М. Преступность, общество, государство: проблемы социогенезиса. Опыт междисциплинарного теоретико-прикладного исследования: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 416 с.
4. Александров А.И. Государственно-правовая идеология и уголовная политика в Российской Федерации // Избранные лекции университета. Том выпуск 157. – СПб.: СПбГУ, 2014.
5. Александров А.И. Конституция Российской Федерации и идеология государства в России – одно и то же // Судья. – 2013. – № 12. – С. 30-32.
6. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово Член-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с.
7. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Международная правоохранительная деятельность и полицейские традиции России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 130-150.
8. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Всемирный кризис и организованная преступность – угроза национальной безопасности России // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 131-148.
9. Алиев Я.Л., Вихров А.А., Сальников П.П. Теневая экономика и организованная преступность в социальной

системе России // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 31-43.
10. Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П. Русская философия права – проблемы веры и нравственности. Вступительная статья // Русская философия права: Антология / Авторы-составители: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.В. Сальников. Автор и руководитель проекта В.П. Сальников. Издание второе, дополненное. – СПб.: Алетейя, 1999. – С. 8-25. – в кн. 448 с.
11. Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П. Русская философия права – философия бытия, веры и нравственности // Русская философия права: философия веры и нравственности: Антология / Составители А.П. Альбов, Д.В. Масленников, А.И. Числов, С.В. Филиппова; автор и руководитель проекта академик В.П. Сальников. – СПб.: Алетейя, 1997. – С. 8-25. – в кн. 399 с.
12. Ананских И.А., Труфанов А.Ю. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и антикоррупционном мониторинге в сфере физической культуры и спорта // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 123-130.
13. Артамонова Г.К., Сальников П.П., Султыгов М.М.Запреты в механизме управления обществом и государством: историческая ретроспектива места и роли // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 11-16.
14. Артамонова Г.К., Сальников П.П., Султыгов М.М. Ограничения публичной политической власти: современные интерпретации запрета как способа и юридической процедуры // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 11. – С. 51-69.
15. Артамонова Г.К., Сальников П.П., Султыгов М.М. Правовой запрет как способ ограничения публичной политической власти: исторические предпосылки возникновения // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 11-20.
16. Артамонова Г.К., Сальников П.П., Султыгов М.М. Правовые запреты в контексте ограничения публичной политической власти: некоторые вопросы классификации // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 10. – С. 37-51.
17. Артамонова Г.К., Сальников П.П., Султыгов М.М. Социальная власть как феномен и проблема правового ограничения // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 11-27.
18. Артамонова Г.К., Сальников П.П., Султыгов М.М., Анашкина Ю.Н. Конституционное правосудие и ограничение публичной политической власти // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 2. – С. 27-39.
19. Артамонова Г.К.. Сальников П.П., Султыгов М.М.. Анашкина Ю.Н. Конституционно-правовые запреты и система разделения властей // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 1. – С. 69-78.
20. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Том 1. От прошлого к будущему. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Новосибирск, Сибирский хронограф, 1997. – 807 с.
21. Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Трансформация обычаев в праве на постсоветском пространстве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 180-197.
22. Баранов В.М., Листков А.Н., Сальников В.П. Право. Справедливость. Законность: Рецензия на монографию Блумштейна Ю.Д. «Уголовное право и социальная справедливость» (Минск, 1987) // Методологические основы политико-воспитательной работы в органах внутренних дел: Сб. науч. труд. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1990. – С. 150-156.
23. Баранов В.М., Сальников В.П., Кронский В.С. Социальная справедливость и истинность советского права как ведущие ориентиры деятельности органов внутренних дел: Монография. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1989.
24. Барсуков А.Ю. Правовой прогресс как юридическая категория: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2004.
25. Бачинин В.А. Методологические проблемы: изучение морали // Социологические исследования. – 1995. – № 11. – С. 104-108.
26. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
27. Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философско-правовая проблема: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 184 с.
28. Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права: Краткий словарь. – СПб.: Лань, 2000. – 400 с.
29. Безносова Я.В., Кондратьева А.Н., Романовская В.Б., Романовская Л.Р., Федюшкина А.И. Влияние религиозно-нравственных ценностей на формирование правосознания современного юриста // Известия Сочинского государственного университета. – 2014. – № 4-2 (33). – С. 86-89.
30. Безрядин В.И., Сальников П.П., Шхагапсоев З.Л. Профессиональная культура юриста: некоторые современные проблемы формирования // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С 116-126.
31. Безрядин В.И., Сальников П.П., Шхагапсоев З.Л. Юридическое образование как социальная ценность гражданского общества и правового государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1.

– С. 35-42.
32. Бердяев Н. Новое средневековье. – М., 1990.
33. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли 19 века и начала 20 века. // О России и русской философской культуре. – М., 1990.
34. Биктасов О.К. Идея справедливости: к истории ее происхождения и развития // Правоохранительная деятельность и правовое государство. Вып. 3. – СПб., 1994. – С. 31-36.
35. Боер В.М. Информационно-правовая политика и безопасность России : Теоретико-правовой аспект: Дис. … докт. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1998.
36. Боер В.М., Городинец Ф.М., Григонис Э.П., Сальников М.В., Янгол Н.Г. Правовое государство: реальность, мечты, будущее: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетейя, 1999. – 256 с.
37. Бурдье П. Социология политики / Пер с фр. Сост., общ. ред и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Socio Logos, 1993. – 336 с.
38. Верховодов Е.В. Генезис теории естественного права в Западной Европе: Дис … канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2001.
39. Верховодов Е.В., Сальников В.П., Романовская В.Б. «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 201-208.
40. Волеводз А.Г. Система профилактики правонарушений в Российской Федерации: обсуждаем проект федерального закона // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2014. – № 4. – С. 7-13.
41. Вороненков Д.Н. О некоторых аспектах правового нигилизма в поведении личности // Политика. Власть. Право: Межвуз. сб. науч. тр. Вып.II / Под ред. С.А. Комарова. – СПб.: Юридический ин-т (Санкт-Петербург), 1999. – С. 1-3.
42. Вороненков Д.Н. Правовой нигилизм и правовой идеализм в современном российском обществе на рубеже веков / Под ред. С.А. Комарова. – СПб.: Юридический ин-т (Санкт-Петербург), 2004. – 155 с.
43. Вязов А.Л. Принцип справедливости в современном праве и правоприменении (теоретико-правовое исследование): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2001.
44. Галиев Ф.Х. Воздействие права на общественные отношения и синкретизм правовой культуры // Вестник Башкирского ун-та. – 2013. – Том 18. – № 4. – С. 1352-1356.
45. Галиев Ф.Х. О синкретизме правовой культуры // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 4(34). – С 36-73.
46. Галиев Ф.Х. Правовая культура в цифровых показателях // Юридическая мысль. – 2012. – № 4(72). – С. 33-40.
47. Галиев Ф.Х. Правовая культура и правовое государство // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 2(36). – С 52-58.
48. Галиев Ф.Х. Правовая культура: социально-философские проблемы // Мир политики и социологии. - 2016. - № 7. - С. 182-190.
49. Галиев Ф.Х. Правовая культура и социальные нормы. – М.: NOTA BENE, 2010. – 174 с.
50. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры и оптимизация общественных отношений // Вестник Башкирского ун-та. – 2014. – Том 19. – № 1. – С. 336-341.
51. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 517 с.
52. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 55 с.
53. Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.
54. Галиев Ф.Х., Ларцева С.А., Яппарова Р.Р. Правовая культура в современном обществе: результаты опроса населения. – Уфа: Дизайн-полиграфсервис, 2010. – 52 с.
55. Галиев Ф.Х., Ларцева С.А., Яппарова Р.Р. Правовая культура и общественное мнение. – Уфа: Дизайн-полиграфсервис, 2011. – 72 с.
56. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М., 1990.
57. Горшкова О. Справедливость сильнее закона // Ваш тайный советник. – 2008. – № 23(301).
58. Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации / Науч. ред. И.И. Кальной, А.В. Горбань. – Симферополь; Севастополь: АРЕАЛ, 2011. – 648 с.
59. Гражданское общество: истоки и современность / Науч. ред. И.И. Кальной, И.Н. Лопушанский. – 3-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2006. – 492 с.
60. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Шаранов Ю.А. Акмеологические основы конфликтологии. – СПб. , 1994.
61. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2000. – 320 с.

– (Серия: «Безопасность человека и общества»).
62. Гущева Ю.В. Примирительная процедура в праве: доктрина, практика, техника. – Н. Новгород, 2013. – 289 с.
63. Дейч К. Ernest Gellner. Conditions and Liberty: civil society and its Rivais. – London: Hamilton, 1994.
64. Додонов В.Н. Институт правовой ответственности главы государства в современном мире: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 160 с.
65. Домбровский В.В., Шелепова М.А. Правовой нигилизм и некоторые вопросы правосознания личности // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 191-199.
66. Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (Правовой анализ) / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб., 2005. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
67. Егоршин В.М. Экономическая безопасность и экономическая преступность в современной России: Учебное пособие. – СПб.: Петровский фонд, 1999.
68. Егоршин В.М., Колесников В.В. Преступность в сфере экономической деятельности: Монография. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 273 с. – (Серия: «Право и экономика»).
69. Жданов П.С., Романовская В.Б. О морали, нравственности и законе в работах русских религиозных философов конца XIX – начала XX вв. // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 28-35.
70. Жданов П.С., Романовская В.Б. Этико-правовые концепции в русской религиозной философии конца XIX – первой половины XX века. Монография. – Н.Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2012. – 155 с.
71. Жданов П.С., Романовская В.Б., Сальников В.П. Добро как должное и зло как реальность (о категории «зла» в русской философии права) // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 186-191.
72. Загайнова С.К., Тарасов Н.Н. Медиация в практике нотариуса. – М.: Инфотроник Медиа, 2012.
73. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – М., 2014.
74. Захарцев С.И. Профессиональная деформация правосознания ученых-юристов // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015 – № 1(18). – С. 340-345.
75. Захарцев С.И., Сальников В.П. Как познать право? Мы предлагаем компрехендный подход // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 17-30.
76. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория познания права // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 11-26.
77. Захарцев С.И., Сальников В.П. О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С 113-121.
78. Захарцев.С.И., Сальников В.П. О теории и философии права // Теория государства и права в науке, образовании и практике: Монография / Ю.Г. Арзамасов, В.М. Баранов, Н.В. Варламова и др.; пред. ред. совета Т.Я. Хабриева. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – М.: Юриспруденция, 2016. – С. 112-117. – в кн. 480 с.
79. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс – новая философско-правовая дефиниция // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 171-188.
80. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс и ценности права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 17-31.
81. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 13-30.
82. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 11-29.
83. Захарцев С.И., Сальников В.П. Предлагаем Вашему вниманию компрехендную теорию познания права // Мир политики и социологии. – 2016. – № 3. – С. 170-183.
84. Захарцев С.И., Сальников В.П. Профессиональная деформация правосознания ученых-юристов: некоторые размышления по итогам исследования // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 11. – С. 172-180.
85. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с.
86. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что есть компрехендная теория права? // Юридическая наука. – 2016. – № 3. – С. 5-9.
87. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 2(40). – С. 14-22.
88. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М., 2015. – 400 с.
89. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке:

Монография. – СПб., 2006. – Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности» / МВД России, С.-Петерб. ун-т.
90. Захарцев С.И., Спиридонов П.Е., Шахматов А.В., Третьяков И.Л. Оперативно-розыскное мероприятие оперативный эксперимент как эффективный инструмент в борьбе с преступностью // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 2. – С. 215-219.
91. Зигель Ф.Ф. Право и прогресс. – Варшава: тип. Варш. учеб. округа, 1913. – 7 с.
92. Зоиров Д. От межтаджикского конфликта к постконфликтному миру: общее и особенное в этнополитических конфликтах // Россия и мусульманский мир. – 2015. – № 3. – С. 88-114.
93. Зоиров Д.М. Истоки формирования этнической государственности в Средней Азии и Закавказье // История государства и права. – 2004. – № 1. – С 46-49.
94. Зоиров Д.М. Формирование и развитие национальной государственности в странах Содружества Независимых Государств (сравнительно-правовое исследование): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2004.
95. Зоиров Д.М., Колокольцев В.А. Организационно-правовой механизм обеспечения национальной и коллективной безопасности стран – участников СНГ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2003. – № 1 (17). – С. 111-117.
96. Зоиров Д.М., Сальников М.В. Национальная политика СССР как фактор формирования постсоветского геополитического пространства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 80-85.
97. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Государственность на постсоветском пространстве: предпосылки суверенитета // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 25-34.
98. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Суверенная государственность на постсоветском пространстве: предпосылки и процесс формирования (на примере Республики Таджикистан): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 336 с. – (Библиотека: «Философия государства и права»).
99. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. – М., 2011.
100. Зорькин В.Д. Право силы и сила права. Лекция для участников V Международного юридического форума. Санкт-Петербург, 28 мая 2015 г.// Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 18-32.
101. Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России: Монография. – М.: Норма: Инфра-М, 2015. – 320 с.
102. Идеи права в постклассической философии (Шопенгауэр, Ницше, Диннель, Дильтей (А.Н. Сотникова), Кухта, Иеринг, Еллинек) / В.М. Баранов, З.Ш. Идрисов, А.И. Пешков, Л.А. Чеговадзе. Глава IV // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 260-402.
103. Иеринг Р. фон. Борьба за право / Пер. с нем. В.И. Лойко. – М.: Изд. К.Т. Солдатенкова, 1874 (Тип. Грачева и К). – 77 с.
104. Иеринг Р. фон. Дух римского права по различным ступеням его развития. Перевод с 3-го исправленного немецкого издания. Ч. 1. – С.-Пб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1875. – 321 с.
105. Иеринг Р. фон. Цель в праве. Т. 1 / Пер. В.Р. Липкого, Н.В. Муравьева, Н.Ф. Дерюжинского. – СПб.: Изд. Н.В. Муравьева, 1881 (Тип. м-ва путей сообщ.). VII. – 412 с.
106. Исаев И.А. Правовая культура России: Учебное пособие. – М.: Проспект, 2014. – 96 с.
107. Исмагилов Р.Ф., Карагодов В.А, Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003.
108. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Государственное телевидение как инструмент формирования идеологии // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 113-129.
109. Исмагилов Р.Ф., Сальников П.П., Гер О.Е., Кайзер А.Г., Реуф В.М. Советскую идеологию подвергли остракизму. А что взамен? (политико-правовой аспект) // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 57-75.
110. Калашникова С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции. – М.: Инфотропик Медиа, 2011. – 304 с.
111. Калинина Е.В., Романовская В.Б., Сальников М.В. Специфика государственной концепции Фомы Аквинского // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 17-23.
112. Кальной И.И. Правовой нигилизм и его основания // Российский журнал правовых исследований. – 2014. – № 4(1). – С. 60-66.
113. Кант и кантианство. – М., 1978.
114. Кант и философия в России. – М.: Наука, 1994.
115. Кареев Н. Два взгляда на процесс правообразований (1889) // Немецкая историческая школа права. – Челябинск: Социум, 2010. – С. 315-350.
116. Карташов В.Н., Сальников В.П. Медиация в праве: новый или хорошо забытый старый способ разрешения споров // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 194-198.
117. Карташова Н.В. Особенности конфликтов в деятельности милиции (полиции) // Общество, право, полиция:

Материалы межвузовской научно-практической конференции. 23-24 мая 1996 г. Ч. 2. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт МВД России, 1996. – С. 47-49.
118. Карташова Н.В. Специфика конфликта в профессиональной юридической деятельности // Права человека и статус правоохранительных органов: Материалы международного симпозиума (3-4 марта 1994 г.). Ч. I. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб., 1995. – С. 159-162.
119. Кельзен Г. Чистое учение о праве и аналитическая юриспруденция. Перев. с англ. А.А. Краевского // Российский ежегодник теории права. № 2. 2009. СПб., 2011. С. 432-453
120. Кениг И. Савиньи и его отношение к современной юриспруденции (1863) // Немецкая историческая школа права. – Челябинск: Социум, 2010. – С. 351-378.
121. Кистяковский Б.А. В защиту права. Интеллигенция и правосознание // Вехи. Из глубины. – М., 1991.
122. Ключевский В.О. Соч. в 9-ти томах. Т.9. – М., 1990.
123. Конституции стран – членов СНГ. Сборник документов. – Ереван, 1997.
124. Конт О. Дух позитивной философии: Слово о положительном мышлении. Пер. с фр. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 80 с. – (Из наследия мировой философской мысли: история философии).
125. Конт О. Общий обзор позитивизма / Перевод с французского И. А. Шапиро. Под ред. Э. Л. Радлова. – Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 296 с. – (Из наследия мировой философской мысли: история философии).
126. Корольков А.А. Одухотворенная наука о праве // Русская философия права: Антология / Авторы-составители: А.П. Альбов, Д.В, Масленников, М.В. Сальников; автор и руководитель проекта В.П. Сальников. Издание второе, дополненное. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, Алетейя, 1999. – С.5-7. – в кн. 438 с.
127. Корольков А.А. Философия права: западноевропейская и русская традиции // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 634-637.
128. Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: «Классики истории и философии права». – СПб.: Фонд «Университет», Лань, 2001. – 368 с. – (Мир культуры истории и философии).
129. Криминология – XX век / Шестаков Д.А., Гилинский Я.И., Кристи Н., Ростов К.Т., Сальников В.П., Милюков С.Ф., Бурлаков В.Н., Ривман Д.В., Вандышев В.В., Колесников В.В., Степашин С.В., Волженкин Б.В., Ларичев В.Д., Осипкин В.Н., Степанова И.Б., Явчуновская Т.М., Лисовский В.Т. Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Ассоциация Юридический центр, Санкт-Петербургский государственный университет МВД РФ, Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2000. – 554 с.
130. Криминология и профилактика преступлений: Курс лекций (для слушателей факультета заочного обучения) / Бурлаков В.Н., Волгарева И.В., Вандышев В.В., Шестаков Д.А,, Сальников В.П., Спиридонов Л.И., Ривман Д.В., Милюков С.Ф., Ростов К.Т., Соболь И.А. Касторский Г.Л., Майоров А.А., Мясков В.Н., Пряхина Н.И., Устинов В.С., Кикоть В.Я., Павлов В.Г.; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – 315 с.
131. Криминология и профилактика преступлений: Учебное пособие. Курс лекций / А.В. Баженов, В.Н. Бурлаков, Г.Н. Горшенков, В.М. Егоршин, Р.Ф. Исмагилов, Г.Л. Касторский, Е.А. Костыря, О.В. Лукичев, В.Г. Павлов, Н.И. Пишигина, Н.И. Превезенцев, К.Т. Ростов, В.П. Сальников, Ф.Ю. Сафин, И.Г. Скурту, О.В. Харченко; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001. – 224 с.
132. Криминология: Словарь / В.Н. Бурлаков, Г.Н. Горшенков, В.М. Егоршин, Р.Ф. Исмагилов, О.В. Лукичев, Д.А. Шестаков, Ф.Ю. Сафин; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Лань, 1999. – 256 с.
133. Криминология: Учебник для юридических вузов / Под ред. проф. В.Н. Бурлакова, проф., академика В.П. Сальникова, проф., академика С.В. Степашина; Акутаев Р.М., Бурлаков В.Н., Вандышев В.В., Волгарева И.В., Волженкин Б.В., Городинец Ф.М., Егоршин В.М., Зазулин Г.В., Исмагилов Р.Ф., Касторский Г.Л., Кикоть В.Я., Колесников В.В., Лукичев О.В., Малинин В.Б., Милюков С.Ф., Орехов В.В., Павлов В.Г., Пряхина Н.И., Ривман Б.В., Сальников В.П. и др. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России; Лань, 1999. – 608 с.
134. Крушельницкий М.А. Ганс Кельзен: диалог позитивизма и естественно-правовой теории // Юридическая мысль. – 2015. – № 3(89). – С. 31-34.
135. Кудрявцев В.Н. Юридический конфликт // Государство и право. – 1995. – № 9. – С. 9-14.
136. Кузбагаров А.Н. Примирение споров по конфликтам частноправового характера: Научное издание. – СПб.: СТАТУС, 2010. – 320 с.

137. Кузнецов Э.В. Естественное право как фактор духовного возрождения России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1992. – № 4. – С. 75-80.
138. Кузнецов Э.В. Философия права в России. – М., 1989.
139. Куницын А.П. Право естественное. Часть 1. – СПб., 1818.
140. Куницын А.П. Право естественное. Часть 2. – СПб., 1820.
141. Курзенин Э.Б. Политико-правовое учение Самуэля Пуфендорфа: Дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 1999.
142. Курзенин Э.Б., Сальников В.П. Идеи естественного права в трудах Гуго Гроция // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 12(79). – С. 120-122.
143. Курзенин Э.Б., Сальников В.П., Романовская В.Б. Особенности методологии научного творчества Самуэля Пуфендорфа // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 36(46). – С. 111.-114.
144. Курзенин Э.Б., Сальников В.П., Фомичев М.Н. Принцип «социабильности» в творчестве Самуила Пуфендорфа // Юридическая мысль. – 2015. – № 4(90). – С. 42-47.
145. Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 25-45.
146. Лекция руководителя Аппарата Счетной палаты Российской Федерации С.М. Шахрая. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 147-173.
147. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. Том 1. – М.: Юрайт, 2011. – 880 с.
148. Лупарев Г.П. Мыслитель-бунтарь Марсилий Падуанский // Марсилий Падуанский. Защитник мира. Defensor pacis / Пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступ. ст., примеч. Г.П. Лупарева. – М.: Дашков и К°, 2014. – С. 11-63.
149. Лушина Л.А. Нравственно-правовой нигилизм: генезис, сущность, формы: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2003.
150. Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. – Харьков: Право, 2002. – 328 с.
151. Максуров А.А., Таланова М.В. Медиация в праве: юридическая технология медиативных процедур. – М.: ЭкООнис, 2014. – 456 с.
152. Малеин Н.С. Юридическая ответственность и справедливость. – М., 1992.
153. Мальцева С., Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Античность. Средневековье. Том 1-2. – СПб.: Пневма, 2012. – 720 с., ил.
154. Марсилий Падуанский. Защитник мира. Defensor pacis / Пер. с франц. Б.У. Есенова; науч. ред., вступ. ст., примеч. Г.П. Лупарева. – М.:Дашков и К°, 2014. – 656 с.
155. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм // Общая теория государства и права. В 3 т. Т 3. / Под ред. М.Н. Марченко. – М., 2001. – С. 327-356.
156. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1994. – № 2. – С. 3-16.
157. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как явления российского политического менталитета // Право и жизнь. – 2002. – № 47. – С. 5-38.
158. Матузов Н.И. Правовой нигилизм как образ жизни // Правовая культура. – 2012. – № 1(12).
159. Милиция общественной безопасности: состояние и актуальные проблемы деятельности: Материалы регионального семинара / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: 2002.
160. Минеева Т.Г., Назарова Н.Л., Сальников В.П., Соловьева С.В. Медиация в России. (Памяти Нильса Кристи) // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 195-202.
161. Минеева Т.Г., Сальников В.П., Соловьева С.В.,Числов А.И. Восстановительное правосудие и использование медиации в борьбе с преступностью. Некролог памяти Нильса Кристи // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 150-157.
162. Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты функционирования современного государства: политико-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 9-14.
163. Муромцев С.А. Образование права по учениям немецкой юриспруденции. – Москва, 1886. – 98 с.
164. Муромцев С.А. Право и справедливость // Сборник правоведения и общественных знаний. – СПб, 1893.
165. Мусаев М.А. Эпоха античности и начало становления идеи о правах человека: роль правового гуманизма // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 10. – С. 97-108.
166. Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я. Механизм оценки антикоррупционных стандартов ГРЕКО (сравнительно-правовое исследование) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2011. – № 3. – С. 4-10.

167. Насурдинов Э.С. Правовая культура: Монография / Отв. ред. Ф.Т. Тахиров. – М.: Норма, 2014. – 352 с.
168. Немецкая историческая школа права. – Челябинск: Социум, 2010. – 528 с.
169. Новгородцев П.И. Историческая школа юристов / Отв. ред. В.П. Сальников, Ю.А. Сандулов. Серия: Классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 1999. – 192 с. (Мир культуры, истории и философии).
170. Новые конституции стран СНГ и Балтии: Сб. документов. – М., 1994.
171. Павлик М.Ю., Сальников П.П. Предупреждение организованной преступности // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 98-110.
172. Петручак Л.А. Правовая культура современной России: теоретико-правовое исследование: Дис. … докт. юрид. наук. – М., 2012.
173. Политический режим и преступность: проблема политической криминологии / Шестаков Д.А., Кристи Н., Гилинский Я.И., Бурлаков В.Н., Милюков С.Ф., Горшенков Г.Н., Сальников В.П., Касторский Г.Л., Кабанов П.А., Волженкин Б.В., Бараева Н.Б., Вандышев В.В.; Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 365 с.
174. Полищук Н.И. Известный спутник права – правовой нигилизм // Человек. Преступление и наказание. – 2006. – № 1.
175. Посконина О.В., Сальников В.П. Позитивное право и идеология // Человек и общество: правовые проблемы взаимодействия: Сб. труд. докторантов, адъюнктов и соискателей. Вып. 7 / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб., 1996. – С 52-58.
176. Право и общество: от конфликта к консенсусу: Монография / Честнов И.Л. и др;. под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004. – 480 с.
177. Правовые акты: антикоррупционный анализ: Научно-практическое пособие / Отв. ред. В.Н. Найденко, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева. – М.: КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2010. – 176 с.
178. Приходько И.М. Роль юридических ограничений в осуществлении правовой политики в России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1997. – № 4.
179. Проблемы развития современного общества и правоохранительные органы: Сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Том 12. / Под общ. ред. В.П. Сальникова.– СПб., 2000.
180. Проблемы философии права в классической немецкой философии (Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель) / А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.Б. Ревнова, В.П. Сальников. Глава III // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 158-259.
181. Пухта Г. Обычное право. – М., 1907.
182. Пухта Г-Ф. Энциклопедия права (1872) // Немецкая историческая школа права. – Челябинск: Социум, 2010. – С. 423-510.
183. Развитие философии права в Новое время (Гуго Гроций, Гоббс, Локк, Спиноза, Пуфендорф, Томазий, Лейбниц, Монтескье, Руссо) / В.М. Баранов, З.Ш. Идрисов, Д.В. Масленников, Л.А. Чеговадзе, В.П. Сальников, А.П. Альбов. Глава II // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 78-157.
184. Рахимзода Р.Х. Оперативно-розыскная политика и процессуальная деятельность в интересах обеспечения экономической безопасности государства // Мир политики и социологии. – 2016. – № 2. – С. 153-166.
185. Рахимзода Р.Х. Оперативно-розыскная политика по выявлению и раскрытию экономических преступлений в Республике Таджикистан: конкретные проблемы локального нормативно-правового регулирования // Мир политики и социологии. – 2016. – № 1. – С. 176-184.
186. Рахимзода Р.Х. Экономическая безопасность государства и оперативно-розыскная политика (некоторые общие методологические подходы) // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 11. – С. 110-117.
187. Раянов Ф.М. Гражданское общество и правовое государство: проблемы понимания и соотношения: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 320 с.
188. Раянов Ф.М. Правовое государство и современный мир. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2012. – 175 с.
189. Раянов Ф.М. Проблемы теории и практики правового государства. – Уфа: Академия наук р. Башкортостан, Гилем, 2013. – 300 с.
190. Раянов Ф.М. Теория правового государства. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 272 с.
191. Ревина С.Н. О правовых ограничениях и запретах // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 37(47). – С. 63-71.

192. Ревнов Б.А. Классический позитивизм и нормативизм Ганса Кельзена: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2014.
193. Ревнов Б.А., Крушельницкий М.А. Нормативизм Ганса Кельзена: взгляд из XXI века: Монография. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 2014. – 268 с.
194. Рожкова А.К. Правовая реальность и правовой идеал: точки соприкосновения // Известия ИГЭА. – 2010. – № 6. – С. 164-168.
195. Романовская В.Б. Духовность и правосознание (соотношение феноменов) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1 (3). – С. 161-169.
196. Романовская В.Б. Русское правосознание: исторические особенности // Общество, право, полиция: Матер. междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 23-24 мая 1996 г. В 4-х частях. Часть 3 / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1996.
197. Романовская В.Б., Жданов П.С. Общественный идеал в русской религиозной философии права (конец XIX – начало XX века) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. – № 5. – С. 162-172.
198. Романовская В.Б., Крымов А.В. Всеединство, право и идеал свободной теократии В.С. Соловьева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 4.
199. Романовская В.Б., Леснова Н.И. Особенности системы источников права в правовой культуре России XVIII века // История государства и права. – 2007. – № 6. – С. 8-9.
200. Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Право, религия, нравственность и абсолютное добро в творчестве В.С. Соловьева // Genesis: исторические исследования. – 2014. – № 6. – С. 187-198.
201. Романовская Л.Р., Верховодов Е.В. Античные корни естественно-правовой теории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2002. – № 1. – С. 84-88.
202. Романовская Л.Р., Сальников В.П. Профессор А.П. Куницын у истоков естественной школы права в России // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 4(38). – С. 23-26.
203. Ромашов Р.А. Гражданское общество и правовое государство: проблемы взаимоотношения // Правоохранительная деятельность и правовое государство: сб. трудов адъюнктов и соискателей. Вып. 3 / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб, 1994.
204. Ромашов Р.А. Правовая культура современности: от конфликта цивилизаций к цивилизованному содружеству // Журнал российского права. – 2008. – № 8. – С. 157-163.
205. Ромашов Р.А. Проблемы правоохранительной деятельности современной России: Учебное пособие – СПб.: Астерион, Фонд «Университет», 2008. – 138 с.
206. Ромашов Р.А. Юридическая конфликтология: Учебное пособие. – СПб.: Астерион, Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. – 228 с.
207. Ромашов Р.А., Тищенко А.Г. Правовая культура: ценностный аспект // Правовая культура. Научный журнал. – 2006. – № 1. – С. 7-10.
208. Ромашов Р.А., Шукшина Е.Г. Правовая культура и правовой нигилизм в молодежной среде // История государства и права. – 2006. – № 2. – С. 2-8.
209. Русская религиозно-нравственная философия права (В.С. Соловьев, Б.Н. Чичерин, Е.Н. Трубецкой, П.И. Новгородцев, Н.Н. Алексеев, С.Л. Франк, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, А.С. Ященко, И.В. Михайловский, Е.В. Спекторский) / А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.Б. Ревнова, В.П. Сальников. Глава V // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 403-633.
210. Русская философия права: Антология / Авторы-составители: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.В. Сальников. Автор и руководитель проекта В.П. Сальников. Издание второе, дополненное. – СПб.: Алетейя, 1999. – 448 с.
211. Русская философия права: философия веры и нравственности: Антология / Составители А.П. Альбов, Д.В. Масленников, А.И. Числов, С.В. Филиппова; автор и руководитель проекта академик В.П. Сальников. – СПб.: Алетейя, 1997. – 399 с.
212. Руссо Жан-Жак. Политические сочинения / Изд. подг. Б. Бернарди, С.В. Занин; отв. ред. И.А. Исаев. – СПб.: Росток, 2013. – 640 с.
213. Рябченко Е.В. «Возрождение» естественного права и его значение для позитивного права России в конце XIX и начале XX века: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2002. – 36 с.
214. Рябченко Н.Г. Концепция возрожденного естественного права: место и роль в политико-правовой науке Германии // История государства и права. – 2002. – № 3. – С. 47-48.
215. Рябченко Н.Г. Проблемы естественного права в учениях немецких юристов: Автореф. дис… канд. юрид.

наук. – СПб., 2002.
216. Рябченко Н.Г. Проблемы естественного права в учениях немецких юристов: Дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2002. – 210 с.
217. Савиньи Ф. Римское право в Средние века (1838) // Немецкая историческая школа права. – Челябинск: Социум, 2010. – С. 379-422.
218. Сальников В.П. Возрождение государственно-правовой идеологии – ключ к переменам // Союз национальностей. – 2014. – № 2(4). – С. 15-17.
219. Сальников В.П. Идеология – ключ к переменам // Бизнес и наше время. – 2014. – № 2(8). – С. 16-18.
220. Сальников В.П. Правовая культура как фактор стабилизации современного российского общества // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2001. – № 1. – С. 187-189.
221. Сальников В.П. Правовая культура. Гл. XX // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / Отв. ред. М.Н Марченко. 4-е изд., перераб. и доп. Том 3: Государство, право, общество. – М.: ИНФРА-М, 2013. – С. 503-530.
222. Сальников В.П. Правовая культура: проблемы, развитие, поиск // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 1999. – № 1.
223. Сальников В.П. Правовая культура: теоретико-методологический аспект: Дис. … докт. юрид. наук. – Л., 1990.
224. Сальников В.П. Уважение к праву в деятельности органов внутренних дел. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1989.
225. Сальников В.П., Захарцев С.И. Гуманитарные и технические науки: российская специфика // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2016. – № 1(91). – С. 91-96.
226. Сальников В.П., Казаченко В.Ф. Правовое воспитание и правовая культура в системе органов МВД СССР // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1980. – № 1. – С. 54-58.
227. Сальников В.П., Романовская Л.Р. Санкт-Петербургская школа естественного права: начало большого пути // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 11. – С. 51-54.
228. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. – 2014. – № 4(84). – С. 70-86.
229. Сальников В.П., Стремоухов А.Б. Правовая культура общества и личности – важнейшее средство охраны прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2000. – № 4 (8). – С. 19-22.
230. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-правовая политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 94-107.
231. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовная и уголовно-процессуальная политика // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С 260-283.
232. Сальников В.П., Курзенин Э.Б., Сальников М.В. Развитие политико-правовой мысли от Гуго Гроция к представителям германской государственно-правовой науки // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 11-19.
233. Сальников В.П., Романовская В.Б., Фомичев М.Н. Право и научно-технический прогресс: вместе или отдельно // Мир политики и социологии. – 2016. – № 2. – С. 175-193.
234. Сальников В.П., Ромашов Р.А., Сальников М.В. Теория правового государства (попытка современной интерпретации) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 3-14.
235. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.Г. Государственная идеология и язык закона / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 208 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
236. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 3(41). – С. 16-22.
237. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Федюшкина А.И. Христиан Томазиус – немецкий юрист и философ, представитель естественной школы права эпохи Просвещения // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 10. – С. 39-46.
238. Сальников М.В., Румянцева В.Г. Догма права в концепции С.А. Муромцева // История государства и права. – 2004. – № 5. – С. 5-6.
239. Сальников М.В., Федюшкина А.И. Правовые идеи в работах Христиана Томазиуса // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 36(46). – С. 125-129.
240. Сальников С.П. Российские правоведы об идеальном гражданском обществе дореволюционной России // История государства и права. – 2010. – № 17. – С. 28-33.
241. Сауляк О.П., Экимов А.И.Средневековые идеи политического устройства общества, обращенные в будущее // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 23-25.
242. Сафонов В.Г. Понятие правового нигилизма // Государство и право. – 2004. – № 12. – С. 65-69.

243. Сафонов В.Г. Правовой нигилизм работников государственного аппарата и пути его преодоления: Дис. … канд. юрид. наук. – М., 2006.
244. Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. (Проблемы теории и методологии): Дис. ... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 1996. – 288 с.
245. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность России: философско-правовой анализ // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 1(2). – С. 79-85.
246. Слабоднюк С.Л. Правовая реальность и кризис правосознания. – Saarbrucken, Deutschland: LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 360 с.
247. Смирнов А.М. Феномен правового нигилизма в российском обществе и готовность граждан к внесудебным способам разрешения криминальных конфликтов // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 3. – С. 143-146.
248. Спенсер Г. Воспитание: умственное, нравственное и физическое. – М.: УРАО, 2003.
249. Спенсер Г. Личность и государство. – М.: Социум, 2007.
250. Спенсер Г. Основные начала. – СПб.: Издание Л.Ф. Пантелеева, 1897.
251. Спенсер Г. Синтетическая философия. – М.: Ника-Центр, Вист-С, 1997.
252. Спиридонов П.Е. Эксперимент в оперативно-розыскной деятельности: Дис. .. канд. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2002.
253. Становление философии права в эпоху античности и средневековья (софисты, Сократ, Платон, Аристотель, эпикурейцы, стоики, Цицерон, римские юристы, Фома Аквинский) / А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.Б. Ревнова, М.В. Сальников. Глава I // История философии права: Монография / Альбов А.П., Баранов В.М., Идрисов З.Ш., Масленников Д.В., Пешков А.И., Ревнова М.Б., Сальников В.П., Сальников М.В., Сотникова Н.Н., Чеговадзе Л.А.; ответственные редакторы: А.П. Альбов, Д.В. Масленников, В.П. Сальников. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 13-77.
254. Теоретические прикладные проблемы деятельности правоохранительных органов в современных условиях: Сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Том выпуск 13 часть 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова.– СПб.: 2000.
255. Терехин В.А., Захаров В.В. А нужна ли нам мировая юстиция? // Российская юстиция. – 2006. – № 4. - С. 48-50.
256. Ткаченко В.Б. Российский правовой нигилизм: Дис. … канд. юрид. наук. – М.. 2000.
257. Точиев И.Б. Гражданское общество и муниципальное управление // Правовое поле современной экономики. – 2013. – № 9. – С. 38-53.
258. Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. – М., 1916.
259. Туманов В.А. О правовом нигилизме // Сов. государство и право. – 1989. – № 10. – С. 20-27.
260. Туманов В.А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. – 1993. – № 8. – С. 52-58
261. Федоренко К.Г. Правовой нигилизм: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород. 2001.
262. Федюшкина А.И. Христиан Томазиус: новации юридического образования в Германии (конец XVII – начало XVIII вв.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 3-2. – С 245-248.
263. Фихте И.Г. Основа естественного права согласно принципам наукоучения / Пер. с нем. А.К. Судакова. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. – 392 с. – (История философии в памятниках).
264. Франк С.Л. Этика нигилизма (к характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. – Москва, 1909.
265. Фролова Е.А. Неокантианская философия права в России в конце XIX – начале XX века: Монография. – М.: ЮРКОМПАНИ, 2013. – 600 с. – (Серия «Актуальные юридические исследования»).
266. Хабибулин А.Г. Политическая субъектность и идеология как ценностные свойства государства // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 7-13.
267. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Государственная идеология: к вопросу о правомерности категорий // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 11-20.
268. Хабибулин А.Г., Рахимов Р.А. Идеологическая деятельность государства и типология государственности. – СПб., 1998.
269. Чаадаев П.Я. Статьи и письма. – М., 1990.
270. Черненко А.Г. Общероссийская национальная идеология и развитие федерализма в России: Научное издание / Автор вступ. ст. В.П. Сальников. – СПб.: Алетейя, 1999. – 280 с.
271. Чечельницкий И.В. Принцип справедливости в праве // История государства и права. – 2014. – № 6. – С. 57-63.
272. Чечельницкий И.В. Справедливость в правотворчестве: теоретико-правовое исследование: Автореф. дис.

… канд. юрид. наук. – М., 2015. – 28 с.
273. Чечельницкий И.В. Справедливость и правотворчество // История государства и права. – 2014. – № 3. – С. 28-33.
274. Числов А.И. Правоохранительная деятельность: Сущность и реализация. – СПб., 1999.
275. Числов А.И., Орлов Б.М. Правоохранительные органы и правоохранительная деятельность. – М., 2004.
276. Шафиров В.М. Конституция, отраслевое право, правоприменение // Российская юстиция. – 2016. – № 3. – С. 2-5.
277. Шахматов А.В, Захарцев С.И., Спиридонов П.Е. Содействие отдельных лиц при подготовке и проведении оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2015. – № 1. – С. 113-117.
278. Шершеневич Г.Ф. Истории философия права / Отв. ред. В.П. Сальников. Ю.А. Сандулов. Серия: «Классики истории и философии права». – СПб.: Фонд «Университет», Лань, 2001. – 528 с. – (Мир культуры, истории и философии).
279. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Т. 1. Вып. II. Часть теоретическая. – М., 1911.
280. Шершеневич Г.Ф. Определение понятия о праве. – Казань, 1896.
281. Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд: Учебное пособие для вузов. – М., 1997.
282. Экимов А.И. Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 13-23.
283. Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. – Л.: ЛГУ, 1980. – 120 с.
284. Экимов А.И. Юридическая наука и правопорядок // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 13-22.
285. Юридическая конфликтология: Монография / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М.: 1995. – 316 с.
286. Явич Л.С. Общая теория права. – Л.: ЛГУ, 1976. – 285 с.
287. Ярков В.В. Медиация в нотариальной практике (Альтернативные способы разрешения конфликтов) / Петер Фар и др.; Отв. ред. Катарина Грефин фон Шапффен и Бернц Вегманн; Пер. с нем. С.С. Трушников. – М.: Волтерс Клувер, 2005.
288. Austin John. Lectures on jurisprudence or the philosophy of positive law. – Glashutten (im Taunus) : Auvermann, 5. ed., Unverand. Neudr. d. Ausg. London 1885.
289. Austin John. The Man who hit the Scharnhorst – London: Seeley Service, 1973.

КОНДРАТ Иван Николаевич,
профессор кафедры правовых основ управления МГИМО (У) МИД России; доктор юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник Прокуратуры Российской Федерации (г. Москва, Россия)
E-mail: inkodrat@mail.ru

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

СИСТЕМА УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ЕЕ ЭЛЕМЕНТНЫЙ СОСТАВ

Аннотация. *Рассматривается уголовная политика Российской Федерации как важная составная часть многоплановой работы по построению в России правового государства. Анализируется элементный состав уголовной политики, отмечается важное значение практической деятельности правоприменительных органов в ее реализации. Обосновывается положение о необходимости принятия действенных мер по либерализации законодательства в сфере уголовного права, судопроизводства и исполнения наказаний.*

Ключевые слова: *уголовная политика; элементы уголовной политики; правовое государство; правоприменительные органы; правосознание дознавателей, следователей, прокуроров.*

KONDRAT I.N.

THE SYSTEM OF CRIMINAL POLICY OF MODERN RUSSIA AND ITS ELEMENTAL COMPOSITION

The summary. *The criminal policy of the Russian Federation as the important component of work on construction in Russia of a lawful state is considered. The element structure of a criminal policy is analyzed, the great value of practical activities правоприменительных bodies in its realization is marked. Position about necessity of acceptance of effective measures on legislation liberalization in sphere of criminal law, legal proceedings and execution of punishments is proved.*

Key words: *the criminal policy; elements of a criminal policy; a lawful state; law applying bodies; sense of justice of investigators, inspectors, public prosecutors.*

Борьба за снижение уровня преступности и сокращение числа правонарушений является важной составной частью многоплановой работы по построению в России правового государства. Важную роль в достижении этих целей отводится мерам уголовного, уголовно-процессуального, оперативно-розыскного и уголовно-исполнительного законодательства, а также нормативно-правовым актам, ориентированным на организационную и профилактическую работу, связанную с борьбой с преступными проявлениями.

Но таким будет упрощенный взгляд на рассматриваемую нами модель системы уголовной политики, и потому не стоит забывать о многочисленных проблемах, которые возникают в процессе ее реального осуществления. Это, в свою очередь, требует соответствующих усилий со стороны научного сообщества по их дальнейшей теоретической разработке. Речь идет о

таких ее элементах, как планирование и прогнозирование, стратегия и тактика правоприменения, экспертное и методическое обеспечение, научное обоснование применяемых мер и учет при этом общественного мнения и т. д.

Только в целостных рамках уголовной политики все эти элементы приводятся в соответствующую систему. Именно соединение данных разрозненных инструментов и установление между ними необходимых связей позволяют повысить их эффективность, сделают воздействие на правотворчество более заметным и результативным.

Целостность уголовной политики предполагает распространение сформулированных выше требований на все составляющие данной политики. Проблемами элементного состава уголовной политики занимаются многие известные специалисты. Так, профессор А.И. Коробеев выделяет в рамках единой уголовной политики как целостной социально-регулятивной системы такие отдельные ее подсистемы, как уголовно-правовая, уголовно-процессуальная и уголовно-исполнительная политика [29, стр. 126]. При этом он опирается на позиции таких известных авторитетов в области уголовного права, как С.В. Бородин, И.М. Гальперин, В.И. Курляндский, А.С. Сенцов, Н.А. Стручков, Н.А. Беляев, но не ограничивается их подходом. Обращает внимание на позицию профессора М.М. Бабаева, предложившего ввести в научный оборот понятие «криминологическая политика». Правда, исследователь полагал, что криминологическая политика существует самостоятельно, наряду с уголовной политикой, последней не поглощаются и даже с ней не пересекаются [9, стр. 16]. С данным уточнением профессор А.И. Коробеев не соглашается, использует аргументацию академика В.Н. Кудрявцева [37, стр. 16], и вводит криминологическую политику в состав уголовной политики. Такой вывод можно сделать из предложенного им следующего определения: «уголовная политика есть выработанная государством генеральная линия, определяющая основные направления, цели и средства воздействия на преступность путем формирования уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства, регулирования практики его применения, а также путем выработки и реализации мер, направленных на предупреждение преступлений». А чуть ниже ученый продолжает: «Иными словами, уголовная политика определяет стратегию и тактику борьбы с преступностью, имея в качестве конечной цели максимальное сокращение преступности на основе устранения причин и условий, ее порождающих, и используя в качестве средств уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное право и меры профилактики. Дальнейшая детализация и конкретизация понятия единой уголовной политики происходит на уровне отдельных ее элементов: уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной и криминологической политики» [29, стр. 129].

Прав исследователь, когда подчеркивает, что предложенное понимание уголовной политики, права, с некоторыми уточнениями, поддерживают многие ученые [4; 12, стр. 61; 13, стр. 28-29; 32, стр. 13-20; 33, стр. 22; 34, стр. 242].

Вместе с тем в литературе встречается и позиция, охватывающая более широкий состав уголовной политики. Так, профессор А.И. Александров в свое время обратил внимание на пять ее элементов. В частности, в монографии «Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы» он в структуре уголовной политики выдели пять основных частей:

1. Уголовно-правовая политика;
2. Уголовно-процессуальная политика;
3. Уголовно-предупредительная политика;
4. Уголовно-исполнительная политика;
5. Уголовно-розыскная политика [2, стр. 67].

В более поздней книге профессор А.И. Александров уточняет свою позицию и подчеркивает: «элементами, из которых складывается уголовная политика, являются, на наш взгляд, уголовно-правовая, уголовно-превентивная, уголовно-розыскная, уголовно-процессуальная, уголовно-исполнительная и уголовно-организационная политика» [3, стр. 269].

Позицию исследователя поддерживают профессоры В.П. Сальников, С.И. Захарцев и М.В. Сальников, правда, уголовно-розыскную политику они называют оперативно-розыскной политикой. Именно эти авторы подробно и наиболее детально изучают каждый из шести элементов уголовной политики [18; 19; 20; 21;

52; 53; 54; 55; 56], обосновывают идею о том, что именно эти шесть элементов и составляют уголовную политику, которая проявляется как в правотворчестве, так и в реализации права в полном элементном составе политики.

Кроме того, они обосновывают необходимость разработки, принятия и закрепления в соответствующем законодательном акте концептуальных основ российской политики в сфере борьбы с преступностью. По их мнению, таких концепций должно быть семь: общая концепция уголовной политики России в целом и концепции каждого из шести элементов этой политики.

Первая попытка в этом направлении уже предпринималась. По инициативе Общественной палаты Российской Федерации группа экспертов комиссии по проблемам безопасности граждан и взаимодействию с системой судебно-правоохранительных органов с привлечением ведущих специалистов страны в области уголовного права подготовила проект Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации. Проект был положительно оценен юридической общественностью, всесторонне обсуждался на VII Российском Конгрессе уголовного права «Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели» (Москва, 31 мая – 1 июня 2012 г.), и получил здесь также высокую положительную оценку, что было отмечено в том числе и в резолюции Конгресса, рекомендовавшего принять данный проект в виде Федерального закона. Содержание проекта Концепции, ее структура, предложенная учеными аргументация, солидная пояснительная записка к предлагаемому документу не вызвали у ученых никаких возражений, наоборот, полную поддержку [8; 29]. Вместе с тем соответствующего федерального закона нет, хотя прошло уже более четырех лет… Необходимо подготовить и принять еще шесть аналогичных Концепций. Наша пассивность в данном вопросе скорее играет на стороне преступности, чем за нас.

В предлагаемой статье автор не посчитал необходимым давать оценку эффективности деятельности правоохранительных органов по пресечению и раскрытию преступлений, исходя из убеждения, что такая эффективность в большей мере определяется организационными мероприятиями руководства отдельных ведомств, чем нормативным правовым регулированием [5; 7; 14; 15; 40; 41; 62; 64; 65].

Проблемы коррупции как системного явления, хотя и превышают по силе негативного влияния все те недостатки правового регулирования уголовной политики в целом и уголовно-процессуальных отношений в частности [17; 30; 36; 39; 42; 43; 44; 45; 46; 59; 60; 61; 63], о которых шла речь выше, также не могут рассматриваться в рамках данной статьи, поскольку, очевидно, не могут быть решены в полной мере средствами уголовной политики.

В своих работах работе мы не раз отмечали значение практической деятельности правоприменительных органов. Именно этот этап представляется наиболее важным в осуществлении уголовной политики. Очевидно, что правосознание и правовая культура людей, обладающих властью по практическому применению норм уголовного и уголовно-процессуального права, имеет большее значение, чем правосознание отдельных граждан. От правосознания дознавателей, следователей, прокуроров и судей существенно зависит правильное применение законов, дальнейшее укрепление уголовно-правовых и уголовно-процессуальных принципов, а следовательно, и практическая реализация уголовной политики [47; 48; 49; 50; 51; 57].

Многое зависит от правосознания дознавателей, следователей, прокуроров, которые предварительно решают вопросы квалификации преступлений, привлекают виновных к ответственности, а также могут прекращать уголовные дела, освобождать виновных от уголовной ответственности [10; 35; 58].

Вместе с тем следует признать, что наибольшая ответственность за правильное проведение уголовной политики возложена на судей, ибо суды являются в нашей стране единственными органами, осуществляющими правосудие, а «каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда» (ч. 1 ст. 49 Конституции Российской Федерации). «Судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону» (ч. 1 ст. 120 Конституции Российской Федерации) [1].

Но общий вывод напрашивается следующий: непродуманное ужесточение уголовной политики лишь путем усиления уголовной репрессии

ведет, в конечном счете, к росту преступности, в то время как либерализация, напротив, способствует предотвращению общественно опасных социальных последствий [38]. Между тем законодательные решения последних лет часто принимаются без учета причин преступности, при игнорировании обусловливающих ее социальных условий и политических факторов. Уголовная политика, как составляющая политики вообще, не может формироваться вне экономического, социального, идеологического и психологического контекста. К формированию уголовной политики следует подходить системно, исключив «кампанейщину».

Тем более актуальным представляется сегодня принятие действенных мер по либерализации законодательства в сфере уголовного права, судопроизводства и исполнения наказаний. Если это не будет сделано в ближайшее время, то мы можем прогнозировать, что в течение 2018-2020 годов Россию, возможно, ожидает рост числа заключенных, сопровождающийся одновременным ростом преступности. Эти процессы при неизменных существующих условиях будут только подпитывать друг друга.

Таким образом, в нынешних условиях очевидна проблема совершенствования уголовной политики, что, в свою очередь, требует полномасштабного и комплексного изучения данного института, исторических закономерностей его развития и теоретических основ формирования, а также выработки научно обоснованных рекомендаций по практическому использованию накопленных знаний в целях оптимизации борьбы с преступностью в современной России.

При этом можно подтвердить правильность предложения президента Российской криминологической ассоциации профессора А.И. Долговой о том, что «...надо создавать закон об организации борьбы с преступностью – федеральный закон. И его составной частью должна быть организация предупреждения, которая включает весь комплекс вопросов, которые с этим связаны [16]. Такой закон мог бы явиться основой идейного и нормативного регулирования уголовной политики.

Стоит обратить внимание, что в выступлениях руководителей нашей страны, обращенных к властным структурам, неоднократно высказывалось требование о необходимости повышения качества жизни населения как рационального способа достижения целей общественного развития. Существенное повышение не только уровня, но и качества жизни объявлялось ключевым вопросом государственной политики. Поддерживая данную позицию, считаем необходимым подчеркнуть, что названные категории предполагают безопасное, свободное и демократическое существование человека. В систему показателей качества жизни людей входит в том числе исключение тех негативных явлений, которые имеют место в сфере влияния уголовной политики; достижение стандартов, позволяющих реализовать права и свободы человека и гражданина.

Подводя итоги размышлений в данной статье, считаем необходимым обратить внимание на следующие общие умозаключения.

1. Уголовная политика государства формируется посредством идейно-властного выражения воли органов публичной власти и ее закрепления в первую очередь в принципах уголовного и уголовно-процессуального закона [6; 11; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 31]. Они являются наиболее объективными показателями такой политики. Система принципов зависит от социально-экономических изменений в стране и в обществе, но законодательное закрепление основополагающих идей в области уголовного права, уголовного процесса, исполнения наказания в сфере уголовной политики в целом имеет определяющее значение.

2. Характер государственного строя во многом предопределяет уголовную политику государства. В свою очередь, содержание уголовной политики во многом отражает социально-политическую ориентацию государства. Исторически и социально обусловленные изменения отдельных принципов уголовного процесса указывают на изменение уголовной политики государства. Под влиянием уголовной политики трансформируется и положение личности в уголовном процессе.

3. Важными формами реализации уголовной политики являются формирование уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и оперативно-розыскного законодательства, а также практика реализации положений законов, регламентирующих борьбу с преступностью. Системное несовершенство, частая изменяемость и противоречивость отдельных норм уголовно-процессуального закона свидетельствуют об отсутствии четкой

уголовной политики государства и о низкой эффективности защиты прав и свобод человека в рамках уголовной политики.

4. Содержание влияния уголовной политики государства на уголовно-процессуальные отношения заключается в представлении должной организации уголовного процесса и создании условий в практическом достижении целей уголовного преследования.

5. Очень важно определить недостатки нормативного регулирования уголовной политики и наметить пути их преодоления. Соответственно, сформулировать заслуживающие внимания предложения по внесению изменений и дополнений в УК РФ и УПК РФ, в другие законодательные акты, регламентирующие борьбу с преступностью.

Автор смеет надеяться, что результаты его размышлений могут быть полезны при разработке более совершенной уголовной политики государства и использованы в процессе совершенствования российского уголовно-процессуального законодательства.

Хотелось бы также надеяться, что наши предложения по совершенствованию уголовного и уголовно-процессуального законодательства подвигнут других авторов включиться в дискуссию о реальном состоянии нормативного регулирования современной уголовной политики России и высказать свои предложения.

При этом мы верим, что уголовная политика после многих лет бессистемности сможет противостоять криминалу, который не только силен, но и постоянно укрепляет свои позиции. Государство должно принять конкретные меры не только по противодействию преступности, но и направленные на реальную борьбу с ней и особенно ее организованными формами.

Смена уголовной политики в ближайшем будущем неизбежна.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2016.
2. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / Под ред. В.З. Лукашевича; Предисловие академика РАН, лауреата Государственной премии СССР, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, докт. юрид. наук В.Н. Кудрявцева.– СПб.: СПбГУ, 2003. – 562 с.
3. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово член-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с.
4. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М., 2006.
5. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Международная правоохранительная деятельность и полицейские традиции России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 130-150.
6. Антонов И.А., Кондрат И.Н. Принцип «indubioproreo»: нравственно-правовые проблемы, возникающие при его реализации в российском уголовном судопроизводстве // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 4. – С. 103-107.
7. Бабаджанов И.Х., Реуф В.М., Хасанова С.Г. Правоохранительная деятельность как социальная ценность: некоторые вопросы правовой защиты человека, общества и государства // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 57-64.
8. Бабаев М., Пудовочкин Ю. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации // Уголовное право. – 2012. – № 4. – С. 4-12.
9. Бабаев М.М. О состоянии уголовной и криминологической политики // Проблемы социологии уголовного права. – М., 1982.
10. Баранов П.П. Профессиональное правосознание работников органов внутренних дел (теоретические проблемы). – М.: ВЮЗШ МВД России, 1991.
11. Безрядин В.И., Кондрат И.Н. О некоторых проблемах реализации принципов в уголовном судопроизводстве // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 154-162.
12. Бойко А.И. Уголовная политика. – Ростов-на-Дону, 2008.
13. Босхолов С.С. Основы уголовной политики. – М., 2004.

14. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2000. – 320 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
15. Деятельность государства и правоохранительных органов: отечественный и зарубежный опыт: Сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Выпуск 22. Часть 2. / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005.
16. Доклад президента Российской криминологической ассоциации доктора юридических наук, профессора А.И. Долговой на парламентских слушаниях на тему «О состоянии и проблемах законодательного обеспечения государственной системы профилактики правонарушений» (Москва. 14.04.2011): стенограмма // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: http://www.council.gov.ru/files/parliament_attend/177.doc.
17. Захарцев С.И. Коррупция и деньги: к вопросу применения оперативно-розыскных мероприятий // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 10. – С. 137-141.
18. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная политика в контексте социальной философии // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 2. – С. 11-14.
19. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная политика: понятие и сущность // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 95-110.
20. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная экономика и оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 11-15.
21. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М., 2015. – 400 с.
22. Кондрат И.Н. Конституционные принципы российского уголовного процесса: общая характеристика // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 7-14.
23. Кондрат И.Н. Международные корни уголовно-процессуального принципа «разумный срок уголовного судопроизводства» // Российская юстиция. – 2012. – № 12. – С. 29-31.
24. Кондрат И.Н. Права личности и некоторые общеотраслевые принципы уголовного процесса // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 43-54.
25. Кондрат И.Н. Правовые коллизии, возникающие при реализации принципа «indubioproreo» в российском уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. – 2011. – № 8. – С. 24-27.
26. Кондрат И.Н. Принципы, обеспечивающие неприкосновенность частной жизни в сфере уголовного судопроизводства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 9. – С. 7-13.
27. Кондрат И.Н. Процессуальные принципы уголовного судопроизводства и права человека // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 9. – С. 126-134.
28. Кондрат И.Н. Уголовно-процессуальные гарантии соблюдения принципа тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в России // Право и управление. XXI век. – 2012. – № 3(24). – С. 7-11.
29. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика // Правовая политика России (общетеоретические и отраслевые проблемы): Учебное пособие / Под науч. ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 125-156. – в кн. 456 с.
30. Коррупция: природа, проявление, противодействие: Монография / Отв. ред. академик РАН Т.Я. Хабриева. – М.: Юриспруденция, 2012. – 688 с.
31. Кудрявцев В.Н., Келина С.Г. Принципы советского уголовного права. – М., 1988.
32. Лесников Г.Ю. Уголовная политика Российской Федерации (проблемы теории и практики). – М., 2004.
33. Лопащенко Н.А. Уголовная политика. – М., 2009.
34. Малько А.В. Теория правовой политики. – М.. 2012.
35. Методологические проблемы правосознания сотрудников органов внутренних дел / Э.В. Кузнецов, В.П. Сальников, В.А. Сапун, В.П. Федоров, Н.Г. Янгол. – Л., ВПУ МВД СССР, 1986.
36. Нарышкин С.Е., Хабриева Т.Я. Механизм оценки антикоррупционных стандартов ГРЕКО (сравнительно-правовое исследование) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2011. – № 3. – С. 4-10.
37. Основания уголовно-правового запрета. – М., 1982.
38. Политический режим и преступность: проблема политической криминологии / Шестаков Д.А., Кристи Н., Гилинский Я.И., Бурлаков В.Н., Милюков С.Ф., Горшенков Г.Н., Сальников В.П., Касторский Г.Л., Кабанов П.А., Волженкин Б.В., Бараева Н.Б., Вандышев В.В.; Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 365 с.
39. Правовые механизмы имплементации антикоррупционных конвенций / Хабриева Т.Я. , Тиунов О.И., Кашепов В.П., Каширкина А.А., Кокорев Р.С., Бальхаева С.Б., Осьминин Б.И., Сакаева О.И., Артемов В.Ю.,

Гравина А.А. – М., 2012.
40. Проблемы развития современного общества и правоохранительные органы: Сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Том 12. / Под общ. ред. В.П. Сальникова.– СПб., 2000.
41. Ромашов Р.А. Проблемы правоохранительной деятельности современной России: Учебное пособие – СПб.: Астерион, Фонд «Университет», 2008. – 138 с.
42. Савенков А.Н. Деятельность Совета Федерации по противодействию коррупции // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. – 2012. – № 10. – С. 14.
43. Савенков А.Н. Участие институтов гражданского общества в реализации государственной политики в области противодействия коррупции: Парламентские слушания, 22 июня 2012 года / Федеральное Собрание Российской Федерации, Совет Федерации; под общ. ред. А..Н. Савенкова. – М., 2012.
44. Сальников В. «О роли парламентов в борьбе с коррупцией» // Защита и безопасность. – 2013. – № 1(64). – С. 15.
45. Сальников В. Институализация коррупционных отношений // Защита и безопасность. – 2013. – № 1(64). – С. 13-15.
46. Сальников В.П. Коррупционные отношения: процесс институализации // Правовые средства противодействия коррупции в Российской Федерации: Матер. всерос. научн.-практ. интернет-конф. Москва, 27 ноября – 15 декабря 2013 г. – М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2014. – С. 113-120.
47. Сальников В.П. Правовая культура сотрудников милиции. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1983.
48. Сальников В.П. Правовая культура сотрудников органов внутренних дел. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1988.
49. Сальников В.П. Уважение к праву в деятельности органов внутренних дел. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1989.
50. Сальников В.П., Казаченко В.Ф. Правовое воспитание и правовая культура в системе органов МВД СССР // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1980. – № 1. – С. 54-58.
51. Сальников В.П., Федоров В.П. Убеждение и принуждение в деятельности органов внутренних дел. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1989. – 91 с.
52. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Оперативно-розыскная политика как концентрированное выражение экономики // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 3. – С. 90-97.
53. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Оперативно-розыскная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 6. – С. 96-108.
54. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 71-85.
55. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовная и уголовно-процессуальная политика // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С 260-283.
56. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовно-правовая политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 94-107.
57. Сальников В.П., Гуцериев Х.С., Федоров В.П., Худяк А.И. Правовая и духовная культура сотрудников правоохранительных органов. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1996. – 156 с.
58. Серов Д.О., Федоров А.В. Очерки истории российских следственных органов. – М.: Юрист, 2015.
59. Степашин С.В. Барьеры на пути становления эффективной системы противодействия коррупции в Российской Федерации // Государственный аудит. Право. Экономика. – 2009. – № 4. – С. 5-13.
60. Степашин С.В. Коррупция – абсолютное зло в любой стране, а в стране, где высок процент бедных – зло в квадрате // Человек и труд. – 2007. – № 2. – С 4-11.
61. Степашин С.В. Скверное управление – скверна коррупции // Защита и безопасность. – 2013. – № 4.- С. 27.
62. Теоретические прикладные проблемы деятельности правоохранительных органов в современных условиях: Сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Том выпуск 13 часть 1 / Под общ. ред. В.П. Сальникова.– СПб.: 2000.
63. Хабибулин А.Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения // Журнал российского права. – 2007. – № 2. – С. 45-50.
64. Числов А.И. Правоохранительная деятельность: Сущность и реализация. – СПб., 1999.
65. Числов А.И., Орлов Б.М. Правоохранительные органы и правоохранительная деятельность. – М., 2004.

МАРЧЕНКО Александр Васильевич,
заведующий кафедрой уголовного и административного права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета (СПГМТУ), кандидат юридических наук, доцент, член Ассоциации юристов России (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: marchenkoalexv@mail.ru

Специальность 12.00.09 – Уголовный процесс

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЫДАЧИ (ЭКСТРАДИЦИИ)

Аннотация. *Рассматривается проблема понятийного аппарата института выдачи (экстрадиции) в уголовно-правовой и процессуальной отраслях права на основе действующего российского и зарубежного законодательства. Приводятся взгляды различных авторов на исследуемую проблему. Отмечается необходимость унификации норм регулирующих институт выдачи, т.к. они непосредственно затрагивают множество проблем, связанных с суверенитетом, властью, политикой, правом, личностью, общественными и государственными правоотношениями.*

Ключевые слова: *экстрадиция; отрасли права; уголовная политика государства; оказания правовой помощи в уголовной сфере.*

MARCHENKO A.V.

CRIMINALLY-LEGAL AND PROCEDURAL ASPECTS OF EXTRADITION

The summary. *The problem of the conceptual apparatus issuing institution extradition in criminal and procedural areas of the law based on current Russian and international legislation. We give the views of various authors on the problem under study. The necessity of unification of the rules governing the issuing, institution, as they directly affect the number of problems related to sovereignty, power, politics, law, the individual, community and public relations.*

Key words: *extradition; branch of law; the criminal policy of the state; legal assistance in criminal matters.*

Необходимость теоретической разработки проблем института выдачи (экстрадиции) объясняется потребностями совершенствования механизма международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью, расширением его границ, широкого распространения комплексного подхода к этим вопросам, материальным воплощением которого становятся разработка многосторонних конвенций, совмещение договорных и институционных форм сотрудничества, согласование международно-правовых и внутригосударственных норм и механизмов, охватывающих уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты взаимодействия государств [34, стр. 185–186].

Выдача лиц, совершивших уголовно наказуемые деяния (как правило, общеуголовные преступления), является средством, повышающим эффективность сотрудничества в борьбе с преступностью, которому придается все более важное значение на региональном и локальном (двустороннем) уровнях межгосударственного сотрудничества [25; 26; 27; 28]. Так, основными формами взаимодействия компетентных органов

государств-участников СНГ в борьбе с преступностью наряду с осуществлением совместных следственных и оперативно-розыскных действий, выполнением запросов и просьб, сотрудничеством в рамках международных организаций по-прежнему признаются:

а) выдача лиц для привлечения к уголовной ответственности, приведения приговора в исполнение и передача осужденных для дальнейшего отбывания наказания в порядке, предусмотренном соответствующими договорами;

б) обеспечение привлечения к уголовной ответственности граждан своего государства за совершение преступлений на территориях других государств-участников СНГ в том случае, если экстрадиция не допускается [37, стр. 60].

Каждому государству в силу суверенитета принадлежит право на уголовную юрисдикцию, которое отражается в национальных законах государства путем установления уголовной ответственности за совершение преступлений.

Выдача является одним из средств реализации уголовной юрисдикции государства, имеющего право на ее осуществление Обстоятельства для выдачи порождает бегство лица, совершившего преступление в одной стране, в пределы другого государства с целью избежания ответственности и наказания за содеянное. Укрывательство виновного влечет непременный поиск пути его уголовного преследования, коим и является межгосударственное сотрудничество. Предоставление убежища беглецу создает условия для безнаказанности преступников, которые будут иметь возможность перемещаться в другие страны. Государство места совершения преступления не сможет реализовать свое право на уголовное преследование обвиняемого, что существенно осложнит криминогенную обстановку не только в этой стране, но и в государстве-убежище, в котором будет создаваться угроза латентной преступности и аккумулирования в ее пределах преступного элемента. Кроме того, уголовно-правовые проблемы, связанные с экстрадицией, зачастую осложняются особенностями политических отношений государств (например, первый и единственный факт выдачи преступника в Российскую Федерацию из Ирака состоялся 18 марта 2008 г., хотя договор между названными странами существует с 1973 г.) [29, стр. 2].

Важно отметить, что решение вопроса о выдаче находится в весьма определенной и тесной связи с гражданством лица, в отношении которого поступило такое требование. По национальному законодательству (в соответствии с конституциями, законами) большинства государств выдача собственных граждан запрещена. Обратимся к положениям основных законов отдельных государств.

Статья 61 Конституции Российской Федерации (далее по тексту – Конституция РФ) устанавливает, что «гражданин Российской Федерации не может быть выслан за пределы Российской Федерации или выдан другому государству» [1]. Аналогичное положение закреплено в Конституциях ФРГ и Болгарии. Согласно статье 16 Основного закона Федеративной Республики Германия 1949 года «ни один немец не может быть выдан иностранному государству».

Гражданин Республики Болгарии в соответствии со статьей 25 Конституции 1991 года не может быть выслан из нее или выдан другому государству.

А вот Конституция Итальянской Республики 1947 года допускает выдачу собственных граждан, однако только в случаях, точно предусмотренных международными соглашениями (Статья 26 Конституции).

Аналогичные положения о невыдаче собственных граждан имеются и в подавляющем большинстве заключенных между государствами международных соглашениях по данному вопросу как двустороннего, так и многостороннего (как правило, регионального) характера.

Так, принцип невыдачи собственных граждан нашел закрепление:

- в Конвенции Совета Европы о выдаче правонарушителей 1957 года: пункт 1 «а» статьи 6 закрепляет, что Договаривающаяся сторона имеет право отказать в выдаче своих граждан [14];
- в Кодексе Бустаманте 1928 года: статья 345 закрепляет, что Договаривающиеся государства не обязаны выдавать своих граждан [32, С. 3–40];
- в Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 года: пункт 1 «а» статьи 57 определяет, что выдача не производится, если лицо, выдача которого требуется, является гражданином запрашиваемой

Договаривающейся Стороны [15].

Двусторонние договоры о выдаче, заключенные Российской Федерацией с КНР, Анголой, Индией, Бразилией, также рассматривают наличие гражданства запрашиваемой Договаривающейся Стороны у лица, в отношении которого поступила просьба о выдаче, обстоятельством, исключающим выдачу или основанием для отказа в выдаче.

Вместе с тем, приведенные конституционные положения отдельных государств, так же как положения международных договоров о запрете выдачи собственных граждан вовсе не исключают осуществление уголовного преследования против собственных граждан по просьбе иностранного государства в случае совершения ими преступления международного характера или общеуголовного преступления на его (запрашивающего государства) территории.

Приведем в качестве примера, подтверждающего данный тезис, извлечение из статьи 6 Европейской конвенции о выдаче: «Если запрашиваемая Сторона не выдает своего гражданина, она по просьбе запрашивающей Стороны передает дело своим компетентным органам для осуществления судопроизводства, если оно будет необходимым. Для этой цели документы, информация и вещественные доказательства, касающиеся преступления, предоставляются бесплатно ... Запрашивающая Сторона информируется о результатах ее просьбы».

Аналогичные положения закреплены во всех договорах по вопросам выдачи. В частности, статья 5 Договора о выдаче, заключенного в 1992 году между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой так определяет последствия невыдачи собственных граждан:

«Если в соответствии с пунктом 1 статьи 3 настоящего Договора не дается согласие на выдачу, то запрашиваемая Договаривающаяся Сторона на основании просьбы запрашивающей Договаривающейся Стороны возбуждает против такого лица уголовное преследование в соответствии со своим законодательством. В этих целях запрашивающая Договаривающаяся Сторона передает запрашиваемой Договаривающейся Стороне, имеющиеся в ее распоряжении материалы и доказательства» [13].

Таким образом, конвенционные положения о том, что Договаривающиеся Стороны (государства, участвующие в договорах о выдаче) обязуются выдавать друг другу всех лиц, в отношении которых компетентные органы запрашивающей Стороны осуществляют судопроизводство в связи с каким-либо преступлением или которые разыскиваются указанными органами для приведения в исполнение приговора или постановления об аресте, не затрагивают право суверенных государств отказать в выдаче своих граждан.

Эта ситуация вынуждает государства к взаимным действиям по выдаче обвиняемых на согласованных, обоюдоприемлемых условиях. Конкуренция государств в осуществлении уголовного преследования всегда непосредственно связана с правом убежища и внутригосударственной политикой.

Поэтому со временем нормы о выдаче получают определенную детализацию в уголовных кодексах. В частности, в настоящее время нормы о выдаче включены в УК Азербайджана от 30 декабря 1999 г. (ст. 13) [16], УК Белоруссии от 9 июля 1999 г. (ст. 7) [18], УК Болгарии, принятый 15 марта 1968 г. (ч. 2 ст. 4) [19], УК Германии в редакции от 13 ноября 1998 г. (абз. 2 § 7) [21], УК Казахстана от 16 июля 1997 г. (ст. 8) [20], УК Кыргызстана от 18 сентября 1997 г. (ст. 6) [17], УК Швеции 1962 г. (ст. 8) [22] и др. [24, стр. 35–36].

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) вопрос о выдаче преступников решается в ст. 13 следующим образом: «Иностранные граждане и лица без гражданства, совершившие преступление вне пределов Российской Федерации и находящиеся на территории Российской Федерации, могут быть выданы иностранному государству для привлечения к уголовной ответственности или отбывания наказания в соответствии с международным договором Российской Федерации» [2].

В тоже время, норма действующего УК РФ о выдаче не раскрывает понятия дипломатической неприкосновенности. В данной статье воспроизведены конституционные принципы. Невыдача собственных граждан составляет содержание ч. I ст. 13 УК РФ. Предусмотрена возможность выдачи иностранцев и лиц без гражданства, совершивших преступление вне пределов Российской Федерации и находящихся на ее территории, для привлечения к уголовной ответственности или отбывания наказания в соответствии с международным договором Российской Федерации (ч. 2 ст. 13 УК РФ). Норма о выдаче

названных лиц не определена и отсылает к правилам международных договоров страны, оставляя вне поля зрения проблему выдачи при отсутствии договорных обязательств.

Вопрос о природе и месте выдачи в системе права является дискуссионным. Теоретики до сих пор не определились, к какой отрасли права относить выдачу: к уголовному, уголовно-процессуальному или она предмет административной деятельности исполнительной власти. Не угасает полемика и по вопросу определения понятия выдачи.

Представляется правильным развернутое определение выдачи преступников, данное В.К. Звирбулем и В.П. Шупиловым: «Это акт правовой помощи, осуществляемой в соответствии с положениями специальных договоров и норм национального уголовного и уголовно-процессуального законодательства, заключающийся в передаче преступника другому государству для суда над ним или для привидения в исполнение вынесенного приговора» [31, стр. 11].

Такое определение отражает реальность – процедура выдачи всегда регламентируется совокупностью национальных норм уголовного, уголовно-процессуального и иных смежных отраслей права обеих договаривающихся стран и согласованных правил международного права

В тоже время, некоторую популярность в отечественной юриспруденции получило развитие международного уголовного права как отдельной самостоятельной отрасли [33; 36, стр. 8, 36-40]. Например, Ю.А. Решетов пишет, что «международное уголовное право является комплексной отраслью, включающей материальные и процессуальные нормы» [39, стр. 63]. Более того, по мнению В.П. Панова, именно с выдачи преступников берет свое начало международное уголовное право [35; 38, стр. 8, 9–14]. Из этого следует, что выдача регулируется нормами указанного им права.

Приходится констатировать, что многовековое разделение уголовного и уголовно-процессуального права на самостоятельные отрасли в силу различий их функционального предназначения и механизма действия в настоящее время ряд отечественных криминалистов игнорируют. Они склоняются к замене кодифицированного права судебными прецедентами с доминированием решений региональных международных судов.

Возражая против поглощения уголовного процесса в сфере уголовной юстиции уголовным правом, считаем, что принятие этой доктринальной идеи в Российской Федерации окажет негативное, разрушающее воздействие на всю правовую систему страны и, препятствуя развитию внутригосударственного права, приведет к постепенной замене национального законодательства иностранным. В уголовной юстиции нарушение суверенных прав государства может поставить страну в полную зависимость от других государств с более развитым законодательством. В сфере международных отношений она будет подконтрольным образованием, не способным защищать интересы российского государства и его граждан. Такой вывод базируется на анализе мировой и российской договорной практики по вопросам экстрадиции и оказания правовой помощи в уголовной сфере.

Вместе с тем большинство авторов признают выдачу как процессуальную деятельность, содержанием которой является совокупность общих и специально созданных уголовно-процессуальных процедур. Если даже согласиться с тем, что выдача – институт уголовного права, то ее реализация и в этом случае требует производства процессуальных действий и непременной процессуальной регламентации взаимодействия с другими странами, что относится только к уголовному процессу.

С учетом мировой и отечественной практики полагаем, что выдача как процессуальная деятельность находится в сфере действия уголовно-процессуального права, поскольку правоотношения возникают при осуществлении государством уголовного преследования путем реализации национального уголовного права при расследовании преступлений, подпадающих под юрисдикцию этого государства. Правила выдачи являются регулятивным механизмом процесса взаимодействия самих государств на основе согласованных ими правил, но действие их имеет установленные договором пределы. Выдача – это процедура, согласно которой государство, под чьей юрисдикцией находится преследуемое лицо, совершившее преступление, запрашивает и получает его из страны, где это лицо скрывается, с целью привлечения к уголовной ответственности или исполнения наказания.

На национальном уровне вопросы экстрадиции регулируются: ст. 13 УК РФ, главой 54

УПК РФ [3], Федеральным законом от 17 января 1992 г № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [10], Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [4], Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» [5], Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [9], Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [7], Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [6], Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» [8], Законом Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О государственной границе Российской Федерации» [11], Законом Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [12] и некоторыми др.

Таким образом, институт выдачи начал формироваться задолго до появления государства, но с возникновением суверенного государства он стал средством реализации его уголовной политики и радикальным средством противодействия преступности на национальном и международном уровнях [23; 30; 40; 41; 42; 43; 44; 45]. Выдача затрагивает множество проблем, связанных с суверенитетом, властью, политикой, правом, личностью, общественными, государственными и личностными правоотношениями. Экстрадиционная деятельность взаимосвязана с рядом институтов права, непосредственно касающихся прав личности. Среди них институты уголовного, уголовно-процессуального, международного, государственного права, убежища, гражданства, государства, суверенитета, межгосударственного сотрудничества и др. В основу выдачи должна быть положена беспристрастность правосудия и соблюдение прав личности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2016.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 2016.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М., 2016.
4. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.
5. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 15.
6. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3032.
7. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 22. – Ст. 2031.
8. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 29. – Ст. 2757.
9. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 29. – Ст. 2759.
10. Федеральный закон от 17 января 1992 г № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1992. – № 8. – Ст. 366.
11. Закон Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О государственной границе Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1993. – № 17. – Ст. 594.
12. Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1993. – № 33. – Ст. 1316.
13. Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам (подписан в г. Пекине 19 июня 1992 г.; ратифицирован РФ 26 февраля 1993 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 7. – Ст. 612.
14. Европейская конвенция о выдаче (заключена в г. Париже 13 декабря 1957 г.; с изм. от 17.03.1978; для РФ

вступила в силу с 9 марта 2000 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 23. – Ст. 2348.
15. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Минске 22 января 1993 г.; с изм. от 28.03.1997; для РФ вступила в силу с 10 декабря 1994 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 17. – Ст. 1472.
16. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики / Науч. ред. И.М. Рагимов. – СПб., 2001.
17. Уголовный кодекс Кыргызской Республики. – СПб., 2002.
18. Уголовный кодекс Республики Беларусь / Обзорная статья А.В. Баркова. – Минск, 1999.
19. Уголовный кодекс Республики Болгария / Науч. ред. А.И. Лукашов. – СПб., 2001.
20. Уголовный кодекс Республики Казахстан. – СПб., 2001.
21. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии / Науч. ред. Д.А. Шестаков. – СПб., 2003.
22. Уголовный кодекс Швеции / Науч. ред. Н.Ф. Кузнецова, С.С. Беляев. – СПб., 2001.
23. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности: история, современность, перспективы, проблемы / Под ред. В.З. Лукашевича; Предисловие академика РАН, лауреата Государственной премии СССР, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, докт. юрид. наук В.Н. Кудрявцева.– СПб.: СПбГУ, 2003. – 562 с.
24. Бойцов А.И. Выдача преступников. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
25. Волеводз А.Г. Гуманизация уголовного закона и международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства // Уголовное право. – 2012. – № 3. – С. 115-119.
26. Волеводз А.Г. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: некоторые проблемы взаимосвязи уголовного и уголовно-процессуального права // Актуальные проблемы взаимосвязи уголовного права и процесса: сборник материалов Международной заочной научно-практической конференции (Уфа, Институт права БашГУ, 17-18 апреля 2013 г.). Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. – С. 3-10.
27. Волеводз А.Г. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства: понятие, признаки, источники и основные формы // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. – № 4. – С. 99-117.
28. Волеводз А.Г. Правовое регулирование новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса. – М.: Юрлитинформ, 2002.
29. Джигирь А.И. Институт выдачи лиц, совершивших преступление: Проблемы уголовно-правовой регламентации: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2008.
30. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная политика: понятие и сущность // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 95-110.
31. Звирбуль В.К., Шупилов В.П. Выдача уголовных преступников. – М., 1974.
32. Кодекс международного частного права (Кодекс Бустаманте 1928 года): заключен в г. Гавана 20 февраля 1928 г. // Международное частное право. Сборник документов. – М.: БЕК, 1997.
33. Костенко Н.И. Международная уголовная юстиция. Проблемы развития. – М.: РКонсульт, 2002.
34. Курс международного права: в 7 т. Т. 6: Отрасли международного права / И.Н. Арцибасов, И.И. Лукашук, Б.М. Ашавский и др. – М., 1992.
35. Лукашук И.И., Наумов А.В. Международное уголовное право. – М., 1999.
36. Международное уголовное право. – М.: Наука. 1999.
37. Международное уголовное право: Учебное пособие / Авт.-сост. В.Е. Степенко, О.А. Чернова, П.Б. Музыченко; под ред. В.Е. Степенко. – Хабаровск: Тихоокеан. гос. ун-т, 2012.
38. Панов В.П. Международное уголовное право. – М., 1997.
39. Решетов Ю.А. Борьба с международными преступлениями против мира и безопасности. – М., Юрлитиздат, 1983.
40. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников В.П. Уголовно-исполнительная политика // Вестник Самарского юридического института. Научно-практический журнал. – 2016. – № 4. – С. 46-58.
41. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Оперативно-розыскная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 6. – С. 96-108.
42. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовная и уголовно-процессуальная политика // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С 260-283.
43. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовно-правовая политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 94-107.
44. Сальников М.В., Третьяков И.Л., Петров П.А. Международная правоохранительная деятельность и сотрудничество государств в борьбе с преступностью // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 6. – С. 140-160.
45. Шульц В.Л., Бочкарев С.А. Двойственность понимания современной уголовной политики // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С. 122-133.

ФИЛИППОВ Артем Рудольфович,
заместитель начальника УМВД России по Калининскому району г. Санкт-Петербурга, начальник Следственного управления, соискатель кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, полковник юстиции (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: rudolfovich@rambler.ru

Специальность 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С УРОВНЕВЫМ ПОДХОДОМ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. *Исследуется проблема классификации причин и условий подростковой преступности. Приводится достаточно развернутый криминологический анализ наиболее важных детерминант криминальной активности несовершеннолетних граждан. Рассматриваются различные концепции отечественных криминологов по данному вопросу.*

Ключевые слова: *преступность несовершеннолетних; криминальная активность; причины и условия преступности; уровневый подход к исследованию преступности.*

FILIPPOV A.R.

SOME OF THE ISSUES ASSOCIATED WITH LEVEL APPROACH TO THE STUDY OF JUVENILE DELINQUENCY

The summary. *In this article the author addresses the problem of classifying the causes and conditions of juvenile delinquency. Provides quite a detailed criminological analysis of the most important determinants of criminal activity of minors. Discusses the various concepts of domestic criminologists on this issue.*

Key words: *juvenile delinquency; criminal activity; the causes and conditions of crime; level approach to the study of crime.*

Классификация причин и условий преступности (в том числе и преступности несовершеннолетних) может рассматриваться на различных уровнях: общесоциальном, специальном, индивидуальном [25; 26; 27; 29]. В.Н. Кудрявцев выделяет еще один, более высокий уровень – философский, связанный с дефектами правосознания, правовым нигилизмом и т.д. [32, стр. 6]. Преступность с философских позиций анализируют и другие ученые [1; 37; 40; 42].

Общесоциальный уровень представляет собой противоречия и недостатки общественной системы, т.е. те социальные, экономические, политические и духовные явления, которые вызывают преступность, их взаимосвязь и взаимную обусловленность. Именно эти явления формируют негативные тенденции в обществе, культ стяжательства и вседозволенности, мотивацию будущих преступников.

Специальный уровень связан с практической деятельностью правоохранительных органов, занимающихся борьбой с преступностью (включая их предупреждение и профилактику) [4; 11; 12; 14; 39; 41; 45; 46]. Некоторые авторы относят к указанному уровню недостатки в деятельности различных субъектов,

занимающихся решением проблем противодействия преступности (применительно к теме нашего исследования – криминальной активности подростков); как правило, рассматриваются недостатки в работе государственных и негосударственных, специализированных и не специализированных, различных по функциональному предназначению, объему прав и обязанностей, формам и методам деятельности субъектов.

Индивидуальный уровень объединяет психологические причины совершения преступлений конкретными субъектами. При этом следует отметить, что наиболее частой (выраженной и общей) причиной криминальной активности является низкая социализация личности.

И так, рассмотрим более подробно причины и условия (детерминанты) преступности несовершеннолетних. Первопричина криминальной активности несовершеннолетних определяется, в первую очередь, влиянием микросоциальных факторов, в частности, антисоциальным окружением, стойкими дефектами нравственного и семейного воспитания, специфическими чертами характера и особой мотивацией, наличием психических аномалий и т.д.

Преступность несовершеннолетних (как и все другие виды преступности) характеризуется массовостью, иррегулярностью, изменчивостью. Лишь с этих позиций и следует осуществлять уровневый подход к исследованию данного явления. То есть необходимо продвигаться от оценки отдельных преступлений до анализа всей их совокупности, образующей подростковую преступность.

Научно-практическая ценность такого анализа заключается:

1) во всесторонности анализа именно конкретного преступления с его неповторимыми индивидуально-личностными и ситуативными обстоятельствами;
2) в высокой достоверности выводов о причинах и условиях, способствующих совершению данного преступления;
3) в конкретности предполагаемых мер профилактики аналогичных преступлений.

В тоже время, следует подчеркнуть, что актуальные вопросы научно-обоснованного изучения преступности несовершеннолетних должны решаться в процессе организации ее изучения на различных уровнях с соблюдением определенных принципов, правил и порядка.

Проблема детерминации и причинности преступности является важнейшей для криминологии. Подростковая преступность, без сомнения, представляется результатом взаимодействия значительного числа обстоятельств, факторов, причин. Феномен «причинности» никогда не реализуется в «чистом» виде, освобожденном от присутствия других форм связи. Отечественные ученые подчеркивают, что помимо нее объективно существуют: обусловливающая, корреляционная, функциональная, системно-структурная и другие связи (общее число которых достигает 32) [30, стр. 8-12].

А.В. Комарницкий приводит результаты собственного исследования и данные К.Т. Ростова, согласно которым, на состояние преступности несовершеннолетних в большинстве регионов значительное влияние оказывают факторы, связанные с уровнем материального благополучия и воспроизводства населения, уровнем социально-экономического развития. Поэтому учет доли региона в общей массе преступлений, совершенных в стране, без анализа криминогенной ситуации в отдельных субъектах Федерации с разным уровнем социально-экономического развития, расположенных на его территории, не позволяет составить полное представление об изучаемом явлении [24, стр. 4].

Наблюдения вышеуказанных авторов подтверждаются и более поздними исследованиями, в которых четко прослеживается тезис о том, что противоречивость социально-экономических отношений в современной России (безработица, маргинализация коренного населения, рост числа низкоквалифицированных трудовых мигрантов, недоступность среднего специального и высшего образования для малообеспеченных слоев населения и т.д.) крайне негативно сказывается на подрастающем поколении [8, стр. 79-84; 34, стр. 126-129]. Ухудшение криминогенной обстановки, как правило, связано еще и с тем, что несовершеннолетние в условиях кризиса начинают активно пополнять «группу риска», усиливаются различные проявления девиантной активности подростков, прежде всего, пьянство, токсикомании, употребление наркотиков, что неминуемо приводит к совершению различных правонарушений и преступлений. Так, по данным специалистов Московского НИИ

психиатрии РАМН РФ в российских школах, дети, как правило, первый раз пробуют алкоголь в возрасте 10-12 лет. Систематически же употребляют алкоголь в России каждый третий школьник и каждая пятая школьница в возрасте от 14 до 18 лет. Статистика подросткового алкоголизма в России приводит следующие данные:

1) в 60% случаев родители приобщают детей к алкоголю в возрасте до 10 лет;
2) подростки, систематически потребляющие алкоголь учатся неудовлетворительно (77%), удовлетворительно (22%) и хорошо (1%);
3) 91% алкозависимых несовершеннолетних – выходцы из неблагополучных и социально неустойчивых семей;
4) 53% алкозависимых подростков не получают должное внимание и уход от своих родителей;
5) более 90% несовершеннолетних, злоупотребляющих алкоголем, регулярно совершают мелкие правонарушения, кражи, действия хулиганского характера и т.д. [13].

Воздействие экономики переходного периода (или экономики «недоразвитого капитализма») на криминогенную обстановку в стране, на преступность не вызывает сомнений.

Несмотря на определенные успехи, а также оптимистичные заявления лидеров государства, без преувеличений можно сказать, что страна поставлена на грань глобальной катастрофы. По-прежнему актуальна угроза деиндустриализации страны, наблюдается обвальный спад промышленного производства, гиперинфляция (особенно интенсивный рост цен происходит на продукты первой необходимости), фактически уничтожено сельское хозяйство.

Младенческая смертность в России в 3 раза выше, чем в Западной Европе. В последние годы депопуляционные процессы прекратились, но за счет высокой рождаемости жителей кавказских республик и притока мигрантов из Средней Азии, Китая. По данным Института социально-экономических исследований Российской академии наук, а также независимых экспертов, показатель количества лиц, находящихся в местах лишения свободы (на 100 тыс. населения) в России один из самых высоких в мире – 800-810 человек. Около 8,5 млн. человек употребляют наркотики (хотя официальное число наркоманов, состоящих на учете в наркологических диспансерах – 2,5 млн.) [15; 28, стр. 150-151].

Социологи видят одной из причин «пробуксовки» реформирования социально-экономической и политической системы в том, что после крушения в августе 1991 года СССР, образовались «громадные трудно управляемые люмпенизированные массы с соответствующей политической культурой и монополизированным политическим сознанием….» [38, стр. 35]. Механизм трансформации общественного сознания в качественно новые параметры изучен недостаточно, однако гипотетически он не прост и противоречив.

На протяжении нескольких десятилетий руководители государства говорят о необходимости радикального реформирования всех сфер общественной жизни, о создании новой цивилизованной государственности, однако реальных изменений, прогресса в указанном направлении не наблюдается [6; 17; 18; 19; 20; 22; 43; 44].

Острейшей болевой точкой Российской реальности является сиротство [7]. По официальным данным Российской Федерации, число беспризорных и безнадзорных детей в стране достигает 1,5 млн. человек (независимые эксперты приводят иные цифры – от 4-х до 6 млн.). Ежегодно количество россиян в возрасте до 14 лет уменьшается со скоростью – 3% в год [2; 9; 33; 35; 36]. Социально-психологические процессы, действующие в современном российском обществе, оказывают непосредственное влияние на формирование личности несовершеннолетних граждан, в том числе и детей-сирот. Негативный опыт общения с внешней средой способствует искаженному восприятию окружающей действительности, деформирует мотивационно-волевую и интеллектуальную сферы психики подростков.

Сотрудники правоохранительных органов, ученые, научно-практические работники вынуждены констатировать, что применительно к годам реформ справедливо отмечается расширение социально-экономической базы преступности несовершеннолетних. «Семья, которая едва сводит концы с концами, каждодневно борется за выживание, причем использует для этого морально далеко не безупречные, а порой и откровенно противоправные средства, перестает быть инструментом социализации. Она становится либо постоянно и сильно действующим

источником негативных влияний на нравственное формирование подростка, либо выталкивает его на улицу, в антиобщественную среду» [3, стр. 374].

В крайне неблагоприятных, психотравмирующих условиях нравственного формирования и развития личности оказались подростки из семей безработных, беженцев, вынужденных переселенцев. Для несовершеннолетних, которые остались в более или менее благополучных семьях, не порвали связей со школой, характерно как усиление отрицательного влияния традиционных, так и появление новых дефектов социализации в этих типах микросреды. Определенный вакуум воспитательных воздействий на детей, подростков (а также молодых людей) возник после ликвидации пионерских и комсомольских организаций, а новые, соответствующие изменившимся условиям формы общественных движений и объединений, охватывающие подрастающее поколение, создаются медленно. В то же время имеют место факты вовлечения несовершеннолетних в межэтнические конфликты, в религиозные секты, различные экстремистские организации, проповедующие моральный и правовой нигилизм, вседозволенность, национальную, расовую и религиозную вражду.

Данное наблюдение можно проиллюстрировать следующими примерами.

В декабре 2005 года Ленинский районный суд Санкт-Петербурга признал Б. – руководителя и идейного вдохновителя группировки «Шульц 88» виновным в создании экстремистского сообщества, в публичных призывах к смене конституционного строя, разжигании национальной и расовой вражды. Б. и его несовершеннолетние «сподвижники» получили различные сроки наказания. На скамью подсудимых участники группировки попали после нападения на гражданина Армении Г. в марте 2003 года .

Б., нетерпимый к лицам другой расы и национальности, привлек для совершения преступления экстремистской направленности группу несовершеннолетних. В июле 2008 года Б. с пятью подростками напали на гражданина Азербайджана С. и избили его руками и ногами. Затем двое несовершеннолетних нанесли потерпевшему 19 ножевых ударов. Потерпевший остался жив.

В ноябре 2007 года четверо жителей Санкт-Петербурга, двое из которых несовершеннолетние, причисляющие себя к движению «Скинхедов», увидев ранее незнакомого им гражданина Узбекистана Х., начали высказывать оскорбления по поводу его национальности, а затем избили его руками и ногами. Когда потерпевшему удалось вырваться, его догнали двое несовершеннолетних обвиняемых и нанесли около 15 ударов ножами. От полученных повреждений потерпевший Х. скончался на месте происшествия.

Отклонения в физическом и психическом развитии подрастающего поколения фактически являются маркерами функциональных нарушений в репродуктивном здоровье. По данным Министерства здравоохранения, заболеваемость населения с момента рождения до 29 лет (среди всех возрастных групп) имеет тенденцию к неуклонному росту. Ежегодный прирост заболеваемости составляет не менее 7%. Данные официальной статистики свидетельствуют о значительной распространенности выраженной психической патологии среди малолетних и несовершеннолетних граждан (в структуре заболеваний доминирует умственная отсталость), о росте числа суицидов [21].

Для подростков, склонных к асоциальным и антиобщественным формам поведения, применим термин «группа риска». Психологические причины развития поведенческих отклонений (девиаций), как правило, неразрывно связаны с нарушениями взаимосвязей с социальным окружением, а также с психиатрическим благополучием.

Термин «группа риска» появился сначала в медицине, где он означал людей, подверженных какому-нибудь заболеванию или склонных к каким-либо отклонениям. Далее термин стал активно использоваться в других отраслях научных знаний: в психологии, судебной психиатрии, криминологии, криминалистике, агрессологии. В криминологии под «группой риска» понимается совокупность – реальная или условная – людей (применительно к нашему исследованию несовершеннолетних граждан), поведение и образ жизни которых могут с большой вероятностью привести к совершению ими преступлений.

В.Н. Кудрявцев сообщал, что выделение групп риска в криминологии и составление на этой основе прогнозов индивидуального поведения восходит к первой половине XX в. Тогда

американские ученые – супруги Шелдон и Элеонора Глюк – составили прогностические таблицы для несовершеннолетних правонарушителей, описав в них три группы факторов: так называемый социальный фон (точнее, образ жизни подростка), психологические особенности личности и психиатрические характеристики. Сочетание этих факторов, по мнению авторов, должно было свидетельствовать о повышенной вероятности того, что такое лицо встанет на преступный путь. Опыт супругов Глюк оказался полезным и был использован в других странах. Например, польский центр пенитенциарных исследований еще в 60-е годы, изучив группу несовершеннолетних правонарушителей в возрасте от 13 до 17 лет, выделил следующие признаки «общественной деморализации» несовершеннолетнего, дающие основание предполагать его последующее преступное поведение: 1) отставание в учебе в течение более трех лет; 2) уход из родительского дома; 3) алкоголизм в возрасте до 14 лет; 4) прежняя судимость. Эти признаки были положены в основу профилактической работы с подростками по месту их жительства и учебы [32, стр. 249-250].

Подобные исследования проводились в СССР. Так, в первой половине 80-х годов коллектив ученых из Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности (В.Д. Ермаков, Н.М. Гуськов, Е.Н. Савинкова и др.) предложил учитывать 121 показатель, характеризующий в 47 случаях негативные условия социальной среды и в 74 случаях – негативные личностные особенности, детерминирующие преступное поведение несовершеннолетних [16].

Специалисты из различных областей научных знаний, независимо друг от друга, называют основные причины возникновения девиантного поведения подростков, а именно:

1) социальное неравенство;
2) низкий морально-психологический уровень, характерный для широких слоев общества (бездуховность, психология вещизма, паразитизм, отчуждение личности), что приводит к нравственной деградации подрастающего поколения;
3) достаточно терпимое отношение окружающей среды (как правило, люмпенизированной, маргинальной) к девиантному поведению [10, стр. 11; 24, стр. 3-15].

Основываясь на результатах многочисленных исследований, как в нашей стране, так и за рубежом, социологи пришли к выводу, что интеграция несовершеннолетних сопряжена с поиском не только экономической ниши, но и места в других сферах жизни. Им предстоит идентифицировать себя с теми или иными группами, признав своими их нормы и ценности. Невозможность получить желаемое образование, приобрести хорошую профессию, неспособность разрешать свои материальные проблемы посредством трудовой деятельности ставит несовершеннолетних перед альтернативой другого типа риска: оказаться на обочине жизни, пойти по пути нарушения закона. Тот факт, что криминальная сфера часто оказывалась наиболее «перспективной» с точки зрения восходящей мобильности, предопределяет риск деформации нормативного сознания современного поколения. К тому же многие институты социализации демонстрируют неспособность противостоять потере общепринятых норм в ювенальной сфере, распространению деструктивного поведения, криминализации отношений и интеграции в них все большего числа молодых россиян [5, стр. 71-74; 36].

Повышение эффективности мер уголовно-правового воздействия в отношении несовершеннолетних можно считать важным направлением противодействия преступности. Анализ ст.ст. 43, 90, 92 и 98 УК РФ показывает, что общая цель всех мер уголовно-правового воздействия – исправление несовершеннолетнего преступника. Для несовершеннолетних правонарушителей, преступников, «маргиналов-психоаномалов» характерна глубокая социальная запущенность, связанная с тем, что значительная часть подростков оказалась изолированной от традиционных институтов социализации.

Организация изучения такого сложного общественного явления, как преступность несовершеннолетних, предполагает получение и использование сложных потоков информации политического, экономического и социального содержания. Эта информация, как правило, не систематизирована, несопоставима, получена из разных источников и по разным методикам, обладает различной степенью достоверности, содержит дублирование сведений

и характеризуется избыточностью данных по одним проблемам и недостаточностью по другим. Поэтому для получения достоверной информационной картины, связанной с преступностью несовершеннолетних, динамикой происходящих процессов, необходим специальный сбор и обработка сведений, которые бы наиболее полно отражали изменения в данной области, относительно легко поддавались бы классификации, систематизации и обобщению в количественной форме.

Наиболее эффективным способом решения таких проблем является организация социального мониторинга – непрерывного и оперативного получения данных о явлениях и процессах, влияющих на формирование и развитие криминальной активности несовершеннолетних. Мониторинг как процесс получения социальной информации является целостной системой, позволяющей фиксировать, хранить и производить первичный анализ получаемых сведений. Сбор данных в форме мониторинга предполагает наличие теоретической и методологической базы и технических средств его осуществления.

Таким образом, наиболее существенные детерминанты преступности несовершеннолетних проявляются:

1) на макроуровне – в социальных противоречиях, кризисе идеологии, разбалансированности экономики, в дефектах социальной политики. Нередко именно социальные мотивы, обусловленные стремлением к самовыживанию, нищетой, безработицей и т.д. формируют мотивацию преступного поведения у подростков;
2) на среднем уровне – в ошибках и недоработках законодательной и исполнительной власти, в недостатках деятельности ювенальных служб, правоохранительных органов и судов, в криминализации широких слоев населения в масштабности корыстной, рецидивной и организованной преступности, что оказывает непосредственное влияние на криминализацию популяции несовершеннолетних (особенно той ее части, которая может быть отнесена к «группе риска»);
3) на микроуровне – в повторной преступной деятельности конкретных субъектов, которая инициирована определенными асоциальными (а в ряде случаев – антисоциальными) мотивами.

Особая роль на микроуровне отводится семье, которая является главным источником отклоняющегося поведения. Именно семья детерминирует социальные, биологические (наследственно-обусловленные) и медицинские отклонения.

Список литературы

1. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово член-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с.
2. Александров И. День защиты детей // Российская газета. – 2012. – 22 ноября.
3. Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. Монография. – М.: НОРМА, 2001. – С. 374.
4. Алиев Я.Л., Сальников П.П. Международная правоохранительная деятельность и полицейские традиции России // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 130-150.
5. Андреев В.Л. Направления реализации уголовной политики в сфере уголовно-правовой охраны интересов семьи и несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2011. – № 1 (49). – С. 71-74.
6. Барсуков А.Ю. Правовой прогресс как юридическая категория: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2004.
7. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
8. Белоглазов В.В., Игнатов Е.А., Маслов А.В. Детерминанты рецидивной преступности несовершеннолетних // Всероссийская научно-практическая конференция «Обеспечение прав законных интересов

несовершеннолетних в России: проблемы теории и практики»: Сборник материалов Воронежского института МВД России. – Воронеж, 2010. – С. 79-84.
9. Брынцева Г. Детский счет // Российская газета. – 2012. – 23 ноября.
10. Брынцева Г. Жизнь детей становится яснее // Российская газета. – 2011. – 15 декабря. – С. 11.
11. Возгрин И.А., Сальников В.П. Новое информационное обеспечение правоохранительной деятельности органов внутренних дел (концептуальные проблемы и система организации). – СПб., 2000.
12. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2000. – 320 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
13. Детский алкоголизм в России. Статистика. Источник: http://www.blogoduma.ru
14. Деятельность государства и правоохранительных органов: отечественный и зарубежный опыт: Сборник трудов, докторантов, адъюнктов и соискателей / Под общ. ред. В.П. Сальникова. Санкт-Петербургский ун-т МВД Росси. – СПб, 2005. Том Выпуск 22. Часть 2.
15. Добрынина Е. Внедорожные знаки // Российская газета. – 2012. – 18 января.
16. Ермаков В.Д., Гуськов Н.М., Савинкова Е.Н. Причины и условия, способствующие преступности несовершеннолетних. – М., 1986.
17. Захарцев С.И., Сальников В.П. О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С 113-121.
18. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс – новая философско-правовая дефиниция // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 171-188.
19. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс и ценности права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 17-31.
20. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 13-30.
21. Здравоохранение. URL: http://www.gks.ru
22. Зигель Ф.Ф. Право и прогресс. – Варшава: тип. Варш. учеб. округа, 1913. – 7 с.
23. Комарницкий А.В. Современное состояние преступности несовершеннолетних. – СПб.: ИВЭСЭП, 2005.
24. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д., Григоренко Е.Л. Влияние нарушений социальной экологии (как условий жизни) на психологические особенности подростков // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2002. – №1. – С. 3-15.
25. Криминология – XX век / Шестаков Д.А., Гилинский Я.И., Кристи Н., Ростов К.Т., Сальников В.П., Милюков С.Ф., Бурлаков В.Н., Ривман Д.В., Вандышев В.В., Колесников В.В., Степашин С.В., Волженкин Б.В., Ларичев В.Д., Осипкин В.Н., Степанова И.Б., Явчуновская Т.М., Лисовский В.Т. Под ред. В.Н. Бурлакова, В.П. Сальникова. – СПб.: Ассоциация Юридический центр, Санкт-Петербургский государственный университет МВД РФ, Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2000. – 554 с.
26. Криминология и профилактика преступлений: Курс лекций (для слушателей факультета заочного обучения) / Бурлаков В.Н., Волгарева И.В., Вандышев В.В., Шестаков Д.А,, Сальников В.П., Спиридонов Л.И., Ривман Д.В., Милюков С.Ф., Ростов К.Т., Соболь И.А. Касторский Г.Л., Майоров А.А., Мясков В.Н., Пряхина Н.И., Устинов В.С., Кикоть В.Я., Павлов В.Г.; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – 315 с.
27. Криминология: Словарь / В.Н. Бурлаков, Г.Н. Горшенков, В.М. Егоршин, Р.Ф. Исмагилов, О.В. Лукичев, Д.А. Шестаков, Ф.Ю. Сафин; под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Лань, 1999. – 256 с
28. Криминология. Учебник / Под ред. Г.Л. Касторского. – СПб.: Межрегиональный институт экономики и права, 2007.
29. Криминология: Учебник для юридических вузов / Под ред. проф. В.Н. Бурлакова, проф., академика В.П. Сальникова, проф., академика С.В. Степашина; Акутаев Р.М., Бурлаков В.Н., Вандышев В.В., Волгарева И.В., Волженкин Б.В., Городинец Ф.М., Егоршин В.М., Зазулин Г.В., Исмагилов Р.Ф., Касторский Г.Л., Кикоть В.Я., Колесников В.В., Лукичев О.В., Малинин В.Б., Милюков С.Ф., Орехов В.В., Павлов В.Г., Пряхина Н.И., Ривман Б.В., Сальников В.П. и др. – СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России; Лань, 1999. – 608 с.
30. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. – М., 1998.
31. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии (о структуре индивидуального преступного поведения): Монография. – М.: ТК Велби, Проспект, 2007.
32. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. – М.: Юристъ, 2003.
33. Латухина К. Кому поручено детство? // Российская газета. – 2012. – 29 мая.
34. Мартынова С.И. Детерминанты преступности несовершеннолетних // Право и образование. – 2011. – № 2.

– С. 126-129.
35. Михайлов А. Сто вопросов взрослым о детстве // Российская газета. – 2012. – 22 июня.
36. Новиков К. Защита по плану // Российская газета. – 2012. – 30 марта.
37. Поздняков З.А. Философия преступления. – М., 2001.
38. Политико-правовое устройство реформируемой России: планы и реальность. Серия: Россия накануне XXI века. Вып. 3 – СПб.: Петрополис, 1995.
39. Правоохранительная деятельность в России: теория и практика: Сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Том 11 / Под общ. ред. В.П. Сальникова.– СПб.: 1999.
40. Рагимов И.М. Философия преступления и наказания. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2013. – 288 с.
41. Ромашов Р.А. Проблемы правоохранительной деятельности современной России: Учебное пособие – СПб.: Астерион, Фонд «Университет», 2008. – 138 с.
42. Ромашов Р.А., Пеньковский Е.В. Философия права и преступления. – СПб.: Алетейя, 2015. – 344 с. – (Либерализация права: от репрессий к милосердию).
43. Сальников В.П., Романовская В.Б., Фомичев М.Н. Право и научно-технический прогресс: вместе или отдельно // Мир политики и социологии. – 2016. – № 2. – С. 175-193.
44. Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. (Проблемы теории и методологии): Дис. ... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 1996. – 288 с.
45. Числов А.И. Правоохранительная деятельность: Сущность и реализация. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1999. – 288 с.
46. Числов А.И., Орлов Б.М. Правоохранительные органы и правоохранительная деятельность. – М.: Информационно-методический центр Главного управления кадров МВД России, 2004. – 95 с.

ИВАНИЩЕВ Александр Викторович,
директор Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения социального обслуживания населения «Центр социальной помощи семье и детям Невского района Санкт-Петербурга» (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: director@cspsdnev.gu.gov.spb.ru

БАКИН Анатолий Анатольевич,
юрисконсульт отделения социального сопровождения граждан, зависимых от психоактивных веществ Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения социального обслуживания населения «Центр социальной помощи семье и детям Невского р-на Санкт-Петербурга», кандидат медицинских наук, кандидат юридических наук (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: schizis@inbox.ru

Специальность 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность

АНАЛИЗ СПОСОБОВ И ОБСТАНОВКИ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОРГАНИЗАЦИЕЙ ЛИБО СОДЕРЖАНИЕМ ПРИТОНОВ ИЛИ СИСТЕМАТИЧЕСКИМ ПРЕДОСТАВЛЕНИЕМ ПОМЕЩЕНИЙ ДЛЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ (СТ. 232 УК РФ)

Аннотация. *Крайне опасной разновидностью наркопреступлений являются деяния, предусмотренные ст. 232 УК РФ. С каждым годом криминальные структуры, занимающиеся наркобизнесом, «совершенствуют» свои методы, технологии, наращивают объемы производимых наркотических веществ. Установление способов совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (НОН) и, в первую очередь, с организацией и содержанием наркопритонов является «ключом» к выявлению доказательств, характерных для расследования рассматриваемых деяний, помогает вскрыть причины и условия, способствующие их совершению.*

Ключевые слова: *наркотические вещества; незаконный оборот наркотиков; организация и содержание наркопритонов; способ совершения преступления; обстановка совершения преступления.*

A. IVANISHEV
A. BAKIN

THE ANALYSIS OF THE METHODS AND CIRCUMSTANCES OF COMMISSION OF CRIMES RELATED TO THE ORGANIZATION OR MAINTENANCE OF DENS OR SYSTEMATIC PROVISION OF PREMISES FOR CONSUMPTION OF NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES OR THEIR ANALOGUES (ART. 232 OF THE CRIMINAL CODE)

The summary. *Extremely dangerous kind of drug-related crimes are acts punishable under article 232 of the criminal code. Every year the criminal structures involved in drug trafficking, «perfecting» their methods and techniques, increasing the volume of production of narcotic substances. The establishment of methods of committing crimes related to drug trafficking («NON») and, first and foremost, with the organization and content of drug houses is the «key» to the identification of evidence characteristic of the investigation of the considered acts, helps to discover the causes and conditions conducive to their proliferation.*

Key words: *drugs; drug trafficking; organization and content of drug houses; the means of committing a crime; the environment Commission of the crime.*

Описание типичного способа совершения преступления, предусмотренного ст. 232 УК РФ, включает в себя:

1) исследование типичных подготовительных мер, предпринимаемых преступниками, замышляющими организацию или содержание наркопритонов;
2) выявление и описание предмета преступления, характерных признаков орудий преступления, вспомогательных средств, применение которых типично для данного способа;
3) анализ типичных действий преступника, которые им предпринимались специально для достижения преступной цели [3, стр. 37].

По мнению отечественных авторов, именно способ совершения преступлений «по своей «следовой» информативности ... объединяет все четыре элемента: предмет преступного посягательства, обстоятельства совершения преступления, личность преступника, а также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления» [21, стр. 24].

Так, А.Н. Колесниченко под способом совершения преступления понимал «образ действий преступника, выражающийся в определенной последовательности, сочетании отдельных действий, приемов, применяемых субъектом», и рассматривал раздельно способ приготовления к совершению преступления, способ непосредственного совершения преступления и способ сокрытия преступления [14, стр. 18].

Необходимо акцентировать внимание научно-практических работников на том, что в криминалистике сформировалось неоднозначное понимание способа совершения преступления – в широком и в узком смысле. Так, в широком или «интегрированном» смысле в способ совершения преступления включались способы подготовки и сокрытия преступления (так называемый полноструктурный способ). В узком значении способ сокрытия преступления рассматривался отдельно от непосредственно действий преступника, направленных па подготовку и совершение преступления [5, стр. 67-68; 8, стр. 16; 9, стр. 42-43; 33, стр. 11].

Г.Г. Зуйков абсолютно обоснованно считал, что «в отличие от уголовно-правового и уголовно-процессуального понятий способа свершения преступления его криминалистическое понятие и значение являются наиболее широкими и емкими» [12, стр. 48]. Применительно к сфере НОН, данные о способе, технологии и механизме преступного посягательства позволяют высказать суждение о характере и природе происхождения следов на месте происшествия, предмете посягательства, определить психические и физические свойства виновного, его профессиональных навыках, прогнозировать поведение виновного и его соучастников после совершения преступления и т.д. [2; 4; 18; 27; 29].

Г.А. Густов указывает на множество способов, характеризующих направленность действий виновного, которые классифицирует на следующие группы и подгруппы: [7, стр. 65-67].

- способы подготовки к посягательству – способы создания благоприятных обстоятельств (условий) для совершения преступления;
- способы осуществления посягательства – способы непосредственного воздействия на главный и другие объекты посягательства;
- способы использования результатов

посягательства (например, «отмывание» преступных доходов, расширение зоны деятельности и т.д.);
- способы воспрепятствования установлению истины и привлечению виновного к ответственности – способы сокрытия, фальсификации следов преступления, создания различного рода инсценировок, оказание давления на сотрудников правоохранительных органов и т.д.;
- способы удовлетворения желаний, потребностей, возникающих в процессе посягательства.

Далее, ученый различает простые способы, состоящие из элементарных действий, и способы, имеющие сложную структуру, выполнение которых требует осуществления множества операций, способов, приемов, иногда отдаленных во времени и пространстве, при этом необходимо учитывать, что виновные постоянно создают и совершенствуют специальные криминальные технологии. Как правило, такие технологии содержат в себе состав сразу нескольких преступлений. Важно подчеркнуть, что совершение преступлений способами, имеющими сложную структуру, требует от субъекта специальных знаний, умений, организаторских способностей. По объективной возможности достижения желаемого результата важно различать годные способы (технологии) и объективно негодные. Использование различных способов, криминальных технологий образует механизм посягательства. Функционирование этого механизма приводит в действие объективные внутренние и внешние связи системы посягательства, в результате чего видоизменяются свойства, состояния, качества, отношения объекта посягательства, цели виновного реализуются или, напротив, остаются невыполненными. Практически одновременно происходит «взаимоотображение» элементов системы преступления на всех ее уровнях. Структура способов, технология и механизм посягательства никогда не остаются неизменными. Криминальные технологии постоянно развиваются, пополняются новыми элементами, связями, одновременно с этим отлаживается и механизм посягательства [7, стр. 65-67].

Резюмируя вышеуказанные научные воззрения, представляется возможным заключить, что способ преступного деяния, предусмотренного ст. 232 УК РФ «Организация либо содержание притонов для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов», характеризуется системой действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, детерминированного непосредственным предметом посягательства, свойствами личности преступника (или групповым интересом – в случае совершения преступления в группе), условиями места и времени. Преступление может быть совершено только путем активных действий. Эти действия названы законодателем в ч. 1 ст. 232 УК РФ и образуют объективную сторону рассматриваемого преступления.

Прежде всего, следует отметить, что притон – это «прибежище» для наркоманов, а не просто квартира, где они случайно встретились. По мнению В.Н. Курченко, если лицо приобретает квартиру для употребления наркотических средств или психотропных веществ и не собирается ее использовать для проживания, то речь идет об организации и содержании притона в собственной квартире. Если же лицо предоставляет для потребления наркотиков помещение, в котором проживает, не предпринимая каких-либо дополнительных мер для переоборудования и т. п., то речь может идти о содержании притона в собственной квартире [15, стр. 298-299].

Среди «непосредственных организаторов и содержателей» притонов доминируют ранее судимые граждане, употребляющие наркотики или являющиеся наркоманами, которые подыскивают, «подбирают» квартиры у друзей, знакомых, родственников, различных люмпенов и маргиналов либо предоставляют свои квартиры, за что получают сравнительно небольшие денежные средства или ежедневные дозы наркотиков. При этом в притонах могут, как храниться, так и производиться наркотические средства [6; 10; 11; 24; 26].

А.И. Родионов считает, что в 96% случаев наркопритоны организуются и содержатся в квартирах по месту жительства виновных лиц или их родственников. Такой выбор был обусловлен:

1) уверенностью преступников в том, что организовать и содержать притон в жилом помещении гораздо безопаснее, чем в другом месте (особенно в тех случаях, когда виновные лица имели собственную квартиру и жили вдали от родственников);
2) удобством приготовления наркотических средств кустарным способом при наличии

газовой плиты, кухонных принадлежностей и т д.;

3) получением в качестве вознаграждения за вход наркотических средств или компонентов, необходимых для их изготовления при отсутствии возможности приобретения всего этого за свой счёт.

Лишь в 4 % случаях (по данным указанного автора, полученных в процессе изучения более 400 уголовных дел) притон организовывался в сараях, гаражах, на дачах. Это обуславливается тем, что у рецидивистов не имелось собственной квартиры, а по месту жительства их родственников или близких было всегда людно, в связи с чем организовать там притон не представлялось возможным. В круг посетителей притонов входили в основном друзья и знакомые виновных. Среди них регулярно появлялись и новые лица, однако их число было невелико, что объяснялось подозрительностью рецидивистов к новым знакомствам из-за опасения попасть в рамки оперативно-розыскных мероприятий. Анализ уголовных дел, предпринятый указанным автором, показал, что посещали данные места в основном лица в возрасте от 18 до 30 лет, ежедневно, круглосуточно [23, стр. 68-69].

Далее, А.И. Родионов установил, что 70% рецидивистов, функционирующих в сфере НОН, на момент совершения преступления (ст. 232 УК РФ) не имели постоянного источника дохода, существовали преимущественно за счёт своих родственников или на случайные заработки (в том числе на заработки от сбыта наркотических средств). Некоторые «торговцы» и сами наркоманы организовывали притоны в квартирах своих ближайших родственников, пока те находились на работе или в ином месте. Для целей конспирации виновные лица устанавливали строгое время посещения притона, согласовывая все необходимые действия по мобильному телефону. Примечательно в этом плане посткриминальное поведение рецидивистов: для сокрытия следов преступления они организовывали уборку в квартире, проветривали её, уничтожали или прятали предметы, оставшиеся после изготовления наркотических средств, и иным образом следили за порядком. Если в организации и содержании притона участвовало несколько лиц, то между ними происходило распределение ролей. Например, один человек предоставлял квартиру, а также был ответственен за обеспечение порядка в помещении, устанавливал время посещения притона; другой – приобретал необходимые компоненты, контролировал процессы изготовления наркотических средств, третий – подыскивал возможных посетителей притона. В качестве платы за вход преступники брали деньги, наркотические средства, алкогольную продукцию, различные предметы и вещи, представляющие хоть какую-то ценность [23, стр. 68-69].

Наиболее высокое иерархическое положение в криминальном мире среди всевозможных инициаторов создания подпольных лабораторий, притонов, «ветеранов наркотрафика» и т.д. занимают лидеры организованных преступных групп (ОПГ), преступных сообществ. Организаторами ОПГ, специализирующихся на преступном обороте наркотических средств, могут быть не только ранее судимые или известные люди в криминальной среде, но также и обычные граждане, пенсионеры, чиновники, сотрудники правоохранительных органов и т.д. Организаторы, как правило, сами в незаконных операциях не участвуют, а лишь финансируют эту деятельность и получают доходы; при этом они тщательно маскируют свою причастность к наркобизнесу [32].

Как показывает следственная и судебная практика, наркопритоны могут располагаться в жилых и нежилых помещениях, а также в самых «необычных» местах. Детально классифицировать из-за чрезвычайного разнообразия не представляется возможным. Это могут быть специально приспособленные локальные участки в лесных массивах (шалаши, землянки), заброшенные строительные площадки, места для проведения массовых молодежных «тусовок», концертов рок-музыки, квартиры, гаражи, сараи, чердаки, подвалы и т.д., а могут быть – «элитные» клубы. Имеют место случаи, когда одно и тоже помещение используется и для потребления наркотиков и для занятия проституцией [1; 17; 28; 30].

Результаты собственных исследований позволили нам предположить, что не менее 80 % проституирующих юношей и девушек эпизодически употребляют наркотики или являются наркоманами. Определенная часть лиц, задействованных в сфере сексуальных услуг (в том числе малолетних и несовершеннолетних граждан), также принимает активное участие

в незаконном обороте наркотиков (например, в качестве пособников, «почтальонов», мелкооптовых сбытчиков) [3, стр. 43].

Алгоритм деятельности преступников в сфере организации и содержания наркопритонов может быть представлен следующим образом:

1) возникновение и «структурирование» идеи об организации наркопритона;
2) составление своеобразного «бизнес-плана» по функционированию наркопритона (в соответствии с интеллектуальным уровнем составителей), в т.ч. решение вопросов об обеспечении наркотиками, о привлечении потенциальных клиентах, обслуживающем персонале и т.д.;
3) подбор непосредственных соучастников;
4) «решение вопроса» с негласным покровительством («крышеванием», которым будут заниматься криминальные структуры или коррумпированные сотрудники правоохранительных органов);
5) поиск помещений, их обустройство, создание условий для потребления наркотиков;
6) принятие дополнительных мер для конспирации и сокрытия следов преступлений.

Информация о появлении очередного наркопритона среди наркоманов распространяется достаточно быстро.

Несколько по-иному функционируют притоны для занятия проституцией, в которых посетители для «остроты ощущений» употребляют наркотики. На первоначальном этапе может публиковаться реклама с указанием номера телефона; в рекламе содержится информация о возможности проведения досуга под видом знакомств с молодыми девушками или юношами. При поступлении телефонного заказа «диспетчеры» уточняют требования клиента к сексуальному партнеру и дополнительные условия (алкоголь, наркотики и т.д.). Далее уточняется время и место прибытия клиента в притон. Нелегальные публичные дома могут действовать под видом саун, оздоровительных центров, массажных кабинетов и т.д. Обособленное место занимают нелегальные публичные дома, «закрытые» интим-салоны и ночные клубы, специально оборудованные номера гостиниц, доступ в которые имеет лишь ограниченный круг лиц по соответствующим рекомендациям постоянных клиентов.

Достаточно экзотичные наркопритоны с атрибутами восточной экзотики могут создавать потребители марихуаны, курительных смесей, увлекающиеся буддисткой и индуистской философией, восточными религиями. Нередко подобные «тусовки» организуют действующие или бывшие студенты, маргинальные молодые люди, причисляющие себя к творческой прослойке. «Встречи» могут происходить на дачах, квартирах, в общежитиях и т.д.

Благоприятствующая атмосфера «метафизических» опытов, интеллектуальных споров способствует тому, что комнаты некоторых студенческих общежитий становятся местами постоянных встреч наркоманов. По мере учащающегося употребления марихуаны молодые люди «все лучше познают ее секреты», прежде всего, технологию курения, позволяющую достичь максимального эффекта. Попутно создается обстановка, в которой это становится возможным: соответствующая музыка, неяркие разноцветные огни, сжигание разных ароматических трав и т.д. Особое значение имеет подбор участников, потому что в группе необходимо иметь чувство общей безопасности. Только при условии соблюдения всей внешней атрибутики наркотический сеанс имеет шанс стать «удачным» [19, стр. 84-85].

В одном из интервью агентству РИА-НОВОСТИ сотрудники правоохранительных органов сообщили, что «наибольшее количество наркопритонов сконцентрировано в жилом секторе. Причем такое соседство представляет реальную угрозу для законопослушных жильцов. Вот почему важно, как можно раньше их обнаружить. Существенный признак квартиры, в которой расположился наркопритон – ее постоянно будет посещать большое количество людей, молодежи или даже людей средних лет (30-40 лет). Причем посетители будут появляться как днем, так и среди ночи. Выглядеть они тоже будут соответственно – по ним сразу видно, что они в состоянии наркотического дурмана. Также стоит обратить внимание на то, как часто в ваш подъезд регулярно приезжает скорая помощь, потому что в наркопритонах происходят передозировки наркотическими средствами» [13].

Как мы уже указывали, организаторы и содержатели наркопритонов могут заниматься изготовлением синтетических и полусинтетических наркотиков, которое осуществляется в

подпольных лабораториях или в более простых кустарных условиях [22; 25]. При проведении расследования сотрудникам полиции необходимо учитывать:

- относительную простоту технологических процессов получения некоторых видов наркотиков (эфедрин, первитин), что позволяет преступникам распространять по нелегальным каналам технологию их производства;
- доступность исходных компонентов, поскольку многие из них широко применяются как в промышленности, так и в быту;
- многочисленность объектов, где проводятся работы с химическими веществами и реагентами, пригодными для изготовления наркотиков (школы, вузы, научно-исследовательские учреждения), откуда возможно их хищение;
- компактность синтетических наркотиков, удобство их транспортировки, возможность быстрого уничтожения в случае задержания преступников;
- возрастающий спрос на наркотические средства среди населения конкретного региона (города);
- конкуренцию в сфере сбыта наркотиков, из которых потребители предпочитают наиболее дешевые, быстродействующие и компактные;
- присутствие в регионе людей, обладающих специальными познаниями и навыками в области химического синтеза и по разным причинам решившихся криминализировать свои профессиональные способности;
- наличие морских и речных портов, железнодорожных станций, аэропортов, через которые транспортные средства следуют из мест, известных как сырьевые источники наркотиков.

Выявление подпольных лабораторий, в том числе и действующих в наркопритонах, осуществляется по следующим направлениям:

- по любому из элементов цепочки: потребитель – сбытчик или содержатель наркопритона – посредник – организатор – производитель наркотиков (или основной поставщик);
- на основе полученной оперативной информации;
- на основе информации, полученной через продавцов (владельцев) компонентов и специального оборудования, необходимых для организации работы лаборатории.

Существенными признаками функционирования подпольной лаборатории являются:

- специфический запах (ацетон, аммиак, хлороформ, бензин и др.), наличие реагентов, растворителей, оборудования;
- относительная дешевизна наркотиков в конкретной местности по сравнению с их стоимостью в ближайших районах;
- работающее вентиляционное оборудование, особенно в холодное время года (холодную погоду);
- потребление большого количества электроэнергии, воды, газа их пользователями;
- получение адресатами посылок как объемных, так и стандартных, но в значительном количестве;
- библиотечные заказы на фармацевтическую и научную информацию, книги, журналы и др. по известной тематике;
- заказы в больших количествах химических компонентов, оборудования.

За последние годы в сфере незаконного оборота наркотиков значительно возросла доля наркотических средств растительного происхождения. Основным источником поступления наркотиков растительного происхождения в незаконный оборот и их изготовления являются незаконные посевы мака и конопли, осуществляемые гражданами, государственные посевы конопли, предназначенной для нужд народного хозяйства, дикорастущая конопля, зарослями которой по подсчетам специалистов засорено более 1 миллиона гектар земель.

На северо-западе нашей страны участились случаи, когда преступники выращивают коноплю в домашних условиях (в Ленинградской, Мурманской областях, в Республике Карелия), в городских квартирах, теплицах и т.д. Кроме того, на территории России произрастают около 50 видов растений рода маковых. Однако наркоманами для изготовления наркотических средств, в основном, используется опийный мак с высоким содержанием морфина и мак масличный, также содержащий алкалоиды морфина и пригодный для изготовления наркотиков. Оба эти вида мака по международной классификации относятся к маку снотворному, и так называемый масличный мак по существу является опийным [20, стр. 103].

В основном, следами операций, связанных с незаконными посевами, являются: плантации, засеянные «наркотиксодержащими растениями»; сами растения; следы применявшихся при посеве и уборке урожая орудий производства; сами орудия; следы, оставленные участниками посева и уборки урожая на объектах окружающей среды; семена «наркотиксодержащих растений»; частицы убранного урожая и другие следы, оставшиеся на теле и одежде лиц, занимавшихся незаконными посевами. Для сбора пыльцы конопли «заготовители» иногда раздеваются и, передвигаясь по плантации, стряхивают пыльцу из соцветий на увлажненное тело, а затем прилипший к нему слой пыльцы снимают с помощью ножа или других инструментов. О применении этого способа, помимо следов ног или обуви на плантации, можно судить по комочкам снятой с тела пыльцы конопли, наличию микрочастиц пыльцы на поверхности кожи, под ногтями, на волосах, на ткани одежды и в других местах [16, стр. 24-25; 31, стр. 221-224].

Причины и условия существования наркопритонов во многом сходны с криминогенными факторами, определяющими преступность в стране:

- «погружение» широких слоев российского общества в состояние аномии;
- низкий уровень материального обеспечения населения, безработица;
- крупные размеры доходов, извлекаемые гражданами из преступной деятельности в сфере НОН;
- коррупция;
- целенаправленное и высокоэффективное воздействие криминальных структур, вовлекающих детей, подростков, молодежь в процесс потребления наркотиков;
- меры по совершенствованию правовой базы значительно отстают от быстро меняющихся объективных реалий, к которым успешно приспосабливаются и рядовые потребители, и организаторы наркобизнеса;
- индивидуальные психофизиологические, генетические особенности тех лиц, которые при недостатках воспитания в семье и в учебных заведениях активно демонстрируют различные формы девиантной поведенческой активности, в том числе и в сфере НОН;
- распространение через Интернет чрезвычайно вредной и опасной информации о производстве наркотиков.

Список литературы

1. Александров А.И., Сальников В.П. Правоприменительная практика борьбы с незаконным оборотом наркотиков и правовая реформа в России // Теория и практика криминалистического обеспечения предупреждения, раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков: Материалы межведомственной научно-практической конференции по итогам работы экспертно-криминалистических подразделений Санкт-Петербурга и Ленинградской области аз 1999 год. Санкт-Петербург, 18 января 2000 года / Под общ. ред. В.П. Сальникова, В.Г. Петухова, В.Ю. Владимирова, К.С. Кузьминых. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. – С. 5-20.
2. Александров Р.А. Проблемы противодействия наркобизнесу в Российской Федерации / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 208 с. – (Серия: «Общество и наркомания: социальная опасность»).
3. Бакин А.А., Кутуев Э.К., Питулько К.В., Исаев В.А. Особенности расследования преступлений, связанных с организацией либо содержанием притонов для потребления наркотических средств, психотропных веществ или и аналогов. – СПб.: Астерион, 2014.
4. Васильев А.И., Сальников В.П., Степашин С.В. Наркомания в армии (социологический анализ): Научное издание. – СПб.; Фонд «Университет», 1999. – 128 с. – (Серия «Общество и наркомания: социальная опасность»),
5. Васильев А.Н., Мудьюгин Г.Н., Якубович Н.А. Планирование расследования преступлений. – М., 1954.
6. Волеводз А.Г. Экспертно-криминалистические вопросы в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков: к 10-летию журнала «Наркоконтроль» // Эксперт-криминалист. – 2015. – № 4. – С. 19-22
7. Густов Г.А. Криминалистическая характеристика преступления // Курс криминалистики: В 3-х т. Т. 1.

Общетеоретические вопросы. Криминалистическая техника. Криминалистическая тактика / Под ред. О.Н. Коршуновой и А.А. Степанова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
8. Джемелинский В.А., Натура А.И. Первоначальный этап расследования надругательств над телами умерших и местами их захоронений. – Учебно-практическое пособие. – М.: Юрлитинформ, 2006.
9. Ермолович В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. – Мн.: Алмафея. 2001.
10. Захарцев С.И. Тезисно о современном состоянии борьбы с наркотиками // Наркоконтроль. – 2014. – № 4. – С. 34-37.
11. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю. Борьба с незаконным оборотом наркотиков и прослушивание телефонных переговоров // Наркоконтроль. – 2006. – № 4. – С. 16.
12. Зуйков Г.Г. Развитие криминалистического учения о способе совершения преступления и проблема способа сокрытия преступления // Повышение эффективности расследования преступлений: Сб. науч. тр. – Иркутск: ИГУ, 1986.
13. Как распознать наркопритон и обезопасить себя и своих близких. Источник: http://ria.ru.
14. Колесниченко А.П. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. – Харьков. 1969.
15. Курченко В.Н. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: уголовно-правовой и уголовно-процессуальный аспекты. – СПб., 2003.
16. Методика расследования незаконных операций с наркотиками: Научно-практическое пособие для следователей и оперативных работников правоохранительных органов / С.В. Войцеховская и др., Под ред. Н.И. Николайчика. – Мн.: Харвест, 2003.
17. Наркомания и наркобизнес: проблемы противодействия: Материалы научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 25 мая 1999 г. / Под общ. ред. В.П. Сальникова, В.С. Бурдановой, В.Ю. Владимирова, К.С. Кузьминых. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, Фонд «Университет», 1999. – 128 с.
18. Наркотики в России: преступления и расследование. Научное издание / Александров А.И., Айнбиндер М.Я., Афанасьев В.В., Бабаханян Р.В., Бурданова В.С., Бушуев Е.С., Владимиров В.Ю., Жигульская Г.Ф., Кузьминых К.С., Казанков С.П., Михайлов В.И., Никитин Л.Н., Роганов С.А., Федоров А.В., Шахматов А.В. / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ; Фонд поддержки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет»; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности. Санкт-Петербург, 1999. Сер. Общество и наркомания: социальная опасность.
19. Наркотики и яды: Психоделики и токсические вещества, ядовитые животные и растения / Сост. В.И. Петрова, Т.И. Ревяко. – – Мн.: Литература, 1996.
20. Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: Учебно-методическое пособие / Под ред. А.Н. Сергеева. – М.: Щит-М, 2005.
21. Резван А.П. Правовые и криминалистические проблемы борьбы с хищением предметов, имеющих особую ценность: Автореф. дис. ... докт юрид. наук. – Волгоград, 2000.
22. Роганов С.А. Проблемы первоначального этапа расследования преступлений в сфере незаконного оборота синтетических наркотических средств: Монография. – СПб., 2002.
23. Родионов А.И. Организация либо содержание притонов для потребления наркотических средств или психотропных веществ, совершенных рецидивистами // Юридическая наука. – 2011. – № 4.
24. Ролик А.И., Романова Л.И.. Федоров А.В. Современная наркопреступность: криминологические, уголовно-политические и уголовно-правовые аспекты: Монография / Под ред. и с предисл. А.И. Коробеева. – Владивосток: Дальневосточный университет, 2009. – 336 с.
25. Сальников В.П., Роганов С.А. Совершенствование криминалистической профилактики преступлений в сфере криминального бизнеса синтетических наркотических средств // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 4 – С. 189-195.
26. Федоров А.В. Государственно-правовая антинаркотическая политика Российской Федерации и изменения в законодательстве о контроле за оборотом наркотических средств и психотропных веществ и противодействии их незаконному обороту // Наркоконтроль. – 2007. – № 3. – С. 2-12.
27. Федоров А.В. Дискуссионные вопросы уголовно-правового обеспечения безопасности оборота продуктов питания и фармацевтической продукции // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 83-88.
28. Федоров А.В. Наркокриминология как одно из направлений криминологии // Наркоконтроль. 2013. № 1. С. 4 – 27.
29. Федоров А.В. Тенденции развития российской антинаркотической политики на современном этапе // Наркоконтроль. – 2011. – № 4. – С. 5-14.
30. Федоров А.В. Уголовная ответственность за оборот новых потенциально-опасных психоактивных веществ // Наркоконтроль. 2015. № 2. С. 3-16.

31. Шадрин О.Ю. Криминалистические методы осмотра места незаконного посева и выращивания наркотикосодержащих культур в условиях Дальневосточного региона // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений: Теоретические, организационные, процессуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы. Материалы 3-й Всероссийской научно-практической конференции по криминалистике. – М., 2006.
32. Щукин А. М., Бражников Д.А. О некоторых проблемах выявления и раскрытия преступлений, связанных с организацией либо содержанием наркопритонов и склонением к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 3(25). – С. 73-82.
33. Яблоков Н.П. Криминалистическая характеристика преступлений как составная часть общей криминалистической теории // Вестник Моск. ун-та. – 2000. – № 2. – С. 3-11.

ФИНАНСОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО. БАНКОВСКОЕ И ВАЛЮТНОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО

РАСУЛОВ Фотех Миркозиевич,
старший научный сотрудник Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан, кандидат юридических наук (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: fasulov@ mail.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ЗАРОЖДЕНИЕ СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ФИНАНСОВОМ КОНТРОЛЕ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО ТАДЖИКИСТАНА В ПЕРИОД ДО НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОГО РАЗМЕЖЕВАНИЯ (1917-1924 ГГ.)

Аннотация. *Анализируется становление законодательства о финансово-контрольной деятельности в условиях территориальной разобщенности таджикского народа в рамках Туркестанского АССР.*

Ключевые слова: *рабочий контроль; государственный финансовый контроль; Народный комиссариат государственного контроля; Рабоче-крестьянская инспекция; Народный комиссариат финансов; Финансово-контрольное управление.*

RASULOV F.M.

ORIGIN OF SOVIET LEGISLATION ON FINANCIAL CONTROL IN NORTHERN TAJIKISTAN IN THE PERIOD BEFORE THE NATIONAL-STATE DEMARCATION (1917-1924)

The summary. *Analyzes the emergence of legislation on financial control activity in a territorial fragmentation of the Tajik people within the Turkestan ASSR.*

Key words: *workers' control; state financial control; People's Commissariat for State Control; Rabkrin; People's Commissariat of Finance; Financial and management control.*

В период после Октябрьской революции 1917 г. в Туркестане и Сентябрьской революции 1920 г. в Бухаре до национально-территориального размежевания нынешняя территория Республики Таджикистан входила в различные государственные образования. Так, северные районы Таджикистана (нынешняя Согдийская область) и большая часть Памира входили в Туркестанское генерал губернаторство и составляли непосредственную часть

России, а с первых месяцев революционных преобразований в составе Туркестанской АССР – входили в Социалистическую Федерацию России. Центральные и южные районы Таджикистана входили в состав Бухарского эмирата, а после сентябрьской революции 1920 г. – в состав Бухарской Народной Советской Республики.

В зависимости от цели, задач и конкретных исторических условий каждое из этих государств имело свои особенности, которые находили свое отражение в их законодательстве (в частности законодательстве о финансово-контрольной деятельности).

В этой части работы мы попытаемся рассмотреть становление и развитие законодательства о финансово-контрольной деятельности в двух вышеупомянутых государственных образованиях.

Конституция РСФСР 1918 г. – это этап зарождения государственного финансового контроля нового советского образца, который характеризуется конституционным закреплением финансово-контрольной деятельности Всероссийского съезда Советов и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета в компетенциях, которых входят:

л) утверждение бюджета РСФСР; м) установление общегосударственных налогов и повинностей. Таким образом, на конституционном уровне были разделены функции по управлению финансово-бюджетными средствами страны, в части их распределения, и по контролю за их использованием [44].

Еще до Октябрьской социалистической революции VI съезд партии в числе важнейших мер, направленных на завоевание власти и организацию социалистического производства, указал на установление действительного рабочего контроля [32, стр. 12]. А в Туркестане впервые требования об установлении рабочего контроля в конкретной форме были сформулированы 12 сентября 1917 г. в резолюции митинга о переходе власти Ташкентскому Совету и о создании Временного Ревкома [30].

Рабочий контроль должен быть продолжен так же, и на таких же правах, на все финансовые и банковые операции с выяснением всего финансового положения дела и с участием немедленно организуемых Советов и съездов банковских, синдикатских и прочих служащих. Поскольку в первое время после революции основные средства производства находились в руках буржуазии, рабочий контроль имел огромное значение, как удар по экономической власти буржуазии, как орудие борьбы против спекуляции, локаутов, саботажа, контрреволюционного вредительства, которые проводились капиталистами.

Второй съезд советов 25 октября 1917 г. вынес постановление о повсеместном создании рабочего контроля, а 14(27) ноября 1917 г. ВЦИК принял положение о рабочем контроле. Это положение так определяло его задачи: «В интересах планомерного регулирования народного хозяйства во всех… товариществах и предприятиях, имеющих наемных рабочих или дающих работу на дом, вводится рабочий контроль над производством, покупкой, продажей продуктов и сырых материалов, хранения их, *а также над финансовой стороной предприятий*» [39] (курсив наш – Р.Ф.).

25 января 1918 г. в принятой IV съездом Советов Туркестанского края резолюции по рабочему вопросу говорилось, что Фракция РСДРП (б) IV краевого съезда признает необходимым немедленное проведение в жизнь создание в крае рабочего контроля над производством [30, стр. 26].

С февраля месяца 1918 г. в Советском Туркестане, в том числе в северных районах Таджикистана, был проведен ряд мер по установлению рабочего контроля и национализации промышленности. Несмотря на все трудности, уже к марту 1918 г. рабочий контроль – по исследованиям К.М. Мавлянова – был установлен на 80 из 700 предприятий Туркестанского края, что составляло 11,4% [30]. В начале марта 1918 г. рабочий контроль был введен на нефтепромыслах «Санто» и «Чимион», озокеритовом руднике Сель-Рохо, копях Кизил-Кия. и Шураба, а затем эти предприятия были национализированы. По мере укрепления советской власти в Северном Таджикистане с учетом местных особенностей и конкретной обстановки был установлен рабочий контроль, в период 1918 и 1919 гг. были национализированы промышленные, транспортные и крупные торговые предприятия. Так, в течение 1918 и 1919 гг. Худжандский уездно-городской Совет принял более 100 решений о национализации, конфискации и реквизиции различных объектов народнохозяйственного значения [43, стр. 93-94, 116].

Установление рабочего контроля в районах Северного Таджикистана, входивших в состав

Туркестанского края, было сопряжено с преодолением больших трудностей. Эти трудности имели свои особенности, которые вытекали:

- во-первых, из экономическо-финансовой и политической отсталости народов Средней Азии;
- во-вторых, из незначительного развития капиталистических промышленных предприятий края при господстве кустарного производства и малочисленности фабрично-заводских рабочих*;
- в-третьих, из слабости и организационной неоформленности партийных организаций Туркестана.

Во время ломки старого и формирования нового государственного аппарата правительством РСФСР стала претворяться в жизнь идея создания единого органа, осуществляющего универсальный надведомственный контроль, целью которого было обеспечение контроля служению интересам народа с общегосударственных позиций [42, стр. 47]. В связи с этим 18 января 1918 г. Совнарком издал Декрет «О центральной контрольной коллегии и местных учетно-контрольных коллегиях и комиссиях» [40]. Этим Декретом в центре и на местах создавалась система таких контрольных органов, как:

1) Центральная контрольная коллегия, образованная Всероссийским ВЦИК;

2) Учетно-контрольные коллегии, образованные соответствующими местными Советами;

3) Контрольные комиссии, которые формировались на выборных началах в организациях, учреждениях, на предприятиях**.

Революционная ликвидация буржуазно-колонизаторского аппарата в Северном Таджикистане, как и по всему Туркестанскому краю, в то же время означала слом старого права, юридически закрепляющего основы функционирования этих органов. В этой связи следует сказать, что, например, решения Худжандского Совета от 30 марта и 18 апреля 1918 г. «Об упразднении должностей уездного комиссара, комиссаров при почте, казначействе, хлопковой секции» и «О роспуске Городской думы и организации уездной Коллегии народного хозяйства» означали не только упразднение этих органов, но и соответствующих норм дореволюционного права метрополии, ибо последние прекращали свои действия с упразднением, если можно так сказать, объекта правового регулирования [43].

В Худжанте, Истаравшане, Канибадаме, Исфаре, Драгомирово и др. районов Северного Таджикистана период от мая до июля 1918 г. был периодом реорганизации местных органов власти. Органы власти в виде уездных и волостных комиссариатов и их отделов организовывались при Совдепов. При Худжандском Совете были созданы следующие уездные комиссариаты: национальных дел, финансов, продовольствия, городского хозяйства, и отделы: земельно-водный, военный, народного образования, охраны города, милиции***.

Согласно Постановлением Ходжентского совета рабочих, солдатских и мусульманских депутатов от 18 апреля 1918 г. была распущена городской думы и организована уездной коллегии народного хозяйства и финансов. А 1 июня 1918 г. Совет Ходжента, упразднил должность комиссара финансов и образовал при Совдепе финансовую комиссию, разбив ее на две секции: налоговую и контрольно-ревизионную [29].

Дальнейшие мероприятия по усилению госконтроля были направлены на придание контрольным органам полномочий по осуществлению всеобъемлющего социалистического контроля. В связи с этим 2 мая 1918 г. постановлением ВЦИК и СНК Центральная Контрольная Коллегия была преобразована в Народный комиссариат государственного контроля (НКГК), а 15 мая 1918 г. в Туркестанской АССР был образован Центральный Государственный контроль [30, стр. 33]. На Комиссариат было возложено руководство контрольной деятельностью в стране. В задачи НКГК входили проверка исполнения государственного бюджета, наблюдение за состоянием государственного хозяйства и работой государственного аппарата. Кроме осуществления последующих документальных ревизий, ему были предоставлены широкие права по производству предварительных и фактических ревизий. При производстве ревизии контроль обязан был обращать внимание не только на формальную сторону дела, но и на правильность и целесообразность оборотов денежных и материальных ценностей [32, стр. 14]. Государственный контроль стал многофункциональным. Наряду с финансовым контролем расширился контроль за административной (управленческой) деятельностью органов власти [42, стр. 47-48]. Но как правильно утверждает профессор О.И. Чистяков НКГК, занимался преимущественно финансовым

надзором [15, стр. 127] (точнее – контролем – Р.Ф.).

Однако уже к 1919 г. выяснился исключительно формальный характер работы НКГК, осуществляемой преимущественно чиновниками дореволюционного контроля. Контроль ограничивал свою работу только фотографированием недочетов, не обобщал фактов, не разрабатывал методов устранения недочетов и не помогал советской власти улучшать государственный аппарат и организацию хозяйства. Многие старые чиновники даже при лояльном отношении к Советскому государству находились во власти старых традиций и нуждались в соответствующем перевоспитании [17, стр. 464-465]. Бюрократические формы контроля, которые применялись штатными сотрудниками госконтроля, оказались малоперспективными. Встал вопрос о реорганизации госконтроля. Кроме того, отсутствовала единая система контроля и в 1919 г. фактически существовали три системы контроля: Народный комиссариат государственного контроля, ведомственные контрольные органы (инспекция ВСНХ, инспекции наркоматов), рабочие контрольные инспекции. Такое положение мешало работе, ибо распыляло и без того малочисленные пролетарские кадры [16, стр. 393-394].

В связи с этим вопросы улучшения контроля, периодически рассматривались на партийных съездах, конференциях и пленумах Центрального комитета. Так, в резолюции VIII съезда РКП(б) (март 1919 г.) указывалось: «Дело контроля должно быть радикально реорганизовано с тем, чтобы создать подлинный, фактический контроль социалистического характера» [28, стр. 76]. Реформирование государственного контроля с приданием ему более широких полномочий поручалось И.В. Сталину. Под его руководством был разработан специальный Декрет «О государственном контроле», который 9 апреля 1919 г. был принят СНК и ВЦИК [37].

С принятия Декрета – по мнению исследователей – начался новый этап (период) развития государственного и государственно-финансового контроля советского времени, который длился до начала 1923 г. [1, стр. 41; 42, стр. 49] Он характеризовался поиском форм и методов работы в новых социально-политических условиях, а также созданием государственных контрольных органов. Кроме того, была сформулирована важная задача приоритетного комплексного осуществления контроля, и в соответствии с положением Декрета было осуществлено слияние всех существующих при отдельных организациях и предприятиях контрольных органов с органами государственного контроля и под руководством Госконтроля.

Декрет СНК РСФСР от 9 апреля 1919 г. «О государственном контроле» [36] предписывал реорганизовать госконтроль в подлинно народные органы, обеспечивающие постоянное совершенствование советского государственного аппарата. Во исполнение этого декрета 2 мая 1919 г. Коллегия НКГК обсудила вопрос о слиянии контрольных органов рабочих и ведомственных с государственным контролем. Однако не дали желаемых результатов мероприятия, проведенные по объединению всех контрольных органов в единую систему государственного контроля. Стали возникать и работать органы общественной инспекции как новая форма общественного контроля и в Туркестанской АССР также, например, были образованы Рабочая продовольственная инспекция, железнодорожная инспекция, при штабе Туркфронта была создана военно-полевая инспекция РКИ.

Таким образом, перед правительством встал вопрос о координации деятельности или организационном объединении этих органов. Поэтому было разработано Положение о Рабоче-крестьянской инспекции, утвержденное сессией ВЦИК 7 февраля 1920 г. [38] и НКГК был преобразован в Наркомат Рабоче-крестьянской инспекции на основе привлечения к этому делу рабоче-крестьянских масс, чтобы обеспечить всенародный контроль во всех областях хозяйства и государственного управления. Для осуществления своих функций в центральном аппарате НК РКИ были созданы 11 инспекции, одно из которых финансовой [30, стр. 44].

В июне 1920 г. Центральный Государственный Контроль Туркестана также был реорганизован в НК РКИ [30]. В своей практической деятельности НК РКИ Туркестана основное внимание уделял привлечению трудящихся масс к работе контрольных органов. За период с 1 января 1921 г. по 1 января 1922 г. органами РКИ было проведено 1765 фактических ревизий, в которых принимали участие 589 штатных работников и 1345 представителей рабочих и дехкан [30, стр. 47].

Соединение государственного и общественного начал в деятельности Рабкрина достигалось тремя способами: делегирование коллективами трудящихся своих представителей в Рабкрин в качестве постоянных членов; организация ячеек содействия Рабкрину на заводах, фабриках, селах, волостях – везде, где имелся аппарат управления; привлечение рабочих и крестьян к участию в массовых обследованиях деятельности государственного аппарата. Вышеназванные способы были призваны обеспечить реальный контроль за государственным аппаратом и в то же время обучать азам управления рабочих и крестьян [16, стр. 394; 17, стр. 463-466].

Главной формой участия масс в деятельности РКИ являлись ячейки содействия РКИ на фабриках, заводах, в воинских частях, учреждениях и селах. В РСФСР к середине 1921 г. было создано 12 тысяч ячеек, в которых работало 35–36 тысяч человек. Ячейки в основном создавались на заводах и фабриках, на долю учреждений и сел приходилось лишь 26,2% ячеек. В Туркестанской АССР в 1921 г. было 170 ячеек содействия РКИ, в которых участвовали 658 человек [30, стр. 47].

Несмотря на проделанную значительную работу, деятельность НК РКИ полностью не отвечала требованиям времени. Основной причиной, мешающей организации работы РКИ в новых условиях, являлось отсутствие опытных и подготовленных работников (социальный состав работников НК РКИ к концу 1921 г. выглядел следующим образом: рабочих – 11%, крестьян – 2,1 %, прочих – 86,9%, а партийная прослойка в различных учреждениях была от 8 до 20% членов партии [30, стр. 49]). Другой причиной неудовлетворительной работы РКИ являлось и то, что предприятия, внедряя принцип «хозрасчета» в условиях нэпа, категорически отказывались содержать за свой счет и отзывали своих делегированных лиц из РКИ [5, стр. 529]. Немаловажную роль сыграло и отсутствие средств – низкий оклад квалифицированных работников РКИ по сравнению с окладом работников в хозяйственных органах и в кооперации в период нэпа [30, стр. 49-50].

Значение Рабкрина – отмечает В.М. Сырых – состоит не только в количестве выявленных правонарушений. Это была первая практическая реализация идеи большевиков о привлечении населения к контролю за деятельностью государственного аппарата. Она неизменно сохранялась в числе ведущих принципов деятельности Советского государства и, как увидим в дальнейшем, неоднократно воплощалась в весьма оригинальных, но в одинаковой степени малорезультативных, неэффективных формах [14, стр. 62].

Таким образом, в период гражданской войны был сделан переход к широким формам контроля, охватывающим все стороны деятельности органов советской власти. Финансовый контроль не выделялся в особую ветвь и осуществлялся общими органами государственного контроля. Это обусловливалось тем, что в этот период, как указывает XI съезд партии, «...экономические ресурсы Советского государства были в то же время непосредственно и его финансовыми ресурсами» [4, стр. 425]. Снабжение рабочих, служащих и армии и обеспечение государственной промышленности сырьем, полуфабрикатами и прочими материалами происходило в натуральной форме.

Это не означало, однако, ликвидации финансового контроля по существу. Поскольку существовал государственный бюджет, и эмиссия денег являлась одним из основных источников его ресурсов, на НКГК позже на РКИ возлагались задачи последующего документального контроля исполнения бюджета, предварительной ревизии платежных документов, составление заключений по сметам, ревизия касс, борьба со всякого рода хищениями денежных средств и разработка правил учета и отчетности [32].

Уже в первый период нэпа – как правильно отмечает Р.С. Мулукаев – выяснились существенные недостатки в организации и деятельности созданного в 1920 г. НК РКИ. Это прежде всего непомерно широкий круг объектов контроля и задач, возложенных на наркомат. Массовое привлечение к его работе трудящихся обеспечивало гласность и контроля и участие населения в государственных делах, однако, от этого проигрывала глубина проверок, качество анализа причин выявленных недостатков, так как это могли обеспечить только специалисты [30]. По предложению В.И. Ленина контрольные органы переориентировались с обнаружения отдельных недостатков на вскрытие упущении в государственном управлении в целом и поиск путей их устранения. Выполнение таких задач было под силу только квалифицированным специалистам.

Поэтому аппарат РКИ был в несколько раз сокращен, направление в массовом порядке трудящихся для участия в обследованиях было прекращено [30].

12 ноября 1923 г. ЦИК СССР принял Положение о НК РКИ СССР, согласно которому в целях придания решениям РКИ политического веса было осуществлено объединение (не полное) с органом партийного контроля – ЦКК. Наркомом РКИ назначался председатель ЦКК, в коллегию РКИ вошло преимущественно члены Президиума ЦКК, члены ЦКК возглавили управления, отделы, инспекции РКИ. В Положении о ЦКК было зафиксировано, что на нее возлагается руководство НК РКИ [30].

ЦИК и СНК установили, что все функции финансового контроля, связанные как с составлением государственного бюджета и с рассмотрением смет и финансовых планов, так и с исполнением бюджета, должны выполняться Наркомфином в процессе его оперативной работы [34].

Новое положение об НКРКИ, принятое СНК СССР 12 ноября 1923 г., указывало, что НКРКИ является основным органом советской власти в деле усовершенствования государственного аппарата и приспособления его к задачам социалистического строительства. В отношении финансового контроля функции НКРКИ заключались в изучении государственного и местных бюджетов и опыта их исполнения с точки зрения их финансовой реальности и хозяйственной целесообразности и в разработке заключений по отчету об исполнения государственного бюджета, составленного Наркомфином [33].

Поскольку РКИ была полностью освобождена от документального и последующего контроля, возникла необходимость организации специального органа финансового контроля по линии финансового ведомства. В составе НКФ СССР, организуется для этой цели Финансово-контрольное управление (ФКУ), положение о котором было утверждено совместным постановлением НКФ и НКРКИ СССР 21 декабря 1923 г. [41]. Деятельность ФКУ сначала охватывала только союзный и республиканский бюджеты, но в июле 1925 г. постановлением ЦИК и СНК СССР была распространена и на местные бюджеты [35]. На местах органами ФКУ являлись: финансово-контрольные управления НКФ союзных республик, контрольно-бухгалтерские управления НКФ АССР, областных и губернских финансовых отделов и контрольные части при управлениях транспорта.

Возлагая на ФКУ ответственные государственные обязанности, Положение об управлении не обеспечивало, однако, ему необходимой правовой базы для их выполнения. Права управления были очерчены не ясно, а самый их объем был крайне недостаточен. Так, Положение устанавливало, что, в случае обнаружения в порядке последующей ревизии неправильностей и злоупотреблений, финансовый контроль принимает меры к устранению нарушений и к возмещению убытков казны на основе выработанного НКФ СССР особого Положения, утвержденного Совнаркомом. Этот документ, однако, издан не был, а само Положение о Финансово-контрольном управлении, утвержденное только НКФ и НКРКИ, не имело силы закона.

Опыт зарождения и функционирования финансового контроля на территории Северного Таджикистана в период до национально-государственного размежевания (1917-1924 гг.) имеет важное значение как для современного Таджикистана, так и для нынешней России. Он анализируется и исследуется для организации и обеспечения финансового контроля в новых исторических условиях постсоветского пространства [2; 6; 7; 8; 9; 10; 31]. Представляется значимым для исследования правовой реальности [3] уже суверенных государств – Республики Таджикистан и Российской Федерации [11; 12; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27].

Примечания

* В Туркестанском крае на 1 января 1914 г. насчитывалось всего 816 предприятий; промышленность Ходжентского уезда в 1916 г. насчитывала лишь 30 промышленных предприятий, из них 11 хлопкоочистительных заводов. Кроме того, имелось 1502 предприятия кустарного типа. Всего на промышленных предприятиях Туркестана в 1914 г. насчитывалась 21 тысяча рабочих. [13, стр. 29-30].

** В основные задачи коллегий входило проведение ревизий организаций, учреждений на основе отчетов и балансов, установление единообразия в действиях государственных органов, включая инструктирование местных контролирующих органов, т. е. решение многочисленных организационно-практических и методических вопросов государственного, в первую очередь финансового, контроля. Коллегии в отличие от контрольных комиссий осуществляли надведомственный (вневедомственный) контроль [42, стр. 47].

*** Образование отделов и комиссариатов при Советах Северного Таджикистана происходило на основании Постановления СНК Туркестанского края от 10 декабря 1917 г. «Об организации местных Советов» [43].

Список литературы

1. Андреев А., Никольский Д. Этапы развития. Уроки прошлого // Президентский контроль. Информационный бюллетень. – 2000. – № 1.
2. Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Трансформация обычаев в праве на постсоветском пространстве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 180-197.
3. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
4. ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. I.
5. Вологдин А.А. История государства и права России: Учебное пособие. – М.: Высшая школа, 2007.
6. Зоиров Д. От межтаджикского конфликта к постконфликтному миру: общее и особенное в этнополитических конфликтах // Россия и мусульманский мир. – 2015. – № 3. – С. 88-114.
7. Зоиров Д.М. Истоки формирования этнической государственности в Средней Азии и Закавказье // История государства и права. – 2004. – № 1. – С 46-49.
8. Зоиров Д.М. Формирование и развитие национальной государственности в странах Содружества Независимых Государств (сравнительно-правовое исследование): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб., 2004.
9. Зоиров Д.М., Колокольцев В.А. Организационно-правовой механизм обеспечения национальной и коллективной безопасности стран – участников СНГ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2003. – № 1 (17). – С. 111-117.
10. Зоиров Д.М., Сальников М.В. Национальная политика СССР как фактор формирования постсоветского геополитического пространства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 80-85.
11. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Государственность на постсоветском пространстве: предпосылки суверенитета // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 25-34.
12. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Суверенная государственность на постсоветском пространстве: предпосылки и процесс формирования (на примере Республики Таджикистан): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 336 с. – (Библиотека: «Философия государства и права»).
13. Иркаев М. История гражданской войны в Таджикистане. – Душанбе, 1963.
14. История государства и права России: Учебник: в 2 т. Т. 2 / Под общ. ред. В.М. Сырых. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014.
15. История отечественного государства и права: Учебник. В 2 ч. Ч. 2: Учебник / Под ред. О.И.Чистякова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, Высшее образование, 2009.
16. История отечественного государства и права: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. Р.С. Мулукаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009.
17. История советского государства и права. В 3-х книгах. Кн. 1. Становление Советского государства и права (1917-1920 гг.) – М.: Наука, 1968.
18. Кондрат Е.Н. Виды и формы финансового контроля: некоторые вопросы классификации // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 2. – С. 90-97.
19. Кондрат Е.Н. Внешний государственный и муниципальный контроль: законодательные основы и общая характеристика // Мир политики и социологии. – 2012. – № 7. – С. 77-88.
20. Кондрат Е.Н. Государственный финансовый контроль и финансовая безопасность России. Правовые аспекты: Монография. – М.: Юстицинформ, 2013. – 640 с.
21. Кондрат Е.Н. Государственный финансовый контроль: основополагающие начала (принципы) // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 1. – С. 103-109.
22. Кондрат Е.Н. Государственный финансовый контроль: понятие и сущность // Мир политики и социологии. – 2012. – № 1. – С. 67-72.
23. Кондрат Е.Н. Контроль в финансовой сфере: место государства и рынка // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 80-89.

24. Кондрат Е.Н. Региональный финансовый контроль в современной России: правовые основы и пути совершенствования: Монография. – М.: Юстицинформ, 2011. – 320 с.
25. Кондрат Е.Н. Региональный финансовый контроль: конституционно-правовые основы // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 2. – С. 90-99.
26. Кондрат Е.Н. Региональный финансовый контроль: понятие и общая характеристика // Мир политики и социологии. – 2012. – № 2. – С. 81-88.
27. Кондрат Е.Н. Финансовый контроль в субъектах Российской Федерации: актуальность проблемы // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 118-124.
28. КПСС в резолюциях решений съездов, конференций и пленумов. Т. 2. – М., 1971.
29. ЛФ ЦГА Тадж. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 1, л. 119.
30. Мавлянов К.М. Деятельность органов партийного и государственного контроля Таджикистана в период строительства социализма. – Душанбе, 1971.
31. Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты функционирования современного государства: политико-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 9-14.
32. Ровинский Н.Н. Финансовый контроль в СССР. – М.: Госфиниздат, 1947.
33. С. У. 1923 г. № 109–110, ст. 1042.
34. С. У. 1923 г. № 99, ст. 984.
35. СЗ СССР 1925 г. № 42, ст. 320.
36. СУ РСФСР, 1919, 12, ст. 122.
37. СУ РСФСР, 1919. № 2. ст. 122.
38. СУ РСФСР, 1920, № 16, ст. 94.
39. СУ РСФСР. 1917 г., № 3, ст. 35.
40. СУ РСФСР. 1918. № 18. ст. 264
41. СУ СССР 1924 г., № 21, ст. 209.
42. Тарасов А.М. Президентский контроль: понятие и система. Учебное пособие. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
43. Тахиров Ф.Т. История государства и права Таджикистана. Ч.1, Т.2. – Душанбе: Амри илм, 2001.

СУДЕБНАЯ И ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ПРАВОЗАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. АДВОКАТУРА И НОТАРИАТ

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: Fonduniver@bk.ru

КОНДРАТ Елена Николаевна,
доцент кафедры правовых основ управления МГИМО (У) МИД России, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)
E-mail: kondratelnik@rambler.ru

БОРИСОВ Олег Станиславович,
заместитель начальника кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения Академии управления МВД России (г. Москва, Россия)
E-mail: Akademuprbos@yandex.ru

Специальность 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность

ПРАВОВАЯ ОСНОВА И ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ

Аннотация. *Приводится комментарий к статьям 3 и 4 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации». Анализируется правовая основа деятельности войск национальной гвардии, ядро которой составляет Конституция Российской Федерации. Приводятся основные принципы деятельности войск национальной гвардии.*

Ключевые слова: *войска национальной гвардии; правовая основа деятельности войск национальной гвардии; принципы деятельности войск национальной гвардии; Конституция Российской Федерации; права и свободы человека и гражданина.*

SAL'NIKOV V.P.
KONDRAT E.N.
BORISOV O.S.

LEGAL BASIS AND PRINCIPLES OF ACTIVITY

OF NATIONAL GUARD TROOPS

The summary. *The comment to articles 3 and 4 Federal laws from July, 3rd, 2016 № 226-FZ «About armies of national guards of the Russian Federation» is led. The legal basis of activity of armies of the national guards which kernel makes is analyzed the Constitution of the Russian Federation makes. Main principles of activity of armies of national guards are resulted.*

Key words: *armies of national guards; a legal basis of activity of armies of national guards; principles of activity of armies of national guards; the Constitution of the Russian Federation; the rights and freedom of the person and the citizen.*

Статья 3. Правовая основа деятельности войск национальной гвардии

Правовую основу деятельности войск национальной гвардии составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, настоящий Федеральный закон, другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, а также нормативные правовые акты федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, в сфере оборота оружия, в сфере частной охранной деятельности и в сфере вневедомственной охраны (далее – уполномоченный федеральный орган исполнительной власти), и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие деятельность войск национальной гвардии.

Комментарий к ст. 3.

Правовая основа деятельности национальной гвардии – это совокупность нормативных правовых актов, изданных уполномоченными на то органами в пределах их компетенции и регулирующих различные аспекты организации и деятельности национальной гвардии, включая правовое нормирование содержания деятельности, субъектов ее осуществления, условия, порядок и основания применения национальной гвардией мер государственного принуждения, гарантии законности деятельности полиции и т.д.

Ядро правовой основы деятельности национальной гвардии – и это закреплено в комментируемой статье – составляет Конституция Российской Федерации [1]. Она не содержит упоминания о национальной гвардии, однако как Основной закон государства закрепляет, во-первых, основные принципы правового регулирования общественных отношений, в том числе складывающиеся в сфере внутренних дел; во-вторых, основные охраняемые посредством государственных мер ценности, например жизнь, здоровье, собственность; в-третьих, важнейшие «правила поведения» всех правоохранительных и силовых структур, поскольку Конституция Российской Федерации «имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации» (статья 15 Конституции Российской Федерации).

Следуя духу и букве Конституции Российской Федерации, и непосредственная деятельность национальной гвардии , и регулирующее эту деятельность законодательство должны исходить из того, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (статья 2); все органы государственной власти, должностные лица и граждане обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы (часть 2 статьи 15); любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения (часть 3 статьи 15); все равны перед законом и судом (часть 1 статьи 19); каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность (часть 1 статьи 22) и т.д.

Основополагающее значение для деятельности национальной гвардии имеют те положения Конституции Российской Федерации, которые устанавливают основания ограничения прав и свобод, а также запреты на осуществление определенных действий, предопределяя ряд принципов работы, в комментируемом Законе [11; 49; 51; 52; 70; 73; 90; 92; 93; 94; 108; 113].

В комментируемой статье, кроме Конституции, среди источников, составляющих правовую базу деятельности национальной гвардии, включены международные договоры Российской Федерации, и общепризнанные принципы и нормы международного права, что соответствует положениям Конституции Российской Федерации.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации (часть 4 статьи 15) международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Международный договор – это международное соглашение, заключенное Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами) либо с международной организацией в письменной форме и регулируемое международным правом независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или в нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования

Положения официально опубликованных международных договоров, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Для осуществления иных положений международных договоров принимаются соответствующие правовые акты.

В числе наиболее важных с точки зрения правового регулирования деятельности национальной гвардии международных договоров Российской Федерации следует назвать Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый резолюцией 2200А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. [28], Конвенцию о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. [20], Европейскую конвенцию о выдаче от 13 декабря 1957 г. [25], Европейскую конвенцию о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 г. [24], Европейскую конвенцию о пресечении терроризма от 27 января 1977 г. [26], Конвенцию об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности от 8 ноября 1990 г. [22], Европейскую конвенцию по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания от 26 ноября 1987 г. [27], Конвенцию Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г. [23], Конвенцию Содружества Независимых Государств о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. [21] и др.

Наряду с международными договорами Российской Федерации Конституция Российской Федерации (часть 4 статьи 15) называет составной частью ее правовой системы общепризнанные принципы и нормы международного права, не устанавливая, правда, в отличие от международных договоров России их приоритета по отношению к внутреннему законодательству.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. N 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» констатируется, что: а) под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо; б) к общепризнанным принципам международного права, в частности, относятся принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств; в) под общепризнанной нормой международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного. Содержание указанных принципов и норм международного права может раскрываться, в частности, в документах Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений.

В ряду наиболее значимых международно-правовых принципов и норм как элементов правовой основы деятельности полиции следует выделить Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятый

Резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 г., Руководящие принципы для эффективного осуществления Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятые Резолюцией 1989/61 Экономического и Социального Совета ООН от 24 мая 1989 г., Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка, принятые Резолюцией VIII Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (27 августа – 7 сентября 1990 г.), и др. [64].

В 2015 году исполнилось 70 лет со дня основания Организации Объединенных Наций, которая играет очень важную роль в обеспечении мира на Земле. По обстоятельство, что эти 70 лет мир прожил без больших войн, безусловно, заслуга и ООН.

Данное международное объединение выступает организацией объединенных наций – государств. Такая трактовка ОНН прямо вытекает из ее Устава, да об этом говорит и само ее название. Она создана и функционирует в соответствии с добровольным решением суверенных государств объединиться для достижения общих для них всех целей, в первую очередь – Мира. Значимость ее еще больше возрастает в условиях глобализации [68; 69; 105; 115]. Суверенные государств, вошедшие в ООН, предоставили ей право решать вопросы, затрагивающие национальные интересы всех государств-членов. Примеру ООН последовали другие международные организации, созданные в дальнейшем с соответствующими правами.

Решения государств, присоединившихся к ООН и другим международным организациям, выдвинули очень важный вопрос, который достаточно часто неправильно интерпретируют, в том числе и представители отечественной юридической науки – о взаимоотношениях международных правовых актов и национальных правовых предписаний.

Аргументированную правовую позицию по данному вопросу сформулировал и изложил в лекции на V Международном юридическом форуме в Санкт-Петербурге в 2015 году Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькин, которая в целом согласуется с взглядами представителей конституционного правосудия, ряда конституционных судов европейских стран. Мы также солидарны с профессором В.Д. Зорькиным.

Позиция профессора В.Д. Зорькина формировалась несколько лет, она изложена в его многочисленных научных публикациях [56; 57; 58; 59; 61; 62] и четко была озвучена в лекции еще 22 марта 2013 года в Государственной Думе, посвященной 20-летию действующей российской Конституции. Отвечая на поставленные перед ним вопросы, Председатель Конституционного Суда, опираясь на творчество выдающихся современных западноевропейских мыслителей Пьера Бурдье [39; 40; 41] и Юргена Хабермаса [65; 81; 110; 111; 114; 117; 118] обосновал необходимость бережного отношения к отечественным конституционным ценностям и сохранившимся в российской обществе неписаным нормам массовой моральной регуляции, базирования на них процессов законотворчества и правоприменения, определения отношения к актам международно-правовой юстиции, обязательного учета российской специфики и нашей общественной морали.

Тогда он прямо заявил, что в определенных случаях Российская Федерация вправе не учитывать решения Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ). Это тогда, когда оно (решение) в случаях и частях противоречит конституционным ценностям, защищаемым Конституцией Российской Федерации. При этом он подчеркнул, что в данном случае речь идет не о противоречиях между Европейской Конвенцией и Конституцией России, а о конкуренции между толкованием Конвенции и Конституции, осуществляемом соответственно на европейском и на внутрироссийском уровне. В.Д. Зорькин обратил внимание на то обстоятельство, что Конституционный Суд России, как и органы конституционной юстиции некоторых европейских стран, проверяя конституционность закона, принимает решение с учетом того, какое толкование (в зависимости от баланса конституционно защищаемых ценностей) в большей степени защищает права и свободы человека и гражданина. Пожалуй, это самое важное, во всяком случае ключевое суверенное право Российской Федерации, которое Конституционный Суд обязан отстаивать при любых правовых коллизиях и при любой ситуации конкуренции национальной и международной правовых систем [82, стр. 38-42].

После проведенной лекции Председателем

Конституционного Суда В.Д. Зорькиным в юридической литературе развернулась очень активная дискуссия. В этой дискуссии были и противники, и сторонники. Профессора В.Д. Зорькина поддержали его коллеги по Конституционному Суду и известные ученые-юристы Н.С. Бондарь, В.П. Сальников, С.И. Захарцев, Р.Б. Булатов, П.П. Глущенко, В.Б. Романовская, С.Ю. Андрейцо и др. [35; 36; 38; 96; 102; 103]. И вот лекция профессора В.Д. Зорькина на V международном юридическом форуме в Санкт-Петербурге. Здесь он углубляет свою аргументацию и открыто заявляет, что иная позиция просто противоречит интересам российского государственного, национального и правового суверенитета. «Я считаю, – заявляет он, – что участие России в различных международных Конвенциях и Соглашениях глобального и регионального уровня никак не означает делегирования на этот уровень той или иной части государственного суверенитета России. Членство в ООН подразумевает объединение, а не делегирование суверенитетов. ООН создавалась именно на основе идеи объединенных наций (United Nations) и объединенных суверенитетов (joint Sovereignties, «pooling» Sovereignties).

Соответственно, – продолжает В.Д. Зорькин, – участие России в международных Соглашениях и Конвенциях означает лишь то, что Россия добровольно возлагает на себя обязательства, перечисленные в этих международных документах. И оставляет за собой суверенное право окончательных решений в соответствии с Конституцией Российской Федерации в случае спорных моментов или правовых коллизий» [60].

Далее Председатель Конституционного Суда Российской Федерации продолжает: «Подчеркну, что положение о приоритете национального права четко записано в российской Конституции. Так, в соответствии с частью 1 статьи 15 нашей Конституции, Конституция России имеет высшую юридическую силу в системе правовых актов. Но одновременно в части 4 той же статьи 15 Конституции РФ записано, что составной частью правовой системы России являются общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры. Что в тех случаях, когда международным договором России предусмотрены иные нормы, чем закрепленные в национальном законе, применяются нормы международного договора. И это обстоятельство нередко рассматривается как коллизия в нашем Основном Законе.

Я убежден, – утверждает В.Д. Зорькин, – что коллизии нет. В силу верховенства Конституции, международные правоустановления должны интерпретироваться как конкретизация положений Конституции. Но они не могут быть применены, если выходят за пределы заложенного в Конституцию правового смысла. Аналогичные по смыслу решения-прецеденты в отношении конституционной интерпретации международных правовых норм уже известны и широко обсуждаются в мировом сообществе юристов-конституционалистов» [60].

Четкая позиция профессора В.Д. Зорькина не только вызвала поддержку российских исследователей, но и побудила группу депутатов Государственной Думы Российской Федерации обратиться в Конституционный Суд с просьбой о проверке на соответствие нашей Конституции подписанной Россией Международной Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней. Конституционный Суд, рассмотрев обращение депутатов Государственной Думы, принял Постановление от 14 июля 2015 года № 21-п [19].

В Постановлении Конституционного Суда обращалось внимание на то обстоятельство, что правила международного договора, если они нарушают конституционные положения, имеющие, несомненно, особо важное для России значение, не могут и не должны применяться в ее правовой системе и предлагалось выработать правовой механизм признания возможным или невозможным с точки зрения принципов верховенства и высшей юридической силы Конституции Российской Федерации исполнения в России актов Европейского Суда по правам человека.

Такой механизм был выработан путем принятия 14 декабря 2015 года Федерального конституционного закона № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»» [6]. В этом Федеральном конституционном законе прямо подчеркивается, что Конституционный Суд Российской Федерации вправе в своих постановлениях формулировать и обосновать правовую позицию об ограниченной правовой силе постановлений Европейского Суда по правам человека, в соответствии с чем

Российское государство вправе не учитывать решения Европейского Суда в случаях и в частях, противоречащих конституционным ценностям, защищаемым нашим Основным законом.

В настоящее время российская позиция по вопросам правовых актов ЕСПЧ созвучна правовым позициям таких органов конституционной юстиции, как Конституционный суд Австрии, Конституционный суд Италии, Конституционный суд Франции, Конституционный суд Швейцарии, Федеральный конституционный суд Германии и др. Она в наибольшей степени обеспечивает защиту прав и свобод человека и гражданина, наш государственный суверенитет, то есть те конституционные ценности, защищать которые предназначены Войска национальной гвардии. Поэтому правовые основы деятельности Войск национальной гвардии обязательно предполагают учет вышеизложенной позиции.

В комментируемой норме в соответствии с принятой иерархией законодательных актов в качестве правовой основы деятельности правоохранительных органов, а следовательно и национальной гвардии. специально выделяются федеральные конституционные законы, федеральные законы.

Федеральные конституционные законы – разновидность федеральных законодательных актов, принимаемых в соответствии с Конституцией Российской Федерации по вопросам, предусмотренным Конституцией РФ. Федеральный конституционный закон обладает повышенной юридической силой по сравнению с федеральным законом – федеральные законы не должны противоречить федеральным конституционным законам.

Вопросы, предусматривающие принятие федеральных конституционных законов, закреплены в Конституции Российской Федерации.

В системе источников права, регулирующих деятельность национальной гвардии, конституционное законодательство занимает особое место, поскольку само по себе оно лишь опосредованно определяет ее рамки или организационные основы, создавая юридические основания, юридический каркас легальности и (или) легитимности реализации полномочий национальной гвардии.

Для регулирования деятельности национальной гвардии имеют значение такие ФКЗ как, Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. N 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» [5] (ред. от 12.03.2014) , федеральные конституционные законы, устанавливающие полномочия Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и иных федеральных судов.

Составной частью правовой основы деятельности полиции выступают федеральные законы. Одни из них (полностью или частично) регулируют ее деятельность прямо, другие косвенно, определяя рамки такой деятельности. К числу первых можно отнести: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [3]; Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации [2]; Федеральные законы от 15 июля 1995 г. N 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [8]; от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [7]; от 10 декабря 1995 г. «О безопасности дорожного движения» [9]; от 19 июня 2004 г. «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» [10] и др.

Безусловно, уяснение содержания данных законов – непростое дело. Но в этом может помочь многочисленная научная литература, учебники и комментарии законодательных актов. Каждый из этих законов нашел свой достаточно подробный анализ в соответствующей юридической литературе. В качестве примера приведем литературу по оперативно-розыскной деятельности [42; 43; 44; 45; 46; 48; 50; 53; 54; 55; 63; 67; 91; 109]. При желании соответствующую юридическую литературу можно найти и по поводу других законов.

Одними из элементов правовой основы деятельности национальной гвардии, названных в комментируемой статье, являются нормативные правовые акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации.

Нормотворческие полномочия Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации в области внутренних дел многообразны и вытекают из их полномочий в сфере государственного управления. Так, соответственно установленному главой государства распределению полномочий по руководству деятельностью федеральных органов государственной власти руководство деятельностью

национальной гвардии осуществляет Президент Российской Федерации. В связи с этим указами Президента Российской Федерации урегулирован большой круг вопросов организации и деятельности системы национальной гвардии. В числе таких актов в первую очередь назовем Указ Президента РФ от 05.04.2016 N 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» [18].

К числу президентских актов, имеющих непосредственное отношение к организации и деятельности правоохранительных органов, относятся, например, Указы Президента Российской Федерации от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму» [12], от 11 декабря 2010 г. № 1535 «О дополнительных мерах по обеспечению правопорядка» [16] и др.

Целесообразно выделить ряд указов Президента Российской Федерации, непосредственно ориентированных на обеспечение правопорядка, защиту прав и свобод человека и гражданина, противодействие коррупции. Это, в частности, Указы Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [17], от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [13], от 9 июня 2010 г. № 690 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года» [15], от 13 апреля 2010 г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010-2011 годы» [14].

Широкими полномочиями в сфере обеспечения законности, прав и свобод граждан, борьбы с преступностью наделено Правительство Российской Федерации, которое, в частности, участвует в разработке и реализации государственной политики в области обеспечения безопасности личности, общества и государства; осуществляет меры по обеспечению законности, прав и свобод граждан, по охране собственности и общественного порядка, по борьбе с преступностью и другими общественно опасными явлениями; разрабатывает и реализует меры по укреплению кадров, развитию и укреплению материально-технической базы правоохранительных органов (статья 19 Федерального конституционного закона от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (ред. от 14.12.2015) [4].

Соответственно постановления Правительства Российской Федерации регулируют различные вопросы, касающиеся деятельности национальной гвардии. Ссылки на них содержатся в комментариях к соответствующим нормам Закона.

Комментируемая статья относит также к правовой основе регулирующей деятельность национальной гвардии нормативные правовые акты федерального органа исполнительной власти, в данном случае Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, в сфере оборота оружия, в сфере частной охранной деятельности и в сфере вневедомственной охраны и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие деятельность войск национальной гвардии.

Статья 4. Принципы деятельности войск национальной гвардии

Войска национальной гвардии осуществляют свою деятельность на основе принципов законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, единоначалия и централизации управления.

Комментарий к ст. 4.

Комментируемая статья устанавливает следующие принципы деятельности национальной гвардии: законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, единоначалия и централизации управления.

Под законностью в комментируемой статье следует понимать безусловное и точное соблюдение законов и иных нормативных актов всеми без исключения сотрудниками национальной гвардии. Законность – универсальный правовой принцип, который нашел свое нормативное воплощение в многочисленных статьях действующей Конституции и отраслевого законодательства. Общие предпосылки законности содержатся в ч. 1 ст. 1 Конституции, объявляющей Россию демократическим федеративным правовым государством. Часть 2 ст. 4 категорически устанавливает верховенство Конституции и федеральных законов на всей территории РФ. Универсальный

характер общеправового принципа законности подтверждает ст. 15 Конституции. В Конституции немало других статей, содержащих требования законности.

Важнейшим принципом, закрепленным в комментируемом законе является принцип соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Значение принципа уважения прав и свобод человека и гражданина в системе принципов деятельности полиции обусловлено тем, что в Российской Федерации «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (статья 2 Конституции Российской Федерации) [29; 33; 34; 37; 66; 83; 84; 85; 86; 87; 88; 89; 95; 97; 104; 107; 112; 116]. Поскольку деятельность полиции по необходимости связана с применением принуждения, она может заключать в себе существенную угрозу правам и свободам человека и гражданина. Отсюда, во-первых, та особая значимость, которая придана законодателем общеправовому принципу уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина применительно к деятельности полиции; во-вторых, подробная детализация правовых предписаний, сосредоточенных в комментируемой статье и призванных гарантировать реализацию данного принципа в повседневной деятельности полиции [32; 47; 98; 99; 100; 101; 106].

Уважение прав и свобод человека и гражданина – это прежде всего внимательное, к ним отношение, основанное не просто на признании их ценности и важности для функционирования гражданского общества и цивилизованного государства, но и на реальном соблюдении закрепленных в национальном законодательстве прав и свобод, причем не только законопослушных лиц, но и тех, кто преступил закон или подозревается в этом. Речь в первую очередь идет о правах и свободах человека и гражданина, предусмотренных Конституцией Российской Федерации [30; 31; 71; 72; 74; 75; 76; 77; 78; 79; 80].

Следующим принципом, закрепленным в комментируемом законе является единоначалие – самостоятельный принцип управления, вытекающий и обеспечивающий реализацию ряда закономерностей управления: разделения и концентрации труда, централизации и децентрализации управления, необходимого разнообразия – обусловленности организации субъекта управления особенностями объекта и ряда других [120].

Содержанием единоначалия является компетенция должности руководителя: предметы ведения и власть, права и обязанности, профессиональные знания, умения, а также ответственность. Формой данного содержания выступает должность единоначальника.

Воля, внутренние убеждения человека, его честность, принципиальность, законопослушность, целеустремленность должны изучаться и учитываться при подборе людей на руководящие должности.

В науке выделяются разные типы единоначалия: общесистемный, линейный, функционально-отраслевой, линейно-отраслевой, функциональный. Основаниями для типологизации выступают различия в компетенции, объеме власти, масштабе управления единоначальников.

Важнейшим принципов является также принцип централизации. Термин «централизация» относится к степени сосредоточения принятия решений в одних руках, что связано только с формальной властью, т.е. с правами, которыми наделено определенное лицо в организации. Чем больше организация, тем более сложные решения она принимает. Многие фирмы сталкиваются с необходимостью принимать оперативные решения в связи с поведением конкурентов, изменением потребностей клиентов, поступающими жалобами потребителей или работников. В случае когда скорость принятия решений критическая, необходимо прибегнуть к определенной децентрализации. Однако децентрализовать – это не значит отменить контроль. Контроль должен быть настолько эффективен, чтобы децентрализованные действия можно было бы правильно оценить.

Суть централизованных организаций состоит в разделении процессов принятия решений и их внедрения: высшие руководители принимают решения, управляющие среднего звена передают и согласовывают их, работники – выполняют. Сравнительный анализ показывает, что централизованные организации, деятельность которых основывается на принципах «команд и контроля», как правило, затратные. Они медленно приспосабливаются к изменениям рынка и слабо реагируют на меняющиеся потребности клиентов, ограничены в творчестве и инициативе, чтобы

эффективно действовать в условиях конкуренции.

Централизованные организации – это организации, в которых руководство высшего звена оставляет за собой большую часть полномочий, необходимых для принятия важнейших решений.

Преимущества:

- экономически эффективное использование персонала;
- высокая степень координации и контроля за специализированными видами деятельности;
- контроль за снижением возможности развития одних отделов организации за счет других [119].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – М., 2016.
2. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации. – М., 2016.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М., 2016.
4. Федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 51. – Ст. 5712.
5. Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 23. – Ст. 2277.
6. Федеральный конституционный закон Российской Федерации от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 51 (часть I). – Ст. 7229.
7. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 29. – Ст. 2759.
8. Федеральный закон Российской Федерации от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.
9. Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» // Собрании законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 50. – Ст. 4873.
10. Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 25. – Ст. 2485.
11. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 27 (часть I). – Ст. 4159.
12. Указ Президента РФ от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 8. – Ст. 897,
13. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 20. – Ст. 2444.
14. Указ Президента РФ от 13 апреля 2010 г..№ 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010 – 2011 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 16. – Ст. 1875.
15. Указ Президента РФ от 9 июня 2010 г. № 690 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 24, – Ст. 3015.
16. Указ Президента РФ от 11 декабря 2010 г. № 1535 «О дополнительных мерах по обеспечению правопорядка» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 50. – Ст. 6656
17. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 1 (часть II). – Ст. 212.
18. Указ Президента РФ от 5 апреля 2016 г. № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 15. – Ст. 2072.
19. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 21-п. г. Санкт-Петербург. «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи

32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11 пункта 4 части 4 статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Российская газета. – Федеральный выпуск. – 2015. – № 6734. – 27 июля.

20. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
21. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (ратифицирована Российской Федерацией Федеральным Законом от 4 августа 1994 года № 16-ФЗ) // URL: http://docs.cntd.ru/document/1900189.
22. Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности ETS N 141 (Страсбург, 8 ноября 1990 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 3. – Ст. 203.
23. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (Минск, 26 мая 1995 г.) (вступила в силу 11 августа 1998 г., ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 4 ноября 1995 г. № 163-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 13. – Ст. 1489.
24. Европейская Конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам ETS № 030 (Страсбург, 20 апреля 1959 г.) (вступила в силу 12 июня 1962 г.; ратифицирована Российской Федерацией настоящую Конвенцию Федеральным законом от 25 октября 1999 г. № 193-ФЗ; вступила в силу для Российской Федерации 9 марта 2000 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 23. – Ст. 2349.
25. Европейская конвенция о выдаче (заключена в г. Париже 13.12.1957) (подписана Российской Федерацией 7 ноября 1996 года с оговорками (распоряжение Президента Российской Федерации от 3 сентября 1996 года № 458-рп). Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 9 марта 2000 года.) // URL: http://docs.cntd.ru/document/1902174
26. Европейская конвенция о пресечении терроризма от 27 января 1977 г. (вступила в силу для Российской Федерации 5 февраля 2001 года) // ИПП «Гарант». URL: http://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2541141/
27. Европейская Конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания ETS N 126 (Страсбург, 26 ноября 1987 г.) (вступила в силу 1 февраля 1989 г.; ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 44-ФЗ; вступила в силу для России 1 сентября 1998 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 36. – Ст. 4465.
28. Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) (открыт для подписания, ратификации и присоединения 16 декабря 1966 г. резолюцией 2200А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН; вступил в силу 23 марта 1976 г.; ратифицирован Указом Президиума ВС СССР от 18 сентября 1973 г. N 4812-VIII, вступил в силу для СССР 23 марта 1976 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.
29. Александров А. «Высшая ценность – человек» // Российская Федерация сегодня. – 2012. – № 23. Декабрь. – С. 10-11.
30. Антонов И.А., Кондрат И.Н., Васильева Г.М. Сроки производства по уголовным делам в Российской Федерации и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // Мир политики и социологии. – 2012. – № 1. – С. 21-23.
31. Антонов И.А., Горленко В.А., Гурбанов А.Г., Кондрат И.Н. Безопасность личности и уголовный процесс / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2009. – 192 с.
32. Баранов П.П. Профессиональное правосознание работников органов внутренних дел (теоретические проблемы). – М.: ВЮЗШ МВД России, 1991.
33. Баранов П.П., Жуков И.А., Захаренков В.В., Сальников В.П. Законность – гражданское общество – права и свободы граждан. – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический ин-т МВД России, 2005.
34. Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. – М.: Юстицинформ, 2005.
35. Бондарь Н.С. Конвенционная юрисдикция Европейского суда по правам человека в соответствии с компетенцией Конституционного суда РФ // Журнал российского права. – 2006 – № 6. – С. 113-127.
36. Брылева Е.А. Решения Европейского суда по правам человека: дальнейшие перспективы // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 32-37.
37. Булатов Р.Б., Каюмов Д.Р. Гражданин как высшая ценность конституционно-демократического, гражданского общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. -№ 2. – С. 118-122.
38. Булатов Р.Б., Глущенко П.П., Андрейцо С.Ю. Эффективность правозащитной функции органов муниципальной

власти: пути обеспечения // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 4. – С. 79-90.
39. Бурдье П. Власть права: основы социологии юридического поля // Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. – 576 с.
40. Бурдье П. Начала. / Пер с фр. – М.: Socio Logos, 1994. – 288 с.
41. Бурдье П. Социология политики / Пер с фр. Сост., общ. ред и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Socio Logos, 1993. – 336 с.
42. Бухаров Н.Н., Захарцев С.И., Рохлин В.И., Федоров А.В., Шахматов А.В. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности: Учебное пособие / Под редакцией В.П. Сальникова. Изд. 2-е. – СПб., 2005. – (Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности»).
43. Винниченко Н.А., Захарцев С.И., Рохлин В.И. Правовая регламентация использования оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб., 2004. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности (Издание 2-е).
44. Голубовский В.Ю. Оперативно-розыскная деятельность. – М., 2001.
45. Голубовский В.Ю. Теоретические и правовые аспекты информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2000. – 152 с.
46. Горяинов К.К., Кваша Ю.И., Сурков К.В. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: комментарий. – М.: Новый юрист, 1997.
47. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Степашин С.В., Федоров В.П., Худяк А.И. Человек и правоохранительная деятельность: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2000. – 320 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
48. Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (Правовой анализ) / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб., 2005. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
49. Егорова Е.В. Эволюция и современное состояние института ограничений прав и свобод человека и гражданина в России: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2005.
50. Захарцев С.И. Наука оперативно-розыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты. – СПб., 2011.
51. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю. К вопросу о регламентации оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина // Российский следователь. – 2006. – № 5. – С. 31-32.
52. Захарцев С.И., Сальников В.П. Конституционные права человека в России и допустимость их ограничения в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий на каналах связи // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С 84-89. – в сб. 243 с.
53. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М., 2015. – 400 с.
54. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография. – СПб., 2006. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности / МВД России, С.-Петерб. ун-т.
55. Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Снятие информации с технических каналов связи: правовые вопросы / Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности; под общей редакцией В.П. Сальникова. – СПб., 2004. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
56. Зорькин В. Право – и только право // Защита и безопасность. – 2015. – № 2. – С. 37-39.
57. Зорькин В. Право – и только право // Защита и безопасность. – 2015. – № 3. – С. 26-28.
58. Зорькин В.Д. Взаимодействие национального и наднационального правосудия: новые вызовы и перспективы // Журнал конституционного правосудия. – 2012. – № 5. – С. 1-11.
59. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. – М., 2011.
60. Зорькин В.Д. Право силы и сила права. Лекция для участников V Международного юридического форума. Санкт-Петербург, 28 мая 2015 г. // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 18-32.
61. Зорькин В.Д. Правовой путь России. – М.: Библиотечка РГ, 2014. – 192 с.
62. Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России: Монография. – М.: Норма: Инфра-М, 2015. – 320 с.
63. Казак А.Е. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел и права человека: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998.
64. Каплунов А.И., Милюков С.Ф., Уткин Н.И. Правовые основы применения и использования огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел: Учебное пособие / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.:

Фонд «Университет», 2001. – 272 стр. – Серия: «Безопасность человека и общества».
65. Клименко О.А. Проблема соотношения суверенитета государств, народов и личности в концепции делиберативной демократии Ю. Хабермаса // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 39(49). - С. 172-178.
66. Комаров С.А., Ростовщиков И.В. Личность. Права и свободы. Политическая система. – СПб.: Юридический институт (Санкт-Петербург), 2002. – 336 с.
67. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / Отв. ред. и рук. авт. колл. А.Ю. Шумилов. – М.: Вердикт-1-М, 1997.
68. Кондрат Е.Н. Глобализация: понятие, сущность и основные процессы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 97-109.
69. Кондрат Е.Н. Мировая финансовая система в условиях глобализации: современные проблемы функционирования // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 132-136.
70. Кондрат И.Н. Допустимость и пределы ограничения прав личности в сфере уголовного судопроизводства (социально-экономический аспект) // Правовое поле современной экономики. – 2011. – № 3. – С. 38-44.
71. Кондрат И.Н. Обеспечение прав личности в досудебном производстве по уголовным делам: законодательное регулирование и правоохранительная практика: Монография. – М.: Форум, 2011. – 176 с.
72. Кондрат И.Н. Ограничения личных (гражданских) прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: допустимость и пределы // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 139-152.
73. Кондрат И.Н. Ограничения политических, социально-экономических и культурных прав и свобод в уголовном судопроизводстве: допустимость и пределы // Мир политики и социологии. – 2012. – № 9. – С.58-70.
74. Кондрат И.Н. Охрана прав участников уголовного процесса в досудебном производстве: международные стандарты и механизм реализации в Российской Федерации: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – 2013. – 58 с.
75. Кондрат И.Н. Охрана прав участников уголовного процесса в досудебном производстве: международные стандарты и механизм реализации в Российской Федерации: Монография. – М.: Юстицинформ, 2013. – 504 с.
76. Кондрат И.Н. Права и законные интересы человека и гражданина: международно-правовое регулирование в области уголовного процесса // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 7. – С. 35-49.
77. Кондрат И.Н. Права и законные интересы человека и гражданина: российское правовое регулирование в области уголовного процесса // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 8. – С. 109-129.
78. Кондрат И.Н. Права личности и некоторые общеотраслевые принципы уголовного процесса // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 43-54.
79. Кондрат И.Н. Права человека и уголовно-процессуальный закон (досудебное производство): Монография. – М.: Юстицинформ, 2012 – 320 с.
80. Кондрат И.Н. Право на частную жизнь: вопросы уголовно-процессуального регулирования // Юридическая наука: история и современность. – 2011. – № 3. – С. 116-121.
81. Корнилов Н.С. Государство и общественность в контексте правовых идей Юргена Хабермаса // Юридическая мысль. – 2016 – № 1(93) – С. 21-27.
82. Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 25-45.
83. Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизация: нормативно-ценностное измерение. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 384 с.
84. Луковская Д.И. Гарантии прав личности // История государства и права. – 2007. – № 16. – С. 35-37.
85. Луковская Д.И. Конституция Российской Федерации и современные концепции прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2009. – № 2. – С. 97-100.
86. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан в механизме правового регулирования // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 28-37.
87. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан и органы местного самоуправления: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2013. – 232 с. – (Серия: «Безопасность человека и общества»).
88. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы граждан: формы и средства охраны // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 139-153.
89. Медведев С.М., Числов А.И. Права, свободы и законные интересы человека (гражданина) и право: структурно-функциональный анализ // Мир политики и социологии. – 2012. – № 11. – С. 72-80.
90. Никитина Е., Хабриева Т.Я. Современный взгляд на теорию ограничения прав и свобод человека (рецензия на монографию С.В. Пчелинцева «Проблемы ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов») // Журнал российского права. – 2006. – № 8(116). – С. 158-161.

91. Основы оперативно-розыскной деятельности: Учебник для юридических вузов. 4-е изд. / Под ред. В.Б. Рушайло. – СПб., 2002.
92. Приходько И.М. Ограничения в российском праве (проблемы теории и практики: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2001.
93. Пчелинцев С.В. Ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов: методология, теория, практика: Дис. … докт. юрид. наук. – М., 2006. – 545 с.
94. Пчелинцев С.В. Проблемы ограничения прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов. – М.: Норма, 2006.
95. Романовская В.Б. Magna carta libertatum в контексте современной проблемы прав личности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2009. – № 5. – С. 258-261.
96. Романовская В.Б. Постановления Европейского Суда по правам человека: юридическая характеристика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2008. – № 2. – С. 210-213.
97. Сальников В.П. Гарантии конституционных прав и свобод граждан России как механизм их социально-правовой защиты // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сбор. матер. Всерос. науч-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под. ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 62-66.
98. Сальников В.П. Правовая культура сотрудников милиции. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1983.
99. Сальников В.П. Правовая культура сотрудников органов внутренних дел. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1988.
100. Сальников В.П. Уважение к праву в деятельности органов внутренних дел. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1989.
101. Сальников В.П., Казаченко В.Ф. Правовое воспитание и правовая культура в системе органов МВД СССР // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1980. – № 1. – С. 54-58.
102. Сальников В.П., Романовская В.Б. Акты Европейского суда по правам человека: некоторые дискуссионные вопросы // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 34-42.
103. Сальников В.П., Романовская В.Б. Прямое действие актов Европейского Суда по правам человека: некоторые проблемы // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: Материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С 23-27. – в сб. 243 с.
104. Сальников В.П., Цмай В.В. Современная система защиты прав человека // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1999. – № 1. – С. 82-98.
105. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.
106. Сальников В.П., Гуцериев Х.С., Федоров В.П., Худяк А.И. Правовая и духовная культура сотрудников правоохранительных органов. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1996. – 156 с.
107. Сальников М.В. Равенство граждан перед законом // Правовой режим законности: вопросы теории и истории: Матер. межвуз. науч.-теор. конф., Санкт-Петербург, 15 февраля 2001 г. / Под общ. ред. Д.И. Луковской. – СПб.: СПбГУ, 2001. – С. 105-109.
108. Сальников М.В., Реуф В.М. Чрезвычайная ситуация и ограничение конституционных прав граждан (на примере Российской Федерации и Республики Таджикистан) // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С. 160-164. – в сб. 243 с.
109. Сурков К.В. Опыт законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998.
110. Хабермас Ю. К логике социальных наук. Теория коммуникативного действия // Современная западная теоретическая социология: реферат, сб. Вып. 1. – М., 1991.
111. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». – М., 2007.
112. Хабриева Т.Я. Право граждан на обращение: проблемы правового регулирования // Права человека в России и правозащитная деятельность государства: Сборн. матер. Всеросс. науч.-практ. конф., Москва, 12 мая 2003 г. / Под ред. В.Н. Лопатина. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 54-61.
113. Хабриева Т.Я. Теория и практика ограничения прав человека по российскому законодательству и международному праву // Сборник научных трудов / Под ред. В.М. Баранова. – Нижний Новгород, 1998. Том Часть 1.
114. Шульц В.Л. Философия Ю. Хабермаса. – М.: Наука, 2005.
115. Эбзеев Б.С. Глобализация и современный конституционализм: два вектора развития // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С. 7-16.
116. Эбзеев Б.С. Конституция, демократия, права человека. – М., Черкесск, 1992. – 228 с.
117. Habermas, J. Geschichtsbewu?tsein und posttraditionale Identitat. Frankfurt a. Main, 2008.

118. Habermas, J. Volkssouveranitat als Verfahren // Habermas, J.: Die Moderne – ein unvollendetes Projekt: Philosophisch-politische Aufsatze 1977-1990, Leipzig: Reclam 1990.
119. http://studopedia.ru/8_40462_tsentralizatsiya-i-detsentralizatsiya-upravleniya-v-organizatsiyah.html
120. http://www.dissercat.com/content/printsip-edinonachaliya-i-ego-realizatsiya-v-upravlenii-organami-vnutrennikh-del

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА. МЕЖДУНАРОДНОЕ И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО. ИНОСТРАННОЕ ПРАВО

РАХИМЗОДА Рамазон Хамро
(Рахимов Рамазон Хамроевич),
министр внутренних дел Республики Таджикистан, профессор кафедры организации управления правоохранительной деятельностью Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, доцент, Заслуженный юрист Республики Таджикистан, генерал-лейтенант милиции (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: rahimov50@inbox.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

СОВРЕМЕННЫЙ ЗАКОН «ОБ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ПОЛИТИКИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЗАКОННОСТИ, ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Аннотация. *Анализируется действующий Закон Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности». Перечисляются регламентируемые данным законом основные направления деятельности милиции Таджикистана. Формулируются предложения по совершенствованию законодательства, регламентирующего права органов, реализующих оперативно-розыскную политику.*

Ключевые слова: *оперативно-розыскная политика; оперативно-розыскная деятельность; Республика Таджикистан; правоохранительные органы; борьба с преступностью.*

RAKHIMZODA R.Kh.

MODERN LAW "ON OPERATIVE-INVESTIGATIVE ACTIVITIES" IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN AS THE EMBODIMENT OF OPERATIVELY-SEARCH POLICY TO ENSURE THE RULE OF LAW, HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS

The summary. *The Republic Tajikistan law in force «About operatively-search activity» is analyzed. Basic directions of activity of militia of Tajikistan regulated by the given law are listed. Offers on perfection of the legislation regulating the rights of bodies, realizing an operatively-search policy are formulated.*

Key words: *the operatively-search policy; operatively-search activity; Republic Tajikistan; law application bodies; struggle against criminality.*

Действующий Закон Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности» разработан в целях приведения его в соответствие с требованиями Закона Республики Таджикистан «О нормативных правовых актах», «О государственном языке Республики Таджикистан», Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан и других нормативных правовых актов, укрепления обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина, а также с учетом сложившегося состояния борьбы с преступностью.

В целом принятие Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в новой редакции и всесторонне обоснованное, создаст реальные правовые гарантии соблюдения законности, обеспечения прав и свобод граждан при проведении мероприятий оперативно-розыскного характера. Его реализация способствует эффективности мер по предупреждению, своевременному пресечению на ранних стадиях преступлений, а также повышению качества дознания и предварительного следствия, обеспечит дальнейшую либерализацию деятельности правоохранительных органов в этой сфере.

Оперативно-розыскная деятельность в Республике Таджикистан приобрела особое теоретическое и практическое значение с принятием нового Закона Республики Таджикистан «Об органах государственной безопасности» от 20 марта 2008 № 362 [1] (ранее данное направление государственной деятельности регламентировалась Законом от 22 мая 1998 года № 610).

В соответствии с положениями названного закона на органы безопасности возложена борьба с преступностью и профилактика правонарушений. Так, для выполнения возложенных на них обязанностей, органы безопасности имеют право проводить оперативно-розыскную деятельность и конкретные оперативно-розыскные мероприятия.

Важное значение в совершенствовании правовой основы оперативно-розыскной деятельности имело принятие нового Закона Республики Таджикистана «О милиции» от 17 мая 2004 года. В соответствии со ст.12 настоящего закона, оперативные подразделения милиция осуществляют ОРД в соответствии с Законом РТ «Об оперативно-розыскной деятельности». К основным направлениям деятельности милиции отнесены:

- защита жизни и здоровья, прав, свобод человека и гражданина от противоправных действий;
- профилактика, пресечение преступлений и других правонарушений;
- защита общественных и государственных интересов;
- раскрытие и расследование преступлений, розыск лиц, совершивших преступления;
- защита любых форм собственности от преступных посягательств и ряд других (ст.3).

В законе также нашли свое нормативное закрепление конфиденциальное сотрудничество с милицией. Так, согласно ч.4 ст.6 Закона «О милиции» в целях предупреждения и раскрытия преступления, граждане могут конфиденциально сотрудничать с органами милиции, и их сотрудничество может быть оглашено только с их согласия. Предусмотрена социальная и правовая защита граждан, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность [2, стр. 101].

В соответствии со ст.10 названного закона, в целях предупреждения, выявления и раскрытия преступлений, розыска лиц скрывающихся от следствия, дознания и суда, уклоняющихся от исполнения уголовного наказания, без вести пропавших и взятых в заложники, в обязанности милиции вменены осуществления оперативно-розыскной деятельности.

Милиции дано право при реализации результатов ОРД использовать сведения, в том числе добытые с использованием технических средств, а также показания сотрудника милиции, в том числе проводившего ОРД, могут быть использованы наравне с другими доказательствами по уголовным делам (ст.11).

В данном законе закреплены положения о том, что сведения о лицах, оказывающих и оказывавших органам милиции содействие на конфиденциальной основе, а также сведения об организации, тактике, методах и средствах осуществления оперативно-розыскной деятельности в предмет прокурорского надзора не входят.

При изучение правовых основ ОРД необходимо уделить особое внимание изучению наставления по реализации ОРД и инструкции о порядке предоставление результатов оперативно-розыскной деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел Республики Таджикистан органу дознания, следователю,

прокурору или в суд. Особое значение имеет нормативные акты МВД (приказы, инструкции, наставления и т.п.), регламентирующие вопросы оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел в целом, и нормативные акты, регламентирующие организацию и проведение оперативной разработки в частности.

В общем, в настоящее время ситуация с правовым регулированием оперативно-розыскной деятельности меняется в сторону ее приближения с законодательствами стран СНГ, что свидетельствует о стремлении к достижению единого правового пространства [10; 12; 14; 23; 24; 28; 37; 47; 63]. Но, тем не менее, пока нельзя утверждать, законотворческий процесс завершен и, что определены как оптимальные границы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности, так и ее уровни. Так, отсутствует комплексный (системный) подход к законодательному регулированию оперативно-розыскной деятельности, интеграции отдельных отраслей законодательства, прежде всего, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и оперативно-розыскного, что не отвечает современным требованиям.

В дальнейшем в ходе развития национального законодательства, в частности в связи с принятием новых законов Республики Таджикистан «Об оружии» (19 марта 2013), «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (25 марта 2011 г.), «О безопасности» (28 июня 2011 г.), «О борьбе с организованной преступностью» (28 декабря 2013 г.), «О противодействии торговле людьми и оказании помощи жертвам торговли людьми» (26 июля 2014 г.), «О государственных секретах» (26 июля 2014 г.) и т.д. появилась потребность и в дальнейшем совершенствовании и оперативно-розыскного законодательства.

В связи с этим, в действующий Закон об ОРД 26 июля 2014 года были внесены ряд изменений и дополнений. В частности, закон был дополнен новым понятием – «преступная среда», под которым понимается «среда в которой находится лицо, подготавливающее, совершающее или совершившее преступление, в том числе преступная группа, организованная группа и преступное сообщество (преступная организация)».

Данное новшество было вызвано следующим соображением: во всех действующих законах об ОРД государств-членов СНГ закреплено положение о том, что сведение о лицах, внедренных в организованные преступные группы составляет государственную тайну, и, что предание гласности этих сведений допускается лишь с их согласия в письменной форме, и, что ни по требованию судьи, ни по требованию прокурора им не могут представляться данные о лицах, внедренных в организованные преступные группы, и, что время выполнения специальных заданий в организованных преступных группах подлежит зачету в выслугу лет для назначения пенсии в соответствии с законом и т.д. (положения законов об ОРД относительно лиц, внедренных в организованные преступные группы, встречаются минимум в шести статьях этих законов, в частности посвященным таким вопросам как: гарантиям соблюдения прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности; основаниям и порядку рассмотрения материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий; использованию результатов оперативно-розыскной деятельности; защите сведений об органах, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность; социальной и правовой защите должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность; прокурорскому надзору за оперативно-розыскной деятельностью).

К сожалению, подобный подход законодателя, который в различных аспектах старается защитить интересы лиц, внедренных в организованные преступные группы, с точки зрения буквального понимания текста закона является абсолютно уязвимым. Такой подход таит в себе опасность признания деятельности таких лиц нелегальным, если она осуществлена вне организованных преступных группах.

И причина, на наш взгляд, в том, что законодатель, формулируя вышеупомянутые положения, не учёл принцип системности отраслей уголовно-правового цикла. Так, как известно Уголовные кодексы государств-членов СНГ одинаково формулируют формы совершения преступления в соучастии: группа лиц; группа лиц по предварительному сговору; организованная группа; преступное сообщество (преступная организация).

Нетрудно заметить, что законы об ОРД, пытаясь регулировать вопросы всесторонней защиты лиц, внедренных в организованные преступные группы, не учли тот факт, что лица в целях решения задач ОРД могут быть внедрены не только в ОПГ, но и в другие преступные формирования, в частности, в преступное сообщество (преступную организацию), в группу лиц, действующих по предварительному сговору, и даже в группу лиц, действующих не по предварительному сговору.

Таким образом, вырисовывается реальная правовая картина, в соответствии с которым правовая и социальная защита лиц, внедренных в различные преступные формирования, страдает недостаточным нормативным регулированием. Проще говоря, на лиц, внедренных в преступное сообщество (преступную организацию), в группу лиц, действующих по предварительному сговору, и в группу лиц, действующих не по предварительному сговору защитная сила закона не распространяется.

С учетом сказанного мы сочли необходимым внести соответствующие изменения в статьи Закона об ОРД, в которых употреблены слова «организованные преступные группы», заменив их словами «преступная среда», а в статье, посвященной «Основным понятиям» дать ее определение.

Только при таком подходе можно создать оптимальные условия для эффективной правовой и социальной защиты всех лиц, внедренных во все другие преступные формирования [67; 68; 69; 70; 72].

Кроме того, с учетом появления новых вызовов и угроз в сфере киберпреступности [13; 26; 46; 55; 71; 73], задачи, стоящие перед Законом об ОРД был дополнен следующим положением: «обеспечение безопасности информационных систем».

Был уточнен порядок образование юридического лица, который осуществляется на основании утвержденного постановления одного из руководителей органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в порядке, определенном ведомственным нормативным правовым актом.

Также в Закон об ОРД было внесено уточнение, в соответствии с которым проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающие конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных разговоров, почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища допускается по мотивированному постановлению органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, по ходатайству уполномоченного прокурора и санкции уполномоченного на то судьи (то есть, в дальнейшем должны быть четко определены категории судей, имеющие право на осуществление судебного контроля в рассматриваемом аспекте).

Здесь важно обратить внимание на то, что вопросы ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в ходе оперативно-розыскной деятельности – это очень важные и значимые проблемы, которые должны постоянно находиться в поле зрения научной общественности [11; 16; 58], особенно в условиях гражданского общества [4; 7; 8; 41; 42] и правового государства [5; 36; 38; 39; 40; 45; 54; 56; 57].

Считаем важным следующую новеллу, согласно которой расширены права органов, осуществляющих ОРД при решении ее задач. Так, согласно новой нормы органы, осуществляющие ОРД имеют право не только использовать в целях конспирации документы, зашифровывающие личность должностных лиц, ведомственную принадлежность предприятий, учреждений, других организаций, подразделений, помещений и транспортных средств органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, личность граждан, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, но и использовать в этих же целях документы, зашифровывающие принадлежность собственности, а также личность разрабатываемых лиц.

В настоящее время сложилось положение, при котором центр тяжести в работе оперативных подразделений по осуществлению оперативно-розыскных мероприятий ложится «на плечи» лишь оперативно-розыскного законодательства. Сосредоточение этой специфической сферы деятельности, направленной на борьбу с преступностью в одной отрасли законодательства, без учета материального и процессуального отраслей, не соответствует целям и задачам уголовной политики, одним из главных принципов которой является законность, предполагающая осуществление разработки и реализации

мер борьбы с преступностью в полном соответствии в Конституцией и законами государства.

Так, если оперативно-розыскная деятельность является одной из стратегических линий уголовной политики государства в борьбе с преступностью, и такая стратегия предполагает комплексную разработку уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, то есть по существу всех составляющих элементов (уголовно-правовой политики, уголовно-процессуальной политики, оперативно-розыскной политики, уголовно-исполнительной политики, уголовно-превентивной политики и уголовно-организационной политики) уголовной политики [3; 17; 18; 19; 23; 48; 49; 50; 51; 52; 53; 66] то в первую очередь необходимо было унифицировать эти отрасли законодательства. Вместе с тем, общеизвестно, что вопросы преступности и наказуемости деяния, оснований и условий освобождения от уголовной ответственности, обстоятельств, исключающих преступность деяния и другие вопросы, связанные с ними являются исключительной прерогативой уголовного закона. Ни одна другая отрасль законодательства эти вопросы не регламентирует и «не вправе» делать это.

Кроме того, процессуальный порядок привлечения лиц, совершивших преступление к уголовной ответственности, порядок освобождения их от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела либо отказа в его возбуждении регламентируется только лишь Уголовно-процессуальным кодексом.

Однако законодатель, приняв Закон «Об оперативно-розыскной деятельности в Республике Таджикистан», устанавливающий виды и порядок проведения ряда оперативно-розыскных мероприятий, которые фактически часто граничат с преступлением, фактически не только переоценил значимость и возможности данного закона, но хуже того, не определил основания, условия и порядок вывода оперативных работников и граждан, оказывающих им содействие от уголовного преследования, не признал осуществления ОРМ обстоятельством, исключающим преступность деяния, что напоминает пресловутую пословицу о том, что левая рука не ведает, что делает правая.

Создавшаяся законодательная ситуация, свидетельствующая о рассогласованности системы законодательства уголовно-правового цикла, создает непреодолимые юридические препятствия в деле борьбы с преступностью. Так, нередки случаи привлечения оперативных сотрудников к уголовной ответственности за проведения ими проверочных закупок, контролируемых поставок, оперативных внедрений, оперативных экспериментов.

Такие же сложные ситуации возникают и с гражданами, которые на конфиденциальной основе оказывают содействие правоохранительным органам в реализации задач по борьбе с преступностью. Так, при осуществлении проверочной закупки из склада горэлектросети г. Душанбе, где действующая преступная группа занималась хищением и реализацией государственного имущества (ТМЦ), был задержан гражданин Н. (внештатный сотрудник милиции), оказывавший содействие в разоблачении этой группы. Ситуация сложилась настолько серьезной, что ответственным сотрудником Следственного управления МВД РТ пришлось разъяснить положения Закона об ОРД вплоть до заместителя Генерального прокурора РТ с тем, чтобы освободить гражданина Н. от уголовного преследования, так как он оказывал оперативным подразделениям содействие на конфиденциальной основе.

Такая же неблаговидная ситуация, являющаяся ничем иным, как проявлением правового нигилизма [6; 9; 15; 20; 21; 22; 25; 33; 34; 43; 44; 60; 64; 65], складывалась и в Сугдской области, где ответственные работники органов прокуратуры напрочь запрещали не только проведение некоторых видов ОРМ (в частности, проведение проверочных закупок наркотических средств), но и привлекали сотрудников и граждан, оказывающих им содействие в этом, к уголовной ответственности. И здесь автору, занимавшего тогда должность заместителя начальника УБЭП МВД РТ, пришлось специально выехать в эту область и разъяснять местным руководителям правоприменительных органов основания, условия и порядок проведения не только проверочных закупок, но и других видов ОРМ, осуществление которых легализовано Законом об ОРД. И эти факты являются не единичными.

Подобные негативные явления способствовали сдаче правоохранительными органами своих оперативных позиций, снижению уровня выявляемости, пресечения и расследования преступлений, вызванные страхом и боязнью перед

необоснованным привлечением к уголовной ответственности. Поэтому, в целях «приобретения билета в два конца», который год, мы, в целях гармонизации уголовной политики государства, предлагаем усовершенствовать Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы в этом направлении, тем самым устранить опасный пробел в законодательстве [27; 29; 30; 31; 32; 35; 59]. Следует отметить, что это обстоятельство не осталось не замеченным и некоторыми нашими учеными-юристами, которые обосновывали необходимость комплексного правового регулирования оперативно-розыскной деятельности [61; 62].

Поэтому, есть надежда на то, что в перспективе, законодатель в УК РТ расширит институт обстоятельств, исключающих преступность деяния в виде участия в санкционированном оперативно-розыскном мероприятии, а в новом УПК РТ предусмотрит раздел о порядке проведения оперативно-розыскной деятельности.

В связи с этим, предлагаем дополнить Уголовный кодекс РТ новым институтом следующего содержания:

«Статья 42[1]. Осуществление оперативно-розыскных мероприятий

1) *Не являются преступлением действия, причинившие вред охраняемым законом интересам лица, при осуществлении в отношении него санкционированных оперативно-розыскных мероприятий согласно дел оперативного учета с целью выявления, раскрытия и пресечения преступлений, совершаемых им или при его участии, если при этом не было допущено превышение необходимых для этого мер.*
2) *Право на осуществление оперативно-розыскных мероприятий имеют специально уполномоченные на то лица, а также граждане, оказывающие содействие в раскрытии преступлений, которые на законных основаниях вовлекаются соответствующими оперативными службами на проведение таких мероприятий.*
3) *Превышением мер, необходимых для проведения оперативно-розыскных мероприятий признается их осуществление с нарушением оснований и условий их проведения, регламентированных нормативно-правовыми актами.».*

Внесение новых новелл в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство объясняется тем, что совершенствование правового регулирования оперативно-розыскной деятельности нельзя связывать исключительно с нормами Закона «Об оперативно-розыскной деятельности в Республике Таджикистан». В силу присущей уголовной политике черты комплексности, этот закон просто не может вторгаться в сферу деятельности того или иного закона.

В связи с этим, вопросы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности следует также увязать с совершенствованием других, упомянутых законодательных актов, которое является не только правомерным, но и необходимым и оправданным. Только таким образом можно создать надежные гарантии по юридической защите активного поведения лиц, каковыми являются оперативные сотрудники и граждане, оказывающими им содействие в борьбе с преступностью.

Прослеживая весь путь развития научной мысли в области оперативно-розыскной деятельности мы видим, что это развитие в конечном счете, исключая отдельные случайности, последовательно отражало основные закономерности формирования правового государства в нашей стране. В настоящее время отчетливо видно, как у нас происходит неуклонный процесс укрепления законности, развитие конкретных юридических институтов, усиление предупредительных начал в деятельности правоохранительных органов.

Следует заметить, что основные этапы развития оперативно-розыскного права в нашей стране в основном хронологически совпадают с конкретными социальными и экономическими преобразованиями, хотя надо признать, что степень достигнутой теоретической зрелости данной юридической дисциплины и ее характер взаимосвязей со смежными областями знаний наложили на темпы и характер развития этой отрасли права существенный отпечаток.

Список литературы

1. Закон Республики Таджикистан от 20 марта 2008 № 362 «Об органах государственной безопасности» // Ахбори Маджиси Оли Республики Таджикистан. – 2008. – № 3. – Ст. 183.
2. Закон Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности». Ст.18 // Сборник законов Республики Таджикистан / Составитель Р.Х.Рахимов. – Душанбе. 1999.
3. Александров А.И. Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса) / Вступительное слово член-корреспондента Российской академии наук Д.А. Керимова. – СПб.: СПбГУ, 2013. – 598 с.
4. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
5. Боер В.М., Городинец Ф.М., Григонис Э.П., Сальников М.В., Янгол Н.Г. Правовое государство: реальность, мечты, будущее: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетейя, 1999. – 256 с.
6. Вороненков Д.Н. Правовой нигилизм и правовой идеализм в современном российском обществе на рубеже веков / Под ред. С.А. Комарова. – СПб.: Юридический ин-т (Санкт-Петербург), 2004. – 155 с.
7. Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации / Науч. ред. И.И. Кальной, А.В. Горбань. – Симферополь; Севастополь: АРЕАЛ, 2011. – 648 с.
8. Гражданское общество: истоки и современность / Науч. ред. И.И. Кальной, И.Н. Лопушанский. – 3-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2006. – 492 с.
9. Домбровский В.В., Шелепова М.А. Правовой нигилизм и некоторые вопросы правосознания личности // Мир политики и социологии. – 2015. – № 7. – С. 191-199.
10. Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (Правовой анализ) / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб., 2005. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
11. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю. К вопросу о регламентации оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина // Российский следователь. – 2006. – № 5. – С. 31-32.
12. Захарцев С.И., Кирюшкина Н.О., Сальников В.П. История взаимодействия криминалистических и оперативно-розыскных знаний // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 11. – С. 186-194.
13. Захарцев С.И., Сальников В.П. Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 11-19.
14. Захарцев С.И., Сальников В.П. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовному делу: перспективы законодательной регламентации // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С 90-93. – в сб. 243 с.
15. Захарцев С.И., Сальников В.П. Конвергенция в праве, русская ментальность и психология нищенства: философская и философско-правовая проблема // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 166-179.
16. Захарцев С.И., Сальников В.П. Конституционные права человека в России и допустимость их ограничения в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий на каналах связи // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С 84-89. – в сб. 243 с.
17. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная политика в контексте социальной философии // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 2. – С. 11-14.
18. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная политика: понятие и сущность // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 95-110.
19. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная экономика и оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 11-15.
20. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 13-30.
21. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правосознание юриста и правовой нигилизм: современные проблемы профессиональной деформации // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 11-29.
22. Захарцев С.И., Сальников В.П. Профессиональная деформация правосознания ученых-юристов: некоторые размышления по итогам исследования // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 11. – С. 172-180.
23. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М., 2015. – 400 с.

24. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография. – СПб., 2006. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности / МВД России, С.-Петерб. ун-т.
25. Кальной И.И. Правовой нигилизм и его основания // Российский журнал правовых исследований. – 2014. – № 4(1). – С. 60-66.
26. Кондрат Е.Н. Инструменты и инфраструктура киберпреступности // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 3. – С. 154-166.
27. Кондрат И.Н. Судебный контроль в охране прав и свобод участников уголовного процесса на стадии досудебного производства: пробелы законодательного регулирования и перспективы его совершенствования // Российский судья. – 2012. – № 11. – С. 29-33.
28. Кондрат И.Н., Нахимов А.П., Сурков К.В. Наука оперативно-розыскной деятельности: взгляд в будущее. Рецензия на монографию С.И. Захарцева, Ю.Ю. Игнащенкова и В.П. Сальникова «Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке» (М.: Норма, 2015. 400 с.) // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 121-126.
29. Лазарев В.В. Пробелы в праве: Вопросы понятия пробелов и критика теорий беспробельности права / Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. – Казань: [б. и.], 1969. – 95 с.
30. Лазарев В.В. Пробелы в советском праве и методы их установления: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М.: МГУ, 1967. – 21 с.
31. Лазарев В.В. Избранные труды: В 3 т. Том 2: Пробелы в законодательстве: установление, преодоление, устранение. / Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юридическая фирма «ЮСТ». – М.: Новая юсти-ция, 2010. – 502 с.
32. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. – М., 1974.
33. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1994. – № 2. – С. 3-16.
34. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как явления российского политического менталитета // Право и жизнь. – 2002. – № 47. – С. 5-38.
35. Победкин А.В. Постановления пленума Верховного суда Российской Федерации как форма толкования и преодоления пробелов уголовно-процессуального права // Государство и право. – 2008. – № 11. - С. 34-44.
36. Правовое и социальное государство: проблемы становления в России: Сборник трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Том 21 сер. 2. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005.
37. Рахимзода Р.Х., Маджидзода Д.З., Солиев К.Х. Оперативно-разыскная политика в контексте политики государства и оперативно-разыскной науки (рецензия на книгу «Захарцев С.И. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: моногр. / С.И. Захарцев, Ю.Ю. Игнащенков, В.П. Сальников. М. Норма, 2015. – 400 с.») // Оперативник (сыщик). – 2016. – № 4 (49). – С. 70-72.
38. Раянов Ф.М. Правовое государство – судьба России. – Уфа, 2007. – 208 с.
39. Раянов Ф.М. Правовое государство и современный мир. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2012. – 175 с.
40. Раянов Ф.М. Теория правового государства. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 272 с.
41. Романовская Л.Р. Актуальные проблемы развития концепции гражданского общества в России // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2014. – № 2. – С. 99-102.
42. Ромашов Р.А. Гражданское общество и правовое государство: проблемы взаимоотношения // Правоохранительная деятельность и правовое государство: сб. трудов адъюнктов и соискателей. Вып. 3 / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб, 1994.
43. Ромашов Р.А. Правовая культура и правовой нигилизм молодежи // Правовые и экономические аспекты молодежной политики: Матер. Междун. науч.-прак. конф., г. Санкт-Петербург, 29 апреля 2009 г. / Под общ. ред. Т.И. Козловой; Институт правоведения и предпринимательства, Межрегиональная обществ. организация юристов и предпринимателей «ФОРУМ». – СПб.: ИПП, 2009. С. 48-53.
44. Ромашов Р.А., Шукшина Е.Г. Правовая культура и правовой нигилизм в молодежной среде // История государства и права. – 2006. – № 2. – С. 2-8.
45. Сальников В. Конституция Российской Федерации как фундамент построения правового государства // Юридический мир. – 2005. – № 9. – С. 48-51.
46. Сальников В.П. Незримое вторжение. Негативное воздействие информации на сознание человека // Защита и безопасность. – 1999. – № 1. – С. 26-27.
47. Сальников В.П., Захарцев С.И. Тезисно об актуальных проблемах науки оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). – 2015. – № 1(42). – С. 35-37.
48. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика // Вестник Самарского юридического института. Научно-практический журнал. – 2016. – № 4. – С. 46-58.

49. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Оперативно-розыскная политика как концентрированное выражение экономики // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 3. – С. 90-97.
50. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Оперативно-розыскная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 6. – С. 96-108.
51. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовная и уголовно-процессуальная политика // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С 260-283.
52. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Уголовно-исполнительная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 71-85.
53. Сальников В.П., Захарцев.С.И., Сальников М.В. Уголовно-правовая политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 94-107.
54. Сальников В.П., Ромашов Р.А., Сальников М.В. Теория правового государства (попытка современной интерпретации) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 3-14.
55. Сальников В.П., Ростов К.Т., Морозова Л.А. Бондуровский В.В. Компьютерная преступность: уголовно-правовые и криминологические проблемы // Государство и право. – 2000. – № 9. – С. 101-106.
56. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 3(41). – С. 16-22.
57. Сальников М.В. Равноправие граждан перед законом и правовое государство // Вестник Удмуртского государственного ун-та. – 2000. – № 2.
58. Сальников М.В., Реуф В.М. Чрезвычайная ситуация и ограничение конституционных прав граждан (на примере Российской Федерации и Республики Таджикистан) // Конституционные аспекты современного состояния законодательства Республики Таджикистан: материалы международной научно-теоретической конференции. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С. 160-164. – в сб. 243 с.
59. Сергевнин С.Л. Конституционно-правовые пробелы и дефекты: некоторые теоретические и прикладные вопросы // Вестник Уставного Суда Калининградской области. Июль 2009 – август 2010. – № 13-14. – Калининград, 2010. – С. 145-150.
60. Смирнов А.М. Феномен правового нигилизма в российском обществе и готовность граждан к внесудебным способам разрешения криминальных конфликтов // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 3. – С. 143-146.
61. Солиев К.Х. Правовое поле деятельности ОВД в борьбе с преступностью // Государство и право. Душанбе. – 2000.– № 2. – С.49-55.
62. Солиев К.Х. Уголовно-правовые основы деятельности ОВД по борьбе с преступностью // Милитсияи Точик-75 сол. Труды Высшей школы. – Душанбе. 2000. – С.33-39.
63. Степашин С.В., Егоршин В.М. Книга, опередившая время. Рецензия на монографию Захарцева С.И., Игнащенкова Ю.Ю. и Сальникова В.П. «Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке» (М.: Норма, 2015. – 400 с.) // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 119-124.
64. Туманов В.А. О правовом нигилизме // Сов. государство и право. – 1989. – № 10. – С. 20-27.
65. Туманов В.А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. – 1993. – № 8. – С. 52-58
66. Федоров А.В. К вопросу о разработке научных основ национальной оперативно-розыскной политики // Оперативник (сыщик). – 2005. – № 4. – С. 17-18.
67. Федоров А.В., Шахматов А.В. Оперативно-розыскная деятельность и граждане: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001.
68. Федоров А.В., Шахматов А.В. Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2005.
69. Федоров А.В., Шахматов А.В. Содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность: Лекция. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1999. – 172 с.
70. Федоров А.В., Шахматов А.В. Содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность: Учебное пособие. – М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2004. – 140 с.
71. Хабибулин А.Г., Абдрахманов А.И. МВД в информационном поле нарастающей глобальной напряженности // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 23-31.
72. Шахматов А.В., Захарцев С.И., Спиридонов П.Е. Содействие отдельных лиц при подготовке и проведении оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент» // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2005. – № 1. – С. 113-117.
73. Эмм Д. Киберпреступность и закон [Электронный ресурс]. – URL: http:// cybercrime.zp.ua/ viewtopic.php?f=3&t=4776.

КОСИМОВ Файзали Махмадович,
аспирант отдела истории государства и права Института философии, политологии и права им. А. Баховаддинова Академии наук Республики Таджикистан (г. Душанбе, Таджикистан)

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ПОСТСОВЕТСКИЙ ТАДЖИКИСТАН И ОСОБЕННОСТИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *Анализируется законодательство Республики Таджикистан, регламентирующее оперативно-розыскную деятельность правоохранительных органов. Перечисляются обязанности этих органов, отмечается важность совершенствования, разработки и развития науки ОРД, изучающей важнейшую форму реализации задач уголовно-правовой политики государства.*

Ключевые слова: *оперативно-розыскная деятельность; Республика Таджикистан; наука оперативно-розыскной деятельности.*

KOSIMOV F.M.

POST-SOVIET TAJIKISTAN AND FEATURES OF OPERATIVELY-SEARCH ACTIVITY

The summary. *The legislation of Republic Tajikistan regulating operatively-search activity of law enforcement bodies is analyzed. Duties of these bodies are listed, importance of perfection, working out and development of a science of the operatively-search activity studying the major form of realization of problems of the criminally-legal policy of the state is marked.*

Key words: *operatively-search activity; Republic Tajikistan; a science of operatively-search activity.*

«Современная Республика Таджикистан, – *отмечает З.А. Саидов,* – находится на стадии своего становления и развития. Идут параллельно политический, экономический и правовой процессы формирования основ государственности молодой республики. Исторический анализ показывает, что на выбор путей развития государства (в том числе ОРД – К.Ф.) огромное влияние оказывает правовая система. Вместе с тем ее формирование должно происходить на основе реального учета…» [78, стр. 3].

Республика Таджикистан, как и большинство государств постсоветского периода [9; 27; 29; 32; 33; 34; 45; 51; 77], приобрела государственный суверенитет [35; 36; 43; 44] и на основе демократических общечеловеческих ценностей с учетом менталитета и национальных особенностей народов Таджикистана формирует свою правовую систему [28; 30; 31; 32]. Об этом свидетельствует действующая Конституция [1] и принимаемые нормативно-правовые акты. Отечественные исследователи Таджикистана и ученые зарубежных стран единодушны, например, в том, что наша Конституция базируется на доктрине естественного права, о чем свидетельствует, в частности, статья 5 Конституции РТ, где определяется человек, его права и свободы в качестве высшей ценности. Здесь читаем:

«Человек, его права и свободы являются высшей ценностью.

Жизнь, честь, достоинство и другие естественные права человека неприкосновенны.

Права и свободы человека и гражданина признаются, соблюдаются и защищаются государством».

Доктрина естественного права – выдающее достижение человечества в сфере демократии и человеколюбия [12; 39; 40; 41; 47; 76; 81; 82; 83; 84; 85; 86], и примечательно, что наша Конституция сориентирована на данную доктрину.

В Таджикистане оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) в ее современном понимании предшествовала сыскная деятельность, имеющая многовековую историю. Однако соответствующей правовой базы, регламентирующей эти виды деятельности не было.

Одновременно с кардинальными преобразованиями и появлением признаков демократии и гласности в СССР, с принятием 12 июня 1990 года Закона СССР «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик», в ст. 29 было внесено дополнение, согласно которому впервые в целях установления элементов преступления, лиц, совершивших преступления, получения достоверных сведений, которые можно использовать в качестве доказательств в уголовном деле, на органы дознания возлагалось проведение ОРМ, в ходе которых осуществлялось проведение аудиозаписи, видео и фотосъемки.

С распадом могущественного Советского государства и провозглашением независимости и суверенитета бывших советских республик, 9 сентября 1991 года Республика Таджикистан также объявила о своей независимости [1, стр. 3].

После распада СССР Республика Таджикистан, ставшая суверенным государством, пережила гражданскую войну. В течение 1992-1997 гг. в республике была разрушена и парализована вся система органов государственной власти и управления, в том числе и в сфере обеспечения правопорядка.

Государство постепенно теряло способность защищать своих граждан и обеспечивать правопорядок. Пережив период гражданской войны, Таджикистан столкнулся с целым комплексом новых экономических, социальных, военных, и политических проблем. Последствия вооруженного конфликта в стране осложнили криминогенную обстановку. В таких тяжелых условиях, именно на Отделы внутренних дел легла основная тяжесть и ответственность по обеспечению стабилизации общественно-политической обстановки в республике и борьбы с преступностью.

Таджикские правоохранительные органы в конце XX в. получили необходимую законодательную регламентацию ОРД. С принятием Закона о милиции [4] и Закона об оперативно-розыскной деятельности [3] впервые в таджикской истории было сделано отступление от практики правового регулирования ОРД правоохранительных органов и спецслужб закрытыми (секретными).

Таджикским ученым, студентам, сотрудникам правоохранительных органов с принятием указанного Закона были предоставлены возможность и условия открытого изучения научных основ ОРД, ознакомиться с историческим опытом таджикского народа в данной области, проводить исследования и применять научные разработки в повседневной деятельности.

6 ноября 1994 года на всенародном референдуме была принята Конституция независимого Таджикистана, кардинально изменившая его государственное устройство. Теперь Таджикистан официально признан абсолютным большинством государств мира как независимое, демократическое, правовое, светское и единое государство [1, стр. 3].

Практически все действующие законы в это время были приведены в соответствие с Основным законом, многие из них со временем были пересмотрены и приняты новым парламентом – Маджлиси Оли.

В связи с распадом Советского Союза и приобретением независимости его бывшими республиками, в целях сохранения связей и координации законодательств новых независимых государств, в том числе в области ОРД, 6 декабря 1997 года в городе Санкт-Петербурге Российской Федерации решением Межпарламентской ассамблеи Содружества независимых государств за номером № 10-12 был принят Модельный Закон этих государств «Об оперативно-розыскной деятельности» [2].

В постановлении Межпарламентской ассамблеи «О типовом Законе «Об оперативно-розыскной деятельности» отмечается:

«Настоящий Модельный Закон предназначен для использования в качестве рекомендации при разработке, принятии и применении национального законодательства».

Данный Модельный Закон носит общий и рекомендательный характер, дает определение ОРД в пределах того или иного независимого государства, обеспечивает правовые гарантии и законность при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий.

Следует отметить, что все независимые государства, в том числе и Республика Таджикистан, сформировали рабочие комиссии, и при разработке и обсуждении Закона об ОРД за основу были приняты содержание, структура и терминология вышеуказанного Модельного Закона с учетом норм Конституции РТ, этносоциальных особенностей региона, местных многовековых традиций и обычаев.

С образованием нового правового, светского, унитарного и суверенного государства в Таджикистане возникли новые благоприятные условия для укрепления независимости, что требовало от силовых структур страны высокого чувства ответственности, профессионализма, усовершенствованных действенных законов и четкого их исполнения. С этой целью, 23 мая 1998 года Маджлиси Оли Республики Таджикистан принял новую редакцию Закона об оперативно-розыскной деятельности.

Закон об оперативно-розыскной деятельности также был рассмотрен соответствующим органом и принят в 1998 г. в новой редакции с учетом соответствия Модельному Закону [2] стран СНГ.

Данный Закон сильно отличается от предыдущего. В новом Законе расширены субъекты ОРД (ст. 13) и ОРМ (ст. 6). В Законе впервые предусмотрено в качестве ОРМ «образование юридического лица»*, что является очень важным нововведением для сотрудников и правоохранительных органов, уполномоченных осуществлять ОРД. В новом Законе в полной мере учитывается соблюдение конституционных прав и свобод граждан, и установлено, что его исполнение должно контролироваться, прежде всего, руководящими органами, осуществляющими ОРД, а также в отдельных статьях – Президентом Республики Таджикистан и путем прокурорского надзора.

В независимой Республике Таджикистан вместе с гласным принятием Закона об ОРМ (1998 г.) начался новый этап. На территории Республики Таджикистан право осуществления ОРД дано только указанным в Законе уполномоченным исполнительным органам государственной власти в пределах их компетенции. Эта деятельность основана на конституционных принципах законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также на принципах конспирации и сочетания негласных и гласных методов и средств (ст. 3). В соответствии со статьей 13 вышеназванного Закона оперативным подразделениям, указанным в данной статье Закона, предоставлено право осуществлять ОРД [6, стр. 13], и при исполнении задач ОРД в пределах, установленных Законом, уполномоченные органы обязаны:

- принимать все необходимые меры по защите охраняемых Законом прав и свобод человека и гражданина, собственности, а также безопасности общества и государства;
- выполнять письменные поручения следователя, инструкции прокурора и определения суда по проведению ОРМ по уголовным делам, принятым ими к производству;
- выполнять запросы соответствующих международных правоохранительных организаций и специальных служб иностранных государств на основе и в порядке, предусмотренном международными договорами Республики Таджикистан;
- по ставшим им известным фактам незаконной деятельности предоставлять сведения и оказывать содействие другим органам, осуществляющим ОРД на территории Республики Таджикистан;
- соблюдать правила конспирации при осуществлении ОРД;
- способствовать обеспечению безопасности своих сотрудников, лиц, сотрудничающих с органами, осуществляющими ОРД, участников уголовного процесса, а также членов их семей и близких родственников, и защиты их имущества от преступных посягательств [7, стр. 14].

Вышеуказанные обязанности выполняются всеми субъектами ОРД в пределах компетенции и полномочий, данных им Законом, определенных ведомственными нормативными актами с соблюдением принципов законности, гласности и конспирации.

Таджикские ученые внесли свой вклад в сфере совершенствования, разработки и развития науки ОРД, предложив при разработке и принятии данного Закона свои знания, многолетний практический опыт. В результате всего этого данный Закон был принят, ныне действует и применяется во всех органах, осуществляющих ОРД.

В Республике Таджикистан 25 марта 2011 г. был подписан Закон об ОРД в новой редакции. Новый Закон был разработан в целях приведения его в соответствие с Законами Республики Таджикистан «О государственном языке Республики Таджикистан», «О нормативных правовых актах» [5] и другими нормативными правовыми актами. В нем также учтено преимущество обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина.

«Прежде всего, необходимо отметить, что со дня принятия Закона оперативно-розыскной деятельности, т.е. с 23 мая 1998 г. прошло свыше 13 лет, и он отчасти устарел. Так, в соответствии со взятым политическим курсом Президента страны, уважаемого Эмомали Рахмона на неукоснительное соблюдение прав и свобод человека и гражданина ощущалась необходимость разработки указанного Закона в новой редакции, – пишет Р.Х. Рахимзода.

Одновременно в связи с существенным изменением состояния преступности и криминогенной обстановки, а также увеличением преступлений транснационального характера действующий ранее Закон был не совершенен и не в полной мере годился для осуществления поставленных в нем задач. Он не только не соответствовал современным требованиям борьбы с преступностью по содержанию, но и с точки зрения языковой терминологии и юридической логики требовал пересмотра» [71, стр. 44].

Кандидат юридических наук Р.Х. Рахимзода наряду с вышеуказанными причинами в своей статье, которую он опубликовал в журнале «Оперативник (сыщик)» под названием «Новое в Законе Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности», привёл ещё 14 новых причин, повлекших принятие данного Закона в новой редакции [71, стр. 45].

«Исходя из этого, проект Закона об оперативно-розыскной деятельности в новой редакции был, в целом, разработан в целях приведения его в соответствие с требованиями Закона Республики Таджикистан «О нормативных правовых актах», «О государственном языке Республики Таджикистан», УПК РТ и других нормативных правовых актов, укрепления обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина, а также с учетом сложившегося состояния борьбы с преступностью.

Согласно смыслу и содержанию Закона в новой редакции он регулирует отношения, связанные с осуществлением ОРД и состоит из семи глав и 25 статей. Закон включает общие положения, проведение ОРМ, перечень органов, осуществляющих ОРД, содействие граждан органам, осуществляющим ОРД и их социально-правовую защиту, финансирование ОРД, контроль и надзор за ОРД, а также заключительные положения» [71, стр. 44].

Здесь важно подчеркнуть, что отечественные ученые, подготавливая проект закона, учитывали научный потенциал, наработанный не только в Таджикистане, но и в других дружественных нам суверенных государствах, и в первую очередь достижения российских ученых [8; 10; 11; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 23; 24; 25; 26; 37; 42; 46; 48; 49; 50; 87; 88; 90; 91; 92; 93; 94].

Известный российский ученый, генерал и профессор И.И. Карпец, имеющий большой практический опыт работы в области уголовного розыска, поддерживая необходимость ОРД и особенно, агентурную работу от критики руководства, отмечал: «По-моему, когда во весь голос говорят о «позорности» своей деятельности или работы агентов, это лицемерно. Разве лицемерно, когда «обсуждаемые» молчат и не защищают себя? Или они пытаются показать себя чище Папы Римского? Но, во всяком случае, все понимают, что без агентурной деятельности борьба с преступностью – ничто. Думаю, каждый здравомыслящий человек признает необходимость агентурной работы и понимает, что польза этого вида деятельности очевидна всем» [38, стр. 84].

Действительно, ОРД – это неосвоенный исторический институт, и осуществляется она только для защиты прав и свобод человека, гражданина, собственности, и только в порядке, установленном Законом.

Исторические источники таджикской цивилизации свидетельствуют о том, что ОРД и привлечение граждан для содействия данным видом деятельности, в частности, агентурный метод сотрудничества – это объективная необходимость общества и государства, важнейшее средство

обеспечения безопасности государства уполномоченными органами государственной власти [54].

В результате, можно с уверенностью утверждать, что на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. шло последовательное изучение разнообразных аспектов исследуемой темы. Специфика каждого из его периодов обусловливалась потребностями очередных этапов социально-экономического и политического развития нашего общества, а также развитие и совершенствование национального законодательства.

В современных условиях независимого Таджикистана глобализации науки и культуры, компьютерной техники и мировых сетей, таких как «Интернет», всемирной общественности и экономики, совершенствовании науки теории ОРД, методологических основ и ее мирового признания, эта наука неуклонно совершенствуется и развивается, получая практическое применение.

Ввиду публичности и законной обоснованности ведения оперативно-розыскная деятельность сегодня признана как наука.

В настоящее время во всех городских и районных книжных магазинах Республики Таджикистан в свободной продаже всем гражданам, желающим ознакомиться с данной областью, предлагаются законы, комментарии к ним, отдельные публичные пособия по оперативно-розыскной деятельности (ОРД).

Так, например, кандидат юридических наук, генерал-лейтенант милиции Р.Х. Рахимов – автор более 50 (пятидесяти) научных трудов, статей и монографий в различных отраслях юридических наук, в том числе по совершенствованию уголовного законодательства Республики Таджикистан, Комментариев к Уголовному кодексу Республики Таджикистан, видный исследователь различных аспектов борьбы с преступностью – написал несколько книг, монографий и статей по оперативно-розыскной деятельности (ОРД) для практических работников [55; 63; 65; 66; 67; 68; 70; 72; 73; 74; 75]. Его научные труды используются широким кругом читателей субъектов оперативно-розыскной деятельности в качестве научно-практического руководства, благодаря чему число таких ученых растет с каждым годом. Заслугой исследователя является и изучение оперативно-розыскной политики в Республике Таджикистан [52; 53; 56; 57; 58; 59; 60; 61; 62; 64]. Как известно, в России проблемы оперативно-розыскной политики анализируются в творчестве профессоров В.П. Сальникова, С.И Захарцева А.В. Федорова [19; 20; 21; 22; 79; 80; 89]. В таджикской Республике этими вопросами серьезно занимается Р.Х. Рахимов.

В заключение исследования об особенностях оперативно-розыскной деятельности в XX веке и в постсоветском Таджикистане и перспективах её дальнейшего развития следует отметить, что после обретения Республикой Таджикистан независимости данное направление деятельности было признано среди отраслей юриспруденции как наука и ныне преподается как отдельная дисциплина.

Теория науки оперативно-розыскной деятельности (ОРД) базируется на совокупности правил поведения, обычаев, традиций, норм права, результатах приобретенных знаний и практических навыков по этой разновидности специализированной деятельности правоохранительных органов и специальных служб Республики Таджикистан. Оперативно-розыскная деятельность (ОРД) развивает законодательные основы в целях совершенствования данной науки, для объективного обеспечения безопасности человека, гражданина и общества в соответствии с Конституцией РТ, на основании Закона об оперативно-розыскной деятельности и иных ведомственных норм органов, уполномоченных осуществлять ОРД.

ОРД – это часть государственных правовых мер по противодействию преступности, отдельная самостоятельная форма правоохранительной деятельности, направленная на реализацию задач уголовно-правовой политики государства.

Как и другие виды правоохранительной деятельности, согласно различным правовым источникам, ОРД входит в систему правовых норм, образующих правовые основы этого вида деятельности [69, стр. 24].

Ввиду изложенного, с учетом предания гласности общих сфер оперативно-розыскной деятельности и принятием Закона об оперативно-розыскной деятельности было бы целесообразно ввести в высших гражданских юридических учебных заведениях страны специальный курс по изучению ОРД в соответствии с вышеуказанным Законом (занятия должны проводиться как специальный курс без огласки режима секретности).

Положительным результатом изучения этой

деятельности является ознакомление студентов с порядком и правилами применения и реализации достижений науки оперативно-розыскной деятельности во взаимосвязи с такими науками, как УК и УПК, трассология, криминалистика, повышение уровня знаний в области координации действий и применение полученных знаний и навыков в своей практической и управленческой деятельности органов, осуществляющих ОРД.

Примечания

* Образование юридического лица – создание предприятия или организации (коммерческие и некоммерческие организации, частные компании, представительства, филиалы и др.) с целью борьбы с организованной преступностью и решения других оперативно-розыскных задач.

Список литературы

1. Конституции Республики Таджикистан. – Душанбе 1995.
2. Модельный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (принят постановлением на десятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 6 декабря 1997 г. № 10-12) // Информационный бюллетень Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ. – 1998. – № 16.
3. Закон Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности» // Ведомости Верховного Совета Республики Таджикистан. – 1993. – № 3-4. – Ст. 68.
4. Закон Республики Таджикистан от 18 апреля 1991 г. «О милиции»
5. Закон Республики Таджикистан «О нормативных правовых актах». – Душанбе. 2010.
6. Бюллетень Верховного Совета и Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2007. – № 5. – Ст. 361.
7. Бюллетень Верховного Совета и Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1998. – № 10. – Ст. 146.
8. Атмажитов В.М., Бобров В.Г. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности: Научный доклад. – М.: Издатель Шумилова И.И., 2003.
9. Бабаджанов И.Х., Сальников М.В. Трансформация обычаев в праве на постсоветском пространстве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 180-197.
10. Бедняков Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. – М.: Юридическая литература, 1991.
11. Бухаров Н.Н., Захарцев С.И., Рохлин В.И., Федоров А.В., Шахматов А.В. Прослушивание телефонных переговоров в оперативно-розыскной деятельности: Учебное пособие / Под редакцией В.П. Сальникова. Изд. 2-е. – СПб., 2005. – (Серия: «Теория и практика оперативно-розыскной деятельности»).
12. Верховодов Е.В., Сальников В.П., Романовская В.Б. «Естественное право» и «добродетель» в трудах Аристотеля // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 201-208.
13. Винниченко Н.А., Захарцев С.И., Рохлин В.И. Правовая регламентация использования оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб., 2004. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности (Издание 2-е).
14. Голубовский В.Ю. Теоретические и правовые аспекты информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2000. – 152 с.
15. Горяинов К.К., Кваша Ю.И., Сурков К.В. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: комментарий. – М.: Новый юрист, 1997.
16. Доля Е.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. – М.: Спартак, 1996.
17. Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия на каналах связи (Правовой анализ) / Под редакцией В.П. Сальникова. – СПб., 2005. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
18. Ефремов А.М. Человек и оперативно-розыскная деятельность. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 1999.
19. Захарцев С.И. О содержании оперативно-розыскной политики // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 3(14). –С. 315-321.

20. Захарцев С.И. Оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 11. – С. 163-172.
21. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная политика: понятие и сущность // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 95-110
22. Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-розыскная экономика и оперативно-розыскная политика // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 11-15.
23. Захарцев С.И., Чабукиани О.А. Оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия: понятия и соотношение. – СПб., 2010.
24. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI веке: Монография. – М., 2015. – 400 с.
25. Захарцев С.И., Игнащенков Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-розыскные мероприятия в XXI веке: Монография. – СПб., 2006. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности / МВД России, С.-Петерб. ун-т.
26. Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Снятие информации с технических каналов связи: правовые вопросы / Санкт-Петербургский университет МВД России; Академия права, экономики и безопасности жизнедеятельности; под общей редакцией В.П. Сальникова. – СПб., 2004. – Серия: Теория и практика оперативно-розыскной деятельности.
27. Зоиров Д. От межтаджикского конфликта к постконфликтному миру: общее и особенное в этнополитических конфликтах // Россия и мусульманский мир. – 2015. – № 3. – С. 88-114.
28. Зоиров Д.М. Граф Алексей Алексеевич Бобринский и его произведение «Орнамент горных таджиков Дарваза» // Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 11-21.
29. Зоиров Д.М. Истоки формирования этнической государственности в Средней Азии и Закавказье // История государства и права. – 2004. – № 1. – С 46-49.
30. Зоиров Д.М. Таджики. От государства Саманидов до суверенной государственности. (Историко-правовой анализ). – СПб.: Реноме, 2014. – 287 с.
31. Зоиров Д.М. Таджикистан: От государства Саманидов до суверенной государственности. – Душанбе: Деваштич, 2003. – 200 с.
32. Зоиров Д.М. Формирование и развитие национальной государственности в странах Содружества Независимых Государств (сравнительно-правовое исследование): Дис. … докт. юрид. наук. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004.
33. Зоиров Д.М., Колокольцев В.А. Организационно-правовой механизм обеспечения национальной и коллективной безопасности стран – участников СНГ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2003. – № 1 (17). – С. 111-117.
34. Зоиров Д.М., Сальников М.В. Национальная политика СССР как фактор формирования постсоветского геополитического пространства // Вестник Санкт-Петербургского ун-та МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 80-85.
35. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Государственность на постсоветском пространстве: предпосылки суверенитета // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 25-34.
36. Зоиров Д.М., Сафаров Б.А. Суверенная государственность на постсоветском пространстве: предпосылки и процесс формирования (на примере Республики Таджикистан): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2012. – 336 с. – (Библиотека: «Философия государства и права»).
37. Казак А.Е. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел и права человека: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998.
38. Карпец И.И. Сыск (записки начальника уголовного розыска). – М., 1994.
39. Курзенин Э.Б., Сальников В.П. Идеи естественного права в трудах Гуго Гроция // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 12(79). – С. 120-122.
40. Курзенин Э.Б., Сальников В.П., Романовская В.Б. Особенности методологии научного творчества Самуэля Пуфендорфа // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 36(46). – С. 111.-114.
41. Курзенин Э.Б., Сальников В.П., Фомичев М.Н. Принцип «социабильности» в творчестве Самуила Пуфендорфа // Юридическая мысль. – 2015. – № 4(90). – С. 42-47.
42. Маркушин А.Г. Оперативно-розыскная деятельность – необходимость и законность. 2-е изд., перераб. и доп. – Нижний Новгород: Нижегородский юридический ин-т МВД России, 1997.
43. Мирзоев А.К. Диспозитивный режим обеспечения государственного суверенитета как фактор стабильности в условиях глобальных и региональных угроз международному правопорядку // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 4(42). – С. 166-173.
44. Мирзоев А.К. Концепция суверенитета: историческая эволюция и переосмысление в условиях международной политико-правовой интеграции // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 37(47). – С. 50-54.
45. Михайлик А.Г., Сальников М.В. Геополитические и ресурсно-экономические детерминанты функционирования

современного государства: политико-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 9-14.
46. Михайлов В.И., Федоров А.В. Таможенные преступления: уголовно-правовой анализ и общие вопросы оперативно-розыскной деятельности / Под ред. А.В. Федорова. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 1999.
47. Мусаев М.А. Эпоха античности и начало становления идеи о правах человека: роль правового гуманизма // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 10. – С. 97-108.
48. Овчинский А.С. Информация и оперативно-розыскная деятельность: Монография / Под ред. В.И. Попова. – М.: Инфра-М, 2002.
49. Овчинский С.С. Оперативно-розыскная информация / Под ред. А.С. Овчинского, В.С. Овчинского. – М.: Инфра-М, 2000.
50. Основы оперативно-розыскной деятельности: Учебник / Под ред. С.В. Степашина. – СПб., 1999.
51. Остроумов С.В., Остроумов Н.В., Романовская Л.Р., Нахимов А.П. Конституционные и религиозные нормы как основа межконфессионального диалога на постсоветском пространстве // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 148-158.
52. Рахимзода Р.Х. Законодательство и оперативно-розыскная политика государств – участников СНГ // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 3. – С. 133-146.
53. Рахимзода Р.Х. История становления и развития оперативно-розыскной политики в Таджикистане: введение в проблему // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 150-156.
54. Рахимзода Р.Х. Оперативно-розыскная деятельность: история и современность: Монография. – Душанбе: ЭР-граф, 2016. – 320 с.
55. Рахимзода Р.Х. Оперативно-розыскная деятельность: история и современность. Монография. – Душанбе: ЭР-граф. 2016. – 320 с.
56. Рахимзода Р.Х. Оперативно-розыскная политика в контексте взаимодействия оперативных и следственных подразделений (общеправовые вопросы) // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 2. – С. 128-140.
57. Рахимзода Р.Х. Оперативно-розыскная политика и налоговая преступность: проблемы обеспечения экономической безопасности государства // Мир политики и социологии. – 2016. – № 3. – С. 68-79.
58. Рахимзода Р.Х. Оперативно-розыскная политика и экономическая безопасность Республики Таджикистан: проблемы законодательного обеспечения // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 11. – С. 181-195.
59. Рахимзода Р.Х. Оперативно-розыскная политика по взаимодействию правоохранительных структур в интересах обеспечения экономической безопасности государства на начальном этапе оперативной разработки // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 2. – С. 150-158.
60. Рахимзода Р.Х. Оперативно-розыскная политика по выявлению и раскрытию экономических преступлений в Республике Таджикистан: конкретные проблемы локального нормативно-правового регулирования // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 39(49). – С. 97-103.
61. Рахимзода Р.Х. Оперативно-розыскная политика Республики Таджикистан и борьба с экономической преступностью: подзаконное нормативно-правовое регулирование (общеправовая характеристика) // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 12. – С. 105-116.
62. Рахимзода Р.Х. Оперативно-розыскная политика Республики Таджикистан по борьбе с тяжкими и особо тяжкими преступлениями экономической направленности (некоторые частные вопросы) // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 12. – С. 184-198.
63. Рахимзода Р.Х. Следователь и материалы оперативно-розыскной деятельности: правовой режим ознакомления // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 4. – С. 111-124.
64. Рахимзода Р.Х. Экономическая безопасность государства и оперативно-розыскная политика (некоторые общие методологические подходы) // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 11. – С. 110-117.
65. Рахимов Р.Х. Организация и тактика ОРД по борьбе с экономическими преступлениями в кредитно-финансовой системе Республики Таджикистан: Монография, – Душанбе, 2006. – 280 с.
66. Рахимов Р.Х. Заслон наркотранзиту: милиция // Ежемесячный журнал МВД России. – 2002. – № 12. – С. 44-46.
67. Рахимов Р.Х. Истоки формирования законодательства РТ в области ОРД. – Душанбе. 2005. – 163 с..
68. Рахимов Р.Х. История ОРД в Таджикистане. – Душанбе. 2012. – 136 с.,
69. Рахимов Р.Х. История создания и развития национального законодательства РТ в области ОРД. – Душанбе, 2004.
70. Рахимов Р.Х. Компетенция органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность по выявлению и раскрытию преступлений в сфере экономики // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38(48). – С. 129-138.
71. Рахимов Р.Х. Новое в Законе Республики Таджикистан «Об оперативно-розыскной деятельности» //

Оперативник (сыщик). – 2012. – № 2(3).
72. Рахимов Р.Х. Оперативно-розыскные мероприятия. – Душанбе. 2006. – 130 с.
73. Рахимов Р.Х. Организация и тактика оперативно-розыскной деятельности по борьбе с экономическими преступлениями в кредитно-финансовой системе: Монография. – Душанбе: МВД Республики Таджикистан, 2006. – 237 с.
74. Рахимов Р.Х. Организация и тактика оперативно-розыскной деятельности подразделений БЭП по выявлению и пресечению легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенного незаконным путем – Душанбе: МВД РТ, 2000. – 23 с.
75. Рахимов Р.Х. Тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные в сфере экономической направленности Республики Таджикистан: криминологическая и оперативно-розыскная характеристика // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 11. – С. 128-146.
76. Романовская Л.Р., Верховодов Е.В. Античные корни естественно-правовой теории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Право. – 2002. – № 1. – С. 84-88.
77. Романовская Л.Р., Сальников М.В., Фомичев М.Н. Государственно-конфессиональные отношения на постсоветском пространстве: эволюция и общая характеристика // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 9. – С. 41-53.
78. Саидов З.А. Действия норм шариата в Бухарском эмирате. – Душанбе: Ирфон, 2014.
79. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Оперативно-розыскная политика как концентрированное выражение экономики // Правовое поле современной экономики. – 2016. – № 3. – С. 90-97.
80. Сальников В.П., Захарцев С.И., Сальников М.В. Оперативно-розыскная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 6. – С. 96-108.
81. Сальников В.П., Курзенин Э.Б., Сальников М.В. Развитие политико-правовой мысли от Гуго Гроция к представителям германской государственно-правовой науки // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 11-19.
82. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Горбунов М.Д. Абсолютное и относительное в естественном праве // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 20-32.
83. Сальников В.П., Романовская В.Б., Сальников М.В., Федюшкина А.И. Христиан Томазиус – немецкий юрист и философ, представитель естественной школы права эпохи Просвещения // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 10. – С. 39-46.
84. Сальников М.В., Федюшкина А.И. Правовые идеи в работах Христиана Томазиуса // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 36(46). – С. 125-129.
85. Сальников С.П., Клименко О.А., Мирзоев А.К., Третьяков И.Л. Жан-Жак Руссо и Джон Локк: некоторые идеи о суверенитете и естественном праве // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 173-179.
86. Сауляк О.П., Экимов А.И.Средневековые идеи политического устройства общества, обращенные в будущее // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 23-25.
87. Сурков К.В. Опыт законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998.
88. Сурков К.В. Принципы оперативно-розыскной деятельности и их правовое обеспечение в законодательстве, регламентирующем сыск: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский юридический ин-т МВД России, 1996.
89. Федоров А.В. К вопросу о разработке научных основ национальной оперативно-розыскной политики // Оперативник (сыщик). – 2005. – № 4. – С. 17-18.
90. Федоров А.В., Шахматов А.В. Оперативно-розыскная деятельность и граждане: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2001.
91. Федоров А.В., Шахматов А.В. Правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2005.
92. Шахматов А.В. Агентурная работа в оперативно-розыскной деятельности: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПБ.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005.
93. Шахматов А.В. Агентурная работа и российское законодательство: Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова и А.В. Федорова. – СПБ.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2004.
94. Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскная наука в Российской Федерации: Монография. В 3 т. Т. 1, 2, 3. – М.: 2013-2015.

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ПРАВОСОЗНАНИЕ. СОЦИОЛОГИЯ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ИСМАГИЛОВ Рашид Фаатович,
депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации первого созыва; вице-губернатор Ленинградской области; Президент и Председатель Совета Ленинградской Торгово-промышленной палаты (1997-2014 гг.), доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: filippova@lotpp.ru

САЛЬНИКОВ Виктор Петрович,
главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: Fonduniver@bk.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ПРАВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ: АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ

Аннотация. *Рассматривается развития философско-правовой мысли от Платона до Гегеля. Указывается на связь идеи права с идеей справедливости как высшей ценности. Отмечается, что понятия справедливости и правды как синтетического понятия, сочетающего в себе истину и нравственность, составляют краеугольный камень русского мира.*

Ключевые слова: *справедливость; право; философско-правовая мысль; правосознание.*

ISMAGILOV R.F.
SAL'IKOV V.P.

LAW AND JUSTICE: RELEVANCE THEORETICAL AND LEGAL CONCEPT

The summary. *It is considered developments of philosophical-legal thought from Platon to Gegel. It is underlined communication of idea of the law with idea of justice as to the higher value. It is noticed that concepts of justice and the truth as the synthetic concept combining true and morals, make a corner stone of Russian world.*

Key words: *justice; the law; philosophical-legal thought; sense of justice.*

Право – один из самых очевидных предметов, с действием которого мы сталкиваемся каждый день. И в то же время это – одно из самых загадочных социальных явлений. Если не останавливаться на позитивистском представлении о праве как функции государственной власти, то вопрос о природе права сразу же встанет во всей своей остроте.

Очень точно и глубоко выявил проблему, связанную с онтологическим статусом права И.Кант: «Что такое право? Этот вопрос может так же смутить правоведа – если только он не хочет впасть в тавтологию или вместо общего решения сослаться на то, `что утверждали когда-либо законы какой-нибудь страны, – как пресловутый вопрос: «Что есть истина?», обращенный к учителям логики. Что следует по праву (quid sit iuris), т. е. `что говорят или говорили законы в том или ином месте в то или другое время, он еще может указать; но право (recht) ли то, чего они требуют, и каков всеобщий критерий, на основании которого можно вообще различать правое и неправое (iustum et iniustum), – это остается для него тайной, если он хоть на время не оставляет указанные эмпирические принципы и не ищет источник этих суждений в одном лишь разуме (хотя бы упомянутые законы и служили ему для этого хорошим руководством), чтобы установить основу для возможного положительного законодательства. Чисто эмпирическое учение о праве – это голова (подобно деревянной голове в басне Федра), которая может быть прекрасна, но, увы, не имеет мозга» [12, стр. 353].

Чисто эмпирическое учение о праве, про которое говорит Кант, может привести лишь к утверждению юридического позитивизма о том, что право является всего лишь производной от государственной власти, а человек повинуется юридическим законам, лишь будучи принуждаем к этому внешней силой. При этом не очень важно, имеет ли он дело с чисто физическим принуждением или же с воздействием на сознание. В любом случае в мире, построенном по моделям позитивизма, воля человека не свободна и право для него останется чуждой, может быть даже враждебной силой.

Но мы убеждены, что свободный человек следует нормам права не только из страха наказания и не только прислушиваясь к голосу разума (который диктует ему, что прагматически будет правильно вступить в общественный договор и признать первый естественный закон, а за ним и все вытекающие из первого закона нормы). Подлинно свободный человек относится к праву как «своему иному», воспринимает его не как внешнюю чужую силу, а как собственную ценность, разрушать которую неправомерным поведением недопустимо. И эта недопустимость задается ему какими-то более высокими основаниями, чем плоский прагматизм или страх перед государством и его силой [19; 21].

В таком случае мы должны понять, с какой же именно субстанцией мы имеем дело, когда ведем речь о праве. Другими словами, мы должны определить онтологический статус права: является ли право само по себе некоторой сущностью, заложенной в первоосновах бытия и каким-то образом транслируемой человеку, или же право является продуктом деятельности разума, результатом применения познавательной способности, в равной мере присущей каждому человеку, или же право можно понять, проанализировав особенности психологии человека, или же право является фикцией, всего лишь внешней формой для государственного произвола? Следующим шагом должно стать исследование гносеологических оснований отношения человека к праву. А именно: как человек может познать эту правовую субстанцию и каким образом это знание транслируется в акт воли [10].

Рассматривая классический период развития философско-правовой мысли от Платона до Гегеля, мы видим почти без исключения, что в качестве исходной посылки развития правовой теории выступает указание на связь идеи права с идеей справедливости как высшей ценности. Именно это, ценностное, измерение права и правовых отношений как раз и определяется глубокой внутренней связанностью права с идеей справедливости, которые Платон соотносил с идеей блага, или абсолютного добра, являющейся формой проявления высшего единства бытия. В этой идее человек находит свое глубочайшее основание, свое внутреннее содержание, смысл своей жизни. Постигая идею справедливости, человек одновременно осознает и абсолютную значимость идеи права, так что следование юридическим законам предстанет ему точным проявлением справедливости [1; 2; 23; 25; 26].

В области наук о практическом отношении человека к действительности, к которым по

традиции принадлежали науки о праве и морали, идея справедливости занимала то же место, что идея истины – в сфере наук о теоретическом отношении к действительности, куда классики относили философию и физику. «Право – это действительность, смысл которой заключается в том, чтобы служить правовой ценности, идее права. Понятие права также стремится к идее права. Идея права не может быть не чем иным, как справедливостью. «Est autem ius a iustitia, sicut a matre sua, ergo prius fuit iustitia quam his» (Глосса 1.1. pr. D. 1.1). («Право порождено справедливостью, как матерью, ибо справедливость предшествовала праву»). И у нас есть также все основания рассматривать справедливость в качестве исходного пункта, так как Справедливое, подобно Добру, Истинному, Прекрасному – абсолютно, то есть ценность, которую нельзя вывести ни из какой другой ценности. Можно попытаться увидеть в справедливости форму морального Добра. Она таковой и является с точки зрения человеческих качеств, добродетели», – писал выдающийся немецкий правовед Г. Радбрух [18, стр. 42].

Еще недавно казалось, что вопросы, относящиеся к анализу онтологических, гносеологических и аксиологических основ этико-правовых теоретических умопостроений, имеют чисто академический интерес, а их актуальность связана только с задачами дальнейшего движения историко-правовых исследований. Но, видимо, всякие значительные изменения в обществе вызывают у человека потребность заново осмыслить понятие права в его предельных основаниях. Право лишь тогда сохраняет свой ценностный потенциал, а значит и сохраняет силу воздействия своих норм, когда его значимость и его справедливость не подвергается сомнению. Всякое же изменение социальных условий существования и воспроизводства правовых норм требует найти нашему знанию о праве новую, адекватную форму.

Поэтому не случайно то, что на рубеже XX – XXI вв. и в России, и в других государствах, усиливается интерес к философско-правовым вопросам познания глубинных основ права и справедливости, что требует нового прочтения трудов классиков, открывших для нас эти основы. Казалось бы, после практической реализации идей Н. Макиавелли, Ж. Бодена и Г. Гроция в принципах Вестфальского мира, а идей Дж. Локка, Б. Спинозы, Ш.-Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо – в «Декларации прав человека и гражданина», основные контуры понятия справедливости в праве были окончательно закреплены в европейском правосознании. А после их трансцендентальной методологической огранки И. Кантом и духовного переосмысления Г. Гегелем остается лишь уточнить отдельные детали сложившейся теоретико-правовой концепции отношения права и справедливости.

Однако уже XX век потребовал вернуться к этим теоретическим проблемам заново. В середине XX века потребность в «ревизии», казалось бы, вполне устоявшихся парадигм юридического позитивизма была вызвана необходимостью осознать глубину кризиса европейской традиции государственности и системы европейских ценностей, когда в Германии сложилось государство, полностью противоречащее основам права и принципам справедливости, а его влияние очень быстро распространилось на большую часть Западной Европы. После опыта нацистского государства прежний, «наивный», юридический позитивизм был уже вряд ли возможен и западная философия права получила «второе издание» неокантианства с его доминирующей установкой на апелляцию к идее ценности в праве [11].

Конец XX века был связан со всё более усиливающимися тенденциями к фундаментальным изменениям модели государства в условиях противоречивых процессов глобализации и деглобализации, когда наследие теоретиков вестфальской модели государственности впервые подверглось серьезному сомнению. Особенно актуальной эта проблема стала для стран Западной Европы, для которых процессы глобализации прежде всего ассоциировались с евроинтеграцией [16; 20].

Необходимость разрешения проблем, возникающих в процессе практического взаимодействия политических структур и правовых институтов Евросоюза с его государствами-членами, а также в процессе реализации все более усиливающихся контртенденций евроинтеграции и еврорегионализации побуждает провести новую научную ревизию понятия права. Этот опыт имеет интерес, выходящий за рамки узкорегиональных проблем Европы, поскольку Европа продолжает оставаться наследницей самых значительных традиций политико-правовой мысли

прошлого. Он повлек за собой повышение творческой активности исследователей и в области современного понимания права, его сущности, ценности, соотношения с иными социальными явлениями [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 13; 14; 17; 22; 24], в том числе со справедливостью.

Поиск современных форм выражения идеи справедливости в ее соотношении с началами права является одной из самых актуальных задач прежде всего для современной России. «Потребность в социальной справедливости, остающейся важнейшей политической ценностью для значительной части граждан современной России даже спустя почти четверть века после исчезновения страны, в основе государственной идеологии которой лежала эта идея, во многом определяет отношение населения к институте государства и политической элите», – пишет А.М. Колядин [15, стр. 86].

Понятия справедливости и правды как синтетического понятия, сочетающего в себе истину и нравственность, составляют краеугольный камень русского мира. Поэтому не случайным является то, что наиболее глубокий анализ проблем отношения права и справедливости мы найдем именно в трудах крупнейших русских правоведов, таких как Н.Н. Алексеев, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин, Д.А. Керимов, С.А. Комаров, Н.М. Коркунов, В.Н. Кудрявцев, В.С. Нерсесянц, П.И. Новгородцев, В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, Б.Н. Чичерин, Г.Ф. Шершеневич, А.И. Экимов и др.

Если заключенное в общественном правосознании понимание сущности справедливости предполагает в себе философскую рефлексию и облекается при этом в адекватную научную или художественную форму, то его значение и роль в жизни общества возрастают многократно. Поэтому столь важно постоянно возвращаться к классическим учениям о справедливости и изучать ее современные трактовки, в трудах представителей правовой и философской мысли, признанных мировым научным сообществом. Не претендуя на всестороннее исследование этой неисчерпаемой темы, важно проследить некоторые линии, связывающие исторические традиции, сложившиеся в классической философии права, с современными моделями взаимосвязи права с идеей справедливости, и предложить для обсуждения некоторые собственные соображения, относящиеся к онтологическим и гносеологическим аспектам данной проблематики.

Список литературы

1. Баранов В.М., Листков А.Н., Сальников В.П. Право. Справедливость. Законность: Рецензия на монографию Блумштейна Ю.Д. «Уголовное право и социальная справедливость» (Минск, 1987) // Методологические основы политико-воспитательной работы в органах внутренних дел: Сб. науч. труд. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1990. – С. 150-156.
2. Баранов В.М., Сальников В.П., Кронский В.С. Социальная справедливость и истинность советского права как ведущие ориентиры деятельности органов внутренних дел: Монография. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1989.
3. Боруленков Ю.П. Методология юридического познания: философский подход // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 192-204.
4. Боруленков Ю.П. Юридическое познание, доказательство и доказывание (методология, теория, практика) / Под науч. ред. проф. В.Н. Карташова. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 536 с.
5. Галиев Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: Дис. … докт. юрид. наук. – М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014. – 517 с.
6. Галиев Ф.Х. Синкретизм современной правовой культуры: Монография. – Уфа: БашГУ, 2011. – 354 с.
7. Захарцев С.И., Сальников В.П. Как познать право? Мы предлагаем компрехендный подход // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 17-30.
8. Захарцев С.И., Сальников В.П. Компрехендная теория познания права // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 11-26.
9. Захарцев С.И., Сальников В.П. Предлагаем Вашему вниманию компрехендную теорию познания права // Мир политики и социологии. – 2016. – № 3. – С. 170-183.
10. Захарцев С.И., Сальников В.П. Что такое право? Вопросы онтологии и гносеологии // Правовое государство:

теория и практика. – 2015. – № 2(40). – С. 14-22.
11. Зенн М. История права. Культурно-исторический очерк / Пер. с нем. Т.М. Крюкановой. – СПб.: Юридический ин-т Санкт-Петербург, 2016. – 531 с.
12. Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. СПб, 1995.
13. Карташов В.Н. От интегральной к синтетической теории права, или все-таки наоборот? // Теоретические и практически проблемы правопонимания: Материалы 3 Международной научной конференции, 24 апреля 2008 г. в Российской академии правосудия, г. Москва / Под ред. В.Н. Сырых, М.А. Заниной. – М.: РАП, 2010. – С. 162-174.
14. Козлихин И.Ю. Общая теория, интегральная юриспруденция или энциклопедия права? // Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания: материалы седьмых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца / Отв. ред. В.Г. Графский. – М., 2013.
15. Колядин А.М. Субъектность политического класса и его социальная значимость / Под общей редакцией В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2015. - 190 с.
16. Кондрат Е.Н. Глобализация: понятие, сущность и основные процессы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 97-109.
17. Лазарев В.В. Интегральные аспекты преподавания юриспруденции на высшей ступени юридического образования // Энциклопедия правоведения или интегральная юриспруденция? Проблемы изучения и преподавания: Материалы седьмых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца / Отв. ред. В.Г. Графский. – М., 2013.
18. Радбрух Г. Философия права. Пер. с нем. – М.: Междунар. отношения, 2004.
19. Сальников В., Сальников М. Правовая онтология гражданского сознания // Юридический мир. – 2005. – № 11. – С. 48-53.
20. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.
21. Сальников В.П., Сальников М.В., Биктасов О.В. Онтологическо-правовые основания гражданского сознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 3. – С. 7-13.
22. Черданцев А.Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. – 2016. – № 10. – С. 5-15.
23. Чечельницкий И.В. Справедливость в правотворчестве: теоретико-правовое исследование: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2015. – 28 с.
24. Шафиров В.М. Конституция, отраслевое право, правоприменение // Российская юстиция. – 2016. – № 3. – С. 2-5.
25. Экимов А.И. Аксиома соотношения справедливости и права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 13-23.
26. Экимов А.И. Справедливость и социалистическое право. – Л.: ЛГУ, 1980. – 120 с.

КОЛЯДИН Андрей Михайлович,
докторант кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. В.М. Ломоносова, кандидат политических наук (г. Москва, Россия)
E-mail: andy@list.ru

Специальность 23.00.02 – Политические институты, политические процессы и технологии

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КАК ИНТЕГРИРОВАННОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ПОЛИТИКИ И ВЛАСТИ

Аннотация. *Анализируется политический класс современной России, предлагается его подразделение на структурообразующие сообщества в зависимости от степени их влияния на выработку и принятие политически значимых решений. Анализируются вопросы политического манипулирования, перечисляются группы его субъектов, отмечается роль в данном процессе крупных международных корпораций.*

Ключевые слова: *политический класс; правящая элита; политическое манипулирование; лоббизм; транснациональные корпорации.*

KOLYADIN A.M.

THE POLITICAL SYSTEM AS AN INTEGRATED EXPRESSION OF POLITICS AND POWER

The summary. *The political class of modern Russia is analyzed, its division on structure-forming communities depending on degree of their influence on development and acceptance of politically significant decisions is offered. Questions of a political manipulation are analyzed, groups of its subjects are listed, the role in the given process of large international corporations is marked.*

Key words: *a political class; ruling elite; a political manipulation; lobbyism; transnational corporations.*

Структуризация политического класса основана на понимании политической системы как «механизма интегрированного выражения политики и власти, обеспечивающего управление и регулирование общественно-политической жизни общества, его единство» [69, стр. 4]. При этом политическая система характеризуется структурной целостностью и иерархичностью построения и выражает целевое и функциональное объединений частей, обладающих большой степенью автономности.

Политический класс представляет собой определенную систему политических субъектов, которые выступают ключевым элементом политической системы, придавая ей структурную целостность и иерархичность построения. Политические субъекты играют определяющую роль в общественно-политических процессах при формировании системы взаимодействия с иными общественными субъектами.

Политический класс современной России молод – он существует не более двух десятков лет. В Советском Союзе политическое управление было подменено административно-бюрократическим, поэтому нынешний российский политический класс не имеет генетического преемства с классом советской номенклатуры, хотя многие действующие политики начинали

свои карьеры в советские времена – в партаппарате, комсомоле, КГБ, структурах Академии наук и др.

Политический класс и политические институты в России сформировались буквально в последние два десятилетия – постепенно появлялись парламент и депутаты, политические партии и независимые профсоюзы, всенародно избираемый президент и назначаемый премьер-министр, Конституционный суд и система арбитражных и административных судов, рыночная экономика и ее институты, а также политтехнологи, политические эксперты, кафедры политологии, кандидаты и доктора политических наук. И еще: на смену немногочисленным советским политобозревателям пришло новое профессиональное сообщество – журналисты, специализирующиеся на политической тематике. Ничего этого в СССР не было, хотя политологическими (или околополитологическими) исследованиями в советские времена можно было заниматься в рамках некоторых идеологизированных научных дисциплин (история КПСС, новая и новейшая история, научный коммунизм, прикладная социология, международные отношения, конституционное право, теория государства и права, история политико-правовых учений).

Существующий на данный момент в России политический класс можно подразделить на три больших структурообразующих сообщества – в зависимости от степени их влияния на выработку и принятие политически значимых решений. Во-первых, это политики и государственные чиновники, непосредственно принимающие политические решения. Разумеется, их влияние может быть как реальным, так и номинальным. Они могут быть как публичными, так и непубличными, как назначаемыми, так и избираемыми. Особенностью российской политической системы является моноцентризм власти, отсутствие реального разделения властей, перекос в сторону доминирования исполнительной ветви власти над законодательной, отсутствие полиархии и уничтожение любых ее предпосылок действующей властной элитой. К высшему эшелону этого сообщества следует причислить президента, премьер-министра, федеральных министров, депутатов Государственной Думы и Совета Федерации, судей Конституционного и Верховного судов, губернаторов (глав регионов), руководство провластных политических партий, а также верхушку силовой элиты.

Во-вторых, это представители групп интересов, прямо влияющие на выработку и принятие политических решений. Прежде всего, это корпоративные элиты – крупные и средние предприниматели, олигархи, топ-менеджеры больших корпораций, а также влиятельные и авторитетные в деловой среде фигуры, не имеющие формального статуса. Сюда же уместно отнести и политическую контрэлиту, не включенную в систему государственной власти, но оказывающую влияние на политический процесс, – лидеров оппозиционных непарламентских партий, общественных движений и независимых профсоюзов. К тому же слою можно причислить и глав традиционных для России религиозных конфессий, в первую очередь патриарха Московского и Всея Руси. Вместе с тем та роль, которую в последние годы играет патриарх в общественно-политической жизни страны, дает основания включить его и в число лиц, непосредственно принимающих политические решения [54; 65].

В-третьих, это представители социально и гуманитарно ориентированных интеллектуальных профессий, обеспечивающие политический процесс и косвенно влияющие на выработку и принятие политических решений. Это экспертное сообщество – научные работники в сфере общественных дисциплин (социологи, политологи, юристы, философы, психологи, экономисты), сотрудники аналитических организаций, рекламных и PR-агентств, политтехнологи, собственники и главные редакторы СМИ, политические журналисты (как штатные, так и внештатные), пресс-секретари и сотрудники пресс-служб политиков, политических партий, государственных органов и корпораций.

Эти люди располагают определенными возможностями влияния на население, на политику государства и общества. Они нередко становятся лидерами общественного мнения, в том числе и хозяевами газет и телеканалов. Указанные лица, по мнению профессора В.Д. Зорькина, «понимают, что государство – их общее достояние. Понимают они и то, что без здорового общества не будет государства. И потому забота об обществе, состоящем не только из тех, кто обладает этими самыми возможностями, категорически необходима» [46, стр. 33].

Таким образом, с точки зрения участия в выработке и принятии политических решений

политический класс можно представить в виде системы концентрических окружностей: в центре находятся те, кто непосредственно принимает политические решения; на ближайшей орбите – те, кто эти решения лоббирует и инициирует, но не имеет возможности непосредственно принимать; на отдаленных орбитах – те, кто эти решения инспирирует, вырабатывает, анализирует, публично и кулуарно обсуждает, а также пропагандирует в масштабах всего информационного пространства.

Как видим, понятие политического класса шире, чем понятие политической элиты: к политическому классу уместно причислить всех тех, чья профессиональная деятельность связана с политическим процессом, тогда как политическая элита – это ядро политического класса (состоящее прежде всего из бенефициаров политического процесса), вокруг которого вращаются все остальные.

К первому типу политических субъектов относятся субъекты, функционирующие в сфере политики. Такими субъектами выступают политические лидеры, политические партии, органы власти и управления. Особо в этом ряду следует выделить таких субъектов как органы власти и управления, которые включают в себя органы государственной власти федерального и регионального уровня и органы местного самоуправления, чье особое положение обусловлено той степенью влияния, которое они оказывают на политический процесс.

Первый тип политических субъектов составляет институциональный элемент политической системы общества, наряду с функционально-целевым (политическое целеполагание, властно-политическая интеграция общества, упорядочение режима социально-политической деятельности, обеспечение целостного управляющего воздействия на общественные процессы); нормативным (право, мораль, нормы общественных организаций, обычаи, традиции) и коммуникативным, выражающим системообразующие связи между подсистемами и элементами, между политической системой и другими подсистемами общества [69, стр. 4]. Данные политические субъекты представляют собой своеобразный «мозговой центр», они наиболее динамичны и определяют содержание, использование, развитие других подсистем и элементов политической системы, имеют социальную природу, производную от природы общественных субъектов, которые наделены определенным политико-правовым статусом, но не являются непосредственными субъектами политических отношений без опосредующих их деятельность организаций, выражающих их волю.

Основные политические субъекты являются агентами политического манипулирования. Политическое манипулирование можно определить, как скрытое ненасильственное управление политическим сознанием и поведением людей с целью побудить их действовать (или бездействовать) в интересах политика. Субъектом политического манипулирования является небольшая группа людей – политическая элита, обладающая особыми ресурсами – социальным капиталом для оказания воздействия на остальных.

Следует иметь в виду, что в политике, как и в любой иной сфере социальных отношений, нет постоянного социального статуса субъекта манипулирования. Субъектами политического манипулирования являются не только отдельные персоны, наделенные каким-либо статусом, но и элитарные группы (в том числе, парламентские партии).

Возможность манипулировать другими людьми заложена, в том числе, в социальном статусе субъекта. Так, аскриптивный статус сам по себе уже дает такую возможность. Склонность к манипулированию, как правило, подкрепляется возможностью манипулировать. Возможность, в свою очередь, определяется принадлежностью к правящему классу и доступом к механизмам власти. Так, Т.И. Заславская называет правящей элитой политиков, «занимающих высшие государственные посты, верхнее звено бюрократии и бизнес-элиту» [20, стр. 288]. О. Крыштановская дает такую характеристику элите: «...это правящая группа общества, являющаяся верхней стратой политического класса. Элита стоит на вершине государственной пирамиды, контролируя основные, стратегические ресурсы власти, принимая решения общегосударственного уровня. Элита не только правит обществом, но и управляет политическим классом, а также создает такие формы организации государства, при которых ее позиции являются эксклюзивными» [40, стр. 73].

«Переход» субъекта политической элиты в субъект политического манипулирования проявляется в изменении социального поведения.

Прежде всего, перед субъектом манипулирования возникает цель, которая поддерживает сверхмотивированное поведение. Сверхмотивация и внешние стимулы приводят к формированию следующих черт поведения:

1) рационализация;
2) высокая динамичность;
3) концентрация внимания ко всем вопросам, связанным с достижением цели;
4) изменение структуры ценностей;
5) стремление к общению с конкретными субъектами, от которых зависит достижение цели;
6) демонстративное обращение к общественному мнению;
7) повышенное внимание к формированию необходимого имиджа.

Политическая, или правящая элита, выступает в качестве социальной базы для формирования субъектов политического манипулирования. А манипулирование в политической сфере представляется естественным для данной социальной группы поведением и способом достижения цели.

С нашей точки зрения, всех субъектов политического манипулирования можно разделить на три группы.

Первая группа, которую мы выделили как субъекта манипулирования, формируемого на базе политической элиты, – бизнес-элита. Мы будем использовать термин «бизнес-элита» «для обозначения группы крупных бизнесменов, вовлеченных в политический процесс» [20, стр. 2], а также таких субъектов манипулирования, которые непосредственно своей коммерческой деятельностью или опосредованно от нее способны оказывать влияние на политические решения. На формирование бизнес-элиты влияет социально-экономическая ситуация, которая во многом определяет цели и способы манипулирования.

Как известно, элита является закрытой социальной группой, однако в истории возникают периоды, когда происходит ее обновление. В российской истории такое обновление приходится на 90-е годы. В этот момент появилось множество работ, посвященных приходу новой элиты и формированию нового бизнес-класса [59, стр. 37]. По мнению О.В. Крыштановской, экономика России базируется на крупных финансово-промышленных группах с превалированием финансового капитала над промышленным; ее основу составляет «класс уполномоченных», или крупных собственников, которым государство поручило развитие рынка; она функционирует при отсутствии равных для всех возможностей «делать деньги» [20, стр. 3-60]. Бизнес-элита зависима от государства, так как во многом существовала благодаря льготам и привилегиям. «Уполномоченный бизнес» был защищен государством, и его риски были не так велики, как риски стихийного сектора» [20, стр. 32]. Как известно, риски в нашей жизни играют весьма существенную роль [2; 4; 5; 6; 8; 14; 15; 19; 24; 25; 26; 34; 35; 41; 49; 51; 53; 55; 62; 63; 64; 68; 70; 71; 73]. Постепенно лоббистские устремления предпринимателей распространились на законодательное регулирование практически всех зон экономики, и бизнес-элита плотно вошла в правящий класс. Сейчас можно говорить о двух группах внутри элиты: бизнес-ориентированные политики и политически влиятельные бизнесмены. Оформившись как социальная группа, бизнесмены столкнулись с необходимостью работы по принципу бизнес-общество- власть, известному как корпоративная ответственность.

Накопление средств – это основная цель любого бизнеса, однако, в современных экономических условиях повышенной конкурентной среды и заполненности основных ниш рынка появляется необходимость моделирования социальной реальности через использование технологий социального манипулирования. Таким образом, конструирование социальной реальности проходит через формирование социальной миссии компании, что позволяет бизнесу подчеркнуть свою социальную полезность и увеличить конкурентные преимущества.

Необходимо отметить, что происходит не просто смешение интересов разных звеньев правящей элиты, но и постепенная интеграция ресурсов. Манипулятор, занимающий звено бизнес-элиты, для получения другого вида власти становится избранником народа и приумножает не только экономический капитал, но и политический, который, во-первых, удовлетворяет амбициям данного субъекта, а во-вторых позволяет расширить поле монопольного захвата интересующих зон экономики. Прямое влияние бизнеса на региональную политику выросло, в том числе из-за того, что увеличивалось число губернаторов-бизнесменов.

Политическое влияние олигархов было обеспечено не только ростом их капиталов, но и тем, что в их руках оказались средства манипулирования: многие электронные и печатные средства массовой информации – наиболее популярные телевизионные каналы, радиостанции, газеты, журналы. «В России крупные политизированные медиа-холдинги в отсутствии реальных политических партий играли в начале 2000-х роль своеобразных эрзац- партий и обеспечивали информационную поддержку групп влияния, их связь с электоратом. Мобилизацию ресурсов и лоббирование тех или иных решений» [59, стр. 192]. Постепенно государственные СМИ теряли свое влияние из-за недостаточного финансирования и снижения государством регламентации их деятельности, так до 2001-2002 года ОРТ (49%) находились под контролем структур Бориса Березовского, канал НТВ принадлежал Владимиру Гусинскому. К середине 2000-х ситуация менялась, однако и сейчас бизнес осознает, что СМИ являются не только каналом получения дополнительных материальных средств, но и важным каналом воздействия на общественное мнение. Примером могут служить современные крупные медиа-холдинги, такие как: «Газпром-медиа», ЗАО «Национальная Медиа Группа», «Проф-Медиа», РБК (РосБизнесКонсалтинг) и др. [37].

СМИ оказывают существенное влияне на сознание и поведение людей, выступая как позитивным, так и негативным фактором формирования определенной конкретной политики [21; 29; 48; 52; 60; 72].

Таким образом, современная бизнес-элита характеризуется:

- относительной мерой независимости;
- достаточностью финансового ресурса для «прямой покупки» всех необходимых инструментов;
- доступом ко всем каналам информации и возможностью единоличного владения ими;
- возможностью доступа к некоммерческим ресурсам.

Субъект манипулирования – бизнес-элита, обладая данными признаками, имеет прямые возможности добиваться цели – достижения монопольного проведения своего решения, связанного с политической сферой. Поскольку, с одной стороны, субъекту манипулирования (бизнес-элите) требуется создание и поддержание имиджа «управляемого» объекта политической сферы, разработанного для органов государственной власти, а с другой стороны, необходимо общественное одобрение, которое не всегда можно получить, используя реальную репутацию, и именно для этого формируются «нужные» социальные имиджи, способные получать общественное одобрение. Для достижения основной цели бизнес-элите необходимо «работать» одновременно и с общественным мнением, и с властью.

Вторая группа, выделенная нами как субъект политического манипулирования – государственные чиновники. Согласно законодательству о государственной и муниципальной службе, их должности подразделяются не только на категории, но и на группы и квалификационные разряды. Таким образом, субъектом манипулирования, входящим в звено правящей элиты, мы определяем как «лица, замещающие государственные должности, и лица, частично занимающие должности категории «руководители». Однако субъектом манипулирования можно считать только чиновников категории «руководители», группы «высшие» должности гражданской службы. К таковым, например, можно отнести: первых руководителей Администрации Президента РФ, Аппаратов Совета Федерации РФ, Государственной Думы, Федерального Собрания РФ, Аппарата Правительства РФ, заместителей федеральных министерств и др. К лицам же, замещающим государственные должности, можно отнести президента РФ, премьер-министра РФ, министров РФ, губернаторов.

Основной целью деятельности этой категории лиц служит выработка, подготовка и проведение в жизнь решений, необходимых для эффективного функционирования конкретной политической сферы: «Чиновники вырабатывают определенные гарантии жизнедеятельности граждан, социальные стандарты и нормы, оказывающие определенное влияние на общество в целом, обеспечивают удовлетворение наиболее общих, основных потребностей граждан, качественный уровень жизни, то есть производят социальные услуги» [3, стр. 79]. Помимо прямых должностных обязанностей, чиновники берут на себя роль управления адаптационными процессами общества. Такое поведение не только поднимает их статус в глазах общественности, но и

способствует формированию привилегированного положения. Это обусловлено формированием, разработкой и изменениями за конов, регулирующих жизнь общества, которые, безусловно, отражаются на его настроении. Особый социальный статус «лиц, замещающих государственные должности, и лиц «высшей» группы «руководителей» предоставляет им возможность использования специфических адаптационных ресурсов, которые связаны с их социально-профессиональной принадлежностью. Это закрепленные законодательно гарантии и различного рода льготы. М. Восленский описывает российскую бюрократию (чиновников) как номенклатуру – особый класс «управляющих», показывает рождение и развитие дисфункциональной бюрократии в России.

В основе манипулирования «управляемыми» в послереволюционном российском обществе лежала «система идеологии и соответствующая ей система воспитания» [12, стр. 166]. Масштабно организованное манипулирование со стороны класса чиновников предполагало отсутствие конфликтов со стороны «управляемых» и прямое воздействие, часто переходящее в насилие. Однако манипулирование и насилие часто несовместимы, последнее отрицает и нарушает скрытость действий и вызывает у «управляемого» субъекта чувство когнитивного диссонанса и, возможно, конфликт.

Чиновник часто находится в конфликте с объектом манипулирования, поскольку его задачей является выполнение определенных заданных свыше управленческих функций и обозначенная ограниченность влияния чиновника становится причиной как жесткой манипуляции зависящими объектами, так и желания выйти за обозначенные рамки, расширить сферу своего влияния. Как отмечает М. Вебер, для чиновников, как статусного слоя, нет ничего более чуждого, чем чувство солидарности с пролетариатом – и для них характерно скорее желание в еще большей степени отделить себя от пролетариата [11, стр. 58].

Выход чиновником за границы своих функциональных возможностей позволяет отнести его к тому виду бюрократии, который М. Вебер назвал дисфункциональным. Сохранение статуса и привилегий требует применения манипулятивных технологий. Вполне естественно, что в ситуации нарастания конфликтной напряженности манипулятивные технологии используются для сглаживания негативных настроений по поводу власти. При этом чиновник, как субъект манипулирования, стремится адаптировать решения власти для разных целевых (социальных) групп. Цель чиновника – монопольное проведение решения, без критической оценки объектом/объектами манипулирования его содержания. Как правило, манипуляция и направлена на внедрение некоторой нормы в общество. Эффективность манипулятивного сопровождения профессиональной деятельности чиновников проверяется общественным одобрением решений, что фактически подтверждает профессиональную квалификацию и сохранение служебного места чиновника.

Роль чиновника, выполняющего некий «заказ» общества на улучшение жизни населения, превращается в роль «вершителя судеб». Чиновник воспринимается как лицо, принимающее решение в отношении большинства, и хотя бы поэтому в обществе, где личность – основная социальная ценность, возникает ощущение манипулирования. Другими словами, «социальная миссия» противоречит роли «стоящего над... кем-то». С одной стороны, чиновник должен стремиться к карьерному росту в рамках своей профессиональной ниши, с другой – он не может обойтись без общественного одобрения. Манипулирование сознанием общественности позволяет сдерживать общественное несогласие и «гасить» социальные конфликты [17; 22; 30; 32; 33; 36; 42; 43; 45; 56; 57; 58].

В либеральном обществе профессиональным дискурсом манипулирования со стороны власти является демократия. Демократия превращается в манящую идею участия общества в создании законов и управлении политикой, используемой для манипулирования. Существует достаточно тонкая грань между реальными возможностями граждан и социально-политическими мифами. Последние необходимы потому, что создают и поддерживают социальные стереотипы, успокаивая общественное мнение и создавая ощущение стабильности.

Манипулятивные технологии депутатов представляют особый интерес. Отдельно надо выделить электоральные технологии. В распоряжении депутата, как правило, целая «армия» профессионально подготовленных людей, знающих технологии манипулирования. Так, по мнению

П. Шампаня, специально подготовленные «социальные агенты»: политологи, политические журналисты, специалисты по опросам, специалисты по коммуникациям и др. – прямо участвуют в политической игре, создавая «новое социальное пространство». Деятельность проводится в рамках общей «игры», или процесса, в который вовлечены другие субъекты манипуляции, что значительно облегчает задачу. Манипулирование получает здесь необходимый дискурс, предполагающий существование принятых ролей – избираемого и избирателей. После избрания кандидата на пост формы манипулирования изменяются, поскольку избранный получает доступ к определенным ресурсам.

Известно, что одна из ключевых обязанностей депутата – обеспечить народное представительство на территории, по которой был избран. Он обязан:

- регулярно поддерживать связь с избирателями своего округа;
- информировать избирателей о своей деятельности;
- не менее одного раза в год отчитываться о своей работе перед избирателями округа;
- соблюдать правила этики; ответственность за нарушение норм депутатской этики;
- участвовать в работе сессий представительного органа местного самоуправления;
- лично участвовать в работе комитета или комиссии, членом которой он является.

Кроме того, он имеет право образовывать добровольные депутатские объединения – фракции, депутатские группы и др. [23, стр. 187].

К специфической форме манипулирования в этот период можно отнести лоббирование. История формирования лоббирования не всегда предполагала легальный характер такого вида манипулирования, напротив термин «лоббирование» обозначал прямую покупку голосов за деньги. В настоящее время лоббизм всё больше понимается как естественный инструмент взаимоотношений власти и общества, установление связей с должностным лицом с целью добиться принятия выгодного для манипулятора решения [1; 7; 9; 27; 28; 44; 47; 67].

Одним из основных представителей второго типа политических субъектов, входящих в политический класс сегодня, являются крупные международные корпорации.

Развитие новых транснациональных акторов, одним из основных видов которого являются ТНК, во второй половине XX в. привело к феномену, который Дж. Грум определил как «растущее многообразие» [16] участников на мировой сцене. Однако не столько количественные параметры являются главными, сколько качественные изменения в политической структуре, которые последовали за этим благодаря развитию транснациональных отношений, охвативших сначала экономическую область, а затем и другие сферы; впоследствии этот феномен был назван глобализацией [10; 31; 38; 39; 50; 61; 74]. Ранее неизвестные возможности для данных акторов открылись в последней четверти XX столетия в связи с появлением принципиально новых информационных и коммуникативных технологий.

В результате высокой активности новых транснациональных акторов государствам приходится все больше «делиться» частью своих полномочий с одной стороны – с надгосударственными образованиями (международными организациями и институтами), с другой – с крепнущими транснациональными акторами (внутригосударственными регионами, ТНК и т. п.). Управленческие функции перераспределяются от государства к другим участникам международного взаимодействия.

И в научной литературе, и в СМИ существуют две основные трактовки понятия «корпорация» – широкая и узкая. В соответствии с первой корпорация – это сообщество (организация, объединение, группа) лиц, нацеленных на отстаивание или продвижение своих специфических (корпоративных) интересов. Таким образом, понятие «корпорация» нередко применяется к различным группам чиновников, военных, с ипользованием таких понятий, как «кланово-корпоративные» структуры [13, стр. 164].

В широком смысле корпорациями являются и такие объединения, как профсоюзы, союзы предпринимателей, другие социально-профессиональные объединения. В действительности корпоративные объединения – это лишь одна из разновидностей более широкого круга организаций и объединений, именуемых чаще всего группами интересов или заинтересованными группами.

Существенная роль крупных корпораций в экономике и политике значительного числа стран и в первую очередь стран с развитой рыночной экономикой обозначилась еще в начале XX века.

Именно тогда появились слова «монополия», «монополистический капитализм» и стали применяться меры по ограничению экспансии крупного бизнеса, подрывавшей основы рыночной конкуренции. Особенно большой интерес к корпоративной проблеме проявили ученые США, где несколько сот крупнейших корпораций превратились в «сердцевину индустриальной системы» [18, стр. 126].

Оценивая будущую роль корпораций в мировой экономике и политике, Дж. Гэлбрейт писал, что «масштаб деятельности крупнейших корпораций должен приближаться к масштабу деятельности государства», так как одной из характерных черт обеих организаций является то, что они выступают в качестве «источника власти» [75, p. 56].

В современном мире ТНК представляют собой бизнес-структуры, деятельность которых охватывает несколько стран. Подобные корпорации набирают силу не только в экономическом, но геополитическом плане – если какие-то десятилетия после окончания Второй мировой войны доминировали компании, имеющие американское происхождение, то потом явную конкуренцию им составили европейские и японские, а теперь еще и корейские. С 1980-х годов основной стратегией многих ТНК становится производство компонентов в различных частях Земного шара.

Крупнейшие ТНК обладают огромными экономическими ресурсами, дающими им преимущества в этом отношении не только перед малыми государствами, но нередко перед средними и даже великими державами. Так, например, объем зарубежных продаж фирмы «Эксон» к середине 1970-х годов достиг свыше 30 млрд. долларов, что превысило объем ВНП такой экономически развитой страны, как Швейцария, и лишь немногим уступало ВНП Мексики [66, стр. 245]. Это дает ТНК возможность оказывать существенное воздействие в своих интересах и на политическую сферу – как в странах базирования, так и в мире в целом.

ТНК – явление достаточно противоречивое. Они, несомненно, способствуют модернизации стран базирования, развитию их народного хозяйства, распространению ценностей и традиций экономической свободы и политического либерализма. Одновременно они несут с собой и социальные потрясения, связанные со структурной перестройкой, интенсификацией труда и производства; новые формы господства и зависимости – экономической, технологической, а нередко и политической. В ряде случаев последствия их деятельности ведут к дальнейшему обострению уже имеющихся и возникновению новых экологических проблем, к разрушению национальных традиций, конфликту культур. Так же бесспорно и то, что ТНК усиливают экономическую взаимозависимость и единство мира в хозяйственном отношении, способствуют созданию предпосылок для становления единой глобальной культуры как планетарного, общецивилизационного явления. И это тоже приносит неоднозначные результаты, что и вызывает критику ТНК со стороны различных идейно-теоретических течений. В определенной мере результатом подобной критики явились попытки международного сообщества ввести некоторые ограничения для деятельности транснациональных корпораций, подчинив ее определенным правилам, некоему «кодексу поведения», однако усилия, предпринятые с этой целью в рамках ОЭСР и ООН, не увенчались успехом.

Экономические процессы, контролируемые ТНК, охватывают большую часть мировой торговли, финансовых обменов и передач передовых технологий. Указанные процессы способствовали ускоренной экономической интеграции в Европе, Америке и Азии, усилению конкуренции и в то же время взаимозависимости между главными экономическими регионами современного мира. Вместе с тем они имели не менее серьезные последствия и политического характера.

Наиболее значимыми среди этих последствий, вызвавшими эпохальные изменения в облике современного мира и характере международных отношений, явились кризис в СССР, распад «мировой социалистической системы», а затем и разрушение Советского Союза со всеми его результатами для России и других бывших союзных республик.

Таким образом, ТНК обладают определенной автономией в своих решениях и деятельности, способны вносить изменения в международные отношения, учитываются государствами в их внешней политике, то есть отвечают всем признакам влиятельного международного политического субъекта. Начиная с 1970-х годов крупнейшие транснациональные корпорации стали именоваться государствами в государстве, а с

развитием глобализации самые авторитетные обществоведы-политологи заговорили о «корпоративном перевороте» и даже о «корпоративном тысячелетии». Все чаще и настойчивее ставится вопрос о воздействии корпоративного сектора на будущее демократии и гражданского общества.

Список литературы

1. Автономов А.С. Азбука лоббирования. – М.: ИРИС. 2004. – 264 с.
2. Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. – М., 1989.
3. Анохин М., Павлютенкова М. Госслужба нового века: по страницам диссертационных исследований, защищенных в РАГС // Государственная служба. – 2001. – № 3 (13). - С. 77-82.
4. Апресова Н.Г. Риск в предпринимательской деятельности // Предпринимательское право. Приложение «Бизнес и право в России и за рубежом». – 2012. – № 2. – С. 29-35.
5. Афонин П.Н. Таможенные риски: интеллектуальный анализ и управление. – СПб.: Политехнический ун-т, 2007. – 266 с.
6. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс Традиция, 2000.
7. Белоусов А.Б. Лоббизм как политическая коммуникация. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005.
8. Бернстайн П. Против богов: укрощение риска / Пер. с англ. – М., 2000.
9. Бинецкий А.Э. Лоббизм в современном мире. – М.: Теис, 2004.
10. Васечко Л.А. Взаимосвязь права и политики в условиях глобализации // Мир политики и социологии. – 2013. – № 12. – С. 73-78.
11. Вебер М. Социализм // Вестник МГУ. Сер. 12: Политические науки. – 1991. – № 2.
12. Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М.: Советская Россия: МП «Октябрь», 1991.
13. Гаман-Голутвина О.В. Куда идет Россия. – М., 2000.
14. Гамидуллаев С.Н. Управление риском в социально-экономических системах: таможенные аспекты. – СПб.: Институт социально-экономических проблем РАН, 1999. – 185 с.
15. Горбунов В.Л. Риски предпринимательства: Учебное пособие. – М.: МИЭТ, 2014. – 152 с.
16. Грум Дж. Растущее многообразие международных акторов. Международные отношения: социологические подходы / Под ред. П.А. Цыганкова. – М., 1998.
17. Гуцериев Х.С., Сальников В.П., Шаранов Ю.А. Акмеологические основы конфликтологии. – СПб. , 1994.
18. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. – М., 1969.
19. Задорожнюк И.Е., Зазуляк А.В. Феномен риска и его современные экономико-психологические интерпретации // Психологический журнал. – 1994. – № 2. - С. 26-37.
20. Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации: Учеб. пособие; Моск. высш. шк. социал. и экон. наук. Интерцентр. – М.: Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Российской Федерации: Дело, 2004.
21. Захарцев С.И., Сальников В.П. Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 8. – С. 11-19.
22. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 319 с.
23. Зиновьев А.В. Конституционное право России: проблемы теории и практики. – СПб.: Герда, 2000.
24. Золотухин А.В. Предпринимательский риск как экономическая и правовая категория: сравнительный аспект // Бизнес, менеджмент и право. – 2015. – № 1. – С. 40-44.
25. Зубков В.И. Риск как предмет социологического анализа // Социологические исследования. – 1999. – № 4. – С. 3-9
26. Зубков В.И. Социологическая теория риска. – М., 2003.
27. Ильичева Л.Е. Лоббизм и интересы предпринимательства. – М.: Мысль, 2000.
28. Ильичева Л.Е. Лоббизм и корпоративизм. – М.: Экономика, 2002.
29. Инновации и инвестиции. – 2014. – № 8. – С. 148-150.
30. Исмагилов Р.Ф., Карагодов В.А, Сальников В.П. Межнациональный конфликт: понятие, динамика, механизм разрешения / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2003.
31. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П., Числов А.И. Современные интеграционные процессы и роль государства

и права в мировом сообществе // Мир политики и социологии. – 2015. – № 8. – С. 193-197.
32. Карапетян Л.М. Государственно-национальные конфликты и политико-правовые основы их развития // Социально-политический журнал. – 1996. – № 6. – С. 72-85.
33. Карташова Н.В. Предупреждение конфликтов и ограничений прав личности // Теория и практика ограничения прав человека по российскому законодательству и международному праву: Сборник научных трудов. Ч. I. – Н. Новгород, 1998. – С. 231- 233.
34. Керимова Т.В. Риск в жизни современного человека // История и личность. Труды СГУ. – 2001. – Вып. 30.
35. Керимова Т.В. Человек риска. Социально-философские проблемы. – М.: ОЛМА Медиа групп, 2009. – 208 с.
36. Козырев Г.И. Конфликтология. Социальный конфликт в общественной жизни // Социально-гуманитарные знания. – 1999. – № 1. – С 103.121.
37. Кому принадлежат россиянские СМИ [Электронный ресурс]. 2009. 7 янв. Режим доступа: http: //www.liveinternet.ru/users/sokol_14/ post93393616/ Загл. с экрана.
38. Кондрат Е.Н. Глобализация: понятие, сущность и основные процессы // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 97-109.
39. Кондрат Е.Н. Мировая финансовая система в условиях глобализации: современные проблемы функционирования // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 8. – С. 132-136.
40. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. – М.: Захаров, 2005.
41. Крючков Р.А. Подходы к определению риска в современном праве // Правовое поле современной экономики. – 2014. – № 10. – С. 154-163.
42. Кудрявцев В.Н. Юридический конфликт // Государство и право. – 1995. – № 9. – С. 9-14.
43. Кузбагаров А.Н. Примирение споров по конфликтам частноправового характера: Научное издание. – СПб.: СТАТУС, 2010. – 320 с.
44. Лазарев В.В. Лоббизм в конституционном судопроизводстве // Мир политики и социологии. – 2016. – № 1. – С. 24-34.
45. Лапаева В.В. Социально-политические конфликты и право // Драма российского закона. – 1996. – С. 88-105.
46. Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина. Ответы на вопросы // Российская Конституция: первые 20 лет: Цикл лекций в Государственной Думе. 18 марта – 22 апреля 2013 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – С. 25-45.
47. Лоббизм в федеральном парламенте России // Парламентское право России: Учебник / Под общ. ред. О.Н. Булакова. – М.: Эксмо, 2006. – С. 421-475.
48. Лопатин В.Н. Информационная безопасность России: Человек. Общество. Государство. – СПб.: Фонд «Университет», 2000. – 428 с.
49. Лукьянов Г.И. Риск в жизни человека и общества. – М.: СГА, 2004.
50. Мурсалимов К.Р. Роль государства в процессе глобализации мирового сообщества // Мир политики и социологии. – 2012. – № 8. – С. 55-59.
51. Найт Ф.Х. Риск, неопределенность и прибыль. – М., 2003.
52. Никодимов И.Ю.Место и роль средств массовой информации в механизме реализации информационно-коммуникативной функции государства
53. Ойгензихт В.А. Проблема риска в гражданском праве. – Душанбе, 1972.
54. Патриарх Кирилл: «Церковь не выступает против свободы слова» // Слово Патриарха Кирилла на заседании высшего церковного совета 12.10.2012 года (точка доступа: http://actualcomment.ru/patriarkh_kirill_tserkov_ne_vystupaet_protiv_svobody_slova.html (дата обращения: 24.04.2015 года).
55. Пивцаев Е.И. Правовые риски при инвестировании в строительство таунхаусов // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 7. – С. 70-74.
56. Право и общество: от конфликта к консенсусу: Монография / Честнов И.Л. и др;. под общ. ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. – СПб., 2004. – 480 с.
57. Ромашов Р.А. Правовая культура современности: от конфликта цивилизаций к цивилизованному содружеству // Журнал российского права. – 2008. – № 8. – С. 157-163.
58. Ромашов Р.А. Юридическая конфликтология: Учебное пособие. – СПб.: Астерион, Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006. – 228 с.
59. Рывкина Р.В. Формирование новых экономических классов в России // Социологический журнал. – 1994. – № 4. - С. 36-47.
60. Сальников В.П. Незримое вторжение. Негативное воздействие информации на сознание человека // Защита и безопасность. – 1999. – № 1. – С. 26-27.
61. Сальников В.П., Ивашов Л.Г., Джегутанов Б.К. Философия глобализации (Методологические основы геополитической доктрины России): Монография / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2006. – 268 с.

62. Сальников В.П., Крючков Р.А., Романовская В.Б., Сальников М.В. Понятие риска в философско-правовом измерении в период Нового и Новейшего времени // Мир политики и социологии. – 2014. – № 10. – С. 174-184.
63. Сальников В.П., Крючков Р.А., Романовская В.Б., Сальников М.В. Риски в экономике, в праве и социальной жизни: научные подходы к пониманию // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 9. – С. 203-211.
64. Сальников В.П., Крючков Р.А., Романовская В.Б., Сальников М.В. Рок, риск, право и экономика: начало истории отношений // Правовое поле современной экономики. - 2013. - № 11. - С. 11-17.
65. Слово Святейшего Патриарха Кирилла в день памяти мученицы Татианы после Литургии в Храме Христа Спасителя г. Москвы (точка доступа: http://www.patriarchia.ru/db/text/3958136.html (дата обращения 27.04.2015))
66. Современные международные отношения и мировая политика / Под ред. А.В. Торкунова. – М.: МГИМО (У) Мид РФ, 2005.
67. Теория и практика нормативно-правового регулирования лоббизма (российский и зарубежный опыт): Монография / Под ред. С.А. Комаров. – СПб.: Юридический институт, 2015. – 384 с.
68. Тихомиров Ю.А. Методология анализа и оценки рисков в законодательной деятельности // Юридическая техника. Ежегодник. № 9. – Нижний Новгород, 2015. – С. 46-52.
69. Тихомиров Ю.А. Субъекты советской политической системы // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1981. – № 5. - С. 3-12.
70. Тихомирова И.В. Политический риск // Общая и прикладная политология. – М., 1997.
71. Управление риском в рыночной экономике / В.Н. Вяткин, В.А. Гамза, Ю.Ю. Екатеринославский, Дж. Хэмптон. – М., 2002.
72. Хабибулин А.Г., Абдрахманов А.И. МВД в информационном поле нарастающей глобальной напряженности // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 23-31.
73. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. – М., 2001.
74. Эбзеев Б.С. Глобализация и современный конституционализм: два вектора развития // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С. 7-16.
75. Galbraith J.K. The Anatomy of Power. – Boston, 1983.

РАЯНОВ Фанис Мансурович,
профессор кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент АН Республики Башкортостан (г. Уфа, Россия)
E-mail: rfm-2011@ya.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Аннотация. *Анализируются фундаментальные основы современной философии права. Высказывается мнение, что фундаментальными основами современной философии права должны стать ценности Нового времени, которые формируют подлинные модели гражданского общества и правового государства. Отмечается, что в области организации общественной жизни людей на первом месте находятся не интересы технико-экономического развития, а интересы и роль самого человека.*

Ключевые слова: *философия права; общественно-политические ценности; правовое государство; гражданское общество.*

RAYANOV F.M.

THE FUNDAMENTALS OF MODERN PHILOSOPHY OF LAW

The summary. *Fundamental bases of modern legal philosophy are analyzed. The opinion is expressed, that values of New time which form original models of a civil society and a lawful state should become fundamental basis of modern legal philosophy. It is noticed that in the field of the organization of a public life of people on the first place there are not interests of technical and economic development, and interests and a role of the person.*

Key words: *legal philosophy; political values; a lawful state; a civil society.*

Философия права с давних времен привлекала к себе внимание представителей как непосредственно философии, так и правоведения, что доказывается наличием довольно большого количества исследований, посвященных проблемам философии права. Многие из этих исследований, несмотря на то, что появились давно, не теряют своей значимости, потому что проблемы философии права и в современных условиях обладают огромной актуальностью. Обращаться к проблеме фундаментальных основ современной философии права нас побудило состояние отечественной философии права и, особенно, ее сегодняшняя роль в нашей обществоведческой сфере. Состояние же ее, если сказать очень мягко, – это полная неопределенность, как в предмете философии права, так и в вопросе о ее социальном назначении. Поэтому, как нам думается, сложившуюся отечественную философию права необходимо еще раз тщательно измерить фундаментальными критериями, а именно ценностями Нового времени.

1. Прежде всего, хотелось бы пояснить вопрос о том, почему мы говорим о современной философии права и что мы понимаем под современной философией права. Ведь сами по себе понятия и «философия» и «правоведение (юриспруденция)» существуют давно. Можно говорить об античной философии и о рабовладельческом праве. Однако, если в исследовании вопросов философии права включать и эти древние периоды жизнедеятельности людей, плюс еще и период Средневековья, то добраться до сути именно современной философии права придется очень долго. Да и значение прошлых периодов, для осмысления проблем современной философии права, вряд ли можно признать решающим. Поэтому мы исходим из положения о том, что современная философия права – это, основанное на учении философов Нового времени выяснение того права, с которым, в основном, и работают сегодняшние юристы. Конечно, в нашем российском обществе, где большинство, по нашим многочисленным наблюдениям, лучше знает о 12 апостолах Иисуса Христа, нежели о 12 философах Нового времени, не так – то просто вписаться и в научные нюансы, касающиеся ценностей Нового времени.

Но, если обратиться к Рунету, то там можно легко найти список философов Нового времени [23]. В этом списке 12 фамилий: Ф. Бэкон (1561-1626); Т. Гоббс (1588-1679); Р. Декарт (1596-1650); Д. Локк (1632-1704); Б. Спиноза (1632-1677); Г. Лейбниц (1646-1716); Д. Беркли (1685-1753); Ш. Монтескье (1689-1755); Д. Юм (1711-1776); Ж. Руссо (1712-1778); И. Кант (1724-1804); Г. Гегель (1770-1831). Конечно, подвергать критике или посеять сомнение относительно правильности всего этого списка не наша задача. У нас возникают лишь вопросы относительно, во-первых, того, что родоначальником философии Нового времени философами признается Ф. Бэкон [22], который, по нашему мнению, по существу, ничего творческого не оставил относительно общественно-политических ценностей Нового времени, которых можно было бы использовать при организации общественной жизни людей. Во-вторых, в одном этом списке философов Нового времени оказались Т. Гоббс, который ратовал за абсолютную монархию, не сформулировал ничего пригодного для возникновения даже идей о гражданском обществе и правовом государстве и Д. Локк, который доказал, что абсолютная монархия является нелегитимной властью, чтобы управлять обществом. К тому же широко известно, что Д. Локк является основателем либерализма и подлинного гражданского общества и правового государства. Вот и возникает у нас вопрос: как же при таких подходах, к природе организации общественно-политической жизнедеятельности людей, этих двух философов можно поставить в один ряд в качестве философов Нового времени? То же самое можно сказать, если сравнить творческие наследия И. Канта и Г. Гегеля. И. Кант обосновал категорический императив, воспринятый во всем мире, признавал гражданское общество в качестве учредителя правового государства, правильно подходил к соотношению права и закона, обосновал природу правового закона. Г. Гегель же не только критиковал эти основные позиции И. Канта, но и доказывал производность гражданского общества от государства. Да и само государство Г. Гегель обожествлял и ставил его выше власти народа, не признавал народного суверенитета. В итоге получается ситуация, которая «расшатывает» всю общественно-политическую систему построения ценностей Нового времени применительно к современному периоду развития важнейших государственно-правовых институтов, а отсюда и предметно-содержательную часть философии права.

На этом основании мы даже осмеливаемся сказать, что не все, исторически появившиеся философские трактовки структурно-функционального взаимодействия государственно-правовых институтов в обществе, являются соответствующими ценностям Нового времени. При таком, глубоко неразборчивом, подходе к философской характеристике важнейших государственно-правовых институтов, порожденных эпохой Нового времени, трудно сформулировать и достойную ценностям Нового времени философию права. В определенной мере в реальной жизни нашей страны так и получилось: государственно-правовые институты, с одной стороны, возвышались над гражданским обществом, а, с другой стороны, объяснялись в качестве соответствующего слепка экономических отношений. В частности, начиная с К. Маркса и до сих пор, в некоторых странах, в первую очередь в нашей стране, мотивационное предпочтение отдавалось, и в определенной мере продолжает отдаваться, не

государственно-правовым институтам, а технико-экономическим составляющим общества. К. Маркс был учеником Г. Гегеля и влияние учения Г. Гегеля на К. Маркса неоспоримо: сам К. Маркс это признавал. К. Маркс под сильным влиянием философии Г. Гегеля, при анализе общественных потрясений, происходивших в те времена, сразу же вышел на позиции промышленной революции XVIII века в Англии. К. Марксом не было обращено внимания на глубинные мотивы английской промышленной революции, что сама эта революция смогла совершиться лишь благодаря общественно-политическому благополучию, установившемуся после «славной революции» в Англии. К. Маркс же, не «славную революцию», а именно технико-экономические основы промышленной революции Англии вознес до небывалой высоты. На основные мотивационные факторы формирования Нового времени, на подлинные принципы возникновения таких новых институтов, как гражданское общество и правовое государство, вслед за Г. Гегелем, он также не обратил серьезного внимания. Для К. Маркса, так же как и для Г. Гегеля, гражданское общество – это учреждаемое по законам государства общественное явление. Поэтому основной институт современного общества – гражданское общество – по марксизму, вместе даже с государством, отодвигается не только на второй план, но и превращается в производную часть технико-экономической системы общества.

Такой подход, реализованный в большей мере в бывших социалистических странах, к сегодняшнему времени уже привел к их распаду. Однако, несмотря на это и сегодня многие страны, в том числе и наша страна, все еще продолжают придерживаться такого мировоззрения. На ценности Нового времени в нашей стране внимание до сих пор остается невнятным. Между тем только обращение к истокам Нового времени и выяснение истинных причин выхода человечества на ценности Нового времени позволяют переосмыслить возвышаемый у нас технико-экономический подход и встать, наконец-то, на правильный путь. Он же заключается в том, что в области организации общественной жизни людей на первом месте находятся не интересы технико-экономического развития, а интересы и роль самого человека. «Это связано с тем, что в нашем поведении отражается специфика того правового пространства, которое сложилось и функционирует в условиях современного развивающегося общества, и того государства, специфические особенности формирования и функционирования которого отражаются в сознании, поведении и поступках каждого из нас» [2, 132.]. Если человек и его права не возведены в ранг высшей ценности, а сведены к статусу бесправного подданного, судьба которого предопределена уже заранее и от него самого ничего не зависит, то и его экономическая активность будет сведена к нулю. И, наоборот, если человек и его интересы – это высшая ценность, если человек обладает неотъемлемыми правами и свободами и он в них гарантирован, защищена его жизнь и здоровье, то ему под силу самые невероятные подвиги и дела. Тогда он – главный двигатель экономики, творец культуры и собственного благополучия. «Если отношение людей к тем ценностям, которые связаны с правом, законом, государством, основывается на знании и понимании этих ценностей, не отвергается традициями и обычаями, а наоборот, поддерживается всем комплексом функционирующих в обществе других социальных норм, процесс регулирования общественных отношений может достичь требуемого результата. Это означает не только налаживание нормальных, гармоничных и, одновременно, оптимальных правоотношений, но и достижение требуемого в современном государстве общественного и правового порядка» [3, с. 72].

Новое время как раз пришло для того, чтобы освободить человека от средневековья, т. е. от невежества, бесправия, «узаконенного» произвола со стороны неограниченной власти. Ценности Нового времени, конечно же, выше и важнее технических, экономических и даже научных ценностей. Они первичные кирпичики современного общества. Общественный договор, конституционализм, гражданское общество, правовое государство, верховенство права, права и свободы человека – это те институты современного общества, без которых сегодня не будет успешно функционировать ни экономика, ни социальная сфера, ни культура, ни наука. Об этом красноречиво свидетельствует и международно-признанный Индекс человеческого развития, где страны расписаны по уровню качества жизни людей [18]. Поэтому современное общество – это как раз общество, полностью соответствующее ценностям Нового времени. К такому современному

обществу должны стремиться все народы мира, а, следовательно, к основным институтам Нового времени – гражданскому обществу и правовому государству. Соответственно этому положению коренным образом должно быть переосмыслена и отечественная философия права.

2. Измерение состояния отечественной философии права фундаментальными обществоведческими институтами Нового времени как раз и нацеливает на полное переосмысление той, сложившейся в нашей стране философии права, которая полностью основывалась и продолжает основываться только на учении Г. Гегеля. Между тем, в нашей стране пока еще никто не занимался измерением самой гегелевской философии права ценностями Нового времени. Занимаясь этим, мы пришли к такому выводу: если строго следовать по учению Г. Гегеля, то там дороги к ценностям Нового времени нет вообще. Г. Гегель был принципиальным противником политического равенства, народного суверенитета. Да и государство у Г. Гегеля не есть продукт деятельности людей, а есть результат диалектического развития абсолютного духа. Государство по Г. Гегелю – это и есть «действительный Бог», «шествие Бога в мире». Государство у него превыше всего: выше гражданского общества, выше прав и свобод человека и т. д.

Правовое государство у Г. Гегеля – это не то, что у Д. Локка или Д. Юма и даже не то, что у И. Канта. Правовое государство у Г. Гегеля, в лучшем случае, – это государство законности. Расхождения между Д. Локком и Г. Гегелем относительно сущности гражданского общества и правового государства очень серьезные. Если по Д. Локку, на основании общественного договора, гражданское общество учреждает правовое государство для обслуживания интересов же гражданского общества (в частности, для защиты естественных прав людей на жизнь, на свободу и собственность), то по Г. Гегелю, как гражданское общество, так и индивиды подчиняются государству. Причем государство у Д. Локка учреждается гражданским обществом, а источником власти и носителем суверенитета остается гражданское общество (государство образующий народ). У Г. Гегеля же суверенитетом обладает монарх, а граждане рассматриваются подданными монарха. Короче говоря, правильную дорогу к правовому государству нашел именно Д. Локк, а не Г. Гегель. Г. Гегель получил основательное богословское образование: окончил теологическое отделение Тюбингенского университета (Германия). До работы «Философия права» он написал такие работы, как: «Философия религии» (в двух томах), «Философии природы», «Философии истории». Интересно отметить, что ответственный редактор и автор вступительной статьи к книгам Г. Гегеля известный в нашей стране философ А.В. Гулыга утверждает: «Для того чтобы понять, как возникла и как распалась диалектика Гегеля, надо обратиться к его учению о религии» [4, с. 6]. Если учесть все эти моменты, то еще больше укрепляются наши сомнения в том, что современная отечественная философия права не может и дальше оставаться в состоянии, преимущественно ориентированной лишь на учения Г. Гегеля.

В целом, мы считаем, что фундаментальными основами современной философии права должны стать именно те ценности Нового времени, которые и формируют подлинные модели гражданского общества и правового государства. В самой же философии права главное заключается даже не в том, чтобы найти место философии права в системе общественных наук страны, а в том, чтобы сама философия права находилась на современном уровне [19]. Все это требует, на наш взгляд, пристального внимания к проблемам философии права как со стороны философов, интересующихся проблемами права с позиций философии, так и со стороны правоведов, исследующих философские проблемы права в современном государстве и обществе. Можно сказать, начало тому положено [1; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 20; 21].

Список литературы

1. Алексеев С.С. Философия права. – М.: Норма, 1998. – 336 с.
2. Галиев Ф.Х. Правовая культура и традиционная картина мира // Право и государство: теория и практика. – 2009. – № 8(56). – С. 129-132.

3. Галиев Ф.Х. Социальные нормы гражданского общества и правовая культура // Евразийский юридический журнал. – 2011. – № 5(36). – С. 70-73.
4. Гегель Г. Философия религии. В 2-х томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1976.
5. Захарцев С.И. Некоторые проблемы теории и философии права / Под общ. ред. В.П. Сальникова. – М., 2014.
6. Захарцев.С.И., Сальников В.П. О теории и философии права // Теория государства и права в науке, образовании и практике: Монография / Ю.Г. Арзамасов, В.М. Баранов, Н.В. Варламова и др.; пред. ред. совета Т.Я. Хабриева. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – М.: Юриспруденция, 2016. – С. 112-117. – в кн. 480 с.
7. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия права и теория права: характер взаимоотношений // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 2. – С. 176-184.
8. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия права как философско-специализированная наука // Мир политики и социологии. – 2015. – № 11. – С. 195-203.
9. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия права: вчера, сегодня, завтра // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 4(42). – С. 6-13.
10. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия права: настоящее и будущее // Правовое государство: теория и практика. – 2016. – № 2(44). – С. 7-14.
11. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия права: юридические позиции // Правовое государство: теория и практика. – 2016. – № 1(43). – С 19-26.
12. Захарцев С.И., Сальников В.П. Философия. Философия права. Юридическая наука. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 264 с.
13. Зорькин В.Д. Философия права: прошлое, настоящее и будущее // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / Сост. П. Баренбойм, А. Захаров. – М.: Московско-Петербургский философский клуб, 2010. – С. 28-45.
14. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). – М., 2000.
15. Керимов Д.А. Философские проблемы права. – М.: Мысль, 1972. – 472 с.
16. Малахов В.П. Философия права. Идеи и предложения. – М., 2008.
17. Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. – М.: Норма – ИНФРА-М, 1998. – 652 с.
18. ООН: Индекс человеческого развития в странах мира в 2014 году / Электронный ресурс // Центр гуманитарных технологий. – 2014.07.24: URL:http./gtmarket/ru/news/2014/07/24/6843.
19. Раянов Ф.М. Философия права: дискурсивный анализ и новые выводы. М.: Юрлитинформ. 2017. – 264 с.
20. Философия права. Курс лекций: Учебное пособие. В 2-х томах. Т. 1 / С.Н. Бабурин, А.Г. Бережнов, Е.А. Воротилин и др.; отв. ред. М.Н. Марченко. – М.: Проспект, 2011. – 552 с.
21. Философия права. Курс лекций: Учебное пособие. В 2-х томах. Т. 2 / А.В. Аверин, И.А. Гобозев, А.Г. Гузнов и др.; отв. ред. М.Н. Марченко. – М.: Проспект, 2011. – 512 с.
22. URL.: http://www.gumfak.ru/filos_html/kanke04.stml
23. URL.: https://ru.wikipedia.org/wiki/

БАБАДЖАНОВ Исрофил Хусейнович,
председатель международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Республики Таджикистан, профессор кафедры гражданско-правовых наук 2 факультета Академии МВД РТ, доктор юридических наук (г. Душанбе, Таджикистан)
E-mail: bobojonov_i@mail.ru

САЛЬНИКОВ Михаил Викторович,
Президент Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru

Специальность 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ В АКСИОЛОГИЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ

Аннотация. *Анализируются проблемы жизни и смерти человека в их аксиологическом восприятии. Отмечается, что смерть является специфическим правовым состоянием, в момент наступления которого сам субъекта права прекращает существование. Обосновывается положение о том, что без достижения достаточно высокого уровня цены человеческой жизни невозможно построение правового государства.*

Ключевые слова: *человек; жизнь; смерть; ценность; правовое состояние.*

BABADZHANOV I.Kh.
SAL'NIKOV M.V.

LIFE AND DEATH IN THE AXIOLOGICAL PERCEPTION

The summary. *Problems of a life and death of the person in them axiological perception are analyzed. It is noticed that the death is a specific legal condition at the moment of which approach itself the subject of the right is stopped by existence. Position that without achievement enough high level of the price of a human life is impossible lawful state construction is proved.*

Key words: *the person; a life; death; value; a legal condition.*

Смерть – неизбежное явление, связанное с окончанием существования любого живого существа, в том числе и принадлежащего к биологическому виду Homo sapiens. Однако смерть – не только биологический процесс, в человеческом обществе он приобретает и социальный характер. В основе понимания проблемы смерти лежит представление о социальной сущности человека, как индивида и личности, его связи с обществом и человечеством в целом. Особенно важно диалектическое понимание единства и борьбы противоположностей родового и индивидуального в человеческом существовании.

Сложность взаимоотношения родового и индивидуального достигает у человека своих предельных форм именно потому, что в

биологическом смысле индивид всегда в некотором отношении лишь средство для вида в целом, поскольку именно через приспособительную жизнедеятельность индивида, завершающуюся воспроизведением потомства и смерть, вид обеспечивает свое существование, как определенную форму жизни, длящейся – в иных, чем для индивида, временных измерениях. Но если в биологическом смысле природа становится «равнодушной», «теряет интерес» к индивиду после завершения им репродуктивного возраста, то как раз тогда, когда отступает природа, возрастает интерес общества, т. к. развитие личности отдельного человека в конечном итоге является целью и средством существования и развития человечества – и как вида Homo sapiens и как социальной общности, носителя разума и культуры на Земле.

Действительно, стиль и образ жизни могут обусловить определенный вид или особенности смерти, но, с другой стороны, неизбежность смерти детерминирует жизнь человека. Кроме того, смерть – это правовое состояние, которое среди правовых состояний занимает особое место. И это связано не только с психологическим отношением человечества к смерти, а с тем, что она является специфическим правовым явлением.

Становление ценности человеческой жизни глубоко связано с развитием социальности. Анализируя представления о ценности (стоимости) человека в связи с развитием денежной экономики, Г. Зиммель отмечает, что первоначально «платы за убийство» не существовало, в более поздний период были введены твердые цены выкупа, учитывающие социальный статус убитого [13, стр. 119]. Произошел переход к объективной цене за человека. Г. Зиммель приходит к выводу, что если разные люди, погибшие в разных ситуациях, оценивались одинаково, значит, человек действительно стоит определенную сумму. Таким образом, осуществляется типологизация ценности человеческой жизни. Современное общество если и не склонно оценивать эту ценность в терминах стоимости, то типологизирует ее посредством той или иной степени наказания за отнятие жизни.

Прав профессор Ш. Менглиев, что личные неимущественные блага оценить на деньги очень трудно или даже не возможно, это бесценное богатство человека [17, стр. 75].

Как правильно отмечает Ш.Т. Тагайназаров, это социально ценностное, социально значимое право, которое характеризует индивидуальность и неповторимость человека в обществе [33, стр. 24].

Возвращаясь к этимологическому подбору синонимов «жизни», отметим несколько моментов, относящихся к жизненной аксиологии. Во-первых, ощущение (в отличие от осознания) ценности жизни вполне диффузно и, в соответствии, с гипотезой недостаточности, наиболее четко представлено, когда обеспеченность этой ценностью наименьшая [7, стр. 48]. Таким образом, наибольшей значимостью жизнь обладает в ситуациях угрозы существованию, причем угрозы внешнего характера. В этих случаях желание жить достигает наивысшего предела – борьбы за жизнь. Однако в ситуациях тяжелой болезни, инвалидности стремление часто противоположно, здесь угроза исходит от самого-индивида, и жизнь часто обесценивается.

Во-вторых, заявленная аналогия с ценой ставит дополнительные вопросы, кроме указанных выше. По мнению исследователей, в – одних случаях ценой жизни является смерть (memento mori – помни о смерти), в других случаях – бремя ответственности за каждый прожитый день, в третьих,- страдание. Объединяет эти позиции одно – положение о том, что жизнь имеет определенную цену, хотя плата может быть различной. В этих, терминах правомерность постановки вопроса о ценности жизни безусловна.

Тем не менее, если мы будем абсолютизировать постулат, о «стоимости» жизни, то есть вероятность впасть в другую крайность – в постоянные поиски платы за жизнь. Такой путь зачастую предъявляет повышенные требования к эффективному проживанию (чтобы было за что «платить»), а, следовательно, к «справедливому» обмену.

Дилемма ценности приятного и полезного такова, что те, кто больше всего занимается полезным трудом, завладевая внешними средствами наслаждения, меньше всего способны наслаждаться. Из древности известен идеал максимизации наслаждения от минимальной меры приятных вещей. В настоящее время счастье становится опосредованным и труднодостижимым. Для его возникновения нужно все больше и больше, мир уже не довольствуется ценностью наличных благ. Напротив, древний

мир стремился получить наслаждение от любого момента жизни, действуя по принципу «здесь, и теперь» – одному из – самых оздоравливающих принципов [15, стр. 16].

По мнению российских исследователей В.М. Астапова, О.И. Лебединской, Б.Ю. Шапиро в России до последних лет доминировала концепция социальной полезности, а ценность индивида зависела от его дееспособности и полезности для общества. В этом контексте необходимо отметить два момента. Во-первых, исходя из этих представлений, право на существование должно быть «заработано», заслужено с помощью стандартного, типичного вклада в социально-экономический круговорот вещей. Если подобных вложений нет или они чем-то отличаются, от стандартного комплекта, (полная семья, счастливое детство и, наконец, всепоглощающий труд), то вызывает сомнение социальная ценность такого пути [32, стр. 28-36].

Во-вторых, поддерживая точку зрения – социального конструктивизма о создающейся реальности, отметим тот факт, что общество детерминирует не только то, что мы делаем, но также и то, что мы есть. Поэтому и «обладать человеческим достоинством можно лишь, с позволения общества». Превосходство ценности полезного особенно заметно в обществах эпохи индустриализма, а идея опосредованности человеческого достоинства в зависимости от социального статуса сильна в жестко регламентированных системах. В начале века Н. Трубников – писал, что – вера в безусловную ценность человеческой жизни исчезла, уступив место чисто утилитарным оценкам жизни и личности. Государство стремится быть для человека безусловной ценностью, оно не склонно признавать никаких высших над собою ценностей, в том числе и ценность человеческой души или безусловного достоинства человека [34, стр. 31].

В настоящее время в общественном сознании намечается переход от культуры полезности к культуре незаслуженного достоинства. Необходимо вновь подчеркнуть несводимость категории достоинства к терминам достижения. В понятии «достоинство» слышится отзвук ценности как – стоимости, как самоценности. Если говорить об индивидуальном опыте, то личное достоинство неизменно и не зависит от достижений человека. Многие жертвы суицида подтверждают это. Многие из депрессирующих были любимы, но это не помогло им, так как самолюбие и самоуважение отсутствовали. По большому счету, играет роль только личное ощущение самоценности.

С позиций социальной антропологии человеческое достоинство, самоценность человеческой личности является абсолютным социальным приоритетом, и принятие этого принципа свидетельствует о прогрессе человеческой цивилизации, в том числе и правовом прогрессе [2; 8; 9; 10; 11; 12; 27; 31]. Присоединяясь к точке зрения В.С. Барулина, отметим, что если человек есть абсолютный социальный приоритет, то изменяются и социально-оценочные суждения о человеке [3]. Социальная ценность человека, его местом роль в обществе происходит, из его человеческой сущности духовности, его имманентной свободы и творчества. Именно поэтому каждый человек самоценен, и в этом смысле все люди, независимо от их социальной принадлежности, ценностно-тождественны [15, стр. 18].

Без достижения достаточно высокого уровня цены человеческой жизни, невозможно построение правового государства [1; 5; 6; 18; 19; 20; 21; 28; 29; 30]. Должен существовать интегральный критерий, оценивающий эту цену, как происходит с определением качества жизни. Он должен вместить в себя множество показателей. В числе этих показателей, наряду с проблемой суицидов полярные, а именно право на смерть и право на жизнь, отраженные в практиках эвтаназии и смертной казни. Основным аргументом в пользу применения одной и отмены другой служат гуманизм и человеколюбие, как принципы демократического сообщества. Но это на первый взгляд. На самом деле, речь идет о степени вмешательства в судьбу человека со стороны закона и о необходимости самозащиты от государства. «Если сопоставить две такие социальные величины, как государство и личность, – *пишут В.А. Бачинин и В.П. Сальников,* – то их разномасштабность позволяет государству уверенно присваивать себе главенствующую роль. В его глазах интересы отдельной личности и его собственные интересы в принципе не могут быть равнозначны. Но если государство с удовлетворением воспринимает такое положение дел, то индивид далеко не всегда готов его принять. И здесь ему на помощь приходит гражданское общество в качестве идеи и социальной реалии. Именно оно, стоящее на страже естественных прав «маленького

человека», способно постоянно защищать их от посягательств грозного «Левиафана». Оно готово ставить интересы обеих сторон в один аксиологический ряд, искать и разрабатывать реальные практические средства для их действительно социально-правового уравновешивания» [4, стр. 133-134]

Без сомнения, с низкой общественной оценкой, жизни человека теснейшим образом связано и, его собственное фаталистическое отношение, причем связь эта не причинно-следственная, а взаимообусловливающая.

Уважение к жизни, постулируемое обществом, не всегда совпадает с индивидуальным отношением к жизни. Многие ученые признают важнейшим жизнеукрепляющим фактором процесс наполнения существования смыслом. Смысл жизни – категория почти универсальная в размышлениях гуманистически настроенных исследователей начала века и современности. Сознание того, что перед человеком стоит важная жизненная задача, что ему есть ради чего жить, помогает преодолевать объективные трудности и субъективные неприятности. Мужество жить или, наоборот, усталость от жизни оказывались зависящими от наличия веры в смысл собственной жизни. Смысл жизни есть идея содержащая в себе цель в жизни человека, «присвоенная» им и ставшая для него ценностью чрезвычайно высокого порядка. Ключевыми процессами в смыслообразующей деятельности являются интенциональность – эмансипация от внешнего самотрансценденция – отделение от внутреннего [14, стр. 51].

По мнению З. Гаджинской соотношение категорий смысла жизни и ценности сводится, в конечном счете, к вопросу о том, стоит ли жить, и смысл жизни, по-видимому, шире, глубже, так как определяет ее ценность: «чем выше уровень осознания смысла жизни, тем выше сознание ценности ее, тем активнее раскрываются творческие способности людей, тем ощутимей их вклад в жизнь общества».

Отсюда возможно сформулировать следующие позиции. Во-первых, смысл жизни возникает из осознания мира, и себя, в этом его относительное преимущество. Кроме того, наиболее жизнеспособными, несмотря на внешнюю бессмысленностью их жизни оказываются иногда люди, не задумывающиеся о цели и смысле жизни.

Во-вторых, смысл может явиться наряду с важнейшим основанием для жизни и превосходной причиной смерти. Человеческое сознание вполне, может создать, деструктивный смысл, основанный на принятии абсурдности существования.

В-третьих, универсальность укрепляющего действия смысла жизни, вновь ставится под вопрос, когда к смерти приводят совершенно нерациональные причины.

Следовательно, попытка сравнить категории смысла и ценности жизни, показала важность не столько рационально – смыслообразующей деятельности, сколько нерационального ценностного императива лежащего в основе уважения к жизни. В иерархии базовых ценностей индивида, и общества ценность, жизни, по- нашему мнению, является определяющей и относится к терминальным (конечным), надситуативным ценностям. Сама жизнь создает полезное, и наслаждается приятным в той большей мере, в какой она выше в ряду витальных ценностей. Несмотря на то, что рассматриваемая категория – несет сильную смысловую нагруженность, обобщенно выражает важнейшие цели, идеалы, смыслы жизни людей, она порождается нерациональным началом – витальностью или жизненной силой [14, стр. 24].

Вообще античность знала три вида смерти [15, стр. 32].

Первый вид – свободное самоубийство, очень редкий вид ухода из жизни, неодобряемый обществом и народными массами, которые в большинстве своем не хотели и не могли разбираться в нюансах чувств и желаний, в иррациональных мотивах, в психологии иррационального мышления и поведения.

Второй вид смерти – приношение в жертву богам и героям пленных или своих детей.

Третий вид смерти – уход, естественная смерть выдающегося гражданина полиса.

Как видно, из приведенного описания отношение людей к ценности и смыслу жизни, а также проблеме смерти на протяжении истории человечества постоянно менялось. Но неизменным остается фактор неизвестности, довлеющий над человеком при мысли о смерти.

Полагаем, что смерть человека, как биологического существа прекращает его физическое существование, в то время как его имя, деятельность, подвиг и другие заслуги сохраняют его «субъектность» в праве.

То, что умерший человек остается частью правовой реальности, подтверждается также рядом формулировок ГК РТ и ГПК РТ. Так, термин «умерший» многократно упоминается, в частности, в связи с регулированием законодательством оснований, порядка и правовых последствий объявления гражданина умершим (ст. 46, 47 ГК РТ, ст. 281 – 285 ГПК РТ), при регулировании перехода пая умершего в производственном кооперативе и т.д.

Ст. 170 ГК РТ вообще закрепляет, что в случаях и в порядке, предусмотренных законом, личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежавшие умершему, могут осуществляться и защищаться другими лицами, в том числе наследниками правообладателя. Но необходимо принимать во внимание, что, по общему правилу наследования, личные неимущественные права неотъемлемы от личности наследодателя и не переходят в составе наследственной массы к наследникам ни по закону, ни по завещанию.

Часть 2 ст. 969 ГК РТ, регулирующая сохранение договора коммерческой концессии в силе при перемене сторон, в соответствии с которой «осуществление прав и исполнение обязанностей умершего правообладателя до принятия наследником этих прав и обязанностей или до регистрации наследника в качестве индивидуального предпринимателя осуществляются управляющим, назначаемым нотариусом». Таким образом, гражданское законодательство не просто предусматривает наличие у умершего правообладателя прав и даже обязанностей, но и их осуществление кем-либо. Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в гражданском законодательстве современной России.

Смерть с точки зрения права, представляет собой одностороннее явление – она создает права и обязанности для определенного круга лиц, но, по естественным причинам, только не для умершего человека. Хотя, последний, как уже говорилось, остается субъектом права.

Для умершего человека смерть является всеобъемлющим исключительно правопрекращающим юридическим фактом. Однако, смерть может выступать и в качестве правообразующего и правоизменяющего юридического факта, но уже для других, живущих в объективной реальности субъектов. При этом, все эти три вида юридических фактов могут иметь место одновременно.

Смерть является правообразующим юридическим фактом, когда после ее наступления возникают отношения, связанные с получением наследства. Для государственных органов смерть гражданина также имеет правовое значение – в соответствии и с Положение о порядке и условиях выплаты пособия на погребение, утвержденный Постановлением Правительства РТ от 3 сентября 1998 г. № 347 у государства возникает комплекс обязанностей, связанных с организацией погребения.

Так, названный нормативно-правовой акт гарантирует предоставление материальной помощи для погребения родственникам умершего и т.д.

К правопрекращающему юридическому факту, а также к правоизменяющему можно отнести смерть в сфере семейных, гражданских, жилищных и др. отношений. Например, смерть супруга на основании ст. 16 Семейного кодекса РТ прекращает брак, одновременно жена умершего утрачивает статус супруги и приобретает статус вдовы.

В случае смерти гражданина, состоящего на учете, очередность сохраняется за членами семьи, вместе с ним состоящими на учете, если не отпали основания для признания их нуждающимися в улучшении жилищных условий. При этом очередность по месту работы сохраняется лишь в случае, если член семьи работает на данном предприятии, учреждении, организации. После смерти гражданина, в результате несчастного случая на производстве или профессионального заболевания, состоявшего на учете, очередность сохраняется за членами семьи, независимо от их работы на данном предприятии (ч. 2 ст. 31 ЖК РТ).

Смерть нанимателя по договору социального найма прекращает правоотношение с его участием (при этом смерть одиноко проживавшего нанимателя прекращает договор безусловно и навсегда), но в силу ст. 60 Жилищного кодекса РТ любой дееспособный член семьи умершего нанимателя с согласия остальных членов своей семьи и наймодателя вправе требовать признания себя нанимателем по ранее заключенному договору социального найма вместо первоначального нанимателя. При этом сущность отношений между лицами, продолжающими проживать в квартире, и наймодателем не меняется.

Ст. 15 Жилищного кодекса РТ, называя смерть гражданина, являющегося членом жилищного кооператива, в качестве основания прекращения членства в жилищном кооперативе, в той же норме связывает смерть его участника с появлением у наследников права на вступление в члены данного жилищного кооператива по решению общего собрания членов жилищного кооператива (конференции).

Смерть стороны в ходе осуществления гражданского судопроизводства по конкретному делу может повлечь за собой различные правовые последствия в зависимости от сущности правоотношения, по поводу которого возникло и рассматривается судом гражданское дело. Две процессуальные нормы, регулирующие последствия смерти стороны в гражданском судопроизводстве (ст. 220 и 225 ГПК РТ), практически идентичны и различаются лишь одной частицей «не».

Так, на основании ст. 220 ГПК РТ «суд обязан приостановить рассмотрения дела в случае смерти гражданина, если спорное правоотношение допускает правопреемство, или реорганизации юридического лица, или третьими лицами с самостоятельными требованиями, которые являются сторонами в деле», тогда как в силу ст. 225 ГПК РТ «суд прекращает рассмотрение дела если:-после смерти гражданина или ликвидации юридического лица, являвшегося одной из сторон по делу, спорное правоотношение не допускает правопреемство».

Таким образом, если умирает лицо, являющееся ответчиком, например, по делам о взыскании алиментов и о взыскании долга, то производство по первому делу будет прекращено, а по второму – приостановлено до вступления в судопроизводство правопреемника. При этом не будет иметь никакого значения рассматривались ли данные дела в одном производстве, путем соединения нескольких требований (ст. 154 ГПК РТ), либо это были совершенно различные производства.

Заметим, что вне зависимости от того, что одно и тоже основание – смерть стороны – для прекращения и приостановления производства по делу, последствий определений суда о прекращении производства по делу и о приостановлении производства совершенно различны, в частности прекращение производства по делу, в отличие от приостановления, исключает возможность последующего обращения в суд с тождественным требованием. При приостановлении производства из-за смерти гражданина возобновление производства возможно после определения правопреемника лица, участвующего в деле.

Аналогично гражданскому процессуальному законодательству регулирует последствия смерти и Закон РТ «Об исполнительном производстве» от 20 марта 2008 г. В силу ст. 30 указанного Закона «.. .Исполнительное производство прекращается в случаях:...-смерти взыскателя-гражданина или должника-гражданина, объявления его умершим, признания безвестно отсутствующим, если установленные судебным актом или актом другого органа требования или обязанности не могут перейти к правопреемнику или управляющему имуществом безвестно отсутствующего», тогда как ст. 23 того же Закона устанавливает, что «исполнительное производство подлежит обязательному приостановлению в случаях смерти должника, объявления его умершим или признания безвестно отсутствующим, если установленное судом правоотношение допускает правопреемство».

Очевидно, что законодатель в данном случае по непонятным причинам пропустил правовые последствия смерти должника по исполнительным документам, не связанным с устанавливаемыми судами правоотношениями, а также последствия смерти взыскателя, когда спорное правоотношение допускает правопреемство. Заметим, что ст. 220 ГПК РТ обязывает суд приостановить производство по делу при допущении правопреемства, как при смерти ответчика, так и истца, и даже третьего лица с самостоятельными требованиями на предмет спора.

По способу установления и юридического закрепления смерть является состоянием объективным. Она в обязательном порядке регистрируется в органах записи актов гражданского состояния.

В качестве основания юридической смерти выделяют:

1) наступление биологической смерти, удостоверенной медицинским работником;
2) вступление в законную силу решения суда, вынесенного в порядке ч. 2 ст. 269 ГПК РТ об установлении факта смерти в определенное время и при определенных обстоятельствах в случае отказа органов записи актов гражданского состояния в

регистрации смерти;

3) вступление в законную силу решения суда об объявлении гражданина умершим при установлении судом факта отсутствия человека и каких-либо сведений о нем в месте его проживания в течение трех лет;
4) вступление в законную силу решения суда об объявлении гражданина умершим при установлении судом факта, что человек пропал без вести при обстоятельствах, угрожающих смертью или дающих основание предполагать его гибель от определенного несчастного случая, и отсутствие самого человека в течение 6 месяцев;
5) вступление в законную силу решения суда об объявлении гражданина умершим при установлении судом факта, что человек пропал в связи с военными действиями, и отсутствие самого человека в течение одного года со дня окончании военных действий.

Следует обратить внимание, что с позиции права правовые последствия при всех основаниях юридической смерти равны, хотя факт реальной биологической смерти в последних трех случаях так, и не установлен, а объявление умершим произведено в порядке гражданского судопроизводства на основании ст. 281 – 285 ГПК РТ и ст. 46 ГК РТ. Кроме того, законодатель именно (и только) в последних трех случаях устанавливает возможные последствия явки или обнаружения места пребывания гражданина, признанного умершим (ст. 47 ГК РТ, ст. 285 ГПК РТ). К одним из таких обязательных последствий относится отмена судом вступившего в законную силу своего собственного решения об объявлении гражданина умершим путем принятия нового решения. Заметим, что это единственный случай, когда законодатель в рамках гражданского судопроизводства позволяет суду, принявшему решение, самому его и отменить, причем сделать это сразу новым решением (а не определением об удовлетворении заявления о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам, которое влечет за собой новое рассмотрение дела). Это новое решение становится основанием для аннулирования записи о смерти в книге государственной регистрации актов гражданского состояния, ведет к возврату сохранившегося имущества явившегося (обнаруженного) гражданина.

При этом перешедшее безвозмездно имущество возвращается безусловно, а полученное по возмездным сделкам возвращается только от лиц, которые знали, или предполагали о незаконности своего владения. Как видим, некая условность не только самой смерти, но и ее последствий (остающихся при этом равными с последствиями биологической смерти) при объявлении гражданина умершим по решению суда все-таки присутствует.

Являясь объективным правовым состоянием по способу установления и юридического закрепления, смерть с позиции юридической оценки одновременно представляет собой юридически нейтральное правовое состояние. Хотя, с точки зрения морали это нельзя утверждать. Так, самоубийство часто вызывает осуждение (особенно с позиции религии), гибель в результате несчастного случая – жалость. Если рассматривать смерть как юридический факт, то можно говорить о том, что она выступает в двух видах: в качестве юридического факта-события и юридического факта-действия. В первом случае наступление смерти напрямую не зависит от волеизъявления субъекта. Например, при наступлении естественной смерти человека, насильственной смерти, гибели в результате несчастного случая. Во втором, случае смерть является следствием реализации волеизъявления субъекта. Например, при суициде или эвтаназии [22; 23; 24; 25; 26].

Независимо от того, по какому из названных оснований наступила смерть, она всегда представляет собой явление постоянное. Правовые последствия смерти могут быть неопределенными во времени. Они могут быть краткосрочными и долгосрочными.

Примером краткосрочных последствий выступают обязанности государственных органов, связанных с оформлением соответствующих документов и погребением. О наличии долгосрочных последствий можно вести речь, когда, например, в завещании имеется положение об основании после смерти завещателя на его средства какого-либо постоянно действующего фонда, комитета по присуждению премий и т.п.

Рассматривая смерть с точки зрения права, нельзя обойти вниманием и то, что в некоторых случаях законодатель устанавливает безусловную обязательность следующих последствий (ч. 2 ст. 46 ГПК РТ): «все действия, совершенные до вступления правопреемника в процесс, обязательны для него в той мере, в какой они были бы

обязательны для лица, которое заменил правопреемник».

Принимая во внимание, что правопреемник заменяет в гражданском судопроизводстве умершее лицо, то фактически в этой норме обязательность действий для живущего субъекта сравнивается с обязательностью собственных действий для умершего.

Специфика человеческого тела и его частей (независимо от того, у живого или мертвого человека они изъяты) состоит еще и в том, что они всегда возникают в правовом смысле, как новые объекты, то есть не существовавшие ранее в таком качестве. В случае смерти человека можно говорить о появлении нового материального объекта в силу того, что ранее его тело существовало как живой организм, неотъемлемая часть его личности, нематериальное благо, после смерти же оно стало объектом совсем другого рода, утеряв прежнее назначение, и существует в ином качестве – как материальный предмет. Восприятие мертвого человека, как человека – сегодня скорее инерция сознания, базирующаяся на морально-этической и религиозной традиции. Однако эта естественная инерция играет сдерживающую роль: восприятие мертвого человеческого тела (в отличие от тела животного) как материального объекта и уж тем более как вещи, мысль об использовании его для удовлетворения потребностей живых людей и вопрос о праве собственности на него представляются кощунственными [16].

Прогресс в науке и медицине привел к тому, что части человеческого тела приобретают дополнительную ценность и по сравнению с той, что дана им от создателя. Это проявляется в следующем [16]:

- во-первых, части тела могут быть использованы другим человеком-реципиентом, у которого есть интерес получить орган для себя,
- во-вторых, части тела имеют и дополнительную ценность для того, кто желает передать часть своего тела, т.к. появляется возможность распорядиться частью своего организма.

Очевидно, что ценность органов человека с точки зрения общества состоит не столько в том, что ими задуманным природой образом пользуется человек, а в том, что они в принципе могут быть использованы другим человеком, поскольку существующие медицинские технологии позволяют осуществлять передачу органов от одного субъекта другому. Другими словами, налицо появление нового объекта в отношениях между людьми, а значит, и объекта правоотношений.

Представляется, что орган (ткань) становится объектом права после его отторжения от организма. Процесс присвоения вещи – органа или ткани – осуществляется в момент проведения хирургической операции или иного вмешательства. Именно тогда в физический объект (тело) вкладывается труд, и часть тела извлекается из естественной среды. Вне человеческого организма как единого целого, органы являются вещами индивидуально-определенными, т.к. они имеют индивидуальные отличительные признаки (вес, группа крови, степень «здоровья», возраст, генные характеристики ит.д.). Значит, изъятые из организма (отделенные) органы и ткани могут стать объектами права собственности.

На основании вышеизложенного можно сказать, что смерть является специфическим правовым состоянием, обладающим следующими особенностями и характеристиками:

1) с момента наступления смерти субъекта как такового нет. Однако при сохранении в законодательстве таких понятий, как «права умершего», «обязанности умершего» и т.п. субъект наделяется правом на имя, правами автора и др., что фактически является нонсенсом;
2) смерть представляет собой правовое состояние одностороннего характера – она создает права и обязанности для определенного круга субъектов права, кроме самого умершего;
3) для умершего человека смерть – абсолютный правопрекращающий юридический факт, для остальных субъектов права она может выступать одновременно (либо по отдельности) правопрекращающим, правообразующим и правоизменяющим юридическим фактом;
4) по способу установления и юридического закрепления смерть является объективным правовым состоянием;
5) по юридической оценке смерть – юридически нейтральное правовое состояние;
6) по времени – смерть относится к постоянным правовым состояниям.

Таким образом, становится очевидным, что

становление ценности человеческой жизни глубоко связано с развитием социальности. В связи с этим обращает на себя внимание ряд моментов. Во-первых, ощущение ценности жизни достаточно изменчиво и наиболее четко представлено, когда обеспеченность этой ценностью наименьшая. Следовательно, наибольшей значимостью жизнь обладает в ситуациях угрозы существованию, причем угрозы внешнего характера. Во-вторых, по мнению исследователей в одних случаях ценой жизни является смерть, в других случаях – бремя ответственности за каждый прожитый день, в третьих, – страдание.

В то же время, сейчас в общественном сознании намечается переход от культуры полезности к культуре незаслуженного достоинства. С позиций социальной антропологии человеческое достоинство, самоценность человеческой личности является абсолютным социальным приоритетом. Без сомнения, с низкой общественной оценкой жизни человека теснейшим образом связано и его собственное фаталистическое отношение, причем связь эта не причинно-следственная, а взаимообусловливающая.

В отличие от других правовых состояний, главной чертой смерти является то, что в момент ее наступления само существование субъекта права становится фикцией. Умерший человек прекращает существование, как элемент объективной реальности, как биологическое существо, однако остается частью реальности правовой.

Предлагается изменить правила, определяющие момент не только возникновения, но и прекращения правоспособности физических лиц. Исходя из содержания правоспособности, мы начинаем понимать, что со смертью – с физической смертью человека – жизнь его в правовом смысле не прекращается, так как могут наличествовать завещания, могут наличествовать договора. Еще одним фактором, свидетельствующим о продолжении правовой жизни (и, следовательно, правоспособности) умершего лица, должны рассматриваться закрепленные законом авторские права на созданные им произведения науки, литературы и искусства (кстати, в соответствии с действующим законодательством авторское право сохраняется на протяжении 50 лет после смерти автора).

Список литературы

1. Баранов В.М.. Сальников В.П., Бородин В.В. Правовое государство и язык закона: рецензия на монографию «Язык закона». – М., 1990. – 192 с. // Повышение правоохранительной активности граждан в обеспечении перехода к рынку: Межвуз. темат. сб. Ч. 2. – Н. Новгород, 1993. – С. 69-73.
2. Барсуков А.Ю. Правовой прогресс как юридическая категория: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2004.
3. Барулин В.С Социально-философская: антропология. Общие начала социально-философской антропологии. – М.: Онега, 1994.
4. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия «Наука и общество»).
5. Безрядин В.И., Сальников П.П., Шхагапсоев З.Л. Юридическое образование как социальная ценность гражданского общества и правового государства // Правовое поле современной экономики. – 2012. – № 1. – С. 35-42.
6. Боер В.М., Городинец Ф.М., Григонис Э.П., Сальников М.В., Янгол Н.Г. Правовое государство: реальность, мечты, будущее: Научное издание / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб.: Алетейя, 1999. – 256 с.
7. Вардомацкий А.П. Сдвиг в ценностном измерении // Социологические исследования. – 1993. – № 4. - С. 46-55.
8. Захарцев С.И., Сальников В.П. О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 2(3). – С 113-121.
9. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс – новая философско-правовая дефиниция // Мир политики и социологии. – 2016. – № 4. – С. 171-188.
10. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс и ценности права // Мир политики и социологии. – 2015. – № 9. – С. 17-31.

11. Захарцев С.И., Сальников В.П. Правовой прогресс: философский и философско-правовой подходы // Правовое поле современной экономики. – 2015. – № 1. – С. 13-30.
12. Зигель Ф.Ф. Право и прогресс. – Варшава: тип. Варш. учеб. округа, 1913. – 7 с.
13. Ионии Л. Г. Социология культуры. – М.: Логос. 1996.
14. Камю Л. Бунтующий человек: Философия. Политика. Искусство. Пер; с фр. – М.: Политиздат, 1990.
15. Лапшин В.Е. Смерть как правовое явление: Дис… канд. юрид. наук. – Владимир, 2005.
16. Лисаченко А.Б. Майфат А.В. Тело человека, его отдельные части как объекты правового воздействия (некоторые предложения для обсуждения) // Юридический мир. – 2002. – № 2. – С. 4-15.
17. Менглиев Ш. Возмещение морального вреда. – Душанбе: 1998.
18. Раянов Ф.М. Гражданское общество и правовое государство: проблемы понимания и соотношения: Монография. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 320 с.
19. Раянов Ф.М. Теория правового государства. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 272 с.
20. Сальников В. Конституция Российской Федерации как фундамент построения правового государства // Юридический мир. – 2005. – № 9. – С. 48-51.
21. Сальников В.П. Правовая культура и правовое государство // Ученые записки юридического факультета. – 1998. – № 3. – С. 7.
22. Сальников В.П., Старовойтова О.Э. Эвтаназия: за и против // Юридический мир. – 2005. – № 3. – С 42-48.
23. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Правовая танатология как составная часть биоюриспруденции // Юридическая наука: история и современность. – 2015. – № 1. – С. 32-38.
24. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Правовая танатология: место и роль в современной биоюриспруденции // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 69-77.
25. Сальников В.П., Кузнецов Э.В., Старовойтова О.Э. Право на смерть в системе соматических прав человека // Современное медицинское право в России и за рубежом: Сб. науч. тр., Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. правоведения; ИГП. Центр эколого-правовых исслед.; Центр адм.-правовых исслед.; Отв.ред.: О.Л. Дубовик, Ю.С. Пивоваров. – М.: ИГП РАН, 2003. – С. 339-360.
26. Сальников В.П., Кузнецов Э.В., Старовойтова О.Э. Правовая танатология: Научное издание / Под общ. ред. и со вступительной статьей В.П. Сальникова. – СПб.: Фонд «Университет», 2002. – 176 с. – (Серия: «Право и медицина»).
27. Сальников В.П., Романовская В.Б., Фомичев М.Н. Право и научно-технический прогресс: вместе или отдельно // Мир политики и социологии. – 2016. – № 2. – С. 175-193.
28. Сальников В.П., Ромашов Р.А., Сальников М.В. Теория правового государства (попытка современной интерпретации) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2002. – № 3(15). – С. 3-14.
29. Сальников В.П., Сальников М.В., Романовская В.Б., Романовская Л.Р. Национальная идея или правовое государство через призму национальных интересов // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 3(41). – С. 16-22.
30. Сальников М.В. Равноправие граждан перед законом и правовое государство // Вестник Удмуртского государственного ун-та. – 2000. – № 2.
31. Семитко А.П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. (Проблемы теории и методологии): Дис. ... докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 1996. – 288 с.
32. Смирнова Е.Р. Семья нетипичного ребенка: Социокультурные аспекты. – Саратов: Сарат. гос. ун-т, 1996.
33. Тагайназаров Ш.Т. Гражданско – правовое регулирование личных неимущественных прав граждан в СССР. – Душанбе: Дониш, 1990.
34. Трубецкой Е.М. Смысл жизни. – М.: Республика. 1994.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Юридическая наука: история и современность» публикует научные статьи и материалы различной экономико-правовой тематики, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности и аргументации выводов.

Редакция принимает к рассмотрению научные статьи на русском языке. Срок принятия решения о публикации – не более двух месяцев с даты регистрации рукописи.

Основанием для включения статьи в журнал является:

- положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционным советом журнала;
- для аспирантов дополнительно – отзыв-рекомендация научного руководителя;
- издательский договор с автором статьи;
- лицензионный договор о передаче прав на использование произведения автора;
- выполнение правил представления рукописей и требований к их оформлению.

Требования к оформлению статьи.

1. Электронный вариант статьи предоставляется в формате Word или RTF, кегль 14 «Times New Roman».
2. Бумажный вариант статьи предоставляется в двух экземплярах форматом А4, печать текста через полтора интервала.
3. Объем статьи – не менее 12 стр., но не более 18 стр. (до 40 000 знаков, включая пробелы); объем статьи для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – не менее 6 стр. 4. Рисунки встраиваются в формате BMP, диаграммы – в формате Excel, таблицы – в формате Word.
5. Аннотация статьи – на русском и английском языках (не более 1000 знаков, включая пробелы).
6. Ключевые слова – на русском и английском языках (не более 7).
7. Затекстовые ссылки (на русском и английском языках) оформляются в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Список литературы». Источники располагаются по алфавиту. Для связи затекстовых библиографических ссылок с текстом статьи используют знак отсылки, который приводят в виде цифр (порядковых номеров). Отсылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста документа, в отсылке указываются порядковый номер и страницы. Сведения разделяют запятой. Например:
   - в тексте: [7, стр. 15].
   - в затекстовой ссылке: 7. Бачинин В.А., Сальников В.П. Правовая реальность в контексте цивилизации и культуры. Методология причинного анализа: Монография / Под ред. В.П. Сальникова. – СПб: Фонд «Университет», 2005. – 224 с. – (Серия: «Наука и общество»).
8. Если автор считает необходимым привести ряд комментариев, то перед списком литературы необходимо создать раздел под заглавием «Примечания», в котором в порядке очередности будут указаны авторские уточнения или пояснения, обозначенные в тексте одной и несколькими (до трех) звездочками.
9. Специальные символы (например, греческие, древнерусские и другие редкие буквы) оформляются в виде картинки или сопровождаются шрифтами с данными символами.

К тексту статьи прилагаются данные об авторе:

1. Ф. И. О. автора (полностью на русском и английском языках).
2. Полное название (на русском и английском языках) организации, где работает автор, с указанием города, страны.
3. Почтовый адрес.
4. Контактный адрес: E-mail, телефон, факс.
5. Ученая степень и звание.

6. Основные направления научных исследований.

7. Специальность по Номенклатуре специальностей научных работников.

8. Для аспирантов и соискателей: научный руководитель (Ф. И. О., научная степень, ученое звание, должность).

Обязательными компонентами условий включения статьи в научный журнал являются:

- представление автором текста статьи и комплекта сопутствующих документов в строгом соответствии с вышеназванными требованиями, подтверждаемое получением регистрационного номера;
- подписание лицензионного договора;
- предварительная оплата автором научного рецензирования статьи (рецензентом, определяемым редакционным советом журнала).

Рукопись статьи направляется рецензентам после поступления на счет Издательства оплаты по договору на этот вид деятельности.

Печать статьи в порядке естественной очередности с предоставлением одного экземпляра ее оттиска при получении положительной рецензии производится для автора бесплатно. Оплата расходов за редактирование и полиграфию осуществляется за счет средств Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет».

В случае необходимости срочной публикации статьи Издательство может после получения положительной рецензии за отдельную плату реализовать определяемый автором ускоренный выход статьи в свет: один, полтора, два, два с половиной, три или три с половиной месяца после подписания журнала в печать.

В этом случае автор также компенсирует все затраты по выпуску его статьи. Автору предоставляется один экземпляр журнала с собственной статьей.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

По просьбе автора могут предоставляться дополнительные платные услуги:

1. Одно повторное рецензирование статьи, в случае неположительной первой рецензии.

2. Литературное редактирование.

3. Написание и перевод на английский язык текста аннотаций, перечня ключевых слов, затекстовых ссылок

4. Продажа дополнительных экземпляров журнала на льготных условиях.

5. Предоставление библиографического описания и электронной версии окончательного варианта статьи с указанием страниц в журнале сразу после появления оригинал-макета номера журнала.

Перечень обязательных и дополнительных услуг, а также полная стоимость публикации статьи в журнале определяется издательским договором.

Рукопись статьи и сопутствующие ей документы направляются на редактирование и в печать после поступления средств на счет по издательскому договору. Авторские гонорары не выплачиваются. Рукописи и сопутствующие материалы не возвращаются.

Материалы просим присылать по адресу:

Фонда поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет»
Редакция журнала «Юридическая наука: история и современность»,
198261, Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25, тел./факс: 8 (812) 755-56-58
E-mail: fonduniver@bk.ru

www.fonduniver.ru

Федеральная служба
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

СВИДЕТЕЛЬСТВО

О РЕГИСТРАЦИИ СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПИ № ФС77-40503 *от 01 июля 2010 г.*

Название *Юридическая наука: история и современность*

Адрес редакции *198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б*

Примерная тематика и (или) специализация *Научная; реклама не более 40 %*

Форма периодического распространения *журнал*

Язык(и) *русский*

Территория распространения *Российская Федерация*

Учредитель (соучредители) *Общество с ограниченной ответственностью "Образовательный центр «СоветникЪ" (198261, г. Санкт-Петербург, пр-т Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б)*

Заместитель Руководителя **Р.В. Шередин**

Начальник Управления разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций **М.Ю. Ксензов**

Настоящее свидетельство выдано в соответствии с Законом Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-1 "О средствах массовой информации".
Нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации влечет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

017612

Редактор О.П. Человечкова, к.ю.н.
Технический редактор Д.А. Ларин

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

2016, № 8

Выход в свет 10.08.2016. Формат 60 x 84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 18,5 уч.-изд. л.; 27,5 усл. печ. л. Тираж 500 экз. Заказ № 452.
Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет»

198261, Санкт-Петербург, пр. Ветеранов, д. 114, корп. 1, лит. Б
тел.: 8 (901) 370-00-25; E-mail: fonduniver@bk.ru